

Ц.Б. Будаев

ЛЕКСИКА
БУРЯТСКИХ
ДИАЛЕКТОВ

в сравнительно-
историческом
освещении

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Ц.Б. Будаев

ЛЕКСИКА
БУРЯТСКИХ
ДИАЛЕКТОВ
в сравнительно-
историческом
освещении

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск 1978

В работе впервые в монголоведении проведено исследование лексики бурятских диалектов в широком сравнительно-историческом аспекте. Дается характеристика бурятских диалектов, рассматриваются актуальные вопросы использования диалектизмов в литературном языке. Формирование и развитие лексики бурятских говоров показаны на богатом сравнительном материале.

Монография рассчитана на специалистов, занимающихся монгольскими языками, а также на преподавателей вузов и школ, журналистов и писателей.

Ответственный редактор
канд. филол. наук В.И.Рассадин

Б 70103-810 412-78
042(02)-79

© Издательство
"Наука", 197

Словарный состав бурятских диалектов до сих пор изучался в синхроническом плане, но не был предметом специального рассмотрения в диахроническом аспекте. Поэтому в настоящей работе обращается внимание прежде всего на исследование вопросов исторического развития лексики бурятских говоров.

При сравнительно-историческом изучении словарного состава диалектов монгольских языков, в том числе бурятского, встречаются серьезные трудности, связанные не столько со сложностью разработки лексикологических проблем вообще, сколько главным образом с отсутствием диалектологических и историко-этимологических словарей монгольских языков, с неразработанностью исторической лексикологии этих языков.

Основными источниками для разработки темы послужили современные бурятские говоры, лексический материал по которым собран нами в 1959 - 1974 гг. во время диалектологических экспедиций и научных командировок во все районы этнографической Бурятии; памятники монгольской письменности; фактические данные по другим монгольским языкам и диалектам, извлеченные из трудов советских и зарубежных монголоведов; диалектологические материалы, хранящиеся в рукописном отделе Бурятского филиала СО АН СССР, в архивах Москвы и Ленинграда.

Теоретическая основа наших изысканий - диалектологические исследования ведущих советских языковедов, достижения советских алтаистов-компаративистов и монголоведов.

Аспекты изучения данной темы обширны и многогранны. Предлагаемое исследование — первый опыт сравнительно-исторического рассмотрения словарного состава бурятских диалектов, начало большой работы в этом направлении.

Приношу искреннюю благодарность научным сотрудникам отдела языкознания Бурятского института общественных наук за ценные советы и замечания в процессе работы над рукописью книги.

ВВЕДЕНИЕ

Первые шаги в изучении бурятских диалектов были сделаны еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Прогрессивный акт вхождения Бурятии в состав России вызвал в свое время практический интерес к бурятскому языку. Им занимались прежде всего толмачи-переводчики, которые наряду с переводческой деятельностью составляли списки и словарики, содержащие небольшое количество бурятских слов. В частности, Иван Чемесов в 1773 г. составил списки западнобурятских слов под заглавием "Иркуцкой губернии перевод брацкого языка" и "Перевод разговора брацких иноверцев Иркутского уезду"¹.

В 1780 г. И. Г. Мойзель опубликовал трактат Ренье "Описание бурят"². В "Описании" содержится немецко-бурятский словарь, составленный Ренье в 1769 г. и включающий 200 бурятских слов и словосочетаний. Кроме того, в самом тексте трактата приведено 35 бурятских слов и выражений.

Немалую роль в изучении бурятских диалектов сыграла Академия наук. Так, в 1733 г. она снарядила большую научную экспедицию на Камчатку и в Сибирь. Экспедиция, продолжавшаяся в течение 10 лет, состояла из отдельных отрядов. В состав отряда, который занимался исследованием Сибири, входили члены Ака-

¹ Отд. рукописей Ленингр. публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, архив Аделунга, ф. 7, ед. хр. № 109.

² См.: Beiträge zur Erweiterung der Geischistkunde, hrsg von Iohann Georg Meusel. Theil 1. Augsburg, 1780, S. 176 u. a.

демии наук Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин и другие. В архивах Москвы и Ленинграда хранятся материалы, собранные участниками этой экспедиции. Например, в Ленинградском архиве Академии наук СССР имеется латинско-бурятский вокабуларий Г. Ф. Миллера³, где зафиксировано около 300 бурятских слов. Этот словарь — один из самых ранних материалов по разговорному языку бурят, собранных в результате экспедиционных изысканий, и представляет большой интерес для изучения прежде всего лексики бурятских диалектов в историческом аспекте.

Через 25 лет после возвращения сибирского отряда, в 1768 г., Академией наук была снаряжена вторая большая экспедиция под руководством академика П. С. Палласа, также достигшая значительных по тому времени научных результатов. Из трудов участников этой экспедиции наиболее ценной для изучения бурятского языка является работа Палласа "Сравнительные словари всех языков и наречий", изданная в двух частях в Санкт-Петербурге⁴. В ней помещено около 150 бурятских слов. Затем в 1790—1791 гг. издан в четырех частях "Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный"⁵, в который включено около 200 бурятских слов. Эти словари позволяют выявить некоторые звуковые и лексические изменения в бурятском языке за прошедшие 200 лет со времени регистрации данных словарных единиц. По справедливой оценке датского ученого В. Томсена, словарь Палласа, несмотря на неточности и ошибки, "при своем появлении возбудил значительное внимание и очень способствовал пробуждению еще большего интереса к лингвистическим занятиям"⁶.

³ Архив ЛО АН СССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. № 143.

⁴ См.: Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, ч. 1. Спб., 1787; ч. 2. Спб., 1789.

⁵ Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный, ч. 1—4. Спб., 1790—1791.

⁶ Томсен В. История языковедения до конца XIX в. М., 1938, с. 19.

В 40-х годах XIX в. М. А. Кастрен по поручению Академии наук предпринял поездку в Сибирь. В 1848 г. он посетил Бурятию и на основе собранных языковых материалов написал первую научную грамматику бурятского языка, которая вышла в свет на немецком языке в 1857 г.⁷ Грамматика была подготовлена к изданию академиком А. Шифнером. В основу своего исследования автор положил материалы нижеудинского, тункинско-горинского и селенгинского говоров бурятского языка. К работе приложен богатый сопоставительный материал из лексики указанных говоров, который, к сожалению, не был подвергнут лингвистическому анализу. Труд М. А. Кастрена, исполненный на высоком научном уровне того времени, до сих пор не утратил своего значения. По свидетельству академика Б. Я. Владимирцова, этот "блестящий труд Кастрена намного опередил монголоведные работы той эпохи"⁸.

В 1878 г. вышла в свет "Грамматика монголо-бурятского разговорного языка" А. Орлова⁹, в которой имеется ряд ценных и в отдельных случаях очень тонких замечаний по особенностям бурятского языка.

В 1887 г. на венгерском языке было напечатано "Краткое сообщение о северном бурято-монгольском диалекте" Габора Балинта. Как указывает в начале своей работы Г. Балинт, описание севернобурятского диалекта базируется в ней на тексте бурятского букваря Болдонова. Несмотря на ограниченность и письменный характер источника изучения, венгерский монголовед проделал значительную работу по характеристике западнобурятского диалекта¹⁰.

⁷ См.: Alexander M. Castrén's Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. Spb., 1857.

⁸ Памяти М. А. Кастрена. Л., 1927, с. 92.

⁹ См.: Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.

¹⁰ См.: Цыдендамбаев Ц. Б. О монголоведческих работах венгерского ученого Г. Балинта. — В кн.: О зарубежных монголоведческих исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968, с. 7—8. (Труды БИОН БФ СО АН СССР, вып. 10).

Указанные работы посвящены бурятскому языку в целом. Специальным трудом по бурятской диалектологии, вышедшим до революции, стало фундаментальное исследование русского монголиста А. Д. Руднева "Хори-бурятский говор"¹¹.

Планомерное и всестороннее изучение бурятских диалектов начато лишь в послеоктябрьский период. В годы Советской власти в Бурятской АССР организуются специальные научные учреждения для изучения, наряду с другими важнейшими вопросами, и проблем бурятского языка. Так, в 1922 г. был создан Бурятский ученый комитет (Буручком), из которого со временем вырос Бурятский филиал СО АН СССР. Буручком постоянно уделял внимание языковым проблемам. В 1929 г. Институтом культуры БМАССР и Институтом востоковедения Академии наук были организованы 2 экспедиции к аларским бурятам. В последующие годы отряды диалектологов работали среди агинских, эхирит-булагатских, баргузинских, хоринских, кабанских, тункинских и качутских бурят. Наблюдения участников диалектологических экспедиций отражены в ряде их опубликованных отчетов, статей и отдельных трудов¹².

¹¹ См.: Руднев А. Д. Хори-бурятский говор. Опыт исследования, тексты, перевод и примечания, вып. 1-3. Пг., 1913-1914.

¹² См.: Аларский говор, ч. 1. Л., 1930; Заметки о говоре агинских бурят. Л., 1932; Санжеев Г. Д. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. - "Мат-лы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР", Л., 1930, вып. 8; Он же. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", Улан-Удэ, 1939, вып. 1; Бертагаев Т. А. Заметки лингвиста о хоринском говоре. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", Улан-Удэ, 1936, № 1; Черемисов К. М. Заметки по бурят-монгольскому языку. III. Несколько замечаний о тункинском диалекте. - "Зап. БМ НИИЯЛИ", Улан-Удэ, 1941, вып. 3-4; и др.

Особенно широко исследование бурятских диалектов стало проводиться после Великой Отечественной войны. Изучены тунжинский, эхирит-булагатский, баргузинский, качутский, сартульский, цонгольский, хамниганский и байкало-кударинский говоры¹³.

Монографическое описание основных бурятских говоров дало возможность отделу языкознания Института общественных наук БФ СО АН СССР приступить к следующему этапу их исследования. С 1971 г. отдел начал собирать материалы для составления диалектологического атласа бурятского языка.

До Октябрьской революции и в первые послереволюционные годы бурятский язык изучался только со стороны звукового состава и грамматического строя. Научное исследование словарного состава бурятских говоров началось лишь в советское время. Т. А. Бертагаев изучал лексику бурятского и других монгольских языков в описательном плане. В 1935 г. он опубликовал статью "Западно-бурятский диалект на материале лексики"¹⁴, где словарь западного диалекта (в основном эхирит-булагатского и боханского говоров) рассматривался сравнительно с лексикой "восточного" диалекта (главным образом, селенгинского и агинского говоров) и халхаского разговорного языка. Автор отметил, что

¹³ См. Абашеев Д. А. Тунжинский говор. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965. (Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 17); Хомонов М. П. Боханский говор. - Там же; Раднаев Э. Р. Баргузинский говор. - Там же; Бураев И. Д. Сартульский говор. - Там же; Будаев Ц. Б. Цонгольский говор. - Там же; Матхеев Б. В. Очерки эхирит-булагатского говора. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1969; Митрошкина А. Г. Говор качутских (верхоленских) бурят. - Там же; Дамдинов Д. Г. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора. - Там же; Цыдендамбаев Ц. Б. Краткая характеристика говора кударинских бурят. - "Краткие сообщ. Ин-та народов Азии. Монголоведение и тюрколология", М., 1964, № 83.

¹⁴ См. в кн.: Академику Н. Я. Марру. ХIУ. М.-Л., 1935.

бурятский язык неоднороден и что западный диалект обладает богатством национальной формы и требует глубокого изучения, чтобы использовать его для нового языкового строительства. Важными причинами диалектных различий бурятского языка Т. А. Бертагаев считает наличие пережитков прежней родо-племенной обособленности, территориального, культурного и экономического разобщения западных и восточных бурят, а также влияние литературного монгольского языка на разговорную речь восточных бурят.

В работе Т. А. Бертагаева "К исследованию лексики монгольских языков"¹⁵ проведен сравнительно-статистический анализ словарного материала аларского, эхирит-булагатского, мухоршибирского, частично южноселенгинского и северноселенгинского говоров бурятского языка. Рассмотрены расхождения в словарном составе изучаемых говоров, все результаты даны в процентном выражении. При этом автор пользуется выборочным методом, широко распространенным в статистике.

Изучая лексический материал, Т. А. Бертагаев выявил дифференциальные группы слов: коррелятивную, деривативную и разностную. К коррелятивной группе им отнесены слова, существующие параллельно в разных языковых подразделениях в одном и том же значении, к деривативной группе — слова структурно одинаковые, но имеющие различные смысловые ответвления в разных языковых подразделениях. Разностной группой названы те слова, которые отсутствуют в каком-нибудь языковом подразделении. Этот труд представляет собой "первый опыт определения степени схождения и расхождения отдельных диалектов языка по данным лексики"¹⁶. В монографии Т. А. Бертагаева "Лексика современных монгольских литературных языков" в сравнительном аспекте описаны способы и

средства образования в них новых слов и сделана попытка осветить их теоретические основы¹⁷.

Влиянию русского языка на развитие бурятского посвящен ряд статей Т. А. Бертагаева, Ц. Б. Цыдендамбаева, Д. А. Алексеева, А. Н. Боржоновой и других¹⁸.

Вопросы развития терминологии в бурятском языке и лексических заимствований из русского рассмотрены в работах У.-Ж. Ш. Дондукова¹⁹.

В диалектологических исследованиях послевоенного периода специальное место отводится характеристике словарных особенностей тех или иных бурятских говоров сравнительно с лексикой литературного языка.

Итак, благодаря большим усилиям монголистов сделано немало в изучении бурятских диалектов и их лексики в синхроническом плане. Но предстоит сделать еще очень много, так как задачи диалектной лексикологии обширны. К ним относятся:

1) создание различных типов диалектных словарей (однодиалектных и многодиалектных, дифференциальных и полных и т.д.);

¹⁷ См.: Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). М., 1974.

¹⁸ См.: Бертагаев Т. А. О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке. — "Зап. Ин-та культуры", Улан-Удэ, 1935, вып. 1; Цыдендамбаев Ц. Б. Влияние русского языка на развитие бурятского. — "Труды БКНИИ СО АН СССР", Улан-Удэ, 1959, вып. 1; Он же. Об общественно-политической терминологии в бурят-монгольском языке. — "Сб. трудов по филологии", Улан-Удэ, 1948, вып. 1; Алексеев Д. А. Обогащение словарного состава бурят-монгольского литературного языка за советский период. — "Зап. БМ НИИК", Улан-Удэ, 1955, вып. 20; Боржонова А. Н. О взаимовлиянии бурятского и русского языков. Верхнеудинск, 1926.

¹⁹ См.: Дондуков У.-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке. Улан-Удэ, 1970; Он же. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ, 1974.

¹⁵ См.: Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961.

¹⁶ Уфимцева А. А. Лексикология. — В сб.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 244.

2) изучение словарного состава диалектов с точки зрения: а) его соотношения с лексикой литературного языка; б) его происхождения; в) сферы употребления; г) активного и пассивного запаса; д) стилистической и эмоционально-экспрессивной дифференциации и т. д.;

3) лингвогеографическое изучение лексики говоров;

4) исследование лексики диалектов как системы; выявление синтагматических и парадигматических связей в лексике говора: вариантных, синонимических, антонимических и других²⁰.

Для решения этих и многих других важных задач диалектной лексикологии требуются годы напряженного труда коллектива исследователей.

Основная цель данной монографии — освещение вопросов исторического развития словарного состава бурятских диалектов в тесной связи с историей их носителей.

В условиях Бурятской АССР изучение местных диалектов и их лексики имеет весьма актуальное научное и прикладное значение. Исследование словарного состава диалектов в диахроническом плане (наряду с данными фонетики и грамматики) поможет разработке истории бурятского языка, а также лингвистического обоснования некоторых проблем этногенеза бурятского народа. Изучение лексики говоров необходимо для решения важнейших проблем развития бурятского литературного языка, так как основным источником его обогащения служат местные диалекты. Исследование говоров и их лексики имеет важное значение также для преподавания бурятского языка в диалектных условиях и для более глубокого усвоения программы по родному языку в школах и вузах. "... Нельзя научить учеников правильно выражать свои мысли литературным языком и орфографически правильно писать, если преподаватель не дает себе ясного отчета в том, какие местные особенности могут отразиться в речи учащихся"²¹.

Изучение словарного состава бурятских диалектов имеет исключительное значение для лучшего овладения

²⁰ См.: Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, с. 14.

²¹ Кузнецов П.С. Русская диалектология. М., 1960, с. 6.

родным языком, ибо недостаточное знание диалектных различий, особенно в лексике, вызывает иногда немалые затруднения в общении носителей различных говоров. В связи с этим необходимо отметить, что для большинства бурятского населения БурАССР, Иркутской и Читинской областей родной язык остается более доступным и понятным, чем любой другой язык. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., 92,6% бурят, проживающих в нашей стране, считают бурятский язык родным. На родном языке люди быстрее и глубже усваивают необходимые идеи. Он служит лучшим средством наиболее быстрого приобщения народа к общественно-политической жизни, а также восприятия им единой по содержанию социалистической культуры. В современный период роль и значение родного языка в жизни народов, в развитии их культуры и просвещения все более возрастают. Владимир Ильич Ленин писал, что "национальные и государственные различия между народами и странами ... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе ..."²². В соответствии с этим новая Программа КПСС отмечает: "С победой коммунизма в СССР произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий, — значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней"²³. А значит и дальше будет развиваться, совершенствоваться наш родной язык, призванный содействовать дальнейшему расцвету социалистической по содержанию, национальной по форме культуры бурятского народа. Вместе с тем, в нашей многонациональной стране невозможно обойтись без средства межнационального общения, которым является великий русский язык. Поэтому в Программе КПСС отмечено, что "происходя-

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 41, с. 77.

²³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, с. 113.

щий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение"²⁴.

Значение диалектологических работ неизмеримо возрастает и в связи с тем, что представители старшего поколения, подлинные носители традиционного говора, по естественной причине уходят из жизни, унося с собой уникальнейшие языковые факты, представляющие огромную научную ценность. Кроме того, в связи с ускоренным процессом концентрации сельскохозяйственного производства (строительство на селе крупных промышленных комплексов, объединение колхозов, совхозов и т. д.), являющимся объективным и, безусловно, положительным фактором, исчезают специфические особенности диалектов. Эти обстоятельства настоятельно требуют от бурятоведов неотложной и целеустремленной работы по дальнейшему собиранию диалектологических материалов и исследованию традиционных говоров наряду с изучением и для изучения новых процессов, происходящих в современном бурятском языке, так как, не зная прошлого, нельзя понять настоящего и будущего. Как учил В. И. Ленин, мы должны "не забывать основной исторической связи, смотреть на вопрос с точки зрения того, как известное явление возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"²⁵.

²⁴ Там же, с. 115.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 67.

Глава 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ БУРЯТСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Процесс образования бурятских диалектов происходил в разное время и в различных исторических условиях. Археологические, антропологические и другие данные говорят о том, что "история сложения бурятского народа, как и всякого другого народа, охватывает многие сотни и даже тысячи лет. Ее истоки уходят в темные глубины прошлого"¹. Такой же длительный исторический путь прошел бурятский язык - от племенных диалектов до языка бурятской социалистической нации.

Традиционные или собственно бурятские говоры (хоринский, эхирит-булагатский и др.) сложились очень давно, главным образом на основе ранних протобурятских диалектов. Протобурятские племена бурет (позднейшее булагат) и хоро (позднейшее хори) стали обособляться от древних монголов "еще в тюркский период их истории, то есть в У-ХП веках, о чем свидетельствуют тотемные названия тех времен, дошедшие до нас в виде родовых и племенных этнонимов и эпонимов ... Группа же эхиритских родов, состоявших в прошлом из тюрков и частично протобурят, ... была обурачена булагатами. Таковы три основных, условно говоря, племени, положивших начало этническому выделению бурят"².

¹ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1. Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1951, с. 78.

² Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с. 643.

Персидский историк Рашид-ад-дин в числе монгольских племен XII в. называет хори-туматов, икиресов, булагачинов (предков современных хоринцев, эхиритов и булагатов). Самое раннее упоминание о северномонгольских, или протобурятских, племенах, которые с давних времен обитали в основном вокруг Байкала, относится к XIII в. Так, в монгольской хронике 1240 г. — "Сокровенном сказании" упоминается о хори-туматах, бурятах и других племенах: "В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам ... Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханхасов и Тубасов, Чжочи подступил к Ту-Тумен-Киргизам"³. Далее: "Борохул же был послан против Хори-Туматского племени"⁴ и т. д.

Начиная со второй половины XVII в. в Забайкалье переселилась часть монгольских племен (цонголы, сартулы, узоны, хатагины, атаганы и др.). Трудовое население Монголии "бежало от маньчжурского ига, а вместе с тем от монгольских ханов, князей и тайшей, уходя в пределы Русского государства"⁵. Эти многочисленные представители монгольских племен приняли участие в формировании бурятской народности и ее языка. С этого времени начинается образование южноселенгинских говоров бурятского языка. Сначала это были говоры халхаского типа, но вскоре они отошли от своего исходного диалекта. К ним близок хамниганский говор. Носители его — выходцы из Внутренней Монголии начали переселяться в Забайкалье с XVII столетия и в настоящее время "представляют собой слившуюся из различных тунгусских и монгольских элементов этническую группу"⁶. Цонгольский, сартульский и хамни-

³ Козин С. А. Сокровенное сказание. М.—Л., 1941, с. 174.

⁴ Там же, с. 175.

⁵ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 101.

⁶ Ураи-Кёхальми К. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган. — "Краткие сообщ. Ин-та народов Азии. Монголоведение и тюркология", М., 1964, 83, с. 161.

ганский говоры сохраняют черты, свойственные собственно монгольскому языку, но в то же время подверглись значительному влиянию со стороны традиционных бурятских диалектов, особенно восточных, и обладают таким своеобразием, которое присуще только этим говорам.

В том же XVII в. в Забайкалье откочевывает часть добайкальских бурят — предки нынешних бичурских и кяхтинских ашебагатов, красночикойских харанутов, а также баргузинцев и байкало-кударинцев. Несколько позже, в XVIII в., сюда из Добайкалья переселились другие группы бурят: селенгинские шестиродцы, джидинские алагуевцы, а также тункинские и окинские буряты (от них отделились закаменцы). На новом месте часть добайкальцев, живущая компактно, образовала самостоятельные языковые подразделения (северноселенгинский, тункинско-окинский и закаменский говоры). Отдельные группы западных бурят ассимилировались с количественно превосходящим их местным населением: джидинские (инзагатуйские) алагуевцы — с сартулами, кяхтинские (ульзетуйские) ашебагаты, южноселенгинские (поворотские) харануты — с цонголами и т. д. В первой половине XIX столетия агинские буряты были выделены в самостоятельное ведомство, независимое от хоринского управления, и образовали со временем особый подговор хоринского говора. Приведем некоторые примеры образования бурятских диалектов.

Северноселенгинский говор распространен к северу от Ново-Селенгинска — в селах Бургастай, Сутой, Тухум, Тахой, Арбузово, Жергалантуй, Харгана, Оронгой, Хурамша, Иволга и др. Данный говор образовался в результате переселения сюда части эхиритских и булагатских родов из Добайкалья. В указанных выше селах и сейчас можно встретить представителей родов олзон, шоно, абзай, хурамша, алагуй, муруй и других. Кроме того, на территории распространения северноселенгинского говора (Тухум, Сутой и т. д.) издавна живут сравнительно немногочисленные монгольские роды. Северные селенгинцы тесно контактируют с сартулами и цонголами с запада, с хоринцами с востока. Эти и другие факторы наложили свой отпечаток на специфику говора северных селенгинцев. Он вобрал в себя черты

всех трех групп бурятских говоров (западных, восточных и южных), а также развил свои специфические особенности. При этом в речи северных селенгинцев значительно преобладают признаки, характерные для восточнобурятских говоров, особенно в области фонетики и морфологии. Поэтому северноселенгинский говор относится к восточнобурятскому наречию. Таким образом, в результате переселения части носителей эхиритбулагатского говора в Забайкалье и контактирования их с восточными и южными бурятами здесь образовался качественно новый диалект — северноселенгинский говор восточного наречия.

В Красночико́йском районе Читинской области в селах Шергальжин, Тулхутуй и Семиозерье живут в основном представители харанутского рода, мигрировавшие также из Добайкалья. Изучение диалекта красночико́йских харанутов показывает, что в результате переселения части носителей западнобурятских говоров, в частности аларо-унгинцев, и контактирования их с восточными и южными бурятами образовался новый диалект. Он сохранил некоторые особенности исходного, аларо-унгинского, говора, вообрал в себя многие черты восточнобурятского и отчасти южнобурятского наречия, а также приобрел свои специфические признаки. В красночико́йском диалекте преобладают признаки, свойственные восточнобурятским говорам, особенно в области морфологии и фонетики. В лексике он имеет больше соответствий с южнобурятскими говорами. Но различия между диалектом красночико́йцев и южнобурятским наречием в морфологии и фонетике, особенно наличие фарингального h (вместо с), шелевых ж, з, с, ш (вместо южнобурятских аффрикат) и т. д., значительно сближают этот диалект с восточнобурятскими говорами, в частности с хоринским.

Подобным же путем образовался диалект других выходцев из Добайкалья — алтайских ашебагатов, живущих ныне в с.Алтай Кяхтинского аймака Бурятской АССР. Это в основном бывшие кудинские буряты, переселившиеся на нынешнюю территорию в период войн Галдана-Бошогту. В результате долголетнего и тесного контакта с цонголами диалект алтайских ашебагатов

подвергся сильному влиянию со стороны цонгольского говора, став подговором последнего⁷.

Таким образом, в результате миграции отдельных групп монголоязычного населения и последующего их взаимодействия с носителями близкородственных диалектов на территории этнографической Бурятии (в частности, в Забайкалье) образовались новые языковые подразделения, например южнобурятское наречие (цонгольский, сартульский, хамниганский говоры), отпочковавшаяся от собственно монгольского языка, северноселенгинский говор восточного наречия, красночико́йский подговор хоринского говора, алтайский подговор цонгольского говора и др.

Весьма положительную роль в формировании бурятской народности сыграл исторический акт присоединения Бурятии к Российскому государству. Отныне бурятские племена избавились от частых набегов иноземных правителей, от межплеменных и межродовых распри и могли жить и развиваться свое хозяйство в более спокойной обстановке. "Крепнут экономические и культурно-бытовые связи между территориальными группами. Складываются более устойчивые, чем прежде, территориальные объединения. Все это способствует завершению консолидации бурятских племен в единую народность"⁸.

В годы Советской власти язык бурятской народности превратился в язык бурятской социалистической нации с его высшей формой — литературным языком. Национальный язык бурят сложился благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей необходимые условия для его развития: буряты обрели свою социалистическую государственность, экономическую и культурную целостность; бурное развитие получили литература и искусство, наука и культура; организована широкая сеть школ с преподаванием на родном языке.

⁷ Подробнее см.: Будаев Ц. Б. Диалект алтайских ашебагатов. — В кн.: Филологические записки. Улан-Удэ, 1973. (Труды БИОН БФ СО АН СССР, вып. 19).

⁸ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 113.

Современный бурятский язык развивается и в литературной форме, и во всем многообразии своих диалектов. Последние и ныне являются основным средством устного общения бурят, особенно в сельской местности.

Следует отметить, что в отношении классификации диалектов бурятского языка у лингвистов нет единого мнения. Одни выделяют в нем 2 наречия (или диалекта), другие – 3 или 4, третьи – более 10. При этом термины, обозначающие те или иные языковые подразделения, в монголоведной литературе употребляются в разных значениях. Некоторые языковеды термин "диалект" используют в значении совокупности говоров, характеризующейся общими для них чертами, но меньшей, чем наречие. В таком понимании в состав одного наречия может входить несколько диалектов. Другие лингвисты употребляют термины "наречие" и "диалект" в синонимичном значении. Одни языковеды считают говор самой мелкой разновидностью языка, другие же делят говор на подговор и т. д.⁹

В данной работе термины "диалект", "наречие", "говор" и "подговор" используются нами в следующих значениях. Наречие – самая крупная разновидность языка, объединяющая в себя группу говоров с общими языковыми признаками. Говор является частью наречия и обладает своими специфическими чертами, отличающимися от других говоров. В состав некоторых говоров входят подговоры, имеющие свои специфические особенности. Термин "диалект" употребляется нами как разновидность языка вообще (в значении наречия, говора и подговора).

А. Орлов в своей "Грамматике" делит бурятский язык на два наречия: "монгольское", или "селенгинское", куда включает говоры селенгинцев и частью нерчинцев, и "бурятское", или "балаганское", куда причисляет говоры всех остальных бурят (хоринских, баргузинских,

⁹ См.: Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961; Он же. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961; Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1. М., 1953; и др.

тункинских, аларских, идинских, кудинских, верхоленских и ольхонских)¹⁰. А. Д. Руднев упоминает также о двух бурятских наречиях: южном (или забайкальском) и северном (или добайкальском)¹¹.

Т. А. Бертагаев пишет, что "разговорный язык бурят распадается на три основных диалекта, или наречия: восточный диалект, или наречие, забайкальских бурят, западный диалект, или наречие, предбайкальских бурят, и, наконец, нижнеудинский диалект, или нижнеудинское наречие, которое несмотря на небольшое количество говорящего на нем населения, настолько самообытно по своим лингвистическим данным, что несомненно находится на уровне особого диалекта, даже наречия"¹². Однако наши наблюдения не дают основания выделять нижнеудинский говор как "особый диалект, даже наречие", ибо он является по сути таким же говором, как и все другие западнобурятские. Особенно близок он к аларо-унгинскому говору. Д. А. Алексеев говорил о наличии в бурятском языке 10 или 11 диалектов (очевидно, под термином "диалект" здесь подразумевается говор): хоринский, селенгинско-иволгинский, цонголо-сартульский, кабанский, баргузинский, тункинский, эхирит-булагатский, аларо-унгинский, боханский и нижнеудинский¹³. Г. Д. Санжеев считает, что в бурятском языке имеется ориентировочно "около тринадцати диалектов, которые, в свою очередь, делятся на большее или меньшее количество мелких говоров"¹⁴, и предлагает следующую классификацию: 1) хо-

¹⁰ См.: Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878, с. У1-УП.

¹¹ См.: Руднев А. Д. Хори-бурятский говор. Опыт исследования, тексты, перевод и примечания, вып. 1. Пг., 1913, с. 5; вып. 3. Пг., 1914, с. 124.

¹² См.: Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка, с. 3.

¹³ См.: Алексеев Д. А. О "территориальных" диалектах бурят-монгольского языка. – "Мат-лы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского языка", Улан-Удэ, 1955, с. 82-93.

¹⁴ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, с. 13.

ринский диалект с агинским говором; 2) цонгольский, или цонгольско-сартульский; 3) селенгинский (несакаяющий); 4) кабанско-баргузинский диалект, разделяемый на кабанский и баргузинский говоры; 5) тункинский; 6) окинский; 7) нижеудинский; 8) унгинский; 9) аларский; 10) боханский; 11) эхиритский; 12) булагатский¹⁵.

Дальнейшее исследование бурятских диалектов внесло некоторые уточнения в их классификацию. Так, Ц. Б. Цыдендамбаев подразделяет бурятский язык на 4 территориальных диалекта (или наречия) – добайкальский (или западный), прибайкальско-сааянский (или промежуточный), хоринский (или восточный) и селенгинский (или южный) – и делит их на говоры. К добайкальскому диалекту (или наречию) он относит эхирит-булагатский, боханский, аларо-унгинский и нижеудинский говоры; к прибайкальско-сааянскому диалекту баргузинский, байкало-кударинский, тункинско-окинский и закаменский; к восточному – собственно хоринский, агинский, тугнуйский и условно иволгинско-оронгойский говоры. В состав южного диалекта включены цонгольский, сартульский и предположительно хамниганский говоры¹⁶.

Таким образом, классификация бурятских диалектов носит пока ориентировочный характер. Очевидно, это неизбежно при нынешнем состоянии их изученности. В результате исследования бурятских говоров новым, лингвогеографическим методом будет дана, несомненно, наиболее точная их классификация.

В работах Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева, Д. А. Алексеева, Ц. Б. Цыдендамбаева и других содержатся ценные данные о тех или иных особеннос-

¹⁵ См.: Там же, с. 42.

¹⁶ См.: Цыдендамбаев Ц. Б. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке. – "Труды БКНИИ СО АН СССР. Сер. востоковедения". Улан-Удэ, 1960, вып. 3, с. 111-117; Он же. Некоторые итоги и дальнейшие задачи изучения бурятских говоров. – В кн.: Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал, 2-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1962, с. 337.

тях бурятских говоров¹⁷. Исследователи справедливо отмечают, что при классификации диалектов необходимо обращать внимание не только на их фонетические и морфологические признаки, но и на лексические.

Учитывая опыт изучения бурятских диалектов за предыдущий период, и на основе материалов, собранных в последние годы, в бурятском языке можно выделить три наречия: западнобурятское, восточнобурятское и южнобурятское (с соответствующими говорами, иногда подговорами).

Западнобурятское наречие охватывает северную и западную части этнографической Бурятии: Иркутскую область и Тункинский, Закаменский, Окинский, Баргузинский, Кабанский аймаки Бурятской АССР. К нему целесообразно отнести следующие говоры: нижеудинский, аларо-унгинский, боханский, эхирит-булагатский (с ольхонским подговором), качугский, баргузинский, байкало-кударинский, тункинско-окинский и закаменский.

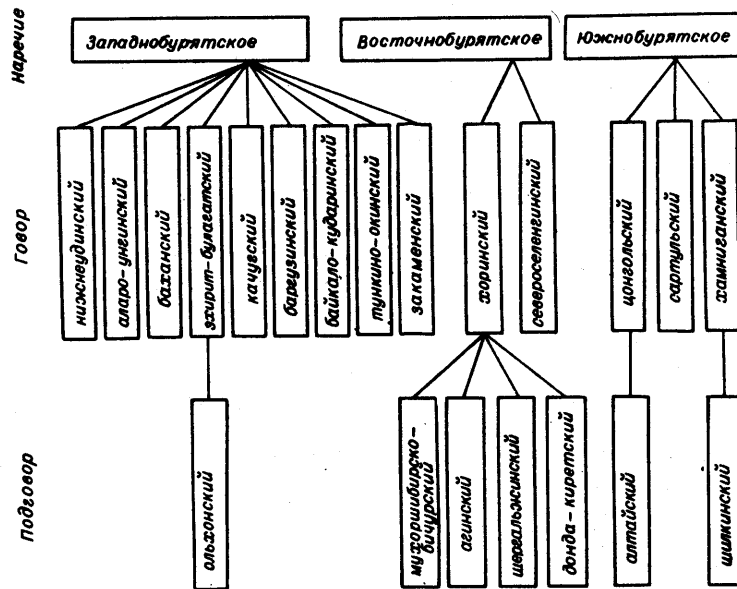
Восточнобурятское наречие распространено в северо-восточной и восточной части этнографической Бурятии; в Читинской области (кроме районов с хамниганским населением) и в Еравнинском, Хоринском, Кижингинском, Заиграевском, Мухоршибирском, Бичурском, Улан-Удэнском сельском аймаках, а также в северо-восточной части Селенгинского аймака Бурятской АССР. Оно охватывает хоринский (с мухоршибирско-бичурским, агинским, шергальжинским и донда-киретским подговорами) и северноселенгинский говоры.

Южнобурятское наречие занимает в основном южную часть этнографической Бурятии: Джидинский, Кяхтинский аймаки, юго-западную (сакаяющую) часть Селен-

¹⁷ См.: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1; Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков; Алексеев Д. А. Диалекты бурят-монгольского языка. – "Учен. зап. Ленингр. ун-та", 1949, № 98. Сер. востоковед. наук, вып. 1; Он же. О "территориальных" диалектах бурят-монгольского языка"; Цыдендамбаев. Некоторые итоги и дальнейшие задачи изучения бурятских говоров; и др.

гинского аймака БурАССР, а также Акшинский, Кыринский, Дульдургинский, Карымский, Шилжинский районы Читинской области. В него можно включить цонгольский (с подговором алтайских ашебагатов), сартульский и хамниганский (с подговором шилжинских или северных хамниган) говоры.

Схематически классификацию диалектов бурятского языка можно изобразить следующим образом:

Такое деление бурятских диалектов основано на их фонетических, морфологических и лексических данных.

Наречия бурятского языка, наряду с общими для них чертами, обладают своими специфическими особенностями, характерными для каждого из них, а также признаками, отличающими одно наречие от двух других.

Особенности звукового состава. Каждое бурятское наречие имеет свои специфические звуки. Так, в консонантизме западнобурятского наречия (в речи эхиритов и булагатов) в анлауте некоторых слов употребляется среднеязычный шелевой й вместо переднеязычного плоскошелевого ж в восточнобурятском, аффрикаты дж в южнобурятском наречиях: зап.-бур. йа-бар – хиус, йолоо – повод, йил – год. Ср. вост.-бур. жавар, жолоо, жил; юж.-бур. джавар, джолоо, джил.

В эхирит-булагатском и некоторых других западнобурятских говорах в абсолютном начале отдельных лексических единиц встречается также й вместо з в восточном наречии (где з иногда чередуется с ж) и аффрикаты дз в южном наречии, например: эх.-бул. йүһэхэ (ср. ал.-унг. зүһэхэ), вост.-бур. зүһэхэ и жүһэхэ, юж.-бур. дэүскэ – резать; эх.-бул. йүһэн (ср. ал.-унг. зүһэн), вост.-бур. зүһэн и жүһэн, юж.-бур. дэүсэ – масть, эх.-бул. йаһаха (ср. ал.-унг. заһаха, вост.-бур. заһаха, юж.-бур. дэасха – ремонтировать).

В начале некоторых слов в западнобурятском наречии употребляется плоскошелевой согласный ш, в восточнобурятском – круглошелевой с, в южнобурятском – аффриката ц, например: зап.-бур. шабшаха – косить, рубить, шэхэ – прямо. Ср. вост.-бур. сабшаха, сэхэ, юж.-бур. цабчиха, цэхэ.

В начале слова, употребляющегося в значении "плавать", для западнобурятского говора характерно употребление звука т (тамарха), для восточнобурятского – һ (һамарха), южнобурятского – с (самарха).

В середине некоторых лексем в западнобурятском наречии произносится фарингальный һ, в восточнобурятском – переднеязычный д, в южнобурятском наречии – круглошелевой с: зап.-бур. өлһэхэ, вост.-бур. үлдэхэ, юж.-бур. үлүскэ – проголодаться, ср. ст.-монг. елүску, зап.-бур. боһохо, вост.-бур. бодохо, юж.-бур. боско – вставать, ср. ст.-монг. боску.

При словоизменении конечный д основы в восточном наречии сохраняется, в южном наречии переходит в звук с, в западном – в фарингальный һ: вост.-бур. бураядууд – буряты, бураядаар – по-бурятски, огородоэ – огорода,

огороодоор – огородом; ср. соответственно юж.-бур. бураэсууд, бураэсаар, огороосы, огороосоор; зап.-бур. бураэһууд, бураэһаар (от основы буряад или бураэд), огорооһооз, огорооһоор (от основыогороод).

Таким образом, в южнобурятских говорах исторический с сохраняется, тогда как в западнобурятском наречии вместо него более употребителен h, в восточнобурятском – д.

В западнобурятских говорах употребляется краткий гласный е как самостоятельная фонематическая единица, отличающаяся от у, например: эх.-бул. элдехе – проголодаться и улдэхэ – гнать, херехе – остывать, хурэхэ – достигать, ере – долг и урэ – плод. Западнобурятские говоры сохранили, таким образом, фонологическую оппозицию фонем е – у, некогда существовавшую в раннем общемонгольском языке. В хоринском говоре звук е не является самостоятельной фонемой, отличной от у¹⁸: хор. хурэхэ – 1) достигать; 2) остывать. В цонгольском и сартульском говорах южнобурятского наречия вместо краткого е произносится в первом слоге звук у, в следующих слогах – ненапряженные или редуцированные у, е: цонг., сарт. убугэн – старик, тумур или тумэр – железо; удур или удер – день, вместо зап.-бур. эбэгэн, темэр, едер и вост.-бур. убэгэн, тумэр, удэр.

Кроме этих звуков, составляющих специфику каждого наречия, обнаруживаются такие фонетические явления, которые отличают одно наречие от двух других.

Самый характерный фонетический признак восточного и западного наречий бурятского языка – наличие в них фарингального h, отсутствующего в южнобурятском наречии и во всех остальных монгольских языках. Но этот звук в восточнобурятских говорах употребляется последовательно, в западнобурятских – не всегда последовательно. Так, в баргузинском, байкало-кударинском, нижнеудинском и частично в аларо-унгинском,

¹⁸ См.: Бертагаев Т. А. Заметки лингвиста о хоринском говоре. – "Зап. БМ НИИЯЛИ", Улан-Удэ, 1936, № 1, с. 6–7; Санжеев Г. Д. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори. – "Зап. БМ НИИЯЛИ", Улан-Удэ, 1939, вып. 1, с. 11.

боханском, эхирит-булагатском говорах звук h реализуется по-разному (как г, х, h, сверхслабый h̄), иногда он совершенно выпадает. Например, из уст одного и того же носителя баргузинского говора можно слышать гутуһун (или гутууһан, гутуһуун), гутуһун, гутуун, гутуун – обувь. Подобной неустойчивостью этого звука характеризуется говор байкало-кударинских бурят¹⁹. В байкало-кударинском, иногда в аларо-унгинском и нижнеудинском говорах вместо фарингального h встречается заднеязычный звук х (наряду со сверхслабым х̄), например: нижнеуд. хуугты – садитесь, хара – месяц, хун'э – ночь, ихэн – копать (вм. иһэн). Как видно из примеров, заднеязычный х (вм. h) используется не только в начале, но и в середине слов.

Весьма любопытно, что в нижнеудинском говоре вместо фарингального h иногда употребляется заднеязычный г (в смычном и щелевом оттенках). Так, в с. Кушун Нижнеудинского района нами зарегистрированы слова оогор (вместо ожидаемого ооһор) – ремешок, шэнэгэн (вм. шэнэһэн) – лиственница, шэрбэгэн (наряду с шэрбэһэн) – жилы (в слове шэнэгэн нами отмечен щелевой оттенок, в слове шэрбэгэн – смычный оттенок г). Уроженец с. Муңгу-Булух Нижнеудинского района Н. Е. Коногоров (1907 г. рождения, кара-коршунского рода), переселившийся в 1964 г. в с. Тадхал-Онгой Нукутского района, произносит звук г вместо h чаще, чем нынешние жители названного села Нижнеудинского района. У него записаны нами такие примеры: угун (вместо ожидаемого уһун) – вода, ноогон (вм. нооһон) – шерсть, угун (вм. уһун) – волосы, убугун (вм. убуһун) – сено, нарган (вм. нарһан) – сосна, кугун (вм. куһун) – береза, анзаган (вм. анзаһан) – соха, дабаган (вм. дабаһан) – соль (но в то же время в слове загаһан – рыба – он произносит h), маньдяган (вм. маньдяһан) – лук, аргаяа зүгүжү (вм. арһаяа зүһүжү) – резать кожу скота, күдүгүн годогон (вм. күдүһүн годоһон) – меховые унты и т. п.

¹⁹ См.: Цыдендамбаев Ц. Б. Краткая характеристика говора кударинских бурят. – "Краткие сообщ. Ин-та народов Азии. Монголоведение и тюркология", М., 1964, № 83, с. 65.

Восточнобурятскому наречию свойственно последовательное использование h: hapa – месяц, yhэн – волосы, нарһан – сосна.

В южнобурятском наречии (в том числе в говоре олонских хамниган) употребляется общемонгольский щелевой с, например: самар – орех, тосо – масло, сүүдэр – тень, унэс – зола. В подговорах алтайских ашебагатов и шилкинских хамниган, относящихся к южнобурятским говорам, наряду с общемонгольским с встречается фарингальный h, но для южнобурятского наречия в целом употребление последнего не характерно. Наличие h у алтайских ашебагатов и шилкинских хамниган связано с тем, что первые являются выходцами из Добайкаля, вторые – в основном эвенками по происхождению, принявшими монгольский язык. Об этом свидетельствуют их устные предания и языковые данные. Как известно, в исходных для алтайских ашебагатов и шилкинских хамниган говорах (западнобурятских и эвенкийских) употребляется звук h.

Кроме h, в западнобурятском и восточнобурятском наречиях употребляются щелевые ж, з, с, ш вместо южнобурятских аффрикат дж, дз, ц, ч: зап.-бур., вост.-бур. жэрхи – бурундук, гунжан – трехлетняя самка крупных животных, хожом – после, зүүн – иголка, зузаан – толстый, хазаар – узда, зөөлэн – мягкий, сэсэг – цветок, сагаан – белый, хасар – щека; шарга – сани, шоно – волк, ашаа – воз. Ср. соответственно юж.-бур. джирхэ, гунджа, ходжим, дзүү, дзудзаан, хадзаар, дзөөлөн, цэцэг, цагаан, хацар, чарга, чоно, ачаа.

Можно отметить весьма любопытный факт, что в хоринском говоре в определенных фонетических позициях (например, непосредственно после л, н) иногда встречаются аффрикаты: хор. уулдзаха – встречаться, гандзага – торока, андзаһан – соха, бубөөльджин – удод (с. Ашанга Хоринского аймака), хандза – железный сундук (с. Кульский Станок Хоринского аймака), аг. тончуул – дятел, булчан – икра ноги, унцэг – обух топора (с. Цаган Челутай Агинского национального округа). Но наличие аффрикат не характерно для восточнобурятского наречия в целом.

Переход общемонгольских аффрикат дж, дз, ц, ч в щелевые ж, с, ш в восточнобурятских и западнобу-

рятских говорах связан, по-видимому, с тенденцией к ослаблению участков напряжения, так как "произношение аффрикат требует затраты больших усилий по сравнению с произношением простых согласных. Очевидно, только этим можно объяснить наблюдаемую в различных языках тенденцию к упрощению и устранению аффрикат" 20. Но в разных языках и диалектах эта тенденция проявляется по-разному.

В восточных и западных говорах в интервокальном положении вместо исконного г произносится звук х: зап.-бур., вост.-бур. хухалха – сломать, хахалха – расколоть, дохолхо – хромать, тохорюун – журавль, түхэрээн – круглый. Ср. соответственно юж.-бур. хугулхо (< ст.-монг. кугулжу), хагалха (< ст.-монг. кагалку), доголхо (< ст.-монг. догулжу), тогорюу (< ст.-монг. тогуригун), түгөр'өөн (< ст.-монг. төгүриг). Исконный г сохранился также в халха-монгольском и калмыцком языках: халх. хугалах, хагалах, доголох, тогоруу, төгрөг; калм. хуһлх, хаһлх, доһлх, тоһрун, төһрг. В собственно бурятских говорах в результате общей тенденции ослабления артикуляции согласных раннемонгольский сильный г перешел в слабый х.

С другой стороны, в западнобурятском и нередко в восточнобурятском наречиях в интервокальной и в некоторых других позициях рядом с сонорными сохранились раннемонгольские смычные б и г, тогда как в южнобурятском наречии в результате ослабления смычки они перешли в слабые щелевые в и г, например: зап.-бур. и вост.-бур. дабаһан – соль, гурбан – три, загаһан – рыба, тэргэ – повозка, телега. Ср. соответственно юж.-бур. давас (< ст.-монг. дабасун), гурва (< ст.-монг. гурбан), дзагас (< ст.-монг. джигасун), тэргэ (< ст.-монг. тэргэн). В халха-монгольском языке используется сверхслабый оттенок в, при произнесении которого губы почти не смыкаются: халх. давас, гурва.

В традиционных бурятских говорах палатализация встречается чаще, чем в южнобурятском: зап., вост. зар'аа (< ст.-монг. джарийа) – ёж, ор'оохо (< ст.-монг. орийаку) – обвертывать, м'ахан (< ст.-монг. ми-

20 Серебрянников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 131.

хан) - мясо. Ср. соответственно юж.-бур. дэараа, ороэхо, маха.

В западнобурятском и южнобурятском наречиях сохранилось раннемонгольское звуко сочетание Г + С + Г, а в цонгольском и сартульском говорах (и в исходном для них халха-монгольском языке) из данного комплекса образовались долгие гласные: зап.-бур., вост.-бур. хураган - палец, нюраган - спина, урэгэн - подбородок, дэгэл - шуба, Ср. юж.-бур. (цонг., сарт.) хуруу (< ст.-монг. куругун), нюруу (< ст.-монг. ниругун), үрү (< ст.-монг. эрэгү), дээл (< ст.-монг. дэгэл, дэбэл).

В отличие от западнобурятского наречия в восточном и южном наречиях наблюдаются, например, следующие сближающие их черты. В восточнобурятских и южнобурятских говорах употребляется смычный б там, где в западном наречии - сонант м, например: вост.-бур., юж.-бур. набтар - низкий, вост. набша, юж. набча - листья, ср. зап.-бур. намтар, намша. Чередование б/м наблюдалось и в старописьменном монгольском языке: ст.-монг. хабар/хамар - нос, балта/малта - топор, секира²¹.

В восточном и южном наречиях в некоторых словах раннемонгольский комплекс ги перешел в д'и, в западном - в йа (или йи): вост.-бур. и юж.-бур. аньдир - турпан, маньдир - дикий лук, дольдин (юж.-бур. дольди) - волна. Ср. соответственно зап.-бур. айяр (< ст.-монг. ангир), манйар (< ст.-монг. мангирсун, мангир), долиоон (< ст.-монг. долгийан). В данном случае в халха-монгольском языке употребляется ги (ангир, мангир, долгио), в калмыцком - твердый г (ангр, мангрси, дольгаан).

В восточнобурятских и южнобурятских говорах ранний комплекс ки перешел в палатализованный х', в западнобурятских - в звуки т', с', ш (звук т' преимущественно встречается в нижеундинском и аларо-унгинском говорах, с' - в боханском, ш - в эхирит-булагатском говорах). Например: вост.-бур., юж.-бур. та - хаа - курица, архи - вино, тамхин (юж. тамах') - та-

бак. Ср. зап.-бур. тат'аа (тас'аа, ташаа), арт'и (арс'и, арша), тамтин (тамс'ин, тамшан). Появление в эхирит-булагатском говоре звука ш, соответствующего палатализованному согласному в других бурятских диалектах, по-видимому, объясняется тем, что эти согласные "не обладают большой устойчивостью. Чаще всего они исчезают из системы языка в результате изменения артикуляции и сливаются с другими звуками"²².

В нижеундинском, частично в аларо-унгинском, байкало-кударинском и других западнобурятских говорах вместо долгих гласных встречаются полудолгие, а, о, у, ү или краткие а, о, у, ү. Например: нижеунд. зу·н - сто, тарму·р - грабли, күзү·н - шея, арбан·а - от десяти, кхорин·о - от двадцати, байк.-куд. хагадха - закрываться, но·а - шерсть, ду·аа - кончилось, зун - сто, ерэлгэ (вм. ерэлгээ) - мираж и др. Можно предположить, что полудолгие или краткие гласные в некоторых бурятских говорах появились позже долгих гласных в результате ослабления участков напряжения, так как произношение долгих гласных связано с повышенной затратой усилий²³. В связи с этим можно отметить, что в западнобурятских говорах, особенно в нижеундинском и частично в аларо-унгинском гласные первого слога нередко редуцируются и даже исчезают, например: нижеунд. δ'лүр - мутовка, бр'э - невестка, бйэ - тело, бл'ээхэн - теплый, былгааһан - деревянная юрта, кырээ - пила, тлөө~тлоо - для, бряад - бурят (вместо ожидаемых бүлүр, бэр'э, бэйэ, бэлеехэн, балгааһан, кэрээ, төлөө~толоо, бар'аад, бур'аад). Очевидно, с этим фонетическим явлением связано употребление в "отписках" русских казаков и "известиях" путешественников слова брат в значении "бурят", так как русские встретились прежде всего с западными бурятами, которые произносили бр'аад ~ бар'аад (> русск. брат) в значении "бурят".

В халха-монгольском языке долгие гласные также могут произноситься как полудолгие, например: ноххү -

21 См.: Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 401.

22 Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 127.

23 См.: Там же, с. 101.

рх д - друзья, мин'и - мой (наряду с нөххүрүүд, мини)²⁴.

В отличие от восточнобурятского наречия отдельные фонетические сходства между собой имеют западнобурятские и южнобурятские говоры. Так, в восточных диалектах бурятского языка палатализованные согласные встречаются чаще, чем в западных и южных, например: зап.-бур. и юж.-бур. эрээн - пестрый, хурэһэн (юж.-бур. хүрүс) - дерн; почва; бэдэрхэ - искать, эрдэм (зап.-бур. чаще һургаар) - образование. Ср. соответственно вост.-бур. эр'ээн (ст.-монг. эрийэн), хүр'иһэн (ст.-монг. көрүсүн), бэд'ирхэ (ст.-монг. бэдэр, бэдэри), эрд'им (ст.-монг. эрдэм).

Характерной фонетической особенностью восточного наречия является и то, что слова, имеющие в своей основе мягкие согласные р', н', в аффиксе совместного падежа приобретают палатализованный т' вместо твердого согласного т в двух других сравниваемых наречиях: хор. үр'т'ээ - с долгами, мор'т'ээ - с конем, хон'т'ээ - с овцой (от основ үр'и - долги, мор'ин - конь, хон'ин - овца). Ср. соответственно зап.-бур. үр'тээ, мор'тээ, хон'тээ, юж.-бур. ур'ты, мор'ты, хон'ты.

Некоторые особенности сингармонизма. В бурятском языке, как и во всех монгольских языках, соблюдается определенная закономерность сочетания гласных звуков. Однако закон гармонии гласных при конкретном воплощении в бурятских говорах имеет свои особенности.

В лингвистической литературе ввиду недостаточной изученности бурятских диалектов утверждается, что во всех монгольских языках и диалектах после а, аа, аэ, у, уу, уи первого слога в непервых слогах следует аа²⁵, т. е. после а, аа, аэ, у, уу, уи одного слога в следующем слоге не могут находиться о, оо, оэ²⁶. Или "по закону сингармонизма гласных в монгольских

24 См.: Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика ..., с. 254.

25 См.: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, с. 80.

26 См.: Там же, с. 84.

языках никоим образом не может следовать в следующем слоге нелабиализованный о"²⁷.

На основании данных, полученных нами за последние годы при исследовании бурятских диалектов, необходимо внести здесь некоторые уточнения. Так, в южнобурятском наречии после а, аа, аэ первого слога в непервых слогах вместо аа следуют о (или у), оо: сарт. арусо - шкура, нагуцо - дядя по матери, кях. - цонг. цасо - снег, цаарцо - бумага, хаэлоос - осина, х'алгос - конский волос, онон-хамн. аво - отец, наросо - сосна, шилк-хамн. наһо - возраст, цахо - снег, арахо - шкура. В этом же наречии встречается немало слов, когда после у первого слога в непервых слогах следует о или у, например: сарт. тудох или тудух - попадать, шунгухо - купаться, шудурхо - скоблить, кях-цонг. худуг~худог - колодец, тугул~тугол - теленок, усу~усо - вода, н'угус~н'угос - утка, сугу~суго - под мышкой, хулус~хулос - камыш, онон-хамн. тугол - теленок, хусо (шилк.-хамн. кхухо) - береза.

Оканье в обоих случаях обусловлено внутрilingвистическими причинами. Оно связано с такими фонетическими процессами, как ассимиляция звуков, гармония гласных (небная и губная), которые в различных монгольских диалектах происходят по-разному. В южнобурятских говорах гласный о произносится там, где в старописьменном монгольском языке был звук у. В первом случае (а - о) ранний у в непервых слогах или сохранился, или развился в близкий к нему по месту образования звук о (через промежуточные ступени у^о и у_о о), например: ст.-монг. дабасун > юж.-бур. (кях.-цонг.) дабусу(н) > дабусу, даву^ос > давоу > давос - соль; ст.-монг. нарасун > юж.-бур. (кях.-цонг.) нарусу(н)²⁸ > нарус^оу > нару^ос > нарос - сосна. В восточных и западных говорах бурятского языка и в халха-монгольском языке после а первого слога ранний у в непервых слогах перешел в а (подвергся прогрессивной ассимиляции): халх. давс(ан) < ст.-монг. дабасун - соль. Значит, в южнобурятских говорах у в непервых

27 Там же, с. 104.

28 Здесь звук а второго слога под влиянием у конечного слога перешел в у (регрессивная ассимиляция).

слов развился в о после переселения их носителей (халхасцев) в Забайкалье. Примерно такой же путь развития прошел ранний у во втором случае (у - о). Развитие гласного у в о шло здесь, по-видимому, следующим образом: у > у^о > У_о > о, например, ст.-монг. ху-сун > кях.-цонг. хусу > хусу^о > хусУ_о > хусо - береза. Характерно, что в речи кяхтинских и бичурских цонголов и сейчас встречаются в данной позиции звуки переходного характера у^о, У_о, например: тугу^л//тугу ол// ту-гуол//тугол - теленок.

В речи селенгинских цонголов звук о употребляется как в первом, так и в непервых слогах: холог - колодец, холос - тростник. Развитие звука у в гласный о в речи селенгинских цонголов произошло сравнительно недавно и, очевидно, следующим образом: ст.-монг. усун > кях.-цонг. усу(н) > усу^о > усУ_о > усо > сел.-цонг. осо - вода.

Значит, если в старописьменном монгольском языке после у первого слога следует у, то в южнобурятских говорах у непервых слогов или сохраняется, или переходит в о, а в речи селенгинских цонголов у первого слога ассимилятивно переходит в о (под влиянием о непервых слогов).

Если в старописьменном монгольском после а первого слога следует у, то в южнобурятском наречии (особенно в речи кяхтинских и бичурских цонголов) звук у непервого слога или сохраняется, или переходит в гласный о. Исключение составляют слова, которые оканчиваются на н и обозначают людей и в которых у старописьменного монгольского языка переходит в южнобурятских говорах в звук а, но не в о: ст.-монг. хатун - дама, садун - родственник, дайисун - враг > юж.-бур. соответственно хатан, (турел) садан, даэсан.

Но если в старописьменном монгольском после а первого слога в непервых слогах следует нелабиализованный а, то в южнобурятском наречии эти звуки остаются без изменений, например: ст.-монг. джавсар, халх., цонг. дзавсар - промежуток, ст.-монг. джилага, халх., цонг. джалга - овраг.

Восточнобурятское оканье - результат влияния со стороны южнобурятского наречия и появилось сравнительно поздно. Данный вывод подтверждается, во-пер-

вых, тем, что в большинстве собственно бурятских диалектов (восточных и западных) после у первого слога следует а; во-вторых, тем, что в речи, например, мухоршибирцев, о произносится даже там, где в южнобурятских говорах употребляется в первом слоге у, в непервых слогах - а. Ср. мух.-шиб. онтохо - спать, ольгом - ходкий²⁹ и цонг. унтаха, ульгам (наряду с мух.-шиб. н¹отог < сел.-цонг. н¹отог - родной улус, хо¹о < сел.-цонг. хосо - береза. о¹о < сел.-цонг. осо - вода и др.). В данном случае носители окающего южнобурятского диалекта не будут смешивать звук о со звуком у (а), например, вместо унтаха - спать - они не скажут онтохо. Такого рода смешения звуков наблюдаются обычно тогда, когда представители того или иного диалекта перенимают не свойственные им "чужие" звуки. Так, алтайские ашебагаты и красночикойские хануты иногда смешивают согласные ч, ш (они говорят лабчаа, арчаан вм. цонг. и монг. лабшаа, аршаан) или цонголы смешивают н и х (произносят хаэн вм. наэн - хороший, ерхэн вм. ерэнэн - пришедший).

Буржовное оканье типа хога - колодец, хоган - береза, очевидно, возникло по аналогии с фонетическим явлением, когда в западнобурятском наречии, частично в восточнобурятских говорах, за гласными о, оо первого слога в непервых слогах следуют а, аа, аэ, что было характерно для древнемонгольских диалектов, например: ал.-унг. оран - кровать, сорам - залежь, горьба - посох, хобта - деревянный ящик, хотан - стайка, бора - серый, бодаха - вставать, шошха - вдур, испугаться, ошха - идти, холтахан - кора дерева, хордаха - гореть от ожога, боолта - косы замужних женщин, шоошамхаэ - шука, орёодахан - колечко; эх.-бул. сорга - дымоходная труба, байк.-куд. тобша - пуговица, онгаса - лодка, тохнаг - локоть; вост.-бур. (хор.) шо¹на - волк, донтраг - складной ножик, тоолха - считать, соолга - прорубь, хор¹а - двадцать, ошха - идти, соорхаэ - дьявольский, хоолтаэ - питательный, хогтааб - я опьянел (а).

29 См.: Доржиев Д.-Н., Дондуков У.-Ж. К изучению говора мухоршибирских бурят. - "Учен. зап. Бурят.-Монг. пед. ин-та", Улан-Удэ, 1957, вып. 11, с. 262.

Отсутствие лабиализации в непервых слогах характерно также для калмыцкого языка (в отличие от халха-монгольского). Ср. калм. оран или орандаг – кровать, холтасан – кора дерева, онгаца – корыто у колодца, болдаг – кочка, тохам – потник; чепрак, одан – звезда, ногаан – зеленый, ходаад – мотня (у невода), хова – бадня (у колодца), цоорха – продырявиться.

Как известно, "стройная система гласных древнего монгольского письменного языка ... просуществовала сравнительно недолго"³⁰ и для него было характерно отсутствие лабиализации гласных в непервых слогах. Как пишет Б. Я. Владимирцов, прогрессивная лабиализация была чужда старописьменному языку и древнемонгольским диалектам³¹. Ср., например: ст.-монг. хойар – два, олан – много, хола – далеко, болдаг – кочка, онгуча – лодка, дjobаланг – мучение, нохай – собака, орай – вершина, хойина – после. Иначе говоря, в древних диалектах, на основе которых складывались современные монгольские языки (бурятский, халха-монгольский, калмыцкий и др.), за начальным огубленным о следовал неогубленный а. Затем, в XIV–XV вв. по закону сингармонизма после о первого слога стал произноситься только о, но не а, кроме "случая, если между о первого слога и а третьего слога во втором слоге окажется долгий уу (халх. оруулсан – ввел)"³². Например, в XIII–XII вв. ойратск., халх. и бур. онггача – лодка > в XIII–XIV вв. ойратск. и халх. онгоцо, бур. онгосо³³. Видимо, с этим же фонетическим явлением связано то, что в западном и восточном наречиях спорадически встречается твердоязычный а в непервых слогах мягкоряд-

³⁰ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика ..., с. 119.

³¹ См.: Там же, с. 289. Г. Д. Санжеев также считает: "Классический язык в непервых слогах не имел о (были а или у)". См.: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, с. 74.

³² Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, с. 84.

³³ См.: Там же, с. 94.

ных слов: ал.-унг. и нижеуд. бөөша – обруч, хор. гуса са – чайник, (мурээ) хубша – ключица и некоторые другие. Значит, в традиционных бурятских диалектах до сих пор сохранились некоторые фонетические черты, свойственные ранним монгольским диалектам, как, например, отсутствие прогрессивной лабиализации.

В отличие от собственно бурятских говоров (западных и восточных) и калмыцкого языка, в южнобурятских диалектах, как и в исходном халхаском, процесс лабиализации непервых слогов (т. е. прогрессивная ассимиляция) уже завершился. Ср. юж.-бур. очхо – идти, босхо – вставать, хоросхо – гореть от ожога, чочхо – вдруг испугаться.

Кроме того, в бурятских диалектах находим ряд фактов, когда после е, ее следует ээ, а не еэ, как утверждается в монголоведной лингвистической литературе. Возьмем, например, аг., нижеуд. еглээ – утро, завтра; нижеуд. еглээ больди баэна – утро наступает, дер'ээ – стремя. Или после у, уу следует не ээ, а звук ее, например: аг. ун'еен – корова, тул'еен – дрова, хул'еехе – ждать, дүүрее – кончилось. Ср. соответственно юж.-бур. углее, дурее (< халх. еглее, дерее), ун'ээ, ул'ээ, хул'ээхе, дүүрээ. Причинами указанных различий в первом случае является сохранение фонетических черт древнемонгольских диалектов (ср. ст.-монг. еглугэ > нижеуд. еглээ), во втором случае – внутри-лингвистические (развитие ээ в звук ее под лабиализующим влиянием предыдущего огубленного у): аг. ун'еен > ун'ее – корова, тул'еен > тул'еен – топливо. Ср. ст.-монг. унигэн или унийэн; тулигэн или тулийэн. В большинстве других бурятских диалектов ээ в непервых слогах сохранился: зап.-бур., юж.-бур. үнеэ(н), түлээ(н). Для разных диалектов характерна различная губная гармония: после у первого слога в одних диалектах следует ее; в других – ээ. Таким образом, при конкретном воплощении в бурятских говорах закон гармонии гласных приобретает свои особенности.

Морфологические особенности

В каждом бурятском наречии имеются свойственные только ему морфологические черты. Так, родительный падеж после основы, оканчивающейся на краткий гласный, в западнобурятских говорах принимает аффикс -аэн, в восточнобурятских – -ийн (орфогр. -ын), в южнобурятских – -нии (орфогр. -ны), например: зап.-бур. хадаэн – горы (от основы хада – гора), шоноэн – волка (от основы шоно – волк). Ср. вост.-бур. хадин, шонин (орфогр. хадын, шоньн), юж.-бур. хаднин, чоннин (орфогр. хадны, чонны).

После основы, оканчивающейся на согласный звук (кроме заднеязычного нг), родительный падеж принимает аффиксы: -и, -а в западнобурятских, -аэ в восточнобурятских, -ий (орфогр. -ы) в южнобурятских (сел.-цонг.) говорах: зап.-бур. гал¹и, гал¹а – огня (от основы гал – огонь), гар¹и, гара – руки (от основы гар – рука). Ср. вост.-бур. галаэ, гараэ; юж.-бур. гали, гари (орфогр. галы, гары).

После основы, оканчивающейся на долгий гласный, а также на согласный нг, родительный падеж принимает аффиксы -йи в западнобурятских, -гаэ в восточнобурятских, -гий (орфогр. -гы) в южнобурятских говорах, например: зап.-бур. бэейи – шамана (от основы бэе – шаман), анйи – зверя (от основы анг – зверь), дэнийи – свечи (от основы дэнг – свеча). Ср. вост.-бур. бэегээ, ангаэ, дэнгээ, юж.-бур. бэегии, ангии, дэнгии (орфогр. бэегы, ангы, дэнгы).

Характерно, что в языке "Сокровенного сказания" после основы, оканчивающейся на долгий гласный, употребляется аффикс родительного падежа -йин (подобно западнобурятским говорам): среднемонг. Карчу/у/ -йин кө'ун – сын Харчу (Лиг., § 2). В данном случае в современном монгольском языке употребляется аффикс родительного падежа -гийн (Харчуугийн хөвүүн), в восточнобурятских говорах – аффикс -гаэ (Харчуугаэ), в южнобурятских – -гии (орфогр. -гы): Харчуугии (орфогр. Харчуугы).

После основы, оканчивающейся на краткий гласный, винительный падеж оформляется посредством аффиксов: -аэе в западнобурятском, -ые в восточнобурятском,

-ыг в южнобурятском наречиях: зап.-бур. ахаэе – брата (от основы аха – брат), шоноэе – волка (от основы шоно – волк), тэргээе – телегу (от основы тэргэ – телега). Ср. вост.-бур. ахые, шоные, тэргые; юж.-бур. ахыг, чоныг, тэргыг.

После основы, оканчивающейся на согласный, винительный падеж оформляется при помощи аффиксов: -и в западнобурятском, -ые в восточнобурятском, -ы, -ыг в южнобурятском наречиях, например: зап.-бур. Дугар¹и – Дугара (собственное имя), худайи – колодца (от основы худаг – колодец). Ср. вост.-бур. Дугарые, Худагые; юж.-бур. Дугары или Дугарыг, худогы или худогыг.

Аффикс винительного падежа -ыг, употребляющийся в южнобурятском наречии, как и в халха-монгольском и ойратском языках, более древний, чем вост.-бур. -ые. "В древнетюркском языке V–УШ вв. (и в монгольском) определенный аккузатив имел аффикс -г (-ыг). Ср. др.-тюрк. ата-г – отца, киси-г – человека; монг. ном-ыг – книгу и т. д. Эта форма легла в основу направительного падежа в современных тюркских и определенного аккузатива в бурятском и турецком языках. Ср. бур. ном-ый-ы (орфогр. номые) из более древнего ном-ыг-ы – книгу"³⁴.

Причастие возможности (или надобности) в южнобурятском наречии образуется от глагольной основы при помощи аффикса -маар, в западном наречии – -лтаэ, в восточном – -хаар (реже -маар): юж.-бур. абамаар буд – стоящий для покупки материал, хараар р тиноо – стоящий для просмотра кинофильм. Ср. соответственно зап.-бур. абалтаэ, харалтаэ; вост.-бур. абахаар (изредка абамаар), харахаар (изредка харамаар).

Деепричастие образа действия образуется от глагольной основы посредством следующих аффиксов: -мган³⁵ (-мга) в западнобурятских говорах (һуумган,

³⁴ Киекбаев Д. Ж. К вопросу о родстве урал-алтайских языков. – В кн.: Некоторые вопросы урал-алтайского языкознания. Уфа, 1970, с. 13.

³⁵ См.: Матхеев Б. В. Очерки эхирит-булагатского говора. – В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1969, с. 22.

һуумга – сидя), -мгашаа в восточнобурятском наречии (һуумгашаа), -мгаа в южнобурятском (суумгаа – сидя).

Названия некоторых мелких живых существ и растений образуются посредством аффиксов: -аан в восточнобурятских, -аа в южнобурятских, -а в западнобурятских говорах: вост.-бур. хулганаан – мышь, батага – наан – муха, хартаганаан – лапчатка кустарниковая. Ср. юж.-бур. хулганаа, батаганаа – то же, хартаганаа – мелкий кустарник; зап.-бур. хулгана – мышь, батхана – комар.

Кроме приведенных выше морфологических явлений, свойственных каждому наречию, в бурятских диалектах имеются морфологические черты, отличающие одно наречие от двух других.

В отличие от западнобурятского наречия в восточном и южном наречиях наблюдаются следующие общие черты в области морфологии.

Орудный падеж имен существительных после долгого гласного или дифтонга основы в западнобурятских говорах принимает аффикс -йаар, в восточных и южных говорах – -гаар: зап.-бур. харгайаар – дорогой, малгайаар – шапкой. Ср. вост., юж. харгыгаар (харгуи-гаар), малгаэгаар.

В западном наречии употребляется аффикс -шаг, выражающий ослабленное качество, вместо -бтар (изредка -шаг), -бар в восточных и -бтар, -вар в южных говорах: зап.-бур. харшаг – черноватый, улаашаг – красноватый, хүхэшэг – синеватый. Ср. вост.-бур. харабтар, улаабтар (изредка улааншаг), улбар, хүхэбтэр (изредка хүхэшэг); юж.-бур. харабтар, улаабтар (улавар), хүхэбтэр.

В западнобурятских говорах более употребительны наречия на -са вместо качественных прилагательных на -аар в восточных и южных говорах: зап.-бур. һаэса – хорошо, мууса – плохо. Ср. вост.-бур., юж.-бур. һаэнаар (юж. саэнаар), муугаар.

В западнобурятских диалектах используется аффикс -уулан (-ууландаа), образующий собирательные числительные, вместо -уулаа в восточных и южных говорах: зап.-бур. хоюуландаа, хоюулан – вдвоем, гурбууландаа, гурбуулан – втроем. Ср. вост.-бур., юж.-бур. хоюулаа, гурвуулаа.

В западных говорах употребляется аффикс -тѣха, образующий порядковые числительные, вместо -дти (-ти) в восточнобурятском и южнобурятском наречиях: зап.-бур. нэгэтѣха, нэжээтѣха – первый, хоёртѣха, хошоотѣха – второй, гурбатѣха – третий. Ср. вост.-бур., юж.-бур. нэгэдти, хоёрти, гурвадти.

Распределительные числительные, выполняющие обстоятельственную функцию, в западнобурятском наречии образуются при помощи аффикса -аад. В остальных двух сравниваемых наречиях эти числительные образуются путем удвоения числительных, притом второй компонент принимает аффикс -аар, например: зап.-бур. нэжээд – по одному, хошоод – по два, гурбаад – по три; вост.-бур., юж.-бур. соответственно нэгэ нэгээр, хоёр хоёроор, гурва гурваар.

В рассматриваемых говорах, в частности в аларунгинском, бытуют личные местоимения миньтээ – мой, шиньтээ – твой³⁶ вместо минии, шинии в восточном и южном наречиях.

Сочетание личных местоимений множественного числа бэди – мы, таа – вы с числительным хоёр – два в западнобурятском наречии дало бодигоор или бодо-гоор – мы вдвоем, таатогор – вы вдвоем. Ср. вост.-бур., юж.-бур. бидэ (бэди) хоёр, таа хоёр.

В западнобурятских говорах широкое распространение имеет обобщительное местоимение баран – все вместо бухы, бүгдэ и других в восточных и южных говорах бурятского языка.

В западнобурятском наречии множественное число образуется посредством аффиксов:

а) -һууд или -һуд (после основы, оканчивающейся на любой звук) вместо -нууд, -нар и других в восточных и южных говорах, например: зап.-бур. аягаһууд – суповые чашки, тагшаһууд – чайные чашки, тахаһууд – подковы; татаһууд или тасяһууд, ташаһууд – куры, нохоэһууд – собаки, тугаһууд наряду с тутда, тугалнууд – телята, мурһууд наряду с мурнууд – следы, ахаһууд наряду с аханууд – братья, ашаһууд или ашаһад наряд-

³⁶ Наряду с минии – мой, шинии – твой. Местоимения миньтээ, шиньтээ, очевидно, имеют основы мин-, шин- (как и минии, шинии).

ду с ашанууд - внуки, үнеэһууд - коровы, ямааһууд - козы и т. д. Ср. соответственно вост.-бур., юж.-бур. аяганууд - чайные чашки, таханууд, тахяанууд, нохос-нууд (юж. изредка нохос, нохоэд), гахаэнууд, тугал-нууд, мурнууд, аханар, ашанар, үнеэд (вост.изредка үнеэдууд), ямаад (вост. изредка ямаадууд, юж. иногда ямаанууд);

б) -ууд (после основы, оканчивающейся на р, л) вместо -нууд в остальных сравниваемых наречиях: зап.-бур. гэрууд - дома, голууд - реки³⁷. Характерно, что это же самое наблюдается в современном монгольском языке: гэрууд - дома, голууд - реки³⁸. Ср. вост.-бур., юж.-бур. гэрнууд, голнууд - то же;

в) -над³⁹ (после основы, оканчивающейся на гласные звуки и являющейся преимущественно названиями родства людей) вместо -нар, нууд и других в восточных⁴⁰ и южных говорах: зап.-бур. абга - дядя по отцу, абганад - дяди; хада - гора, хаднад - горы; дуу - младший или младшая, дуунэд - младшие; бэрээхээ - невестка, бэрээхээнэд - невестки; худагы - сватья, худагынад - сватьи; бөлө - двоюродный или двоюродная по матери, бөлөнэд - двоюродные. Ср. соответственно вост.-бур., юж.-бур. абганар, хадаһууд, дүүнэр, бэрээд, худагынар, бүлөөлэнгүүд или бүлөөлингүүд;

г) -д (после основы, оканчивающейся на л, если именная основа является названием животных, одежды)

37 См.: Матхеев Б. В. Указ. соч., с. 10.

38 См.: Будаев Ц. Б. Цонгольский говор.-В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965, с. 162. (Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 17).

39 Данный аффикс представляет собой контаминацию суффиксов -нар и -д (см.: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, с. 132; Алексеев Д. А. О некоторых показателях множественности в бурят-монгольском языке. - "Сб. трудов по филологии", Улан-Удэ, 1948, вып. 1, с. 124).

40 В хоринском говоре наряду с -нар часто используется аффикс -над.

вместо -нууд в остальных наречиях: зап.-бур. тугал - теленок, тугад - телята; дэгэл - шуба, пальто, дэгэд - шубы, пальто. Ср. вост.-бур. тугалнууд, дэгэлнүүд, юж.-бур. туголнууд (тоголнууд), дээлнүүд - шубы.

В рассматриваемом наречии совместный и взаимный залого образуются в основном посредством присоединения к первичной основе аффикса -лда. В восточных говорах совместный залог образуется при помощи аффикса -лса, взаимный залог - посредством аффикса -лда. В южном наречии аффикс взаимного залога -лда употребляется редко; вместо него используется аффикс -лца: зап.-бур. ошолда - сходить вместе, сохилда - драться. Ср. соответственно вост.-бур. ошолсо, сохилдо, юж.-бур. очилцо, цохилцо (но юж. барилда - бороться друг с другом).

Для выражения опасения или предостережения от каких-либо действий в данном наречии служат аффиксы -гша, -лаэ с прибавлением к ним соответствующих личных показателей. В восточных говорах форма опасения или предостережения выражается при помощи аффикса -уужа (-уужан), южных -ууджа, например, зап.-бур. мартагшба - как бы он не забыл, уналаэш - как бы ты не упал. Ср. вост. мэдүүжэ, мэдүүжэн - как бы не узнал, нохос зуугуужа, зуугуужан - как бы не укусила собака; юж.-бур. соответственно мартууджа, унууджа, мэдүүджэ, дзуугууджа.

В западных говорах более употребительно постоянное причастие на -аша (-гааша), в восточных - однократное причастие на -гша, в южных - многократное причастие на -даг: зап.-бур. тняаша - узнающий, орошо - входящий, ерээшэ - приходящий. Ср. вост. таниша, орогшо, ерэгшэ; юж. танидаг, ордог, ердэг.

Деепричастие со значением предела в западных говорах образуется с помощью аффикса -сар (изредка -са⁴¹), в восточных и южных говорах - посредством аффикса -тар, например: зап.-бур. мэни ерсэр (изредка ерсэ) - до моего прихода. Ср. вост.-бур., юж.-бур. мэнии ертэр.

41 Конечный р иногда выпадает. Ср. зап. тани ерсэр (ерсэ), но ерсэртнаэ (а не ерсэтнаэ) - до вашего прихода.

В западных говорах вместо восточнобурятского и южнобурятского тула – чтобы употребляется послелог төлөө (эх.-бул.)⁴², тлөө (ал.-унг.). Ср. вост., юж. тэ-рээнээ тула (или тулада) – в том же значении.

Вместо вопросительной частицы гуу, употребляющейся в восточных и южных говорах, в западном наречии бытуют частицы йи (после основы, оканчивающейся на согласный звук), й (после основы на долгий гласный и дифтонг), ии, орфогр. ы (после основы на краткий гласный); зап.-бур. һаэн йи – хорошо ли? биий – имеется ли? баэнии (орфогр. баэны) – есть ли?⁴³. Ср. соответственно вост. һаэн гуу, юж. саэн гуу, саэн йуу – хорошо ли? вост. бии гуу, юж. бии гуу, бии йуу – имеется ли? вост. баэна гуу, юж. баэнуу – есть ли?

В отличие от южнобурятского наречия в западных и восточных говорах бурятского языка сохранился ныне омертвевший аффикс -һан (<древнемонг. -сун), например, зап.-бур., вост.-бур. нараһан > ст.-монг. нарасун – сосна, зап.-бур. өбөһөн, вост.-бур. убэһэн > ст.-монг. эбэсун, эбусун – сено, трава. Ср. юж.-бур. нарас, нарос, халх. нарас, юж.-бур. увус, халх. өвус.

Творительный падеж в западнобурятских и восточнобурятских говорах образуется при помощи аффикса -таэ, в южнобурятских – -тии (орфогр. -ты): зап.-бур., вост.-бур. ханатаэ – со стеной, эгэшэтээ – с сестрой. Ср. юж.-бур. ханатии, эгэчитии (орфогр. ханаты, эгэчты).

В южнобурятских говорах усиленное качество, кроме редупликации, выражается посредством специфических усилительных слов, например, суи – очень к слову цагаан: суи цагаан – очень белый (наряду с цулгуи цагаан, цаб цагаан – в том же значении). Ср. зап.-бур., вост.-бур. саб сагаан.

Личное местоимение бии – я в южнобурятском наречии в дательном-местном падеже принимает форму нада вместо вост.-бур. и зап.-бур. намда.

⁴² См.: Матхеев Б.В. Указ. соч., с. 22.

⁴³ В эхирит-булагатском говоре употребляется фонетический вариант вопросительной частицы уу (уу): ошоо уу – ушел ли? ерээ уу – пришел ли?

В южнобурятских говорах употребляется послелог дотор, указывающий месторасположение чего-нибудь в чем-либо, вместо послелога соо, имеющегося в западном и восточном наречиях в том же значении: юж.-бур. оэ дотор – в лесу. Ср. зап.-бур., вост.-бур. оэ соо.

Исходный падеж в восточных и западных говорах принимает аффикс -һаа (в западных часто -һа), в южных – -аас: вост.-бур., зап.-бур. бухаһаа – от быка (от основы буха – бык), малгаэһаа – от шапки (основа малгаэ – шапка). Ср. юж.-бур. буханаас, малгаэнаас⁴⁴.

В отличие от западного и южного наречий в восточнобурятских говорах, особенно в хоринском, весьма продуктивным является аффикс -лга, при помощи которого образуются отвлеченные существительные главным образом от глагольных основ: хор. агналга – охота, ерэлгэ – прибытие, унталга – постельные принадлежности. В западнобурятских и южнобурятских говорах существительные с аффиксом -лга встречаются в исключительно редких случаях, например: зап.-бур. уялга – связка; узел, юж.-бур. барилга – строительство.

В восточнобурятском наречии форма несовершенного вида образуется при помощи сочетания знаменательного глагола, данного в форме соединительного деепричастия, и основы служебного глагола баэ – быть. В западном⁴⁵ и южном наречиях происходит сращение соединительного деепричастия знаменательного глагола с основой указанного выше служебного глагола (при этом выпадают конечный гласный соединительного деепричастия и начальный б служебного глагола): вост.-бур. ябажа баэ – ходить, гуйжэ баэ – бегать, оржо баэ – входить. Ср. соответственно зап.-бур. ябжаэ, гиижаэ, оржаэ, юж.-бур. яваджаэ, гуйджаэ, орджаэ.

В восточном наречии употребляется аналитическая форма несовершенного вида, которая образуется при по-

⁴⁴ При словоизменении в южнобурятском наречии между основой и аффиксом появляется вставочный согласный н.

⁴⁵ См.: Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962, с. 192.

мощи сочетания слитного деепричастия знаменательного глагола и основы служебного глагола баэ – быть: ошон баэ – начинать идти, гаран баэ – начинать выходить. В западном и южном наречиях вместо слитного деепричастия используется соединительное. Ср. зап.-бур. ошожаэ – начинать идти, гаражаэ – начинать выходить; юж.-бур. соответственно очиджаэ, гарджаэ.

В восточнобурятском наречии используется причастие завершено-прошедшего времени, образующееся от глагольной основы посредством аффикса -нхаэ: ерэнхээ – пришел, ябанхаэ – ушел. В других сравниваемых языковых подразделениях значение завершено-прошедшего времени передается посредством аффикса прошедшего времени -аа: зап.-бур., юж.-бур. ерээ, ябаа (юж. яваа).

Лексические особенности

Сравнительный анализ словарного материала показывает, что в лексике бурятских диалектов имеются слова, характерные для каждого из выделенных наречий. Так, в значении "деревянный сундук" в западном наречии более употребительно слово хобта, в восточном – ханза, в южном – абдар. В значении "сыворотка" в западнобурятских говорах употребляется слово һазб, в восточнобурятских – шууһэн, в южнобурятских – шар ус. Бабушку по отцу в западных диалектах называют ибии, в восточных – хугшэнжы, в южных – эмэгээ. Понятие "открывать" в западнобурятском наречии выражается словом нээхэ, в восточнобурятском – таэлха, в южнобурятском – онгоэлгохо и т.д.

Кроме лексических единиц, составляющих специфику каждого наречия, в бурятских диалектах имеются также слова, характеризующие сходства между двумя сравниваемыми языковыми подразделениями в отличие от третьего. Можно привести, например, следующие слова, общие для западного и восточного наречий и отличающие их от южнобурятского: зап.-бур., вост.-бур. баабаэ – отец (при обращении), талхан – мука, щүдэр – роса, тэхэ – козел, шахаха – откармливать (на убой), тэргэлхэ – убегать. Ср. соответственно юж.-бур. ава, гурил, чинг (цонг.) или навсаа (сарт.), ука или бавана, бордохо, дзугтааха и т. д.

Слова, общие для восточного и южного наречий (в отличие от западного): вост.-бур., юж.-бур. аэраг – айрак, һаба (юж. сава) – жбан-маслобойка, сар (юж.-шар) – вол, сабшалан (юж. цабшалан) – покос, хабтагаэ – доска, хун – лебедь, зун (юж. дзун) – лето, аадар – ливень, ушшаха – читать, яарха – спешить. Ср. соответственно зап.-бур. хурэнгэ, бүлүүр, үхэр, хада-са, харша, сагаан шубуун, нажар, хэнэг, дуудаха, мэндуурхэ.

Иногда встречаются слова, общие для западного и южного наречий, например: зап. орон, юж. оро – кровать. Ср. вост.-бур. шэрээ; зап. урмэ, юж. урэм – пенка. Ср. вост.-бур. хушөөһэн и некоторые другие.

Ниже на отдельных примерах подробнее проиллюстрируем некоторые расхождения по бурятским говорам в составе исконной лексики. Так, понятие "деревянная юрта" выражается в восточнобурятских и южнобурятских говорах словами зуһалан гэр или зуһалангаэ гэр (хамн. дзусланаэ гэр, кях.-цонг. дзусаал гэр, сарт. балгос или балгоос), в западнобурятских говорах – бураэд гэр или бараэд гэр⁴⁶, һөр или һөрө⁴⁷. Не исключено, что зап.-бур. һөр – деревянная юрта связано с зап.-бур. һөр – изгородь с сеном (ал.-унг. һөр – үһөтээ хүрээ). Ср. также вост.-бур. һөр – стог сена. Вост.-бур. и юж.-бур. зуһалан гэр, зуһалангаэ гэр или дзусланаэ гэр связаны с вост.-бур. зуһаха, юж.-бур. и халк. дзусах – проводить лето.

⁴⁶ Слова гэр, бураэд гэр или бараэд гэр нередко обозначают также восьмистенные (восьмиугольные) деревянные юрты (наряду с четырехстенными). Так, в селах Капсал и Тодхон Эхирит-Булагатского района и в с. Алят Аларского района гэр – это восьмистенная юрта, а в селах Сутай, Бурлай и Зулман Качугского района то же самое слово означает "четырёхстенная деревянная юрта".

⁴⁷ Выходцы из Добайкаля, проживающие в Селенгинском и Улан-Удэнском сельском аймаках, деревянную юрту также называют һөри, һөрин гэр (села Иволга, Жергалантуй, Тухум, Сутой и др.), сүрүн гэр (села Тамча, Ташир и т. д.). Ср. эх.-бул. һөрэ – то же.

Войлочная юрта называется в восточнобурятских говорах Һэеы гэр, в южнобурятских эшэгы гэр (досл. войлок-юрта). Ср. халх. исгий гэр, калм. ишкээ гер – то же. В западнобурятских (опорных) говорах отсутствует название войлочной юрты, поскольку здесь нет теперь самой реалии.

Для обозначения крыши дома в южнобурятских говорах служат слова ороз, хучилга, хучаас; алт.-аш. бүтээлгэ, шилк.-хамн. крыше; в восточнобурятских говорах – yhээ (в Заиграевском аймаке), ороз; в западнобурятских говорах – хаалга, хушалга; крыше (бох.), ороз (ал.-унг.). Ср. лит.-бур. срой, хушалта, хушалга, халх. дээвэр, калм. деевр – крыша. Как видим из примеров, в обозначении данного понятия в диалектах бурятского языка нет серьезных расхождений.

Понятие "железная печка" выражается в восточно- и южнобурятских говорах полукалькой с русского тумэр пеэшэн (цонг., сарт. тумэр пеэчин), в западнобурятских диалектах – сочетанием слов сан соол, где сан – жечь, соол – печь. В тункинском говоре (с. Харбятгы) в значении "железная печка" употребляется слово яндан⁴⁸, в закаменском говоре (с. Бургуй) – тумэр шэрэм⁴⁹.

Утепленное помещение для скота (хлев) называется в западнобурятских говорах хотон (ал.-унг., нижнеуд., байк.-куд.), адаһани тура, короовниг (бох.), стаайка (с. Кижя Усть-Удинского, с. Бутукей⁵⁰ Нукутского районов), пиргоон (Тункинский аймак). В южнобурятских говорах хлев называется дал (цонг., сарт.), стаайка (шилк.-хамн.); в вост.-бур. дал (Заиграевский аймак), хашаа или ухэрээ хашаа (Хоринский, Кичингинский аймаки). Ср. халх. дал, хашаа, пундэ, калм. малин нхаша – хлев.

Открытое помещение для содержания и кормления скота (изгородь) в хоринском говоре именуется хороз, хуһамаг (в Заиграевском аймаке, где характерно оканье, произносят хоһомог). Ср. зап.-бур. хурээ, цонг. хашаа,

⁴⁸ Ср. халх. яндан – железная труба (печная).

⁴⁹ В южнобурятских говорах шэрэмэ – плита.

⁵⁰ В с. Бутукей (Ново-Ленино) наряду со словом стаайка в данном значении употребляется другое заимствование из русского языка – короовниг.

хорёо – изгородь (из жердей). Изгородь – забор из плах или заплот почти повсеместно называется словом харша.

В значении "жбан для сбивания масла" употребляются слова: в западных говорах булуур (с. Нельхай Аларского, Бур-Янгуты Боханского, Булуса Эхирит-Булагатского районов, Ранжурово Кабанского аймака), бэлмэр (с. Далахай и Хужир Закаменского аймака), ху рэнгээн торхо (с. Кайзаран Качугского района). В южных говорах в указанном значении бытует слово сава⁵¹, в восточных – һава. Ср. халх. сав – вместилище, сосуд.

Мутовка для сбивания масла называется в западнобурятских говорах аша (в с. Кайзаран Качугского района и Корсаково Кабанского аймака этот предмет именуется булуур), һэрбээ (Тункинский аймак, с. Ранжурово Кабанского аймака); в южнобурятских говорах – бэлюур (шилк.-хамн. булуур, алт.-аш. бэлуур)⁵²; в восточнобурятских – бэлуур.

Кадка для отстаивания молока в западных говорах называется матаар, тэбхээр; в южных говорах – табхаанцаг, торхо; в восточных – оёорсог (Заиграевский, Мухоршибирский аймаки), баэлгансаг (Агинский национальный округ).

Сито (для просеивания муки) обозначается по говорам следующими словами: зап.-бур. һаэгуур (с. Зоны, Нарин Аларского, Хохорск Боханского, Кайзаран Качугского районов), һаэгар (с. Керболка Аларского района), шэлэкуур и шэгшуур (с. Одиса Аларского района; поэтому здесь, в Одисе, говорят талхаа шэгшэхэ и шэлхэ хэ – просеивать муку); шилкуур, изр. шигшуур (с. Шараты Аларского района; но в этом селе талхаа шэлэгкэ – просеивать муку).

Характерно, что в с. Улекчин Закаменского аймака БурАССР представители рода һоёһо сито называют шэг-

⁵¹ В с. Делюн этот предмет называют курэнгэ, в других хамниганских селах (например, в Курулге) – сава.

⁵² В с. Номто Джидинского аймака булимэр и бэлюур – мутовка; булимэрээр или бэлюэрээр булихэ – сбивать масло мутовкой.

шуур (под влиянием сартульского говора), но свое исходное зап.-бур. һаэгуур они употребляют в несколько ином значении – для наименования специального сита, используемого при очищении кедрового ореха от скорлупы (сито имеет отверстия, через которые проходят орехи, а пустые шишки остаются в сите: һамар багтахаар түхэреэн нухэтээ, борбосоогоэ шэнгэрһэн дээрэнх үлэнэ). Юж.-бур. шэгшуур⁵³ (отсюда шэгшэхэ – просеивать муку), вост.-бур. һагшуур. Ср. халх. шигшуур, шуур, элхэг; калм. элгг.

Тестомешалка называется в западных говорах худхуурга (бох., кач.), худхуур (тунк., байк.-куд.), в южнобурятских и восточнобурятских говорах – худхуур. В с. Улзар Джидинского аймака ее называют худходог модо – досл. палочка, которой мешают (тесто), и этот предмет имеет иную, чем, например, в с. Ноехон Селенгинского аймака, форму: конец палочки изогнутый (в Ноехоне тестомешалку делают в виде узкой продолговатой лопаточки)⁵⁴. Ср. халх. хутгуур – тестомешалка.

Слова, обозначающие пищу. Мука называется в западнобурятских говорах талхан. В селах Сутай Качугского района, Корсаково Кабанского аймака в значении "мука" употребляется словосочетание сагаан талхан (в отличие от хар талхан⁵⁵ или талхан⁵⁶ – зерно). В восточнобурятском наречии мука также именуется талхан. В южнобурятских говорах гурил – мука⁵⁷. Ср. халх. гурил, калм. һуйр – id.

В значении "сметана, сливки" бытуют в говорах следующие слова: зап.-бур. саэлгаса – сметана, сүсэ

⁵³ В с. Делюн Шилкинского района Читинской области употребляется заимствование сито.

⁵⁴ В с. Кудара-Сомон Кяхтинского аймака и в с. Кушун Нижнеудинского района тестомешалка называется мотоовко (< русск. мутровка).

⁵⁵ В с. Сутай Качугского района.

⁵⁶ В с. Корсаково Кабанского аймака.

⁵⁷ Под влиянием хоринского говора хамниганы называют муку талхан (шилкинские), талха (ононские).

гуй – сливки (ал.-унг.), зөөхээ – сметана (эх.-бул., кач.), саэлгаса – а) сметана, б) сливки (байк.-куд.), сүсэгээ – то же (тунк., закам.). В западнобурятских говорах слово зөөхээ означает также саламата; юж.-бур. дзөөхээ (цонг.), цуцугуи (сарт., хамн.) – а) сметана, б) сливки; вост.-бур. зөөхээ – сметана, сүсэгээ – сливки⁵⁸. Халх. дзөөхий – сметана, цөцгий – сливки, калм. өрм – а) сметана, б) сливки.

Названия домашних животных. Некоторые различия по диалектам имеют названия крупного рогатого скота. Так, аларо-унгинцы, эхирит-булагаты, хоринцы, цонголы и сартулы корову называют унээн (с фонетическими вариантами), а закаменские буряты, бичурские и алтайские ашебагаты⁵⁹, шергальжинские харануты и читинские хамниганы – үхэр (хамн. үкэр), нижеудинцы – унээн и үкэр. Ср. халх. унээ, калм. үкэр – корова.

В западнобурятском наречии вол называется үхэр (кач., барг., ольх. үрхэр < эрэ үхэр; нижеуд. агта бухху); в восточнобурятском наречии – сар, в южнобурятских говорах – шар (цонг., сарт.), цар (хамн.). Ср. халх. шар, калм. цар – вол (кастрированный бык).

В западнобурятских и восточнобурятских говорах козел-производитель называется тэхэ (в северноселенгинском говоре – бавана), в южнобурятском наречии – ухана. Ср. халх. ухна, изр. бавнаа, калм. тэхэ – id.

Характерно, что для обозначения таких новых для бурят понятий, как "пастух" и "дойрка", почти во всех бурятских диалектах используются заимствования из русского: пастуух, даярха (с фонетическими вариантами). В восточнобурятских говорах иногда встречаются исконные һаалишан (хор.), ун'өөшэн (аг.) – доярка, үхэршэн (хор.) – пастух. Ср. халх. саальчин, калм. саалч – доярка, халх. мал хариулагч, малч, калм. үхрч, мал хэруулдг кун – пастух.

Названия диких животных, грызунов, насекомых. В связи с табуированием слов в говорах

⁵⁸ В с. Тухум Селенгинского аймака сүсэгээ означает: а) сметана, б) сливки.

⁵⁹ Алтайские ашебагаты наряду с үхэр иногда говорят унээн (о корове).

встречаются различные наименования медведя: ал.-унг. баабгаэ, эх.-бул. хара гөрөөнөн, хор. баахалдаэ, аг. хара гурөөнэн, сарт. бартахь, цонг., хамн. хара гурөөс. Ср. халх. баабгаэ, изредка хар гөрөөс; калм. аю.

Во всех трех сравниваемых языковых подразделениях волк называется одинаково: зап.-бур., вост.-бур. шоно, юж.-бур. чоно. Ср. халх. чоно, калм. чон. Различаются лишь эвфемизмы: ал.-унг. ута һуултэ - досл. длиннохвостый, хээри нохоэ - досл. степная собака, закам. ноһон толгоэтээ номгоодоэ уваша - досл. смиренный мирянин с волосатой головой, хүдее нохоэ - досл. степная собака. Или заигр. һуултэ - досл. хвостатый, убша - досл. мирянин, принявший духовный обет и т. д. Интересно отметить, что в качестве эвфемизмов иногда используются заимствования из других языков, например: эвф. воолхо (с. Улекчин Закаменского аймака) <русск. волк.

В различных говорах суслик называется по-разному. Например: зап.-бур. өрхэ, өрхи (эх.-бул.), зумри, зомря (ал.-унг.), зумра (тунк.), ябраашха, ебраашха (байк.-куд.), зумбараа (закам.). Юж.-бур. дзумбараа (цонг.), дзумбараа, джумбараа (хамн.), дзумбар (сарт.). Вост.-бур. урхэ (кижинг., заигр.), зумбарьян (хор.), зумбараан (аг.), Ср. халх. дэурам⁶⁰, калм. зурмн.

Особым разнообразием отличаются названия некоторых насекомых (например, мух): зап.-бур. ялааһан, йылааһан⁶¹, илааһан, иляаһан, аляаһан, ляаһан, хар ляаһан⁶²; вост.-бур. аляаһан (в Аге батаганаан); юж.-бур. батаганаа. Ср. халх. хар ялаа, ялаа батгана, калм. батхи.

По говорам различаются также слова, обозначающие действия человека.

Читать: зап.-бур. дуудха; юж.-бур. умашха, умша-

⁶⁰ Сел.-цонг. (село Ноехон) изредка дэурма - суслик.

⁶¹ В с. Мунту-Булак Нижнеудинского района гилааһан - муха.

⁶² В с. Кушун Нижнеудинского района муха называется кууэан.

ха (шилк.-хамн. тоолокхо)⁶³, вост.-бур. уншаха, ср. халх. унших, калм. умшх.

Писать: зап.-бур. зурха (письмоо зурха - писать письмо); юж.-бур. бэчихэ (хамн. бичику); вост.-бур. бэшэхэ. Ср. вост.-бур. зурха, юж.-бур. дэорхо - рисовать, чертить. Халх. бичих, калм. бичх - писать.

Думать: зап.-бур. шэбшэхэ, юж.-бур., вост.-бур. бодохо. Ср. халх. бодох, санах, калм. ухалх, санх.

Открывать (например, дверь): зап.-бур. неэхэ, юж.-бур. онгоэлогкхо, таэлха, вост.-бур. таэлха. Ср. халх. онгойлгох, калм. секх.

Встретиться: зап.-бур. ушарха, юж.-бур. уулдзаха и вост.-бур. уулзаха. Ср. халх. уулдзах, учрах, дэолгох, калм. харһх.

Бросать: зап.-бур. ообордохо (ооордохо), намнаха, юж.-бур., вост.-бур. шэдэхэ, хаяха⁶⁴. Ср. халх. шидэх, хаях, калм. хайх.

Разговаривать: зап.-бур. зугаалха, вост.-бур. дуугаралсаха, хөөрөлдэхэ, юж.-бур. хөөрөлцөхө (хамн. көөрөлцөкү, ярилцакху). Ср. халх. ярилцах, калм. куундх.

Спешить: зап.-бур. мэндэхэ, юж.-бур. и вост.-бур. яарха. Ср. халх. яарах, калм. адһх.

Приведем еще несколько примеров:

Зап.-бур.	Вост.-бур.	Юж.-бур.	Значение
Урез	Эмниг	Урез, эмниг	Необъезженный конь
Һохоол	Һамбаэ	Хухөл	Челка лошади
Арлигга	Эмнихэ, за-	Чимхэхэ,	Кастрировать
(ал.-унг.),	Һаха (хор.)	Дзасха	животных
заҺаха (эх.-бул.)			
Муидаан,	Мухар (хор.)	Мухор (кях.-	Комольный
тоэмог	мохор (за-	цонг.), мо-	
(халх. так-	игр.)	хор (сел.-	

⁶³ Хамн. тоолокхо имеет два значения: а) читать газету, книгу и т. п. (би газеэд тоолон би - я читаю газету; с. Делюн Шилкинского района Читинской области); б) считать.

⁶⁴ В хоринском говоре шэдэхэ имеет и другое значение: наметывать, шить редкими стежками.

же тоэмог),
тоэмон, тоэ-
моон (ал.-
унг.), мухар
(барг., байк.-
куд.)

Таряан
Сомоо

Орооһон
Пури

цонг., алт.-
аш.)

Джорноо
Цомоо

Зерно
Стог

(цонг.),
сур (сарт.)

Шаральджаа

Сорняк

Убэһэн
Мөөр

Урмэһэн
Хольцоо,
хольсоо

Дунгуруи,
хольцоо
(цонг.),

Колесо телеги

мөөр, холь-
цоо (сарт.)

Һуудал, пу-
дуушка

Маюуза

Дэбсэ

Подушечка
седла

Шабраа,
халаяб

Дурээбшэ

Хиджэм

Чепрак

Дурээбшэ

Дэбэһэ

Олонцог

Крыло седла
(тебенек)

Бурхан шу-
буун (ал.-
унг.), гу-
лабхаа

Гулабхаа

Тагтаа,
гулабхаа

Голубь

(эх.-бул.)
Сохоз (ал.-
унг.), бута
(эх.-бул.)

Болдог

Болдог

Кочка

Кроме того, в диалектах встречаются семантические различия. Так, слово талхан в восточных и западных говорах употребляется в значении "мука", в южно-бурятских - "хлеб (печеный)". Одно и то же слово аяга в западнобурятских говорах означает "суповая чашка", в восточнобурятских и южнобурятских - "чайная чашка". Слово бэһэлиг (биһалаг) в западном наречии бытует в значении "перстень", а в восточных и южных диалектах - "колечко" (юж.-бур. бислаг). В западнобурятских говорах колечко называется орёодоһон.

Те или иные лексико-семантические различия обнаруживаются в разных тематических группах: в словах, связанных с бытом и производственной деятельностью, в названиях явлений природы, живых существ, во всех частях речи.

Причины лексико-семантических расхождений в диалектах различны. К одной из основных причин можно отнести то, что носители тех или иных диалектов пользуются разнообразными словообразовательными возможностями языка. Как известно, предметы и явления называются по какому-либо характерному для них признаку. А выбор того или иного признака предмета может быть разнообразным в зависимости от особенностей воспринимающей общественной среды. Так, в цонгольском говоре почка (у деревьев) называется гулиге (досл. шенок), в байкало-кударинском - нимаан (досл. коза). Представители цонгольского говора название почки связывают со шенком (по их внешнему сходству), тогда как байкало-кударинцы - с козой (по сходству этой части растения с козьим пухом). При этом носители каждого говора при назывании данного предмета по-своему восприняли присущие ему признаки.

Отдельные расхождения в словаре являются отражением "пережитков прежних племенных языков в нынешнем разговорном бурятском языке"⁶⁵ и уходят своими корнями в глубокую древность. Так, в качугском говоре представители рода шошолок кабаргу называют баданги, а хонгодоры - худэри⁶⁶; верхоленские же шоноевцы тиски называют улирбэ, а представители шарайтовского рода - шэмхуургэ⁶⁷. Древними являются также различия в терминологии семейно-родственных отношений, в отдельных названиях частей тела и т. д.

Некоторые диалектные расхождения в лексике связаны с существованием в древности запретов на определенные слова. Кроме того, различия в лексике, на-

⁶⁵ Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков, с. 14.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См.: Митрошкина А. Г. Говор кучугских (верхоленских) бурят. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1969, с. 68.

пример, западнобурятского наречия и двух других, связаны с тем, что среди восточных и южных бурят до революции был в известной степени распространен монгольский письменный язык, через который в их говоры проникали монголизмы, а также заимствования из тибетского, маньчжурского и других языков, почти полностью отсутствующие в традиционных западнобурятских говорах. Известное влияние на диалектные различия в лексике оказало распространение ламаизма у восточных и южных бурят и сохранение шаманизма у западных бурят.

В то же время одной из существенных причин словарных расхождений в бурятских говорах являются различные источники заимствований этих диалектных слов. Приведем несколько примеров. Для выражения понятия "теплое жилое здание (изба, дом)" в восточнобурятских и южнобурятских говорах употребляются преимущественно слова баэшан и зэмэээ (юж.-бур. дэзмэээ), в западнобурятских говорах — соол и тура. Вост.-бур., юж.-бур. баэшан заимствовано из халха-монгольского языка (и восходит к персидскому), зэмэээ — из русского языка. Ср. халх. байшин — дом, здание; русск. "зимовье — изба для зимнего жительства"⁶⁸. Зап.-бур. соол и тура заимствованы из сибирских тюркских языков. Во многих селах Нукутского, Аларского и Боханского районов Иркутской области слово соол означает "изба". В некоторых селах Нижнеудинского, Усть-Удинского и Боханского районов оно означает "печь". Слово соол заимствовано, очевидно, у хакасов. Характерно, что "оно в языке качинцев обозначало печь особого устройства. Такие печи напоминали русский камин, бытовали у качинцев до середины 30-х годов XX в. У сагайцев соол обозначает "избушка, землянка"⁶⁹. Отсюда можно заключить, что жители западнобурятских сел, которые заимствовали слово соол в значении "изба", имели в прошлом тесный контакт с сагайцами. Бу-

⁶⁸ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М., 1965, с. 682.

⁶⁹ Патачакова Д. Ф. Некоторые наблюдения над лексикой качинского диалекта хакасского языка. — "Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ", Абакан, 1960, вып. 8, с. 24.

рты же тех населенных пунктов, которые приняли слово соол в значении "печь", по-видимому, имели в прошлом близкое соприкосновение с качинцами.

Слово тура, употребляющееся главным образом в эхирит-булагатском говоре, также заимствовано из тюркских языков.

Понятие "настил в доме (пол)" в восточных и южных говорах выражается в основном заимствованиями из русского палааха и поол, в западнобурятских говорах — исконным словом оёор, означающим дно, основание. Ср. халх. шал, калм. пол.

Верх комнаты в восточнобурятском наречии обозначается преимущественно сочетанием слов дээдэ палааха (досл. верхняя плаха), а также словом потолоог, в южнобурятском — потолоог (< русск. потолок), в западном наречии — заимствованием из якутского уһээ (< як. уһуе, еһуе). Ср. халх. дээвэр, тааз, калм. потолок.

Понятие "поперечная балка, поддерживающая потолок (матица)", в восточнобурятском наречии выражается словами маатха, буруус (аг.), маатинса (хор.), в южнобурятских говорах — матняа (цонг., сарт.), матка (хамн.), в западнобурятском наречии — митнаа (эх.-бул.), нюрга модон (ал.-унг.), где матняа, маатинса (в различных вариантах) и буруус заимствованы из русского языка, а зап.-бур. нюрга модон — собственно бурятское название, состоящее из исконных слов ню — ган — спина; верхняя часть — и модон — дерево.

Для наименования окна в восточно- и южнобурятских говорах служат слова онгоошко и сонхо, в западнобурятских — шагаабар. Вост.-бур. и юж.-бур. онгоошко (юж.-бур. онгоошко) — окно заимствовано из русского языка (ср. русск. окошко), сонхо (юж.-бур. цон-кхо) — из халха-монгольского (< кит. чуан-ху), зап.-бур. шагаабар — собственно бурятское слово (от глагольной основы шагаа — смотреть + аффикс -бар). Ср. халх. цонх, калм. терз (калм. терз заимствовано из тюркских языков и восходит к иранским)⁷⁰.

⁷⁰ См.: Киргизско-русский словарь, Сост. проф. К. К. Юдахин. М., 1965, с. 728: "терезе — ир. окно".

Для обозначения понятия "перегородка" в восточных и западных диалектах служит собственно бурятское слово таһалга. В говорах южных бурят чаще используется лексическая единица исконно монгольского происхождения урёе. Ср. халх. ерёе, калм. ерэ - перегородка. В некоторых селах, где распространены цонгольский и северноселенгинский говоры, в значении "перегородка" употребляется заимствование из русского языка забор (цонг. дзавоор).

Для наименования плиты в восточнобурятских говорах используется преимущественно ушааг, в южнобурятских - шэрэмэ, хандза, в западнобурятских - пилтаа. Вост.-бур. ушааг заимствовано из русского языка, куда оно перешло из тюркских языков. Ср. тат. учак, кирг. очок - яма для огня; горн; дымовой проход. Русские заимствовали слово очаг у татар⁷¹. Юж.-бур. шэрэмэ, хандза заимствованы из халха-монгольского языка (ср. монг. ширэм - чугун, хандэ - нары), зап.-бур. пилтаа - из русского. Ср. русск. плита - кухонная печь.

Для выражения понятия "печной дымоход (труба)" употребляются слова: хоолоэ - в восточнобурятских, урхэ, сорго - в западнобурятских, чуваал, турваа, ыввэд (изредка яндан) - в южнобурятских говорах. Вост.-бур. хоолоэ, зап.-бур. урхэ и сорго являются исконными словами. Характерно, что слово сорго в значении "дымоходная труба" до сих пор сохранилось в речи ашебагатов с. Энхэ-Тала Кяхтинского аймака БурАССР, которые в прошлом были выходцами из Добайкаля и ныне почти полностью ассимилировались с местными цонголами. Примечательно и то, что слово сорго в значении "дымоходная труба" бытует также в дэрбетском говоре⁷². Это, видимо, не случайно. Языковые параллели между западнобурятскими говорами и калмыцким языком встречаются нередко, что свидетельствует о наличии в прошлом более тесных контактов западнобурятских племен с западномонгольскими (ойратскими), чем с восточномонгольскими (халхаскими). Ср. халх. яндан (< кит.) - дымоходная труба.

⁷¹ См.: Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 541.

⁷² См.: Вандуй Э. Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965, с. 166.

Юж.-бур. чуваал, турваа, ыввэд заимствованы из русского языка. Следует отметить, что слово чуваал перешло в русский язык из тюркских.

Колодезный журавль в западнобурятском наречии называется гонзоли (ал.-унг., тунк., бох.), жарвези (байк.-куд.), в южнобурятском - адзарга модо, дууджэ-гэ (сарт., цонг.), в восточнобурятском - саха. Из указанных названий зап.-бур. гонзоли и вост.-бур. саха являются исконными (гонзоли от гонзоэ - быть продолговатым + аффикс -ли; бур. саха - перекладина, монг. цах - подпорка); байк.-куд. жарвези и юж.-бур. дууджэ-гэ (дуушкэ) заимствованы из русского языка. Ср. русск. "жаравец или журавец - оцеп, рычаг, перевес на бабе или рассохе, для подъема тяжестей, воды и пр. // Козлы, краны, выстрел, брус свесом, железный наугольник с блоком для подъема тяжестей, глаголь"⁷³. В русских говорах Забайкалья журавль колодца также называется журавец (например, в с. Унэгэтэй Заиграевского аймака БурАССР). Диалектное дууджэ-гэ заимствовано из русского; ср. русск. дужка (т. е. предмет дугообразной формы, каким, очевидно, и был первоначально журавль колодца). Юж.-бур. адзарга модо, по-видимому, является калькой с русского жаравец (журавец). Но данное слово воспринято носителями говора, очевидно, по-иному - в значении "жеребец" (цонг. адазарга), так как по звуковому оформлению приведенные слова (жаравец и жеребец) сходны, и смысл слова жеребец скотоводу-цонголу более понятен, чем диалектное русское журавец (или жаравец), очевидно связанное с лексемой журавль (отсюда по-русски - журавль колодца).

В западных и южных говорах бурятского языка в значении "кровать" употребляется в основном слово орон (юж.-бур. оро), в восточных говорах - шэрээ⁷⁴, которые являются исконными. Ср. халх. ор, калм. орн - кровать; тюрк. орун - место; постель⁷⁵. Можно пред-

⁷³ Даль Владимир. Толковый словарь ..., т. 1, с. 547.

⁷⁴ В Заиграевском аймаке слово орон в данном значении неизвестно.

⁷⁵ См.: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 477.

положить, что орун (орон) в монгольских языках первоначально означало "место", затем - "постель, кровать". Возможно, слово орон, означавшее "место", получило дальнейшее семантическое развитие и стало употребляться в значении "страна".

В некоторых селах Качутского района и Баргузинского аймака, а также в нижнеудинском говоре бытуют русские заимствования караваать, краваать (нижнеуд.) < русск. кровать; харпаати (кач.) < русск. (мн. ч.) кровати, харваадха (барг.) < русск. кроватька.

Люлька (зыбка) в западнобурятских говорах называется еэбэ, в восточнобурятских и южнобурятских говорах - улгуи (с фонетическими вариантами). Ср. халх. өлгий, калм. өлгэ, в "Сокровенном сказании" олэгай, ст.-монг. өлэгэй - колыбель. В с. Кукунор Аларского района слова еэбэ и зыбкэ синонимичны; в с. Нельхай Аларского района еэбэ - бурятская люлька, а зыбкэ или мангад еэбэ - русская зыбка (подвешиваемая к потолку); в байкало-кударинском говоре качуулька - колыбель на полу, өлэгэ - зыбка, подвешиваемая к потолку; в хамниганском говоре данный предмет называется дзыбкэ. Слова зыбкэ (хамн. дзыбкэ), качуулька заимствованы из русского языка.

Большой железный ящик (сундук) в западнобурятских говорах называется хобта, яшаг, сэндэг, в восточнобурятских - тумэр ханза или сундууг, в южнобурятских - сундууг. Слово сундууг (зап. сэндэг) заимствовано бурятскими диалектами из русского языка, куда оно проникло из тюркских языков⁷⁶. Ср. вост.-бур. (заигр.) хобто - 1) кормушка для скота; 2) ящик из жердей для хранения сухого навоза, сел.-цонг. хобдо - пенал. Общей основой зап.-бур. хобта - ящик, сундук, цонг. хобдо - пенал, вост.-бур. хобоо - корыто, алт.-аш. хобоо - канава, видимо, является* хоб с общим значением "вместилище", к которой присоединены различные словообразовательные аффиксы.

В ареале распространения тункинского говора боль-

⁷⁶ См.: Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков, с. 544.

шой ящик называется алаэр⁷⁷. Лексема заимствована из русского языка. Ср. русск. ларь.

Небольшой ящик для хранения вещей во многих селах, где распространено западнобурятское наречие, называется яшаг (в с. Ранжурово Кабанского аймака яшаг означает "выдвижной ящик стола или буфета"). Зап.-бур. яшаг < русск. ящик. Юж.-бур. хаэрцаг, вост.-бур. хаэрсаг являются исконными. Ср. халх. хайрцаг -ид

Выдвижной ящик стола в некоторых западных говорах называется хомоод (ал.-унг.). Ср. русск. комод - низкий шкаф с выдвижными ящиками. В восточнобурятских говорах данный предмет именуют һугалга, в южнобурятских - шургуул, татамал, согомор, сугалга⁷⁸ (в западных говорах һугалга означает "двери из жердей у изгороди", һугалаад гаргаадтихуудэ⁷⁹ - вытаскиваются эти жерди, когда открывают изгородь). Слова шургуул, һугалга, татамал являются исконными (от основ шурга - пролезать, һугал-, тата - вытаскивать, вынимать).

В значении кадка для замешивания теста употребляются слова: зап.-бур. каваашниг (нижнеуд., тунк.), хаваашниг (байк.-куд.); торхо (бох.); вост.-бур. хуваашня (изредка торхо), юж.-бур. хуваашня (сел.-цонг.), куваашня (хамн.), хадуушка или талханы хадуушка (сарт.). Ср. русск. квашня, кадушка.

Обруч, надеваемый на кадку и т. д., в западнобурятских говорах называется сөхө (с фонетическими вариантами). Данное слово, видимо, заимствовано западными бурятами у тюркоязычных народов Сибири. Ср. хак. сыых - обруч⁸⁰. В южно- и восточнобурятских говорах этот предмет называется боолто (от боо - связывать). Ср. монг. боолт, буслуур, цагариг; калм. бус - обруч. Характерно, что в с. Улекчин Закаменского аймака представители рода һоэһо, как и их предки - западные буряты, обруч называют сөхө, а улекчинские

⁷⁷ См.: Абашеев Д. А. Тункинский говор. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965, с. 30 (Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 17).

⁷⁸ В с. Дырестуй Джидинского аймака БурАССР.

⁷⁹ С. Бутукей (Ново-Ленино) Нукутского района.

⁸⁰ См.: Русско-хакасский словарь. М., 1961, с. 480.

сартулы – боолто, хотя и те и другие издавна живут вместе. Ср. халх. боолт, буслүүр, калм. бус –id.

Корыто для поения скота в западных говорах называется колоодо (нижнеуд.), корытхо, хоритхо (барг.), в североселенгинском говоре – хорито, хорыто; в восточных – хамяага (например, в Заиграевском аймаке), в южнобурятских – ховоо. Слова хорыто, колоодо и хамяага (с фонетическими вариантами) заимствованы из русского языка. Ср., например, русск. "комьяга – обрубисто и топорно выдолбленное корытом бревно; долбушка вместо яслей для корма скота мелким и пареным кормом, также для водопоя; колода"⁸¹.

Название коромысла некоторыми бурятскими говорами также заимствовано из русского языка: нижнеуд. кармисэл (кормисэл), ал.-унг. кармысла (кормысло), кач. хормисла, барг. кормисол, сарт. хормисол, аг. хоромисол, заигр. хормисол (информаторы из с. Эрхирик сообщают, что раньше говорили духээг, а теперь хоромисол). Наряду с этим русским заимствованием (ср. русск. коромысло) в большинстве населенных пунктов, где распространены бурятские диалекты, бытуют исконные: зап.-бур. тээг (от основы тээ – накладывать, нагружать + аффикс –г), вост.-бур. ургэбшэ (от основы ургэ – поднимать + аффикс –бшэ), юж.-бур. ургэбчи и т. д.. Ср. монг. дамнуур, калм. ус үүрдэг модн.

Стекланный стакан в большинстве бурятских говоров называется астахаан (с фонетическими вариантами) < русск. стакан. В селах Кучегер и Разгон Баргузинского аймака этот предмет именуется хурустаал < русск. хрусталь (видимо, в местных русских диалектах стекланный стакан также называется "хрусталь"). В южных и восточных говорах бурятского языка он иногда называется шил аяга или шил астахаан.

В значении "блюще" во всех бурятских говорах наряду с исконными зап.-бур. яла, яланхаэ и некоторыми другими используется заимствование из русского бэлюудэ, бэлюосэ (с фонетическими вариантами). Происхождение зап.-бур. яланхаэ (бох.), ялагэз (байк.-куд.) и

⁸¹ Даль Владимир. Толковый словарь ..., т. 2, с. 149.

т.д., возможно, связано с бур. жалбагар – 1) плоскодонный, с низкими открытыми краями (о посуде); 2) чашеобразный. В пользу этого предположения говорит ал.-унг. жалгаэ – блюще. Известно, что эх.-бул. й соответствует ал.-унг. и вост.-бур. ж.

Неглубокая тарелка в западнобурятских говорах называется тарээлкэ (ал.-унг. торёолка, эх.-бул., кач. ольх., нижнеуд. тор'оэлхо) < русск. (сиб.) тарелка, тарелка. Вост.-бур., юж.-бур. халх. таваг, очевидно, заимствовано из тюркских языков. Ср. кирг. табак – деревянное блюдо⁸², тат. табак – большая чаша⁸³, тавах – тарелка⁸⁴ и т.д.

В значении "вилка" употребляются слова: зап.-бур. шебэгэ (в различных фонетических вариантах), нижнеуд., байк.-куд., сев.-сел., шерг., вост.-бур., сел.-цонг., алт.-аш. биилхэ, биилкэ < русск. вилка. В южных говорах бурятского языка "вилку" называют словом сабха (маньчж.). В с. Тарбагатай Заиграевского аймака рассказывали, что этот предмет раньше называли Һэрээ, а теперь – биилхэ. В с. Тохой Селенгинского аймака также говорили, что до недавнего времени вилку называли здесь сабха, а теперь – виилкэ, – и разъяснили при этом, что до революции вилки вообще не было, пользовались тогда деревянной палочкой с двумя зубцами, которая называлась сабха. Ср. маньч. сабка – палочка для еды, монг.-письм. сабка, олет.-кобд. савха, халх. савх – палочка для еды; уйг. сапак – рукоять, ручка. Подобных примеров замены заимствований из восточных языков или исконных слов русизмами немало.

В значении "сковорода" в западнобурятских диалектах употребляются исконные халаавар, яла, яланхаэ, а также русское заимствование ыскавардаа < русск. ско-

⁸² См.: Фирштейн Л.А. Материалы по пище киргизов Иссык-Кульской области. – В кн.: Новое в этнографии и антропологии. М., 1975, с. 56.

⁸³ См.: Татарско-русский словарь. М., 1968, с. 505.

⁸⁴ См.: Языки народов СССР (тюркские языки). М., 1966, с. 443.

ворода; в баргузинском говоре иногда встречается лаадка < русск. латка (в с. Ярикта – хувардаан и лаадха). В восточных и южных говорах в данном случае используются только русские заимствования – усхавардаа (в различных звуковых вариантах), изредка лаадка (например, в говоре шергальжинцев). Ср. халх. хайруул, калм. таава – сковорода.

Железное ведро в западных говорах бурятского языка называется һуулга, зантуу, заглуу. Ср. в “Сокровенном сказании” джангаоу – чарка. В дербетском говоре суулга означает “ведро”, а заңнуу – “ковш” (том төмөр шанага)⁸⁵; халх. хувин, калм. суулһ – ведро.

В южнобурятских говорах в значении железное ведро преимущественно употребляются русские заимствования бидаруу (цонг., хамн.) и хотёол (сарт.), в восточнобурятских – бидаруу. Слово хунэг – тюркского происхождения. Ср.: у М. Кашгарского көнэк⁸⁶ – кувшин; башк. кунэк, хак. көнек – ведро, турецк. кеунук – небольшой кувшин, тув. хөнек – чайник.

Бадья (у колодца) в говоре шергальжинцев называется сапаная, сев.-сел. сапаная, сапняя. Слово заимствовано из местных русских говоров. Ср. сиб. цепня – деревянное ведро, которым достают воду из колодца; хамн. бадня – то же.

Понятие “чайник” выражается в говорах следующими словами: в западнобурятских говорах – заимствованием из русского шаанаг (в различных фонетических вариантах – шааниг, шаэниг, чааниг, шаадниг, шииниг, саэнаг, шальниг, чааниг), вост.-бур. гусэ, юж.-бур. дзаваяя (цонг.), гуцэ (сарт.). Ср. монг. дзавьяа, гуц, данх (последнее слово в значении “чайник” отсутствует в бурятских диалектах; оно употребляется в пассивном словаре в смысле “чугунный кувшин для молочной водки”).

В значении “заварник” в западнобурятских говорах используются русские заимствования запаарниг и шаанаг (с фонетическими вариантами), в южнобурятских

⁸⁵ См.: Вандуй Э. Указ.соч., с. 154.

⁸⁶ Кашгарский Махмуд. Девону луготит турк. Ташкент, 1967, с. 168.

говорах – чааниг (чаэнаг), в восточнобурятских – дэвэр, реже шаанаг (шааниг).

Для обозначения зеркала в западных говорах служит заимствование из русского зээркэл (в частности, эх.-бул., тунк., закам., барг.), в восточных и южных говорах – исконные гэрэл, изредка толь (в сартульском говоре⁸⁷). Ср. халх., калм. толь – зеркало. У Мукаддимата: ал-Адаб толуи – зеркало. В “Сокровенном сказании” гэрэл – рассвет.

Спички, как предмет домашнего обихода, появились сравнительно поздно (в XIX в.)⁸⁸. Поэтому, очевидно, по говорам их названия очень различаются. Например, в западнобурятских говорах используются заимствования спичкэ (в звуковых вариантах) < русск. спичка, закам. сээрэнхэ, шерг. сээрэнкэ < местн. русск. серенка, эх.-бул. шээрэнхы, шээрэмххи < русск. мн. ч. серенки (наряду с собственно бурятскими названиями ал.-унг. зурааша, кач. зураахаэ, барг. зуруур от основы зура – чиркать + аффиксы -ааша, -аахаэ, -уур). В восточнобурятских говорах в данном значении бытует шиира (хор.), шээрэ (заигр.), также заимствованное из русского языка (< русск. сера). Ср. юж.-бур. (цонг.) дзуруул – спички. В ареале распространения хамниганского говора (с. Мангут, Ульхун-Партия) известно слово чидум, заимствованное из монгольского. Ср. халх. чүдэндэ (< кит.). Спичечный коробок у читинских хамниган называется чидумээ хаэрцаг (ср. монг. чүдэндэний хаэрцаг – то же), у агинских бурят – бортого или ширын торхо; сел.-цонг. багца, зап.-бур. корообко.

Для обозначения дверного замка в западнобурятских говорах в основном используются заимствования из русского замаг (нижнеуд., барг., байк.-куд.), хилууса, силууса, тилууса и т. п. (ал.-унг., бох., эх.-бул.). Вост.-бур. суурга, юж.-бур. чуурга (хамн. онисо, цооджи). Ср. халх. цуурга, цоодж (< кит. соцза)⁸⁹, калм.

⁸⁷ См.: Буряев И. Д. Сартульский говор. – В кн.: Исследования бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965, с. 119. (Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 17).

⁸⁸ См.: БСЭ. Изд. 2-е, т. 40. М., 1957, с. 314.

⁸⁹ См.: Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. М., 1961, с. 133.

енсн - замок. В "Сокровенном сказании" чоорка - замок (в сочетании чооркатай тэргэ - телега, имеющая замок).

Различаются по говорам также названия ключа. В западнобурятских говорах нередко употребляются заимствования из русского: хилууса (эх.-бул., байк.-куд.), силууса, сулюуса (кач.), салюуса (ольх.), шулууса (эх.-бул.), замоог - ключ (с. Зулман Качугского района), замаг - а) замок; б) ключ (с. Черноруд Ольхонского района). В восточных и южных говорах говорят в данном значении исконное тулкюур (цонг., сарт. тультюур, хамн. тулькюур). Ср. зап.-бур. тульхуур - пихло (с. Обуса Боханского района). Монг. тулхуур, калм. тулкур - ключ. В аларо-унгинском говоре (например, в селах Аларь, Бурков и некоторых других) в значении "ключ" используется слово шороб, также заимствованное из русского языка. Ср. русск. шуруп - винт (восходит к немецкому *Schraube*). Очевидно, местные русские, у которых заимствовано зап.-бур. шураб (шороб), ключ называли шуруп (по винтообразной форме, которую он имел раньше). Наряду с указанными русскими заимствованиями в некоторых западнобурятских селах употребляются собственно бурятское неэбэр (от основы неэ - открывать + аффикс -бэр) и общемонгольское эжэн - досл. хозяин.

В значении "веник" наряду с исконными хамуур и эльбуур (от основ хама-, эльбэ- - подметать) во всех бурятских наречиях чаще употребляется русское заимствование беэниг (в разных звуковых вариантах). В южнобурятских говорах иногда используются монгольские шуур, суур (хамн.) и харганаа⁹⁰ (цонг.). Ср. монг. шуур, калм. сэвур - веник.

В западно- и восточнобурятских говорах хлеб называется заимствованным из русского хэлеэмэ (с некоторыми фонетическими вариантами), в южнобурятских - талха. Ср. монг. талх, калм. едмг - хлеб (печеный). В записях Миллера в значении "хлеб" в бурятских говорах (точнее, в западнобурятских) зафиксировано слово етумук, восходящее к тюркскому. Ср. у М. Кашгар-

⁹⁰ Монг. харганаа означает "золотарник" (из чего изготавливается веник) и восходит к тюркским языкам.

ского: этмак⁹¹ - хлеб. Затем данный тюркизм был заменен русским хэлеэмэ. В некоторых селах в значении "хлеб" бытовали, видимо, собственно бурятские слова, созданные внутренними языковыми ресурсами. Так, информант из с.Алят Аларского района Н. Б. Барцев (1884 г. рождения, ашхай-хонгодорского рода) сообщал нам: "Ураэни улад хэлеэмэээ барюубша гэдэг баэ-хаймэ," (Раньше, когда я был еще маленьким, хлеб называли барюубша). Ср. зап.-бур. хэлеэмэ барьха - стряпать хлеб. Значит, зап.-бур. барюубша означало досл. "стряпня" (от основы бари- - стряпать).

В речи жителей Закаменского аймака, некогда мигрировавших из Добайкаля, в значении "хлеб" употребляется талхан. Но далахайская загадка о луе "урхэ дээрэ үрөөлэ хилээмэ", очевидно, говорит о том, что собственно закаменцы до своего переселения использовали заимствование из русского хилээмэ, а халхамонгольское талха заимствовали позднее от соседних сартулов (в загадках и фразеологизмах языковые явления в нередких случаях сохраняются дольше, чем в повседневной речи).

В значении "пахта" в восточнобурятском наречии бытует иилгэдэһэн, в южнобурятском (цонг., сарт.) - аэраг, а в западнобурятском наречии и хамниганском говоре употребляется русское заимствование паакта.

В значении "отруби" во всех бурятских наречиях используется заимствование из русского (в различных звуковых вариантах), а в южнобурятских говорах встречается также и другое заимствование - хурпээ (русск. крупа). Наряду с этим в восточных и южных диалектах бытует исконное шэгшэдцэ, шэгшэдус (цонг., сарт.), нагшаданан (хор.) от основы шэгшэ- или агша- - просеивать, нижеуд. шилгидууһэн - отруби (основа шилги-, видимо, также означает "просеивать").

Пиджак в западнобурятских говорах называется польтоо (с. Ишин, Эхинтой и другие Эхирит-Булагатского района) с фонетическими вариантами: польтоог, больтоо, больтоог, а также пинжааг или пиджааг, халаад, подёобхо; в южнобурятских говорах -

⁹¹ См.: Кашгарский Махмуд. Указ. соч., с. 51.

костюм, в восточнобурятски – хууртиг. Ср. монг. пиджак, цацц; калм. пиджак.

Расхождения в заимствованиях, обозначающих "пиджак", связаны не с тем, что в заимствующем языке развились новые значения у слов языка-источника, а с тем, что в местных русских говорах имелись такие же названия указанного вида одежды (пальто, поддевка, пиджак и т. д.).

В западнобурятских говорах женское платье называется халдаэха (эх.-бул.), сарпаан (кач., ольх.), булуузэ, булууза (ал.-унг., бох.). Юж.-бур., вост.-бур. палаати. Ср. монг. хувцас; калм. хувци – платье. Зап.-бур. халдаэха в значении "платье" заимствовано из местного русского говора. См. у Даля: "Холодайка сиб. холодник женский, шугай"⁹². Слово шугай означает "род суконной или ситцевой, шелковой, даже парчевой короткополой кофты с рукавами, с отложным круглым воротником и с застежками, с переходом и с ленточной оторочкой кругом // Род гладкого китайчатого сарафана городских старух, без всякого убранства"⁹³.

Таким образом, бурятские говоры заимствуют слова из различных языковых источников, что является одной из причин расхождений в диалектной лексике бурятского языка.

Несмотря на наличие лексико-семантических расхождений, имеющихся главным образом в традиционных слоях лексики, идет очень важный, глубокий процесс нивелировки этих различий, особенно в той части словаря, которая отражает идеологию марксизма-ленинизма, новые социально-политические и экономические условия, новую технику и быт.

Кроме того, в связи с укрупнением колхозов и совхозов, строительством промышленных комплексов на селе усиливаются контакты и связи представителей различных говоров, что также приводит к ускорению процесса сближения бурятских диалектов вообще.

⁹² Даль Владимир. Толковый словарь ..., т. 4, с. 559.

⁹³ Там же, с. 647-648.

Известную нивелирующую роль играет бурятский литературный язык, который оказывает влияние на говоры через школу, художественную литературу, прессу, радио и телевидение.

Положительную роль в создании общего фонда заимствованных слов, особенно советизмов и интернационализмов, играет русский язык. В составе лексики бурятских говоров появился и постоянно расширяется довольно значительный слой, отражающий новые формы жизни (колхоз, совхоз, доярка, пастух, комбайн, трактор, электричество, радио, телевизор, агитпункт, клуб, библиотека, ракета, спутник, космонавт и т. д.).

С другой стороны, выходят из употребления пласты слов, связанных с пережитками прошлого (со старой идеологией, со старыми формами ведения сельского хозяйства, со старинными предметами домашнего обихода и т. п.).

Таким образом, в настоящее время идет довольно интенсивный процесс выравнивания диалектных различий и распространения общих черт в лексике говоров.

Степень близости бурятских наречий по их фонетическим, морфологическим и лексическим признакам, как видно из приведенного материала, не одинакова. Сравнение показывает, что наиболее близки между собой восточное и южное наречия, особенно в области лексики и морфологии, хотя в фонетике сходств между западным и восточным наречиями заметно больше, чем между восточными и южными говорами. При этом сходств между западнобурятским и южнобурятским наречиями значительно меньше.

Однако следует подчеркнуть, что нет оснований преувеличивать различия между бурятскими диалектами, так как в них общих черт несравнимо больше. Даже в различающейся части лексики обнаруживается немало языковых явлений, одно из которых в данном наречии носит узко диалектный характер, а другое встречается в каком-нибудь говоре этого же наречия и в другом сравниваемом языковом подразделении. Например, в значении "полка" в эхирит-булагатском говоре употребляется слово данхаэ, а в аларо-унгинском – таг, как и в южнобурятском наречии (ср. вост.-бур. адяар – полка). Или чайник в цонгольском говоре на-

зывается дзаваяя, в сартульском – гүцэ, как и в восточном наречии (хор. гусэ). Ср. зап.-бур. шаанаг. В звуковом составе хоринского говора наряду со шелевыми согласными, свойственными западному наречию, в некоторых фонетических позициях иногда встречаются аффрикаты, характерные для южнобурятского наречия. Из морфологии можно привести следующий факт. Имена, оканчивающиеся на гласные и обозначающие родство и профессию людей, в хоринском говоре принимают аффиксы множественности –над и реже –нар. В южнобурятском наречии употребляется только аффикс –нар, в западнобурятском – –над; вост.-бур. (хор.) аханад и аханар – старшие братья, нагсанад и нагсанар – дяди по матери, зээнэд и зээнэр – внуки по женской линии. Ср. соответственно зап.-бур. аханад, нагсанад, зээнэд; юж.-бур. аханар, нагацанар, дзээнэр.

Итак, по фонетическим, морфологическим и лексическим признакам бурятский язык делится на три наречия (западное, восточное и южное) с соответствующими говорами, иногда подговорами; и каждое наречие обладает своими специфическими особенностями.

При анализе конкретного языкового материала обнаруживается, что восточнобурятское и южнобурятское наречия наиболее близки между собой, особенно в области лексики и морфологии. Но в фонетике сходств между западными и восточными говорами заметно больше, чем между восточными и южными. Языковые данные также свидетельствуют о том, что восточнобурятское наречие занимает как бы среднее, промежуточное положение между западными и южными говорами бурятского языка. Поэтому хоринское наречие, легшее в основу литературного языка, можно считать одним из удобных средств общения между носителями различных бурятских диалектов.

Диалектная лексика – источник обогащения бурятского литературного языка

Бурятский литературный язык сравнительно молодой. Он сформировался по существу лишь в годы Советской власти.

До Октябрьской революции и в первые послереволюционные годы забайкальские буряты пользовались монгольским письменным языком как своим литературным⁹⁴. Поэтому известная часть его лексики по традиции вошла в состав словаря современного бурятского литературного языка. Но монгольский письменный язык был далек от разговорного языка бурят, и основная масса трудящихся не имела возможности пользоваться им.

Только в советскую эпоху были созданы необходимые условия для формирования и всестороннего развития собственно бурятского литературного языка. Буряты обрели свою государственность, экономическую и культурную целостность; в республике начался бурный рост литературы и искусства, науки и культуры; организовалась широкая сеть общеобразовательных школ с преподаванием на родном языке. Бурятский литературный язык является, таким образом, детищем Великого Октября, реальным подтверждением претворения в жизнь ленинской национальной политики в нашей стране.

В советский период в основу литературного языка был положен сначала "селенгинский" (цонголо-сартульский) диалект. На наш взгляд, это исторически обусловлено, закономерно. Дело в том, что буряты, в частности хоринцы, в течение более чем 300 лет пользовались монгольским письменным языком, далеким от их диалекта. Поэтому непосредственный переход от монгольского письменного языка к литературному языку, основанному на собственно бурятском диалекте, был невозможен. Такой переход означал бы осуществление "внезапного скачка" в развитии бурятского литературного языка, что в корне противоречило бы сущности языка как средства общения. "Осуществление языковых изменений путем медленной эволюции является наиболее типичным"⁹⁵. Необходимо было базировать новый литературный язык сначала на диалекте, близком и к

⁹⁴ См.: Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные, с. 643.

⁹⁵ Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Отв. ред. Б. А. Серебrenников. М., 1970, с. 299.

монгольскому, и к бурятскому языку. Таким языковым подразделением был "селенгинский диалект", который "в то время стал одним из диалектов бурятского языка, близким к языку восточных бурят"⁹⁶. Затем, со второй половины 30-х годов, бурятский литературный язык развивался на основе хоринского диалекта.

Таким образом, понятие "норма литературного языка" исторически преходящее. Близость того или иного диалекта к литературному языку зависит от того, на какой диалектной основе он сложился. В настоящее время хоринские говоры находятся ближе к литературному языку, чем другие бурятские диалекты.

Как известно, русский литературный язык в отличие от бурятского давно сформировался, поэтому "с конца прошлого столетия литературный узус (русского. - Ц. Б.) языка не обогащается за счет диалектов"⁹⁷.

Несколько иначе обстоит дело с бурятским литературным языком. Если его орфографические и грамматические нормы вполне стабилизировались, то его лексическая норма находится в стадии становления. Это во многом связано с многодиалектностью бурятского языка и молодостью литературного языка. Поэтому лексика бурятских диалектов служит важнейшим источником обогащения и развития словарного состава литературного языка. Наряду с этим словарь бурятского литературного языка пополняется также за счет русских заимствований, советизмов и интернационализмов. Словарный состав современных бурятских диалектов чрезвычайно богат и разнообразен. В нем широко представлена бытовая лексика, отражающая материальную и духовную культуру бурятского народа, терминология скотоводства, различных ремесел, названия явлений живой и неживой природы. слова с отвлеченными значениями и т. д.

Огромная возможность слов вступать в сочетании с другими лексемами, различные способы словообразо-

⁹⁶ Шагдаров Л. Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967, с. 38

⁹⁷ Будагов Р. А. Литературные языковые стили. М., 1967, с. 88.

вания делают лексическое богатство бурятского языка поистине неисчерпаемым. Это особенно наглядно проявляется при переводе с русского языка на бурятский марксистско-ленинской, общественно-политической, художественной и другой литературы. Благодаря своему огромному лексико-фразеологическому богатству бурятский язык успешно справляется с задачей передачи содержания переводимых материалов во всей его полноте и значимости⁹⁸.

Основную часть лексики диалектов и литературного языка составляют общенародные (общепурятские) слова⁹⁹. В этой части диалектная лексика сходится с литературной. Незначительную часть лексики составляют узкодиалектные и специфически литературные слова. Здесь диалектная лексика расходится с литературной.

Анализ текстов бытовой речи различных говоров и отрывков из художественно-публицистической литературы показывает, что на долю узкодиалектных и специфически литературных слов приходится сравнительно небольшое число лексических единиц (на узкодиалектные слова - 5-8, на специфически литературные - 8-9%). Общенародные слова в диалектной и литературной лексике составляют более 90%. Эта общая часть лексики дает возможность носителям всех диалектов бурятского языка использовать его как важнейшее средство общения, позволяет лучше овладеть своим литературным языком.

⁹⁸ См.: об этом подробнее: Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка. Улан-Удэ, 1970; Он же. О переводе русской фразеологии на бурятский язык. - В кн.: Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, 1963; Он же. О переводах политической литературы на бурятский язык. - В кн.: Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965; Он же. Произведения В. И. Ленина на бурятском языке. - В кн.: К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Улан-Удэ, 1970.

⁹⁹ К ним относятся слова (исконные и заимствованные), употребляющиеся во всех или в большинстве бурятских диалектов и в литературном языке и совпадающие по фонемному составу и значению.

Итак, лексика бурятских диалектов делится на две части – общую и различающуюся. Основным источником обогащения словаря литературного языка является общая часть диалектной лексики. В различающейся части диалектного словаря выделяются также два слоя: слова, имеющие эквиваленты в других диалектах (параллельные слова, противопоставленные лексические различия) и диалектные слова, для которых в других говорах отсутствует непосредственный эквивалент (этнографизмы или непротивопоставленные лексические диалектные различия, обусловленные "различиями в материальной культуре, в природных условиях разных местностей, а также в экономике и быте")¹⁰⁰.

В литературном языке должны найти широкое употребление этнографизмы, например терминология рыболовства, сарлыкводства и т. д. Так, в байкало-кударинском говоре в отличие от других бурятских говоров сильно развита лексика рыболовства: хартха – поплавок, "наплава" (у невода), холбага – поплавок, "цепка" (у сети), тибоосо – грузило у невода, голёг – грузило у сети, матня – мешок посредине невода, заха – тетива у невода.

Термины, связанные с рыболовным промыслом, почти неизвестны восточным и южным бурятам, так как последние не занимаются рыболовством. Но зато в восточнобурятском и южнобурятском наречиях животноводческая терминология представлена богаче, чем, например, в байкало-кударинском говоре. Носителям данного говора не известны, скажем, такие названия домашних животных, как вост.-бур., юж.-бур. шулгэ – двухлетний баран, зуһаг – двухлетняя овца (юж.-бур. дзусаг), һиннэг – кастрированный молодой козел (цонг. сынэг).

Из параллельных слов в лексику нормированного языка должны войти лишь те, которые традиционно употребляются в литературном языке или бытуют в большинстве бурятских диалектов, например: ямаан – коза (но не барг. и қач. шоогэ), гулабхаа – голубь (но не зап.-бур. бурхан шубуун или цонг. тагтаа), сэ-

¹⁰⁰ Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962, с. 152.

сэг – цветок (но не байк.-куд. шаралжаахаэ), зуруул – спички (но не хор. шиира), удэшэхэ или хургэхэ – прожечь (но не аг. шиидхэхэ) и т. д. Подобные диалектизмы могут служить лишь средством стилизации, показа местного колорита в художественных произведениях.

Рассмотрим, как используются диалектные слова в бурятском литературном языке, в частности, в художественной и публицистической литературе.

Положительным является то, что в литературном языке употребляются диалектизмы в качестве одного из компонентов парных слов. Приведем несколько примеров.

Унэгэнэй харанхы гээшэшни үйлэ муутай, үргэнэ нойр хургэдэг тон хундэ үе юм¹⁰¹ (Предраассветная темнота – это самая тяжелая пора, когда сильно клонит ко сну). Здесь употреблены слова үргэнэн (сон), характерное для хоринского диалекта, и нойр (в том же значении), бытующее в говорах южных и западных бурят.

Ташуур минаа далгас гээ¹⁰² (Блеснула поднятая шетка): вост.-бур., юж.-бур. ташуур, зап.-бур. минаа – шетка.

Намаа набшын һабинаан дор налгай зуудэ манахалби¹⁰³ (Под шелест листьев я усну спокойным, тихим сном): зап.-бур. намаа, вост.-бур. и юж.-бур. набша – листья.

В литературном языке в значении "дождь" часто употребляются парные слова хура бороо, из которых первое характерно для западных, второе – для восточных и южных говоров бурятского языка.

Употребление диалектизмов в составе парных слов – наиболее эффективный путь обогащения литературного языка за счет диалектов. Сочетаясь с литературным компонентом, они делают речь более доходчивой для широкого круга читателей, в частности для западных бурят. При этом замечено, что в литературном языке в качестве компонентов парных сочетаний быстрее при-

¹⁰¹ Намсараев Хоца. Суглуулагдамал зохёолнууд, т. 1. Улан-Удэ, 1957, с. 365.

¹⁰² Улзытуев Дондок. Аадар. Улаан-Удэ, 1967, с. 14.

¹⁰³ Там же, с. 21.

виваются не узлокализированные диалектизмы, а известные нескольким говорам.

В связи с усиливающимся процессом взаимовлияния бурятских говоров, приводящим к известной нивелировке диалектных различий, некоторые диалектные слова проникают в литературный язык не в составе парных слов, а одиночно. Например, зап.-бур. угаа – очень, шэбшэхэ – думать, захалха – начинать, баран – все и другие слова употребляются в качестве синонимов к литературным словам – соответственно тон, бодохо, эхилхэ, булта.

Весьма положительным считаем то, что писатели – носители одних говоров стремятся употреблять в своих произведениях диалектные слова из других говоров. Диалектизмы в данном случае используются как один из приемов воздействия на широкий круг читателей и в стилистических целях. Например, у писателя-агинца встречается западнобурятское слово шэбшэхэ (думать): Яахадаад; байза, бултанһаа урид хамба ламаһаа адис абаад орхихомни ааб, – гэжэ шэбшэжэ байгаа һэн¹⁰⁴ (Аламжи думал: "Как бы мне раньше всех получить благословление от хамбо-ламы"). В стихах Ц. Х. Хабитуевой (из Кижингинского аймака БурАССР) встречаются западнобурятские магнай (лоб), нажар (лето) вместо литературных духа тзун и южнобурятское хуухэд (девушки) вместо лит. басагад: Хорёодхон наһатай Жениин магнайһаа хулһэн дуһална, гашуун хулһэн¹⁰⁵ (Со лба двадцатилетней Жени капает пот, соленый пот); Намар нургуулин эхилхэдэ, нажарайнгаа ажал хөөрэхэ¹⁰⁶ (Осенью, когда начнутся занятия в школе, я расскажу, где работала летом); Аляя илдам хуухэдтэй аалихан шэбэнэлдэн гэтэрни, һури дээшээл, дээшээл тэгүүлдэ, һиймэгэр үүлэнэй хирхаг тулан зогсошолой¹⁰⁷. (Пока я шепталась с веселыми и озорными девчатами, стог сена поднялся так высоко, что, казалось, он уперся в края перистых облаков).

104 Батожабай Д. Төөригдэһэн хуби заяан (Гансаардалга), т. 1. Улаан-Удэ, 1966, с. 7.

105 "Буряад унэн", 1968, 11 сент.

106 Там же.

107 Там же.

Диалектизмы используются в языке бурятской художественной литературы также и с целью более реалистического показа изображаемой среды, для создания местного колорита. Например, поэты Цэдэн Галсанов и Дондок Улзытуев – носители хоринского говора, показывая тункинскую действительность, вводят в авторскую речь диалектные слова из тункинского говора: Иижэ хуунэн һуугааша ибии, таабайм бэшэл даа¹⁰⁸ (Сидящие и разговаривающие здесь не бабушки и не дедушки мои); Найман ханатай хара соол найган һагад орбойно¹⁰⁹ (Виднеется восьмистенный слегка покосившийся домик); Хуухэн найхан саажатай дуухэн зулгы инаг бии¹¹⁰ (Есть милая девушка с красивой косичкой). Здесь ибии (бабушка), таабай (девушка), соол (дом), саажа (коса девичья) – диалектизмы, употребленные для выражения тункинского колорита.

Очевидно, должны широко внедряться в литературный язык этнографические диалектизмы – слова, обозначающие местные особенности жизни, специфически местные предметы или явления (например, лексика сарльководства, рыболовства и т. д.). По мере закрепления в лексической системе бурятского литературного языка такие слова становятся литературными. Но на первых порах этнографические диалектизмы, а также узкодиалектные слова, использованные для создания местного колорита или речевой характеристики персонажей, должны объясняться перифрастически. Объяснения лучше давать, по-видимому, в сносках, а иногда в скобках сразу после привлечения подобных диалектизмов.

В этой связи уместно вспомнить один случай. Во время диалектологической экспедиции в улусе Гуджиртуй Кяхтинского аймака пастух колхоза "Дружба" Д. Б. Рантапов (1924 г. рождения; ашебагат) рассказывал: "Ном дээр бэшээты баздаг – мөдөн хөөмэгшэ гэджэ. Энээниие манаэ эндэ нэгэш хун оэлогкогүй. Хуса Намсараев ушөө оэлгосты базгаа. Ондоо писаательнуудта оэлогдоггүй үгэ ехэ олон: үхэрээ нэрэльджаэгаа емуу, туголоо гүү?" (В книгах пишут "мөдөн хөөмэг-

108 Галсанов Цэдэн. Далайда нэмэри. Улаан-Удэ, 1968, с. 14.

109 Улзытуев Дондок. Указ. соч., с. 15.

110 Там же.

ше". Этого у нас ни один человек не поймет. Произведения Хоца Намсараева более понятны. У других писателей много непонятных слов, иногда не поймешь, о чем пишут — о корове или теленке). Слово хеэмэгшэ (ярмо) может быть, во-первых, этнографизмом (так как далеко не везде этот предмет бытует), во-вторых, оно является узкодиалектным (в одних населенных пунктах ярмо называется хеэмэгшэ, в других — ёрмоо), в-третьих, в некоторых говорах оно вообще отсутствует. Поэтому читателям — носителям южнобурятского наречия оказалось непонятным слово хеэмэгшэ, которое у них не бытует.

Приведенные выше слова читателя говорят прежде всего о необходимости умелого использования диалектизмов.

Таковы, на наш взгляд, основные пути и возможности обогащения бурятского литературного языка за счет территориальных диалектов. Наблюдения показывают, что эти возможности используются в основном правильно.

Вместе с тем имеются случаи неуместного употребления узкодиалектных слов вместо утвердившихся в литературном языке и широко распространенных. Так, выходяцы из Агинского национального округа употребляют диалектизм жэргэмэл вместо давно бытующего в литературном языке булжамуур (жаворонок): Дун сагаан тала дээгуур дуулана жэргэмэл дээгуур¹¹¹ (Высоко над степью поет жаворонок); Дуулимхан агаарта жэргэмэлдэл дэгдээд, дуугаа татаха дурам хүрэнэ¹¹² (Мне хочется петь и петь, как жаворонок, поднявшись в воздух). Носителям большинства других говоров не известно, что жэргэмэл — это жаворонок. В лучшем случае они поймут жэргэмэл как жэргэдэг шубуун, т. е. "певчая птичка вообще".

В произведениях П. И. Малакшинова также наблюдается излишнее употребление узкодиалектных слов из западнобурятского наречия: һүгэхэ (бить), вл. лит.

¹¹¹ Жапхандаев Д. Хонгёо хугжэм. Улаан-Удэ, 1967, с. 12.

¹¹² Жанчипов Жамъян. Талын дунда. — In: Ургэн Хорин дуунууд. Улаан-Удэ, 1967, с. 30.

сохихо, һабача (хлестать) вместо лит. шабхуурдаха и другие. Например: Адууша ... дары морин тээшээ эрьежэ, тэрэнээ боожороо һабаадхина¹¹³ (Адуша ... вдруг поворачивается в сторону своего коня и ударяет его вожжами).

Как неоднократно отмечал А. М. Горький, писатели должны привлекать диалектный материал очень осторожно и умело, руководствуясь в своей работе принципом художественной меры, выразительности и понятности.

При наличии литературного эквивалента нет необходимости вводить вместо него узкодиалектное слово, если это не связано с употреблением его в стилистических целях. Должны заимствоваться слова, отсутствующие в литературном языке и обогащающие его. За это ратовали крупнейшие русские языковеды А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, Я. К. Грот, А. А. Шахматов, В. И. Даль. Например, Я. К. Грот писал: "Местные слова, удачно выражающие такие понятия, для которых недостает слов в языке письменности, могут быть пригодны для всеобщего употребления"¹¹⁴.

Для правильного использования диалектной лексики и обогащения бурятского языка необходимо хорошо знать и изучать местные говоры и нормы литературного языка. Однако в настоящее время в бурятском литературном языке, нормы которого сложились лишь в советский период, не всегда бывает легко определить, что литературно и что нет. Так, большие различия по диалектам имеются в терминологии родства, флоры и т. д. Терминология родства: слово баабай означает в одних говорах "сестра", в других — "отец", в третьих — "дед по отцу", в четвертых — "дед"; абгай означает то "брат", то "жена брата"; ахай — то "сестра", то "брат", то "жена брата". Эти различия в диалектной лексике отражаются и в литературном языке.

В газете "Буряад үнэн" читаем: Чехословакиин хоккей наадагшадай ахалагша тренер Ярослав Питнэр гэгшье суг ажалладаг нухэдын 40 хүрэнэн үдэрээрнь

¹¹³ Малакшинов П. Адууша. Улаан-Удэ, 1961, с. 6.

¹¹⁴ Грот Я. К. Филологические разыскания, т. 1, Спб., 1876, с. 21-22.

амаршалба. Тийхэдэ Питнер эгээл залуу ... баабай гэжэ тодорүүлгадаба. Юуб гэхэдэ, тэрэнэй басаган мунөө 21 наһатай, аша басаганиинь (видимо, эээ, так как аша — дети сына. — Ц. Б.) хоёрхон жэлтэй болоһон бааба¹¹⁵ (Коллеги поздравили старшего тренера чехословацких хоккеистов Ярослава Питнера с сорокалетием. При этом выяснилось, что Питнер — самый молодой отец, потому что его дочери 21 год, а внучке — два года). Неясно, кто подразумевается под словом баабай: отец 21-летней дочери или дед двухлетней внучки?

Пишут также Бимбаадай абгай¹¹⁶, Ванки ахайхан¹¹⁷. Многим непонятно, о ком здесь идет речь.

Вот строки из стихотворения "Бадма сэсэг":

Бартаа ногоон тээлиг соо	В изгороди, где зеленая трава,
Баян дайдын гоёлто Бадма сэсэг баглайнаш.	Распустился мак полевой — Краса степи привольной.
Торгон шэнги зөөлөхөн Тон олиг шарахан дэль- бэшни	Отчего же так нежно Качаются во все стороны
Урин юундэ даллажа,	Маслянисто-желтые, слов- но шелк,
Урагшаа хойшоо най- ганаб?!	Мягкие лепестки твой?

Можно лишь догадаться, что речь идет здесь не о купальнице¹¹⁸, а о маке полевом, так как купальница растет в лесах, по лугам, чаще она оранжево-красного цвета¹¹⁹. Без пояснений к подобным словам, по-видимому, трудно обойтись.

¹¹⁵ "Буряад унэн", 1968, 15 февр.

¹¹⁶ Галсанов Б. Юрэ бусын ушар (интермеди). — "Буряад унэн", 1969, 4 янв.

¹¹⁷ Галданов Н. Худанай басаган. — "Буряад унэн", 1968, 28 янв.

¹¹⁸ Кстати, бадма сэсэг в литературном языке и большинстве бурятских говоров употребляется в значении "купальница".

¹¹⁹ См.: Котов И. С. Сезонные явления в природе Бурятии. Улан-Удэ, 1968, с. 25: "В лесах, по осыроватым лугам весь июнь цветут оранжево-желтые и оранжево-красные купальницы".

Здесь возникают известные трудности. Какой из этих вариантов должен войти в литературный язык? Очевидно, нужно изучать процесс использования многовариантных терминов и слов в литературном языке и принять те из них, которые встречаются наиболее часто.

Следует отметить, что подобных неясных вопросов в бурятском языке, вызванных главным образом его многодиалектностью, сравнительно немного, ибо на данном этапе развития бурятский литературный язык можно считать в известной мере сложившимся. Во всех необходимых случаях следует ориентироваться на литературный язык, который играет организующую роль.

ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА БУРЯТСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Предметы и явления объективной действительности обозначаются в диалектах не только отдельными лексическими единицами, но и устойчивыми словосочетаниями, состоящими чаще из двух слов. Так, понятие "деревянная юрта" даже в одном и том же говоре выражается как одним, так и несколькими словами, например: ольх. һөрэ и бураэд гэр, кач. гэр и бараэд гэр, сев.-сел. һөри и һөрин гэр и т. д. В единичных случаях наименования состоят из трех и более словарных единиц: каб. сагаан хара баабгаэ – белый медведь, ал.-унг. бурхан баабээ тогоогоо нэрээ – радуга. Отсюда исследователи справедливо отмечают, что "наименования бытового языка (номинанты) могут состоять не только из отдельных слов, но и из сочетаний слов ... Такого рода сочетания слов эквивалентны словам и приближаются к ним, приобретая в силу своего повседневного и массового употребления известную стандартность, некоторую цельность в структурном и в смысловом отношении"¹. Как пишет И. В. Арнольд, "словарным составом любого языка называется совокупность всех имеющихся в этом языке слов и эквивалентов слов. Под эквивалентами слов понимаются устойчивые сочетания, которые, подобно словам, не создаются в речи заново, а вносятся в нее в готовом виде"². Та-

¹ Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961, с. 7.

² Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1959, с. 6.

ким образом, в лексикологии изучаются не только отдельные слова, но и эквивалентные им устойчивые словосочетания.

Лексикология подразделяется на историческую и описательную. Историческая лексикология изучает вопросы формирования, развития и обогащения словарного состава языка в связи с историей народа. Описательная лексикология занимается вопросами значения слов, их стилистической характеристикой, объемом и структурой словарного состава в синхронном плане. В частности, все проблемы, связанные со значением (полисемия, омонимия, синонимия, антонимия) изучает семасиология. Но поскольку слово в своей исходной форме представляет собой органическое единство звучания и значения, в исторической лексикологии обращается внимание и на некоторые семасиологические вопросы.

Кроме того, "специфику словарного состава каждого отдельного языка рассматривает частная лексикология этого языка"³. Теория слова, проблемы знаковости, отдельности, тождества слова и другие являются общелекксикологическими проблемами. Но так как "каждая частная лексикология основывается на положениях общей лексикологии"⁴, нами рассматриваются и некоторые общелекксикологические вопросы.

Лексика языка представляет собой специфическое отражение действительности. Точнее, с реальной действительностью связаны понятия, являющиеся отражением окружающего нас объективного мира, а понятия выражаются словами, при помощи слов. "Слово как значимая единица языка соотносится с тем предметом, явлением, процессом, качеством, названием которого оно служит, выступая выражением понятия о нем"⁵.

Различаются слова, непосредственно выражающие понятия. Это так называемые знаменательные слова, имеющие самостоятельное значение и выполняющие номинативную функцию. В отличие от них служебные сло-

³ Арнольд И. В. Указ. соч., с. 6.

⁴ Там же.

⁵ Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык, ч. I. М., 1962, с. 23.

ва передают не самостоятельные понятия, а отношения между словами, выражающими понятия. Связь служебных слов с понятиями осуществляется не прямо, а косвенно, через посредство знаменательных слов. Поэтому лексикология уделяет главное внимание знаменательным словам, а служебные слова рассматриваются преимущественно в грамматике.

Следует заметить, что в лингвистике существуют различные определения слова. Одни исследователи считают основным свойством слова его изолируемость, т. е. способность употребляться в виде отдельного предложения (Л. В. Щерба, С. Д. Поливанов и др.), вторые — его цельнооформленность, т. е. наличие общего грамматического оформления для всех элементов, составляющих слово (А. И. Смирницкий), третьи — фразеологичность (М. В. Панов) и т. д. Это связано с тем, что "определение самых общих понятий вообще представляет большие трудности в любой науке, а задача определения слова оказывается особенно сложной потому, что слово, являясь единством звучания и значения, оказывается своеобразным фокусом, в котором скрещиваются проблемы лингвистические, философские и психологические"⁶.

Советскими учеными В. В. Виноградовым, А. И. Смирницким, В. М. Жирмунским, Е. М. Галкиной-Федорук, О. С. Ахмаевой, К. А. Левковской и другими написано немало работ, посвященных исследованию теории слова. Исходя из основных положений этой теории, в общих чертах можно сформулировать: слово — это исторически сложившаяся минимальная самостоятельная языковая единица, которая обладает значением и выражает при помощи звука или комплекса звуков понятия, являющиеся отражением объективной действительности.

На научной конференции по вопросам бурятского языка справедливо отмечалось, что одним из недостатков в изучении бурятских говоров является "отсутствие исторического подхода к материалу изучаемых диа-

⁶ Арнольд И. В. Указ. соч., с. 27.

лектов"⁷. В работе проф. В. И. Цинциус "Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков", являющейся программой для тех, кто "отваживается пуститься в путь по непроторенным тропам сравнительно-лексикологических изысканий", подчеркивается, что "лексикологические изыскания являются неотъемлемой частью историко-сравнительного изучения языков"⁸.

В трудах М. А. Кастрена, Г. И. Рамстедта, Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева и других в связи с исследованием монгольских и иных языков привлечены факты и бурятского языка. Однако вопросы исторического развития бурятского языка, в частности его лексики, не подвергались специальному изучению.

Важнейшими источниками для сравнения лексики современных бурятских говоров с более древней служат ранние памятники монгольской письменности, данные современных монгольских, а также тюркских, тунгусо-маньчжурских и других языков алтайской семьи. Как писал Ф.Энгельс, "материя и форма родного языка" становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам, и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам"⁹. При рассмотрении словарного состава бурятских диалектов в историческом плане мы прежде всего ориентируемся на традиционные, собственно бурятские говоры: хоринский, эхирит-булагатский, боханский и т. д. В необходимых случаях привлекаются материалы и других диалектов.

Как показывают факты, лексика бурятских говоров складывалась в течение довольно продолжительного времени. Процесс ее формирования начался в отдаленную от нас эпоху, по-видимому, не позже середины первого тысячелетия нашей эры, когда протобурятские племена выделились из числа древних монголов. Как

⁷ Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955, с. 94.

⁸ Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 3.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 333.

отмечает Ц. Б. Цыдендамбаев, "мы располагаем достаточно убедительными этно-лингвистическими данными, позволяющими датировать выделение протобурятских племен бурет (или бурят) и кори (или хори) из числа древних монголов где-то в середине I тысячелетия или, во всяком случае, в пределах V-VIII вв. н.э." 10. На основе последних достижений в области изучения древних языков и культур Центральной Азии стало известно, что возникновение монгольской письменности и первых монгольских литературных языков относится к глубокой древности. "Уже в IY в. н.э. монголызычные тоба (табгачи) имели свое письмо, кидани, также монголызычный народ, создавшие свою государственность и сравнительно развитую культуру, имели две системы письма" 11. Правда, в настоящее время нам известно очень мало из того, что связано с этими древнемонгольскими языками 12. Так, из табгачского (тоба) языка дошли до нас лишь отдельные слова, например: углэн - облако 13. Ср. бур. үүлэн, халх. үүл (эн), мнгр. улин, ст.-монг. эгүлэн, Хэйи. 14 э'үлэн, Лейд. 15 эүлэн, Мук. 16 э'үүлэн (тюрк. булут, эвенк.

10 Цыдендамбаев Ц. Б. Историческое место бурятских географических названий в топонимике Прибайкалья. - Actes du XI-e congrès international des sciences onomastiques", Sofia, 1974, t. 1, с. 200.

11 Кара Дьердь. История монгольской письменности. Автореф. докт. дис. Л., 1975, с. 3.

12 См.: Стариков В. С., Наделяев В. М. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М., 1964.

13 См.: Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972, с. 9.

14 См.: Haenisch E. Wörterbuch zu Monhgoi-un Niuca Tobča 'an (Yüan - ch'ao pi - shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962.

15 См.: "Изв. АН СССР". Сер. У1, 1927, № 15-17, с. 1254-1274. (Здесь помещен персидско-монгольский словарь); Сер. VII. 1928, № 1-2, с. 55-78 (имеется арабско-монгольский словарь).

түксу, сол. түкчэ, нег. тохса, орок., ульч., нан. тэвэксэ, уд. токэ - облако, туча); табгач, кэлмэрчин - переводчик 17. Ср. бур. хэлмэршэ, халх. хэлмэрч, калм. кэлмэрчи, ст.-монг. кэлэмэрчи - переводчик; толкователь; оратор и некоторые другие. Кроме того, известно свыше сотни киданьских слов: на́ир - солнце, сáир - луна, таули - заяц, шава или шаваа - хищная птица, тау - пять, джау - сто 18, товус - пыль, шаваджи - птицелов 19 и т. п. Ср. соответственно бур. наран, халх. нар(ан), калм. нарн, мог. наран, мнгр. нара, даг. нар, дунс., баоан, наран, Мук., Ибн 20, квадр. 21, Лейд., Лиг. 22, ст.-монг. наран - солнце; бур. нара, халх. и калм. сар, мнгр., дунс., Лейд. сара, баоан. сарэ - месяц, луна; даг. сар - месяц, саруул - луна, Ибн, ст.-монг. сара - месяц, саран - луна; бур. и халх. туулаэ, калм. туула < ст.-калм. туулай, мнгр. туулий, даг. таулий, Мук. та'уулай, Лейд. таулай, ст.-монг. таулай - заяц; бур. шубуун, халх. шувуу, калм. шовун, мнгр. шуу, даг. шووо, ордос. шивуу, Мук. шиба'уун, Ибн шиба ('уу)н, Лейд. шибавун, ст.-монг. сибагун - птица; бур. табан, халх. тав(ан), калм. тавн, мнгр. табен, тавен,

16 См.: Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1-2. - "Труды Ин-та востоковед.", М.-Л., 1938, т. 14.

17 См.: Кара Д. Книги монгольских кочевников, с. 9; Лигети Л. Табгачский язык - диалект сяньбийского. - "Народы Азии и Африки", 1969, № 1, с. 111: кэлмурчин - переводчик.

18 См.: Кара Д. Книги монгольских кочевников, с. 10.

19 См.: Лигети Л. Рец. на кн.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков (т. 1. М., 1953). - "Вопр. языкознания", 1955, № 5, с. 138.

20 См.: Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1-2. Прилож. 1У (Список монгольских слов из глоссария Ибн-Муханны).

21 См.: Квадратная письменность. М.-Л., 1941.

22 См.: Ligeti L. Histoire secrete des Mongols. Budapest, 1971.

дунс. тавуан, баоан. тавон, монг. табун, Мук., Ибн, Лейд. табун, квадр. табун; бур. зуун, халх. дзуу, калм. зун, зуун, мнгр. джион, баоан. джон, Мук., Ибн джауун, Лейд. джавун, ст.-монг. джагун - сто; бур. тоо - һон, халх. тоос(он), калм. тоосн, даг. тоос, Ибн тоосун, ст.-монг. тогусун - пыль; бур. шубууша, халх. шуууч - птичник, калм. шовуучи, ордос. шивуучи, ст.-монг. сibaгучи - птицелов.

Но и эти немногочисленные языковые факты говорят о многом. Они свидетельствуют прежде всего о том, что начало формирования словарного состава монгольских диалектов, в том числе бурятских, относится к далекому прошлому. В этой связи большой интерес представляют предположения монголистов о том, что в древнемонгольском языке имелись диалектные ответвления, восходящие к тем или иным современным монгольским языкам²³. Одни из древнемонгольских диалектов были, возможно, ближе к протобурятским (например, диалект, легший в основу старописьменного монгольского языка), другие - к протохалхаским (например, киданьский язык). Ср. бур. наран и ст.-монг. наран - солнце, халх. нар и киданьск. наир - id. Или бур. табан и ст.-монг. табун - пять, халх. тау и киданьск. тау - id.

На наличие диалектных ответвлений в среднемонгольском языке указывает "Сокровенное сказание": "К Теб-Тенгрию стали стекаться крепостные всех девяти языков"²⁴, или "... Стала собираться к Теб-Тенгрию подданные всех девяти языков"²⁵. В памятниках монгольской письменности можно обнаружить некоторые следы протобурятских и других диалектов единого монгольского языка. Например, в языке "Сокровенного сказания", наряду с обшемонгольскими чертами, мы находим отдельные лексические особенности, свойственные лишь тому или иному современному монгольскому языку. Приведем примеры.

²³ См.: Лигети Л. Рец. на кн.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика ..., с. 139-140.

²⁴ Козин С. А. Сокровенное сказание. М. - Л., 1941, с. 117.

²⁵ Там же.

Черты, характерные для халха-монгольского языка: Лиг.²⁶ окин и совр. монг. охин, ехин - девушка, ср. бур. басаган, калм. хуукн; кома'ул (Лиг., § 234) и совр. монг. хомоол - конский помет, ср. бур. тонтгоол, калм. кет; нункасу (Лиг., § 86) и совр. монг. унгал (наряду с ноос) - овечья шерсть, ср. бур. ноон, калм. ноосн; һерене (Лиг., § 88: һеренэчэ - с запада) и совр. монг. ерне (наряду с баруун) - запад, ср. бур. баруун, калм. нарн суух уэг.

Черты, свойственные калмыцкому и халха-монгольскому языкам: маши (Лиг., § 276), калм. и халх. маш - очень, ср. бур. уугаа, тон; кайку (Коз.²⁷, с. 593), калм. хээх и халх. хайх - искать, ср. бур. бэдэрхэ; соносчу - прислушавшись (Лиг., § 110), калм. сонсх. и халх. соносох - слушать, ср. бур. шагнаха.

Черты, характерные для бурятского языка: эрие (Лиг., § 232) и бур. эрее - взышем, ср. монг. шаардья - то же, калм. бэдж авх - взыскать; камсаджу (Лиг., § 134) и бур. хамнажа - принимая участие, ср. монг. хавсрн.

Черты, свойственные бурятскому и халха-монгольскому языкам: аур (Коз., с. 579), бур и халх. уур - ступа, ср. калм. цохг; удаан (Коз., с. 587), бур. и халх. удаан - медленно, ср. калм. арһулхн, урвэд.

Очевидно, в тот период протобурятские диалекты вместе с другими монгольскими диалектами входили в состав единого языка монголов и развивались в общем русле этого языка.

В лексике современных бурятских говоров, особенно западнобурятских, сохранились весьма древние по времени бытования слова. Возьмем, например, западнобурятскую лексику хуур - слово, речь. Очевидно,

²⁶ См.: Ligeti L. Histoire secrete des Mongols. В изданиях Л. Лигети, С. А. Козина и других монгольским текст памятника передан знаками академической латинизированной транскрипции. В данной работе монгольские примеры по техническим причинам передаются в транслитерации на русской графике.

²⁷ См.: Козин С. А. Указ. соч.

она состоит из омертвело́го корня* кэ – говорить²⁸ и аффикса -уур (возможное развитие: кэгуур > кэ'уур > кэуур > куур²⁹ > хуур). Данная лексическая единица сравнима с общебурятскими хэлэн – язык (<древнемонг. кэлэн), хэлэ – говорить (<древнемонг. кэлэ)³⁰, фолькл. (бур.) хуунэ – рассказывать, говорить (<древнемонг. *кэг'унэ > кэ'унэ > кэунэ > куунэ > хуунэ). В приведенных словарных единицах общим корнем является кэ (<*кэ-). Слово хуур в настоящее время употребляется лишь в западнобурятских говорах. В других монгольских языках и диалектах оно не встречается. Ср. вост.-бур., юж.-бур. угэ, халх., калм. уг, мнгр. уге, Вук., ст.-монг. угэ – слово, речь. Лексическая единица хуунэхэ сохранилась в основном в эпических произведениях бурят в составе фразеологизма хэлэн хуунэн баэбал даа (досл. говоря – рассказывая, стоял), основным компонентом которого является парное сочетание хэлэхэ хуунэхэ – говорить, рассказывать³¹. Заметим, что древние слова часто сохраняются не только в составе фразеологических единиц, но и в парных сочетаниях. Ср. парн. хүхэ мадага – плотничьи инструменты, древнее мадага в значении "большой нож" сохранилось лишь в отдельных бурятских говорах, например в тункинском.

Как известно, существует два основных источника формирования словарного состава языка: возникновение исконных слов и заимствование лексических единиц из других языков.

Исконная лексика современных бурятских говоров состоит из общемонгольских и собственно бурятских слов. Рассмотрим их подробнее.

28 Ср. общемонг. гэ – говорить, сказать.

29 Ср. нижеуд. куур – слово, речь.

30 Ср. зап.-бур. хуур хэлэхэ – досл. говорить слово (произносить речь).

31 См.: Еренсей. Подгот. текста, пер. и прим. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1968, с. 33–34: "Зориһолон газартаа золотой заяатай ябыш даа! Золхон заяан хоёроо дайда дээрээ асарыш даа!"... гэжэ хэлэн хуунэн байбал даа ("Будь счастлив там, где ты будешь, счастье и судьбу на родину верни!" – так говорили-сказывали).

Данный пласт лексики составляют слова, широко распространенные в современных бурятских говорах и встречающиеся в других монгольских языках. Общемонгольскими являются почти все названия частей тела человека, родства и свойства людей, подавляющее большинство терминологии фауны и флоры, названий предметов и явлений из области неживой природы, а также прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия. Многие из них зафиксированы в "Сокровенном сказании", "Лейденской рукописи"³² и других ранних памятниках монгольской письменности и до сих пор имеют широкое распространение в бурятских говорах. Так, более 80% слов, помещенных в персидско-монгольском и арабско-монгольском словарях "Лейденской рукописи" находится в активном употреблении в современном бурятском языке. Приведем несколько примеров. Из арабско-монгольского словаря: гал – огонь, гэр – дом, зүдэн – дверь, дэбэл – верхняя одежда, дэрэ – стремя, нумун – лук, сумун – стрела. Ср. соответственно бур. гал, гэр, үүдэн, дэгэл, дурөө, нomo, һомон. Из персидско-монгольского словаря: түлээн – дрова, тосун – жир, сало, эмээл – седло, джилаву – повод (узды), эмүдэн – штаны, оймасун – войлочные чулки. Ср. соответственно бур. түлээн, тоһон, эмээл, жолоо, үмдэн, оэмһон. Из "Сокровенного сказания": саулуга – ведро, подойник, аур – ступа, уноа, унога – средство передвижения, дэрэ – подушка, һуртэсун – лоскуток, обрезок, һэлигэбчи – набрюшник, гудусу, гудусун – сапоги. Ср. соответственно бур. һуулга, уур, унаа, дэрэ, үртэһэн, элигэбшэ, годоһон (или гутал) и т. д.

Многие исконные слова унаследованы от древнейшего языкового состояния. В лексике современных бурятских диалектов имеется немало слов и корней, общих не только для других монгольских языков, но и для тюркских и тунгусо-маньчжурских. Они зарегистри-

32 Козин С. А. Указ. соч.; Ligeti L. Ср. cit.; "Изв. АН СССР. Сер. У1", 1927, № 15–17, с. 1254–1274; Сер. У11, 1928, № 1–2, с. 55–78.

рованы в памятниках древнетюркской письменности³³ и лексикографических трудах по тунгусо-маньчжурским языкам³⁴. Так, в "Древнетюркском словаре" обнаружено нами не менее 900 словарных единиц, в лексическом материале, привлеченном к работе В. И. Цинциус "Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков", находим более 700 корней и слов, имеющих параллели в лексике бурятских говоров.

Общими являются многие термины родства, названия частей тела, явлений природы, видов рельефа, наименования различных качеств, обозначения действий и т. д., которые известны как слова, обладающие в целом исторической устойчивостью и малой проницаемостью для заимствований.

При выявлении исконных слов принимаются во внимание прежде всего их корневые элементы, фонеморфологические и семантические показатели, распространенность и употребительность слов в сравниваемых родственных языках. Так, бур. эсэгэ - отец имеет соответствие во всех монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках: халх. эцэг, калм. эцг, даг. эчэг, эчиг, Хэйи., Мук. эчигэ, Лейд. эчгэ, ст.-монг. эчиге Этике - отец // др.-тюрк., азерб., каз., башк., тат., к.-калп., уйг. ата, узб. ота, чув. ати, атта - отец; предок // эвенк. этэ - старик, эвен. (вост.) этэ - дед; дядя. Общим корнем данных слов является эти // *ати.

Бур. улаан - красный: халх. улаан, калм. улан, мнгр. фулаан, мог. улоон, даг. улаан, дунс. хулан, ба-оан. фэлан, Мук. фула аан, Ибн улаан, Лиг. фулаан, Лейд. фулаан, фула ан, ст.-монг. улаган // эвенк. хуларин, холарин, оларин, эвен. хуланя, маньчж. фулахан - красный // тюрк. ал - ярко-красный. Общий корень слов - ула // хула (фула) // ал со значением "красный".

³³ См.: Древнетюркский словарь. Ред. В. М. Надеяев и др. Л., 1969.

³⁴ См.: Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949; Эвенкийско-русский словарь. Сост. Г. М. Василевич. М., 1958.

Бур. саһан, халх. цас(ан); калм. цасн, даг. час, мнгр. часе, дунс. часун, баоан. часон, мог. чоосун, Мук., Ибн, Лейд., Лиг., ст.-монг. часун - снег; бур. сагаан, халх. цагаан, калм. цаган (орфогр. цаһан), даг., мнгр. чигаан, дунс. чыган, баоан. чихан, Мук., Ибн чагаан, Лейд. чакаан, квадр. ч' ака-ан - белый. Ср. тюрк. чал - седой, серовато-белый, эвенк. чалбан - береза. Эти слова имеют общий корень *ча со значением "белое".

В бурятских диалектах обнаруживается значительное количество общемонгольских слов, имеющих параллели в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках. Приведем примеры из различных тематических групп.

Терминология родства и свойства: бур. (вост., юж.) аба, ава, халх. ав, аав, калм. аав, дунс. аба, мнгр. аба, баоан. абэ, ст.-монг. аба - отец; папа // др.-тюрк., туркм. (разг.) тел, шор, саг. аба, тур. абэ - отец // эвенк. амā, сол. амā, ороch. ульч. ама, орок. ама, амма, маньчж. ама, нег. амай - отец, эвен. амаа - отец; дед;

бур. аха, халх. и калм. ах, даг. ага, аг, баоан. агэ, Лиг. ака, Хэйи., Мук., Ибн ага, Лейд., ст.-монг. ака - старший брат. Ср. др.-тюрк. ака, ага, узб. ака, ога, хак., туркм., каз., кирг., тат. ага, тув. акы - старший брат // эвенк. акā, акай, акй, эвен. ака, нег. ага, аха, ахай, ороch. ака, аки, аки, нан. ага - старший брат; двоюродный брат; дядя; сол. аха, орок. ака, ага, ульч. ага, маньчж. агэ, агу - старший брат;

бур. эхэ, монг. эх, калм. эк, даг. эгэ, эг, Ибн эгэ, Мук., ст.-монг. экэ - мать; бур. эгэше, халх. и калм. эгч, дунс., Мук., ст.-монг. эгэчи (от основы эгэ - мать + аффикс -чи > бур.-шэ) - старшая сестра // др.-тюрк. экā - старшая сестра; тетя, экāч - ласкательное слово по отношению к симпатичной девочке; узб. эгачи, джаг. экэчи, уйг. эгичэ, мэгэчи - старшая сестра // эвенк., эвен. экэ, эки, сол. эхэ, нег. эгэ, экэ, эхэ, эхи, уд. эхэ - старшая сестра;

бур. хүүхээ (зап.-бур. хөөхээ) - ребенок, хүүхэд - дети; дитя, халх. хүүхэн - девушка, дитя (хүүхэд - ребенок; ребята), калм. кууки - девочка, Мук. куукэн - ребенок, мальчик, ст.-монг. кәүкән < *кәвәкн - дитя; девушка // эвенк. кōкан, куокан, куугакан, нег. кон-гакан, эвен. кунга, маньчж. гебе - ребенок // осм.

г'ебэ, караим. гебе – беременная, г'ебек – пупок, кирг. кебеген, койб., качин. кубаган – дитя;

бур. урэ, халх. ур, калм. урн, ур, даг. ур – дитя, ребенок; плод, семя, мнгр. фурие – зерно; зародыш, баоан, дунс. фурэ, квадр. хурэ, ст.-монг. урэ – плод, потомство // др.-тюрк. уры – сын; мальчик, каз. орен – потомок, кирг. урен – потомство; семя, хак. урен – плод; семья, башк. ырыу – племя; родня, тат. ур – прорасти, тур. урэ – плодиться // эвенк. хурил, эвен. хурэл, сол. урил, нан. пурил, ульч. пурул – дети, маньчж. фурсун – приплод, ростки, орок. пурэ, пуригэ – молодой (мужчина, женщина);

бур. аша, халх. ач, калм. ач – внук, племянник, мнгр. ачи – внук, ст.-монг. ачи – внук, племянник // др.-тюрк. аты – внук, племянник, г.-алт. ачы – дети брата, джаг. актик – внук, внучка // эвенк. ачи – двоюродный брат; предок, сол. ача – отец;

бур. эмэ, халх. и калм. эм – жена; женщина, самка, дунс. эмэ (кун) – женщина, даг. эмгуун – женщина, эмэг – жена, Ибн эмэ – женщина, самка, Лиг., Коз. эмэ – жена, Мук. эмэ – самка, Лейд., ст.-монг. эмэ – женщина, жена // др.-тюрк., башк. ана, кирг. эне – мать // эвенк. энин, сол., нег. энин, ороч., ульч., нан., уд. эни – мать.

Названия частей тела человека: бур. ара, халх., калм. ар – зад; спина; тыл; задняя сторона горы, северная сторона, ст.-монг. ару – зад; тыльная сторона, северный (теневой) склон. Ср. др.-тюрк. арка – спина, тыл, башк., тат., кирг., к.-калп. арка – спина, тыл, север, северная сторона, як. арга – спина, тыл, задняя сторона чего-либо, запад // эвенк. аркан – спина, плечо, лопатка, углубление между лопатками, эвен. аркан – спина, плечо, углубление между лопатками, по-эвоночник, сол. арка – спина. Таким образом, для обозначения верхней части спины человека употребляется общеалтайское слово с праформой *ар-.

Слова с корневой морфемой *гэда- (*гэди-) в алтайских языках означают: бур. гэзэ-гэ – коса (волосы), зап.-бур. гэзэ-гэ – затылок, халх. гэдзэ-г – коса, калм. гиджи-г – затылок, коса. Ср. эвенк. гэдэ-мук, эвен. гэдэкэ – затылок, уд. гэди-гэ – затылок, шея (тыльная сторона). В тюркских языках семантика слов

с данной основой получила развитие в сторону обозначения пространственных понятий, относящихся к задней части чего-либо; др.-тюрк. кед, кет – зад; задняя часть, конец. Но кирг. кежиге, казах. кежеге – затылок, хак. кициге, тув. кежеге – коса (у девушки) – это монгольские заимствования³⁵.

Общеалтайская корневая морфема с формой *кэке в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках обозначает женскую грудь, в тюркских языках – преимущественно грудную клетку, грудь вообще, например, бур. хүхэ(н), халх. хөх, калм. көкн, мог. кека, ордос. гөх-хө, ст.-монг. көкун, көкэн – женская грудь, Ибн көкэ – сосец (< ст.-монг. көкү-, көкэ-, халх. хөхө-, калм. көк-, бур. хүхэ- – сосать (грудь) // эвен. көкке, өкэн, нег. өкөн, өхөн, ороч. уку(н), окон(н), маньчж. хухун, чж. hūh-hūn – женская грудь, грудное молоко, соски, вымя, сол. уккун, уку – грудное молоко // др.-тюрк. көкус, көкүз, ойр. көгүз, туркм. кукрэк, кирг. көкурөк, тат., башк. кукрэк, каз. көкрөк, уйг. көкрэк – грудь, грудная клетка; узб. кукрак, чув. какар – женская грудь, грудная клетка, грудь³⁶.

Общеалтайскими же являются и слова, обозначающие такие части тела, как язык, рот, руки, икры ног и некоторые другие. Например, корневая морфема *ама(н) в алтайских языках означает рот и семантически связанные с ним названия различных отверстий: бур. аман, халх. ам(ан), калм. амн, мнгр. ама, дунс., баоан. аман, даг. ам, ама, Лейд, Ибн, Мук., ст.-монг. аман – рот, пасть (у животных), дыра, дуло // эвенк. амма, амна – рот, уста, пасть, отверстие, вход (в нору), устье (руки), эвен. амна, амга, нег. амна, уд. амга – рот, уста, пасть, сол. амма – рот, ороч. амма – рот, уста, устье (реки), ульч. амга – рот, уста, пасть; вход (в берлогу), устье (реки), орок. амца, амга – рот, уста, пасть, отверстие (бутыли), дуло (ружья), маньчж. амга – рот, уста, пасть, клюв, отверстие, дыра (раны), щель, проход, ущелье (в горах), устье (реки) // др.-

35 См.: Колесникова В. Д. Названия частей тела человека в алтайских языках. – Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков, Л., 1972, с. 103.

36 См.: Там же, с. 78, 82.

тюрк. эм, кирг., тат., тур., уйг. ам, ст.-узб. амык - женский половой орган.

Названия предметов труда, домашней утвари и т. д.: бур. хөөргэ, халх. хөөрэг, калм. көөрг, Коз. гурэгэ, ст.-монг. хөгэргэ - кузнечный мех < көгэ - раздуваться // эвенк., эвен. куургэ, нег. куйэ, кудгэ, ороц. куггэ, уд. кугэ, нан. куэгэ, ульч. куэджэ, маньчж. кучжу, орок. куду, коддо - меха кузнечные // др.-тюрк. көрүк - мех, горн ювелира или жестящика, каз., хак. көрик, кирг., туркм., г.-алт., тур. көрүк, тат. күрек, тув. хөрүк, як. куэрт, кует - мех кузнечный;

бур. хэдэргэ, халх. хэдрэг, калм. эдрн, ст.-монг. эдэрэн, кэдэрэн - скребок для выделки кожи // эвенк. кэдэрэ, нег. кэдэйэ, ульч. кэдэрэку, нан. кэдэрику, орок. кэдэрэ, эвен. кэрдэ - кожемалка, маньчж. кэдэргэ моо - скребок, сол. хэдэрэ - дубить кожу // кирг. ирак, як. кэдэрээн, хак. изрек - скребок;

бур. хаэраг, халх. хаэрга, ст.-монг. кайираг - грубый точильный камень (ср. бур., халх. хаэр, калм. хээр, чолун - щепень, галька; крупный песок) // эвенк. кавиракта, кагирагта, кавира - камень-известняк // кирг., каз. уйг. кайрак, чаг. кайраг, чув. кайра чуле, узб. кайрок - точильный камень, брусок, оселок;

бур. алха, халх., калм. алх, ст.-монг. алука - молоток // эвенк., эвен. халка, нег. халка, сол. алха, ороц. халука, уд. халуга, ульч., нан. палоа^Н, орок. палоа, маньчж. фолхо - молоток // кирг. балка, каз. балга, уйг. балка - молоток, молот, азерб. алах - маленькая мотыга для чистки гряд;

бур. зүүн, халх. дзүү, калм. зун, мнгр. джю, мог. джоун, дунс. джун, Мук. дже'ун, Ибн джүүн, ст.-монг. джэгүн-иголка // др.-тюрк. йигна, йинна, кирг. ийнэ, к.-калп. инэ // эвенк., эвен. инмэ - иголка;

бур. (зап.) хабтага - матерчатый мешочек, халх. хавтга - кошелек, кисет (для табака), калм. хавтха, хавтарга, ст.-монг. кабтага, каптурга - сумка, мешок³⁷ // эвенк. каптук - сумочка, мешочек, каптугай - мешо-

чек (для омулевой наживки, которую ставят в ловушку на белку), каптурга, капчурга, нег., сол. каптурга, ороц. каптурагу, нан. каптураун - сумочка³⁸ // др.-тюрк. ка - сосуд, кап - сосуд, мех, бурдюк, мешок⁴⁰. Общей корневой морфемой является *кава со значением "закрывать, вмещать". Ср. совр. бур., халх. калм. хаа - закрывать < *ст.-монг. хага - *кава. Ср. также бур. хабхаг, халх. хавхаг, калм. хавхг - крышка (сосуда) // эвенк. капшаки, капшак, уд. капка - крышка // др.-тюрк., тур. капак, кирг. капшак, як. хаппах - покрывка, крышка;

бур. дабан, халх. давас(ан), калм. давси, мнгр. дабсе, дунс. давсун, баоан. дабсон, ордос. давусу, мог. дабсан, Мук. дабусун, Ибн табусун, ст.-монг. дабусун - соль // нег. дафсун, дафсун, орок. давсу, даусу, ульч. даусу^Н, нан. даосу^Н, ороц. даксу, эвен. так, маньчж. дабсун - соль // др.-тюрк., карач.-балк., кирг. туз, тат. тоз, к.-калп. дуз - соль;

бур. турии, халх. турий, калм. турэ, ст.-монг. түрэй - голенище // эвенк. тирэксэ, ульч., нан. турэксэ, орок. турэксэ, маньчж. турэ - голенище (обуви) // тюрк. тиз, кирг. тизэ - колено.

Названия рельефа, предметов природы:

бур. добо (юж.-бур. дово - холм, дэвэ - холмик, бугорок), халх. дов, калм. довн, довун, ст.-монг. добу, добун - холм, бугор, пригорок // др.-тюрк. төлу - вершина, макушка, голова, каз. төбө, кирг. дөбө, азерб. төпө, тур. тепе, туркм. дөпе, чув. түпе, узб. тепа - холм, бугор, верхушка // эвенк. дувэ, маньчж. дубэ, дубэн - вершина дерева, ороц. дуэ - мыс, ульч., нан., уд. дуэ, орок. дувэ-ни - конец;

бур. хада, халх. и калм. хад, даг. хад, хада, ордос. када, мнгр., дунс. гада, Лиг. када, ст.-монг. када, хада - скала, утес // нег., ороц., орок., уд. када, маньчж. хада, ульч. кадали, эвенк., эвен., нан. кадар, сол. хадар - скала, утес;

бур. шулуун, халх. чулуу, чолуу, калм. чолун, даг. чолоо, Лиг. чила'ун, ст.-монг. чилигун - камень //

³⁷ См.: K a l m ü c k i s c h e s W ö r t e r b u c h von G. I. Ramstedt. Suomalais-Ugrilainen seura. Helsinki, 1935, с. 167

³⁸ См.: Эвенкийско-русский словарь, с. 193.

³⁹ См.: Древнетюркский словарь, с. 399.

⁴⁰ См.: Там же, с. 420.

эвенк., сол., нег., ороч., уд., ульч., нан. джоло, эвенк. джол, орок. дэоло – камень // тюрк. таш (чув. чуп) – камень.

Лексемы разных семантических групп:
бур., халх. баян, калм. байн, мнгр., даг., дунс., баоан. баян, Мук., Ибн., ст.-монг. баян – богатый, богач // эвенк., нег., маньчж. баян, ороч., нан., ульч. байан, уд., орок. бая – богатый // др.-тюрк., каз., уйг., кирг., к.-калп., др.-уйг. бай – богатый, хак. пай – богатый, богач;

бур. дүтэ, халх., калм. дет (ср. также бур. дүхүү, халх. дехүү), ст.-монг. детэ – близкий, близко; напрямую, ср. бур. дүхэ-, халх. дөх-, калм. деки-, ст.-монг. деки– – подходить близко // эвенк. дүтүтэ-, дүтэ– – идти напрямик, маньчж. дүтэ – прямая дорожка // др.-тюрк. тукá– – завершать, кончатся, иссякать; хватать (быть достаточным);

бур. дүлии, халх. дүлий, калм. дүлэ, мнгр., даг. дүлы, Мук. дүлэй, Ибн. дүлэ(й), Лейд. дүлы, ст.-монг. дүлэй – глухой // кирг., каз., тув. дүлей, г.-алт. түлей – глухой;

бур. зээхэ, халх. дээх, калм. зээх-, ст.-монг. джүгэ– – перевозить; транспортировать // эвенк. дюдүгэ-, дюдүгэ-, уд. джү-, эвен. джугуч-, маньчж. чжүвэ– – перевозить, ср.эвенк. джүгэч-, сол. джүгэши-, ульч., нан. джүэчи-, уд. джүэси-, орок. дүвэли– – менять // тюрк. йүк (йү-к) – груз;

бур. һанаха, халх. санах, калм. санх, мнгр. сана-, дунс. сана, баоан. суму, ст.-монг. сана– – думать, размышлять; помнить, вспоминать; замышлять, намереваться // эвенк., сол., нег., ороч., ульч., саа-, уд., орок., нан., маньчж. са-, эвен. һаа– – знать // тюрк. сана-, сан– – думать, вспоминать, полагать, намереваться.

Языковой материал показывает, что многие слова, которые принято считать тюркизмами, по всей вероятности, являются общеалтайскими (например, баян, хаб-хаг и др.).

Кроме общеалтайских слов, в лексике бурятских говоров обнаруживаются монголо-тюркские параллели, например: бур., халх., ст.-монг. тамир – сила, крепость, здоровье, энергия, кровеносный сосуд // др.-тюрк. та-

мыр, тамар, тамур – кровеносный сосуд, артерия, жила, вена, пульс, уйг., кумык. тамур – кровеносный сосуд, артерия, вена, жила, пульс, узб. томир – кровеносный сосуд, дамар – жила, азерб., тур. дамар – жила, вена, чув. тымар – кровеносный сосуд и т. д. Общая для монгольских и тюркских языков корневая основа – *тамир.

Возьмем бур. тангалаэ, халх. тагнай, калм. тагна, даг. тангил, мнгр. танлы, дунс. танлэй, Мук. танклай, Лейд. танглай, ст.-монг. танглай, тангнай – небо // др.-тюрк., узб., уйг., к.-калп., ног. танлай, кирг. тандай, кумык. танглав, тув. таалай, як. тан¹алай, таңалай – небо. Ср. тунг.-маньчж. эллэ, орла, улулу, унн, кун и т. п. Эвенкийские и солонские названия неба (эвенк. таңалай, тангилай, сол. таңна, танна) представляют собой заимствования из монгольских языков⁴¹. Возьмем зап.-бур., закам. оморюу, умарюу, монг. умруу – ключица, калм. омруу, омруун – грудная клетка, грудь, подгрудок (свисающая часть кожи под шейей животных), Коз. омору – верхняя часть груди, ст.-монг. омурагу(н), омуругу(н) – ключица, грудина, подгрудок // тур. омуз – плечо, спина, туркм. омуз – плечо, башк. омрау – ключица, каз. омырау – грудь, кирг. омуро – грудь (верхового животного), узб. умров – грудь, чув. амра – грудь (животных) – корневая морфема *омур. Или бур., халх., ст.-монг. эгэм – ключица // др.-тюрк. эгин, эцнин, азерб., тув., туркм. эгин, тат. игин, хак. инни – плечо, хак. эцни сөге – ключица, тур. эгин – спина, хребет, позвоночник. Эвенк. (барг.), сол. эгэм – ключица – монгольские заимствования.

Как известно, в монгольских и тюркских языках общими являются многие названия домашних животных, например: бур. үхэр, калм. үкэр – крупный рогатый скот; вол; корова, халх. крупный рогатый скот, мог. укар, дунс. фугиэр, мнгр. фугуор – бык, Мук. үкэр – рогатая скотина, Ибн үкүз – бык, Лейд. һүкэр, ст.-монг. үкэр // др.-тюрк. егүз, узб. хукиз, каз. үгиз,

⁴¹ См.: Колесникова В. Д. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках.

к.-калп. огиэ, туркм., тур. өкүз, кирг. өгүз, карач.-балк. ёгюз, чув. вагар - бык, вол (соответствии монг. р и тюрк. з общеизвестно). Ср. также бур. буруу, халк. бярүү < ст.-монг. бирагу - теленок по второму году, калм. буру - двухлетний бычок, мнгр. буру, буру. Мук. буруу - трехлетний телец // др.-тюрк. бузагу, каз., к.-калп. бузау, азерб. бузов, чаг. бузагу, башк. бызау, тат. бозау, карач.-балк. бузоу, г.-алт. быза, тув. бызаа, хак. пызо, тел. позуу, шор. пузаа, чув. пару, пав - теленок;

бур. хуса, монг., калм. хуц, ст.-монг. куча - баран-производитель, Ибн куча - ягненок // др.-тюрк. коч., кочкар, тур. коч, азерб., туркм. гоч, карач.-балк. кьочкар, кирг., алт. кочкор, каз., к.-калп., ног., тув., уйг. кочкар, тат. кучкар, башк. кускар, кушкар - баран, баран-производитель;

бур. хонин, халк. хонь, калм. хон, даг., мнгр. хони, баоан. хонэ, дунс. гони, мог. конин, Лейд, Ибн кони, Мук., ст.-монг. конин - овца // др.-тюрк. кой, каз., к.-калп., уйг., г.-алт. кой, карач. - балк. кьой, тур. койун, тат., узб. куй, азерб., туркм. гоюн, хак., тув. хой - овца, баран (общее название) и т. д.

Приведем еще несколько примеров монголо-тюркских параллелей: бур. зээ, халк. дэээ, калм. зэ - внук, внучка (по дочери), племянник, племянница (по материнской линии), даг., мнгр. джэ, дунс. джэ - племянник (сын сестры), Коз. джээ - родня по женской линии, ст.-монг. джигэ - внук, племянник // др.-тюрк. йеган, г.-алт. дьеен, туркм. еген, к.-калп. жиен - племянник, тур. йеген - внук, племянник, як. сыган - внук;

бур. булэ, халк. бул, калм. бел, даг. булэ, ст.-монг. белэ - двоюродные (по матери) // каз., к.-калп. боло, кирг., г.-алт. беле, як. биллэх, хак. пеле - двоюродный брат (или двоюродная сестра) по матери;

бур. түрхэм, халк. төрхөм, калм. төрки, ст.-монг. төркун, төркэн - родственники жены // др.-тюрк. төркун, МК⁴² түркун - род, племя, кирг. төркун, каз. төркин - родители и родня жены, г.-алт. төрөгөн - родственники;

42 См.: Кашгарский Махмуд. Девону луготит турк. Ташкент, 1967.

бур. база, халк. бадэ, калм. баз, даг., Ибн, ст.-монг. баджа - свояк // кирг., каз. база, узб. божа, тат. бадже, уйг., туркм. баджа; хак. пача, г.-алт. бадья, азерб. бачанаг, чаг. баджу - свояк, свояжки;

бур. хүргэн, хүрьгэн, халк. хүргэн, калм. курги, мнгр. курген, даг. хүргэн - зять, дунс. куган - жених, Мук. курэкан, Ибн күргэн, Лейд. күрэгэн, ст.-монг. күргэн - зять < ст.-монг. кур - зять (муж сестры), калм. кур - зять (муж сестры), кур дуу (олетск. курги дуу) - шури́н (брат жены), бур. хур дүү - младший брат жены // др.-тюрк. кудäгу, МК күзэгу, ст.-кыпч. куйэгу, башк. кейегу, к.-калп., каз. куйеу, г.-алт. күйу, узб. куёв, туркм. гиев, гореген, азерб. курэкан - зять, жених;

бур., халк., ордос. хадам, калм. хадм, даг. хадум, дунс. гадун, мнгр. гадем, Лейд. кадам, Мук., Ибн, ст.-монг. кадум - родня жены или мужа // др.-тюрк. кадын, кайын, казын - тесть, отец жены, МК кайын, казын, ст.-кыпч. кайын - тесть, теща, каз., г.-алт., кайын, азерб., туркм. гайын, уйг. кадын, хак. казын, тур., джаг. кайн, як. кырын - родственники по мужу или жене;

бур. эрэ, халк. эр, калм. эре - мужчина, муж, са-мец, даг. эр - мужчина, муж, мужская сила, Лейд. эрэ - мужчина, муж, Мук. эрэ - мужчина, Ибн эрэ - самец, ст.-монг. эрэ - мужчина, супруг // др.-тюрк., кирг., каз., к.-калп., ног., кумык., караим. эр, тат., башк., хак. ир, чув. ар - муж, мужчина. В тунгусо-маньчжурских языках слова с корнем эр (мужчина, муж) отсутствуют. Маньчжурское эркэ - сильный мужчина, молодец, удалец заимствовано из монгольских языков⁴³.

бур. хурээ, халк. хүрдэ(эн), калм. күрдэ, Мук. курджэк, Ибн курджэ, ст.-монг. күрджэ - лопата, заступ // каз. күрек, кирг. күрок, уйг., азерб. курэк, тув. хүүрэк, узб. курак, хак. күрчек, чув. кэрече, як. күржэх - лопата;

бур. гадаһан, халк. гадас(ан), калм. һасн, ст.-монг. гадасун, гасасун - кол // др.-тюрк. казук, казгук, кирг. казыг, каз. казык - кол, тат. кадак, чак. кадаг, кадак, шор. кадуг - гвоздь. Характерно, что эти

43 См.: Цинциус В. И. К этимологии алтайских терминов родства. - В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 48.

тюрко-монгольские параллели, означающие "кол, гвоздь" встречаются в составе фразеологизмов сравниваемых языков и были зафиксированы еще в памятниках древнетюркской письменности. Ср. бур. Алтан гадаһан, халх. Алтан гадас(ан) – Полярная звезда (досл. "золотой кол") и др.-тюрк. Алтун казук – то же⁴⁴. В гнездо рассматриваемых исконных слов входят также бур. хадаһан, халх. хадаас, калм. хадасн, ст.-монг. кадагасун – гвоздь < ст.-монг. када-, бур., халх., калм. када-, мнгр. гада-, дунс. гаду- – вбивать гвоздь;

бур. орон, халх. ор(он), калм. орн, ордос. оро, дунс., баоан, орон, мнгр. урон, мог. орам, ст.-монг. орун – место; местность; кровать; постель // др.-тюрк. орун – место; трон.

Общей для монгольских и тюркских языков является корневая основа *аг- со значением "возвышаться, подниматься, восходить": бур. уула, халх. и калм. уул, мнгр., дунс. ула, даг. аула, баоан. блэ, Мук. уула, Ибн а'уула, квадрат. а'ула, Лейд. аула < ст.-монг. агула – гора. Ср. юж.-бур., кях.-цонг. уур, вост.-бур., зап.-бур. уурал, халх. уур, калм. ур, мнгр. ўр, Мук. а'уур < ст.-монг. агур – пар, испарение; воздух // др.-тюрк. аг- – подниматься (верх), восходить⁴⁵, агым – подъем⁴⁶, (< аг- + -ым), агыш – возвышение, подъем⁴⁷ (< аг- + -ыш); др.-тюрк. *агуш // др.-монг. агула – возвышение, подъем, гора (тюрк. ш // монг. л).

Кроме того, в словарном составе бурятских диалектов есть немало лексических единиц, корневые элементы которых имеют соответствия в тунгусо-маньчжурских языках. Так, в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеется корневая морфема *мо- со значением "дерево": бур. модон, халх. мод(он), калм. модн, мнгр. моди, даг. модо, мог. модун, дунс. мутун, баоан. мутон, Мук., Ибн, квадрат. модун // эвенк., эвен., сол., нег., ороч., уд., орок., ульч., нан., маньчж. – мб. Ср. тюрк. агач, агаш.

44 См.: Древнетюркский словарь, с. 40: "Алтун казук – астр. Полярная звезда (букв. "золотой кол")"

45 Там же, с. 16.

46 Там же, с. 18.

47 Там же, с. 20.

Слова с корневой морфемой *ул- // *хул- (фул-) служат в этих языках для обозначения тополя, осины: бур. уляһан, халх. улиас(ан) – осина, бур. уляангир, халх. уляангар – тополь, калм. улаасн – осина, тополь, ст.-монг. улийасун // эвенк. һула, ороч. хулу, ульч., орок. пулу, нан. поло, нег. полан, маньчж. фулка – осина, эвей. һул – тополь, сол. улу – осина, тополь, нег. холдан – осина, хол – тополь. Ср. др.-тюрк. терак, тирак, тограк, таг. тирак, хак. тирек, алт., каз., к.-калп., кирг., тув. терек, узб. терак, туркм. дерек, як. тирах – тополь, каз. көктерек (< көк – серый + терек – тополь), кирг. бай терек (< бай – богатый + терек – тополь), уйг. таг терак (< таг – гора + терак), узб. таг терек – осина. Ср. также бур. шугы, халх. шугуи, калм. шугуу, шугуу модн, даг. сигии, ст.-монг. сигуй, шугуй – роша, кустарник, лес // эвенк. сигии, эвен. һуги, һуйи – чаша.

Лексические параллели в сравниваемых языковых группах обнаруживаются и в других тематических рядах. Так, общей для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков является корневая основа му- (му-) со значением "река, вода": бур. мурэн, халх. мөрэн, калм. мөрн, мнгр. мурон, даг. муру, Лейд. мэрэн, ст.-монг. мөрэн – река // эвенк., эвен., нег., ороч., орок. мӯ, сол. му, ульч., нан. муэ, маньчж. муэ, уд. мулэхи – вода. Ср. др.-тюрк. суб, узб. сув, кирг., г.-алт. суу, тур., каз., к.-калп. су, хак. суг – вода, река.

Слово о праформе *ниру- в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках обозначает "позвоночник, спина": бур. нюрган, халх., ордос. нуруу, калм. нургн, мнгр. нуру, Мук. нируун, Ибн ниргун, Лиг. ниру'у, Лейд. нируун, ниргун, ст.-монг. ниругун – спина, позвоночник // эвенк. н'ири, эвен. н'ери, н'ири, ульч. н'ирикта, н'и-ракта, орок., нан. н'ирикта, ороч., уд. н'икта – позвоночник.

Или бур. һорьмоһон, монг. сормос, сормуус, калм. сормси, даг. сармилта, Мук. сорбисун, ст.-монг. сормусун – ресницы, Коз. сурмусун, суримусун – брови, Ибн сормусун – веко // эвенк. саримикта, харимикта, шаремикта, сол. саммикта, саммитта, нег. саймукта, уд. самикта, ороч. самикта, ульч. сарумта, нан. сармикта, сармакта, маньчж. солмин – ресницы, брови.

Здесь общий корневой элемент – очевидно, *сари- // *сори-.

Возьмем бур. мурэ, халх. мөр, калм. мөрн, Мук. мөри, ст.-монг. мөрү, мөрүн – плечо // эвенк. мирэ, мирэ, сол. мирэ, эвен. мир, нег., ороч. мие, мйе, ульч. мэйрэ, нан. муйрэ, маньчж. мэйрэн – плечо, плечевая кость. А кирг. мур, муру, уйг. мурэ – плечо – монголизмы 48.

Или бур. и халх. могоэ, калм. моһа, мнгр. мугуэ, мог. могй, даг. могой, дунс. моги, баоан. могуй, Мук., Лейд. могай, Ибн мога(й), ст.-монг. могой – змея // эвенк. (вост.) микй, ороч. мики, нег. мйхи, уд. мики, нан. муйки, орок. мухи, маньчж. мэйхэ, орок. мухи, ульч. муи – змея. Ср. тюрк. йылан (с фонетическими вариантами) – змея;

бур. зун, халх. дзун, калм. зун, Лиг., Лейд. джун ст.-монг. джун – лето // эвенк. джуганй, эвен. джу-вунн, дюгани, нег. джогвани, сол. джуга, ороч., уд. ульч. джуа, нан. джоа, орок. дува, маньчж. чжувари с общей корневой морфемой *джу- (*ду-);

бур. шуурган, халх. шуурга, калм. шуурһан, ст.-монг. сигурган – метель, пурга. Ср. ст.-монг. сигур-, калм. шуур – бушевать (о буре) // эвенк. сугй, эвен. һугй, һуйй, сол. угй^н, орок. сии – метель;

бур. урхэ, халх. өрх, калм. өркэ, Коз. орукэ, ст.-монг. эрукэ – дымовое отверстие юрты // эвенк., эвен. уркэ, сол. уркэ, уккэ, нег., нан. уйкэ, ороч. уккэ, уд. укэ, нег. уткэ, ускэ, ульч., маньчж. учэ, орок. утэ – дверь, входное отверстие. В монгольских языках слово урхэ в значении “дверь, входное отверстие”, сохранилось в парных сочетаниях, например, бур. парн. уудэ урхэ – дверь, двери;

бур. и халх. тооно, ст.-монг. тогуну – круг верхнего отверстия юрты // эвенк. соона, эвен. һоонан – верхушка юрты, нег. соона – 1) верхушка юрты, 2) матица; ульч., нан. сон – стропила, орок. соона, маньчж. сон – жерди под крышей;

бур. хабтагаэ, халх. хавтгаэ, калм. хаптагаэ, ст.-монг. хабтагай – доска, что-нибудь плоское // эвенк.

48 См.: Колесникова В. Д. Названия частей тела человека в алтайских языках, с. 91.

капту, эвен. каптания, маньчж. капахун – плоский, нег. капта – плоско;

бур. хабтаһан – доски (у телеги, седла), папка, переплет; халх. хавтас – папка; переплет, калм. хавтасн – доска, доски седла, даг. хавтас, Лиг. ка(б)тасун, ст.-монг. хавтасун – доска // эвенк. каптачан, сол. каптасун – доска. Ср. также эвенк. капту, эвен. каптания, маньчж. капахун – плоский;

бур. авса, халх. авс – гроб, бур. авсалха, халх. авслах – класть в гроб; калм. авса – ящик, сундук, ларь; ст.-монг. авса – *ящик, сундук, ларь // эвенк. авса – ящик, сундук, гроб, женская мягкая сумочка (по диалектам); нег. авсакан – берестяная коробка, орок., маньчж. авса – коробка для женского рукоделия; эвен. авса, авху – сумка для швейных принадлежностей.

бур. уута – мешок (кожаный), мешочек, халх. уут – мешок, куль, сума, калм. уута, ууту – мешок (кожаный), мнгр. фуда, баоан., дунс. фуда, Мук. уута, Ибн һуута, ст.-монг. угута – мешок. Ср. халх. уутла-, мнгр. фудала-, ст.-монг. угутала – класть в мешок // уд. паду – сумочка для трута, нан. падоа^н, ульч. падо^н – кисет, орок. пута, уд. путаса, ульч., нан. поточа^н – мешочек;

бур. шоро, халх. и калм. шор, ст.-монг. шор – вертел (для жаренья); заостренная палочка // эвенк. силавун, нег. селавун, ороч. силау, орок. силопу, ульч., нан. силэпэ^н, эвен. һелүн, маньчж. шолон – вертел, рожон, сол. шила – жарить;

бур. шулэн, халх. шөл(өн), калм. шөлн, шулн, изредка шилн, Мук. шилэн, Ибн шилэ, ст.-монг. сулун – суп, бульон // эвенк., нег., ороч., уд., орок., ульч., нан., маньчж. силэ, сол. шилэ, шил, эвен. һил – уха, бульон, суп, отвар (халха-монгольским с, ш часто соответствуют тунгусо-маньчжурские с, һ, ш);

бур. амтан, халх. амт(ан), калм. амтн, мнгр. амута, Мук., ст.-монг. амтан – вкус⁴⁹ // эвенк., нег. амта(чи), эвен. амта(лкан), ороч. амтаки, уд. амта(хи),

49 Г. И. Рамстедт возводит это слово к аман – рот, сравнивая с амса – пробовать на вкус (Kalmückisches Wörterbuch ..., S. 10).

нан. амта(ку), ульч. амта(ули), маньчж. амта(нга), сол. амташи, орок. апта(ули) – вкус, вкусный;

бур., халх., калм. балга, ст.-монг. балгу – глоток // эвенк. билга, эвен., нег., нан. белга, ороц. бигга, ульч. бильджа, орок. билда, маньчж. билха – горло, глотка. Ср. также бур., халх., калм. балга, ст.-монг. балгу – глотать. Как видно из примеров, в древних языках (иногда и в современных) наблюдался синкретизм основ – одно и то же слово означало разные понятия, например, в данном случае балга (балга) – горло, глотка, глотать и т. д.;

бур. шулһэн, халх. шулс(эн), калм. шулсн, шулмсн, ст.-монг. силмүсүн, силүсүн – слюна // эвенк., орок. силэксэ, нег. силэхсэ, ульч., нан. силэмсэ, уд. силиһэ, эвен. һилэс, маньчж. силэнги – роса, сол. шилсу^н. Ср. также халх. шулс(эн) – 1) слюна; 2) яшур; калм. шулкээ, ст.-монг. силүкэй – то же;

бур., халх., калм. дүү, мнгр. дыў, мог. деун, даг. дэу – младший брат (младшая сестра), Ибн дүү – сестра, Лейд. дыў, дуу, Лиг. дэу, Коз. дэу, ст.-монг. дэгу – младший брат // эвен. нү, ульч., нан. неу, уд. нэну, эвенк. нэкүн, нег. нэкун, нэхун, сол. нэху^н, орок. нуку – младшая сестра. Здесь в начале слов монг. д соответствует тунг. н;

бур. шубэгэ, халх. шөвөг, калм. шөвг, мнгр. шибуге, Мук. шибугэй, Ибн шибүгэ, Лиг. шибүгэ, Коз. шибуге, ст.-монг. сибүгэ – шило // эвенк. сувэрэ – конец, нег. сувэйэ, сол. сугур – конец, верхушка, ульч., нан. сувэ^н, орок. сувэ-ни, уд. суэ(н) – вершина дерева, маньчж. сувэхэ – вершина;

бур. эшэ, халх. и калм. иш, Ибн. һэси; ст.-монг. эси – рукоятка, черенок // эвенк. һэсин, эвен. хэсэн, хэшэн, эс, эхэн, нег., орок. хэсин, уд. хэһи, ульч., нан. пэси^н, орок. пэси, маньчж. фэсин – рукоятка, черенок;

бур. хутага (зап.-бур. хотиго), халх. хутга, калм. утх, ордос. утага, мог. китгэй, Лейд. китуга, Коз., Лиг. китукай, Ибн китуга, ст.-монг. утуга // эвенк. уткан, эвен. коткан – нож;

бур. һүхэ, халх. сүх, калм. сүк, Мук., Ибн, Лиг. сүкэ, ст.-монг. сүкэ – топор // эвенк. сүкэ, эвен. һу-

кэ, шукэ, сол. суху, нег., маньчж. сүхэ – топор⁵⁰. Ср. каз., кирг., азерб., тур. балта, узб. болта, уйг. палта, хак. палты, г.-алт. малта – топор; халх., калм. балт – топор (наряду с сүх, сүк); бур. балта – молот, кувалда, як. балта – большой кузнечный молот;

бур. тогоон, халх. тогоо(н), калм. тогаан, мнгр. тугоо, дунс. туган, баоан. тугун, Мук. тукаан, Ибн, Лейд. тогаан, Лиг. токо'ан, ст.-монг. тогоган – котел // эвенк., сол. того, эвен. тог, нег. того, тогво, ороц., уд. тоо, ульч., нан., орок. тава, маньчж. тува – огонь.

Имена прилагательные, наречия: бур. и халх. гашуун, калм. гашун, мог. гашуун, мнгр. гашен, дунс. кышун, Мук. гашуун, Ибн касун, ст.-монг. гасигун – горький; горько // эвенк. гочи, эвен. гот, сол. гош'йгди, уд. гуачиһи, нан. гочеси, ульч. готули, орок. готчули, госихан – горький;

бур. номгон, халх. номхон, калм. номган, номхан, ордос. номохон, ст.-монг. номуган – смирный (< ст.-монг. ном – спокойствие) // эвенк. номокон, нег. номохон, нан. номохо^н, маньчж. номхон, ульч. номхо^н, сол. номүх, эвен. нумак – смирный;

бур. и халх. тургэн, калм. тургн, ст.-монг. тургэн – быстрый, скорый (от основы тур- – быстрота) // эвенк. тургэн, нег. туйгэн, ороц., уд. тугэ, ульч., нан., маньчж. тургэн – быстрый, быстро;

бур. нимгэн, халх. нингэн, нимгэн, калм. нигн, ст.-монг. нимгэн – тонкий, тонко // эвенк., эвен., нег. нэмкун, сол. нэмэккун, нан. нэмикэ^н, уд. нэмнэс'э, ороц., ульч. нэми, орок. нэмдэ – тонкий;

бур. дохолон, халх. догolon, ордос., даг. догolon, мнгр. доглон, баоан. доглон, Мук. докулан, Ибн докулан, Лейд. догалан, ст.-монг. догулан, догolon – хромой // эвенк. доколок, эвен. доклан, ороц. доголо – хромой; орок. д'оло(н), сол. дохолб, дохолон – хромой, хромать;

бур. (зап.), халх., калм. балаэ, ст.-монг. балай – слепой // эвенк. бали, нег., ороц., уд., орок., нан. бали, ульч. бали, маньчж. балу, эвен. баликач – слепой;

⁵⁰ Ср. бур. һүхэдэ, халх. сүхэдэ, сүхлэ – и эвенк. сүкэдэ-ми – рубить (ударять) топором.

бур. холо, халх., калм. хол, мнгр., баоан. холо, Мук., Ибн, ст.-монг. кола - далекий, дальний; далеко // эвенк., сол., орок., ульч., нан., маньчж. горо, эвен. гого, нег. гойо, орооч., уд. гоо - далекий, далеко.

Числительные: бур. хорин, халх. хорь, хори(н), калм. хөрн, мнгр. хорин, баоан. хорон, Мук., Ибн, Лейд. квадр. корин, ст.-монг. корин - двадцать // эвенк.

(вост.), маньчж. орин, сол. ори^н, нег. ойин, орооч. ойи^н, уд. вайи, уай, ульч., нан. хори^н, орок. хори - двадцать;

бур. зуун, халх. дзуу(н), калм. зун, Лейд. джавун, ст.-монг. джагун - сто // эвенк., нег. джаан; орооч., сол. джаа^н, уд. джа, маньчж. чжуван, ульч. джуа^н, нан. джоа^н, орок. джон - десять, эвен. джаанра - десяток;

бур. мянган, халх. мянга(н), калм. мингн, мнгр. минган, Мук., Ибн минган, квадр. минкан, Лейд. манкан, ст.-монг. минган - тысяча // нег. миңан, меңан, ульч. миңа^н, нан. меңа^н, орооч., уд., орок. миңга, маньчж. минган - тысяча // др.-тюрк. муңа, муңа, вуң - тысяча.

Местоимения⁵¹: бур. бии (би), халх., калм. би, мнгр. би, бу, дунс. би, баоан. бэ, Мук., Ибн, квадр., Лейд. би, ст.-монг. би - я // эвенк., эвен. би, бии, сол., нег., орооч., уд., орок., ульч., маньчж. би, нан. ми - я. Ср. тюрк. род. п. мэн - меня < *би - я;

бур. бидэ, халх. бид, калм. бидн, мнгр. буда, дунс. биджиэн, мог. бида, баоан. дэдэ, Мук., Ибн бидэ, ст.-монг. бидэ, бида - мы // эвенк., эвен., нег., орооч., уд., орок. буу, ульч., сол. буу, нан. буэ, маньчж. бэ - мы. Ср. древнемонгольское ба < совр. монг. манаэ; др.-монг. бида, бидэ < совр. монг. бидний - наш;

бур. шии (ши), халх., калм. чи, Лейд. чи, ст.-монг. чи - ты // эвенк. сии, си, нег., орооч., уд., орок., ульч., нан., маньчж. си, орок. сии, сол. шии, эвен. һи, һии - ты; ср. ст.-монг. чи *ти - ты;

бур. таа, халх., калм. та, ст.-монг. та - вы // нег., орооч., орок., уд. су, эвенк., сол. сү, ульч., нан. суэ, маньчж. сувэ, эвен. һу, һү - вы. Здесь тунг.-маньчж. с (h) // монг. т;

бур., халх., калм. энэ, мнгр. не, дунс., баоан. энэ, Мук. Ибн, квадр., Коз., Лейд. энэ, ст.-монг. энэ -

⁵¹ Некоторые из них, возможно, общеалтайские.

этот // эвенк., эвен., сол., орок. эр., маньчж. эрэ, нег., орооч., уд. эйи, эй, ульч., нан. эй - этот;

бур. тэрэ, халх. тэр, калм. тер, мнгр. те, дунс., даг. тэрэ, баоан., мог. тэ, Мук., Ибн, Лиг. тэрэ, ст.-монг. тэрэ - то, тот // эвенк., орок. тар, тари; сол. тари, эвен. тарак, нег. тай, тайи, уд. тэйи, тэй, орооч., нан. тэй, ульч. ты, ти, маньчж. тэрэ - тот;

бур. хааша, халх. хааш, ст.-монг. кайиси - куда // эвенк., эвен., нег. аваски, маньчж. абси, орок. хавасаи, ульч. хаваси, нан. хаоси - куда.

Глаголы: бур. нүүхэ, халх., калм. нүүх, ст.-монг. нэгүхэ, нэхэ - кочевать, перекочевывать // эвенк., сол. нулгй-, нег. нулги-, эвен. нулгэ-, ульч. нюулджу-, орок. нулди-, нан. нуктэ-, маньчж. нуктэ-, нэо- - кочевать, переселяться;

бур. тээхэ, халх., калм. тээх, мнгр. тэ-, ст.-монг. тэгэ- - грузить, выючить; переводить; класть // эвенк., нег. тэв-у-, эвен. тэвэ-э, орок. тэвэ-, орооч., уд. тэу-, ульч. нан., тэучи-, маньчж. тэбу- - ставить, класть. Ср. Мук., Ибн, Лиг. талби-, квадр. т'алби-, ст.-монг. таби-, талби- - класть, положить; ст.-монг. тэгэ- - перевозить;

бур. (зап.) нээхэ, халх., калм. нээх, мнгр. нэ-, дунс. ниэ-, баоан. нээ-, Мук. нээ-, ст.-монг. нэгэ- - открывать, открыть // эвенк., нег., орок., ульч. н'ии-, нии-, нан. нихэли-, уд. нииги-, маньчж. нэй- - открывать;

бур. уяха, халх. уях, калм. уйх, дунс. хуйа-, мнгр. фуйа-, Мук., Ибн, Лейд. һуйа-, ст.-монг. уйа- - связать, завязать, привязать // эвенк., нег. уй-, орооч., нан. уйу-, ульч. уй-, орок. уймчи-, сол. уйи- - привязать; эвен. уйилдэ- - связать;

бур. дабаха, халх. давах, калм. давх, дунс., мнгр. дава-, ст.-монг. даба- - переправлять; переходить; переваливать // эвенк., нег. дав-у, эвен. дав-а, орооч., уд. дау-, нан. дао- - переправляться, орок. дава - 1) переправляться; 2) переваливать; маньчж. даба- - переваливать; бур. даба-, халх. и калм. дав-, ст.-монг. даба- - преодолевать, осиливать;

бур. дэлгэхэ, халх. дэлгэх, калм. делгк, мнгр. дэлгэ-, Мук. дэлгэ-, ст.-монг. дэлгэ- - расстилать, раскладывать; развешивать // эвенк., нег. дэлкэн, орооч.

дэлкэ^н, орок. дэлкэ, уд. дэкэ – лабаз, помост. Ср. также бур. дэлхээ, халх. дэлхий, калм. дэлкэ, ст.-монг. дэлэкэй – земля, мир; бур., халх. дэлгэр, калм. дэлгр, ст.-монг. дэлгэр – широкий, обширный, халх. дэлбэ, бур. дэльбэ – лепесток, халх. дэлбийх – расширяться, бур. дэлбийхэ – быть растопыренным, расширенным; халх. дэлгуур – рынок и т. д., где общая основа дэл – разостланный, дэл – расстилать (ср. калм. дэл – разостланный);

бур. зууха, халх. дзуух, калм. зуух – 1) схватывать зубами, держать в зубах; 2) кусать (о собаке), мнгр. джу, Мук., Ибн джау, ст.-монг. джагу – кусать // эвенк., сол., нег., орок. джава, эвен. джава – схватить; уд. джава, маньчж. чжафа – 1) схватить; 2) брат; ульч., нан. жапа, орок. дапа – брат. Здесь чередуются звуки б (п) // в (ф) // г в интервокальном положении. Чередование согласных б, в, г между гласными, например в монгольских языках, общеизвестно⁵²;

бур. мэдэхэ, халх. мэдэх, калм. медх, мнгр. муде, дунс. мэджиэ, баоан. мэдэ, Мук., Ибн, Лейд. мэдэ, ст.-монг. мэдэ – узнать, ведать; знать // эвенк., нег., орок., уд., орок. мэдэ, эвен. мэд – заметить, почувствовать, нан. мэдэ – новость, известие; сол. мэдэ – узнать;

бур. хиргаха, халх. хиргах, калм. киргх, ст.-монг. кирга – стричь; подрезать; бур. хэршэ, халх. хэрчи, калм. керч, мнгр. кирджи, дунс. кичы, ст.-монг. кэрчи – 1) резать, разрезать; 2) рубить, разрубать; крошить // эвенк. гир, эвен. гэр, нег. гей, уд. гии, нан. гере – кроить; орок. гери, маньчж. гири – подрезать, Ср. также ст.-монг. киругэ – пила. Общая основа – кир // гир – резать; крошить; кроить;

бур. хабшаха, халх. хавчих, калм. хабчиха, ст.-монг. кабчи – жать, зажимать, ущемлять. Ср. бур. хабшуур, халх., калм. хабчуур – клещи, зажим; бур. хабшаг, халх., калм. хабчиг – ушелье // эвенк., нег. капчи, сол. катче, карчи, орок. капера, ульч. капура, нан.

капераго–; маньчж. кафира – зажимать, защемить, сдавливать; маньчж. капара – сплющиваться;

бур. малтаха, халх. малтах, калм. малтх, мнгр. манта, дунс. манта, баоан. мантал, ст.-монг. малта – копать, рыть // эвенк., эвен. малту, маньчж. мата – складывать; сол. малта – 1) складывать; 2) рыть;

бур. мулхи, халх. мөлхө, калм. мөлк, ст.-монг. мөлкү – ползать // эвенк. мирки, эвен. миркэн, сол. мили, нег. михи, уд. мики, ульч., маньчж. мичу, орок. миту – ползать;

бур., халх. бэлэн, калм. бэли, ст.-монг. бэлэн – готовый; бур. бэлдэхэ, халх. бэлдэх, мнгр. беледга, баоан. бэлдэ, Мук. бэлэт, ст.-монг. бэлэдкэ – приготовить, подготовить; быть готовым // орок. бэли, маньчж. бэлхэ, уд. бэхилэ – приготовить, эвенк. бэлэ, эвен. бэл, нег. бэдэч, орок., ульч., нан. бэлэчи, уд. бэлэси, орок. бэлэчи – помогать;

бур. (зап.) гилаэха, гилалзаха (вост. ялаэха, ялалзаха), халх. гилбэгнэх, калм. гилиих, ст.-монг. гилэйи – блестять, сверкать;

бур. (зап.), халх. гилагар, калм. гилгр, гилтгр, ст.-монг. гилэгэр – блестящий // эвен. гейтан^а, сол. гилтари^н – белый, маньчж. гилтари, гилтахун – блестящий, эвенк. гилтан^а – блестящий;

бур. дэгдэхэ, халх. дэгдэх, калм. дэгдэх, ст.-монг. дэгдэ – подниматься вверх, взлетать (ср. ст.-монг. дэгдэкэй, халх. дэгдээхий, бур. дэгдээхэ – птенец, досл. взлетающий вверх – от основы дэгдэ); // тунг. (эвенк., эвен., сол., нег.) дэги – птица, перелетная птица (досл. то, что летает, летающее). Ср. эвен. дэтлэ, уд. дактеһа, нан. дэгдэчэ – крыло, эвенк. дэктилэ, орок. дэктэсэ, ульч. дэктэтэ – перо (птичье); маньчж. дэтэхэ – 1) крыло; 2) перо;

бур. губихэ, халх. гүвэх, калм. гөвх, ст.-монг. губи – трясать; выколачивать, выбивать (пыль) // эвенк., эвен., нег. гив-ү, орок. гиви, орок., уд. гиу, ульч. гүпэли – вытрясать;

бур. бээрэхэ, халх. бээрэх, калм. бээрх, ст.-монг. бэгэрэ – мерзнуть, зябнуть; околочить (от холода) // эвенк. бэйг, бэги, нан. бэйэ – мерзнуть; отморожить; эвен. бэйи, нег. бэги, ульч. бэй – отморожить; маньчж. бэйэ – мерзнуть;

⁵² См.: Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, с. 203, 204.

бур. умдан, ундан, халх. умд, унд, калм. умди, ундн, ст.-монг. умда, унда – напиток, питье, бур. ундалка (умдалха), халх. ундлах (умдлах) // эвенк. ум-и-, ороц., уд., орок., ульч. уми-, эвен. ум-, маньчж., оми-, нег. ом-и-, нан. оме – пить;

бур. хурэхэ, халх. хурэх, калм. курхэ, мнгр. кур, Мук. кур-, квадр. к'ур-, ст.-монг. кур- – достигать; доходить; эвенк., эвен. ир-, маньчж. урэ – 1) созреть; 2) поспеть; 3) свариться; ульч. хурү- – 1) поспеть; 2) свариться; нан. хури- – 1) созреть; 2) свариться;

бур. йирэхэ, халх., калм. ирхэ, ст.-монг. ирэ – приходиться // эвенк., эвен., сол., нег., ороц., уд., ульч., нан. ии- – войти, орок. ии- – заходить;

бур. залгаха, халх. дзалгах, калм. залгх, мнгр. джилга-, дунс. джанга-, Мук. джалга-, ст.-монг. джалга- – удлинять, соединять; надставлять, присоединять // эвенк., эвен., нег. джалан, ульч., нан. джала^н, маньчж. чжалан, ороц., уд. джала, орок. дала – сустав. Уйгурское йалга – соединять, удлинять; надставлять – видимо, монгольское заимствование;

бур. нэхэхэ, халх. нэхэх, калм. нэхх, ст.-монг. нэ-кэ – преследовать, гнаться; требовать // эвенк. (вост.) н'экэ-, эвен. н'эк-, нек-, уд. н'эхэ – собираться что-либо делать, сол. нэхэлдэ – преследовать;

бур. угааха, халх. угаах, калм. угах, ст.-монг. угийа- – мыть // эвенк. ав-у-, уд. ау- – 1) мыть, мыться; 2) вытирать; эвен. ав-а- – мыть, мыться, нег. ав-у, орок. хау, ульч. хау-, нан. хаоче – вытирать;

бур. ургэхэ, халх. өргөх, калм. өргх, ст.-монг. өргү-, эргү- – поднимать вверх (поднимать тяжесть) // эвенк., эвен. ургэ, сол. үчгэрди, нег. уйгэгди, удгөгди, ороц. угэси, уд. угэһи, маньчж. учжэн, нан. хуйгэ, ульч. худжэули, орок. худэули – тяжелый;

бур. ангаэха, халх. ангаэх, калм. ангаэх, мнгр. ангэ-, дунс. ангэй-, ст.-монг. ангайи- – открывать рот (от основы ан- – зияние, отверстие) // эвенк., эвен., нег., орок., нан. амца, ороц., сол. амма, уд.; орок., ульч., нан. ацма, маньчж. анга – рот, уста.

Таким образом, все указанные языковые факты: совпадение корневых морфем, регулярные фонетические соответствия в них, вхождение их в лексико-семантические гнезда родственных слов, а также их широкая

территориальная распространенность и употребительность во всех (или в большинстве) монгольских и других алтайских языках – дают возможность считать, что эти слова являются исконными. Данный пласт лексики бурятского языка, очевидно, самый древний по времени происхождения.

Основное ядро лексики современных бурятских и других монгольских диалектов сформировалось в весьма раннюю эпоху и отличается большой устойчивостью. Наиболее долго сохраняются часто употребительные и широко распространенные слова, а также лексические единицы, входящие в гнездо родственных слов.

В словарном составе бурятских говоров находим также обширный пласт лексики, общий для других монгольских языков и не свойственный тюркским и тунгусо-маньчжурским. Приведем по нескольку примеров из различных тематических групп.

Лексика о природе: бур. убэл, угэл, халх. евел, калм. евл, даг. угул, мог. убул, ордос. евел, мнгр. угур, ргул, дунс. увун, баоан. нгон, Мук., Лиг. эбул, квадр. убул, Лейд. евул, ст.-монг. эбул, эбул, өгүл – зима. Ср. др.-тюрк. кыш, кирг., тат. кыш, карач.-балк. кыш, к.-калп. кыс; эвенк. тугэни, тувэни, туэни, эвен. тугэ, тугэни, тувуни, сол. тугу, ороц., уд., ульч., нан. туэ, орок. тувэ, маньчж. тувэри;

бур. хабар, халх. хавар, калм. хавр, даг. хаур, Лиг., Лейд. кабур, ст.-монг. хабур – весна. Ср. др.-тюрк. йаз, карач.-балк. джаз, кирг. жаз; эвенк. нэлкинй, эвен., нег. нэлкэни, сол. нэлхи, ороц. нэки, уд. нэкини – первая половина весны, эвенк. нэнгне, неггне, эвен. нэгни, гэгнэни – вторая половина весны;

бур. и халх. намар, калм. намр, Мук., Ибн, Лиг., Лейд. намур, ст.-монг. намур – осень. Ср. др.-тюрк. куз, карач.-балк. кюз арты, квач, к.-калп. гуз, гузек, эвенк. болонй, болорй – осень, эвен. болонй – вторая половина осени, мбнтэлсэ – первая половина осени.

Названия частей тела человека и животных: бур. арһан, калм. арсн, халх. арьс(ан), даг. арас, арс, мнгр. арасе, дунс. арасун, баоан. арсон, Мук., Лейд., Лиг. арасун, Ибн арасу, ст.-монг. арисун, арасу – кожа, шкура, мех. Ср. др.-тюрк. тери, карач.-балк. тери, к.-калп. тери, кон; эвенк. напра, нанна, нанда,

эвен. нанра, нандо – кожа животного, эвен. эртэ – кожа человека;

бур. гэдэһэн, халх. гэдэс, калм. гесн, ордос. гэдусу, мнгр. гедесе, дунс. киджисун, мог. гесан, Мук. гэтэсун, Ибн гэсусун, Лейд. гэсасу, гэсусун, ст.-монг. гэдэсун – внутренность, кишка. Ср. др.-тюрк., кирг. ич, карач.-балк. ич, ичи, к.-калп. иш; эвенк. дб(н), эвен. дб-н, до, нег., орок., уд., маньчж. до, ульч., нан. до-ни, уд. дониги – внутренность;

бур. үһэн, халх. үс(эн) – волосы, калм. үсн (в калмышском различают үсн – волосы на голове человека, ноосн – волосы на теле человека и у животных). Ср. зап.-бур. нооһон – волосы; шерсть; дунс. усун, баоан. сун, даг. усу, мог. усун, мнгр. сдэе, фудэе, Мук. усун, Лейд. Ибн һусун, Коз. һусу, ст.-монг. усун – волосы. Ср. др.-тюрк. сач, хак – сагайск. сас, к.-калп., шор. шаш, карач.-балк. чач; эвенк. нюриктэ, сол. нуриктэ, нег. нюиктэ, орок. нируктэ, эвен. нюрит, нюрит, орок., уд. нюктэ, ульч., нан. нуктэ – волосы;

бур. хюһан, халх. хумс(ан), калм. хумсн, мнгр. чимудэе, Мук., Ибн, Лейд. кимусун, Коз. кимуд, ст.-монг. кимусун – ноготь. Ср. др.-тюрк. тырнак, тыраһак, тынак, тат., к.-калп. тырнак, карач.-балк. тырнак, кирг. тырмак; эвенк. осикта, охикта, ошикта, сол. ушикта, уд. вахикта, маньчж. васиха, орок. хосикта, ульч. хоста, эвен. оста, охто, оштэ – ноготь.

Названия рыб, пресмыкающихся, насекомых: бур. Загаһан, халх. дзагас, калм. заһсн, мнгр. джагасе, дунс. джагасун, баоан. джигасон, Мук. джигасун, Ибн джигасу(н), Лейд. джикасун, Лиг. сокосун, ст.-монг. джигасун – рыба. Ср. тюрк. балык; эвенк. олло, нег. оло, уд. олохо, эвен. олра, орок. холто, ульч., нан. холто(н);

бур. гүрбэл, халх. гүрвэл, калм. гүлвр, гөлвр, ордос. гүрвэл, гүрвэли, гүргүл, ст.-монг. гүрбэл, гөрбэл, гөлбур – ящерица. Ср. кирг. кескелдирик, карач.-балк. кеселеккэ, к.-калп. кескелдек, кесиртке, эвенк. хисэлэ, ихэлэ, эшэлэ, эвен. исэл;

бур. шоргоолзон, халх. шоргоолджи(ин), калм. шорһлджн, мнгр. ширгүлджин, ордос. шургуулджи, шоргоолджи, ст.-монг. сиргуулджин – муравей (< ст.-монг. сир-

гу – пролезть, пробраться, пройти⁵³. Ср. др.-тюрк. кумурсга, комурсга, кирг. кумурска, карач.-балк. кьюмурсха, к.-калп. кумырска; эвен. этэргэн, хирит – муравей;

бур. эрбээхээ, халх. эрвээхий, калм. эрвэкэ, ст.-монг. эрбэгэкэй – бабочка (от основы эрбэ – порхать). Ср. к.-калп. губелек, карач.-балк. гёбелеккэ, эвен. докал.

Не имеют параллелей в сравниваемых группах языков аитайской семьи почти все числительные: бур. нэгэн, халх. нэг(эн), калм. негн, мнгр. ниге, мог. никан, даг. нэкэ, ордос. нэгэ; дунс. ниэ, баоан. нэгэ, Мук., Ибн, Лиг. никэн, квадр. ник'эн, Лейд., ст.-монг. нигэн – один. Ср. др.-тюрк. бир; эвенк. умүн, эвен. умэн, нан. эмун, нег. омон, орок., уд., ульч. омо;

бур. гурбан, халх. гурав, гурван, калм. һурвн, мнгр. гурбан, дунс. гуран, баоан. горан, Мук. гурбан, Ибн гу(р)бан, квадр. курбан, Лейд. гурбан, курбан, ст.-монг. гурбан – три. Ср. др.-тюрк. үч; эвенк. илан, эвен. елан, нег. илан, елан, маньчж. илан, нан. ела(н), сол., орок., орок., уд., ульч. ила;

бур. табан, халх. тав(ан), калм. тавн, мог. табун, мнгр. таавен, дунс. тавуан, баоан. тавон, Мук., Ибн табун, квадр. т'абун, ст.-монг. табун – пять. Ср. др.-тюрк. беш; эвенк. туннга, тоннга, эвен. туннган, туньнган, орок., уд., сол. тунга, нег. тоньнга, орок. тунда, ульч. тундя, нан. тойнга, маньчж. суньча;

бур. арбан, халх. арав, арв(ан), калм. арвн, мог. арбн, мнгр. харван, дунс. һаруан, баоан. һарван, Коз. һарбан, арбан, Мук., Ибн, Лейд. һарбан, ст.-монг. арбан – десять. Ср. др.-тюрк. он; эвенк. дяан, эвен. дянгра, сол., нег., уд. дян, орок. дён, ульч. дюан и т. д.

Эти и многие другие лексические единицы, характерные и для остальных монгольских языков, возникли очень давно, еще до распада единого языка монголов на самостоятельные языки.

⁵³ См.: Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика ..., с. 182.

Кроме слов, употребляющихся во всех монгольских языках, в словарном составе бурятских диалектов обнаруживается также региональная лексика: общая, например, для бурятско-халха-монгольского или бурятско-калмыцкого языков.

В бурятском и халха-монгольском языках в значении "ливень" бытует слово аадар; а в калмыцком языке в данном значении используется словосочетание асхардж орсн хур - проливной дождь. В значении "выдра" в первых двух языках употребляется лексема халрун, в калмыцком - суб (< ст.-монг. суб). Последнее сохранилось в отдельных бурятских говорах лишь в парном сочетании, например бох. һуб халюун - выдра. Приведем еще несколько примеров бурятско-халхаских соответствий: бур. и халх. намаг - болото, ср. калм. улм; бур. и монг. шавар - грязь, ср. калм. бальчг (< тюрк.); бур. и халх. давирхаэ - деготь, ср. калм. дегд; бур. гулгэн и халх. гөлөг - щенок, ср. калм. кичг (< тюрк.); бур. удэшэ и халх. удэш - вечер, ср. калм. асхн (< тюр.: др.-тюрк. ашхам - вечер, время захода солнца, карач.-балк. ашхам - вечер); бур. засаг и халх. дзасаг - власть, ср. калм. йосн; бур. и халх. халбага - ложка, ср. калм. ухр и др. Одной из причин расхождения лексики бурятского и монгольского языков, с одной стороны, и калмыцкого, с другой, являются, как видно из примеров, различные источники заимствования: в калмыцком больше заимствований из тюркских языков, с которыми он находится в постоянном и тесном контакте.

В лексике бурятских говоров, прежде всего западных, имеется немало общего с калмыцким языком. Так, в значении "купаться (в воде)" в аларо-унгинском говоре употребляется оэмохо, в калмыцком языке - (дерб. гов.) оэмох. Ср. юж.-бур. и халх. умбах, вост.-бур. шунгаха, уһанда орохо. Характерно, что в словаре Мукаддимат ал-Адаб отмечены оймаба и онбаба - пльи⁵⁴. Или зап.-бур. хэлхээ и калм. келкэ означает "заика".

⁵⁴ См.: Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, с. 442.

Ср. вост.-бур., юж.-бур. и халх. ээрүү. В халха-монгольском языке хэлгий, в южнобурятском и восточнобурятском диалектах хэлэгуй означают "немой". Интересно, что в труде ал-Замахшари отмечено слово кэлэгэй в значении "заика"⁵⁵ (как в калмыцком языке и западнобурятских говорах), а в глоссарии Июн-Муханны данная лексема зарегистрирована в значении "немой, говорящий с трудом"⁵⁶ (как в халха-монгольском языке и восточнобурятском, южнобурятском наречиях). Як. кэлэгэй, хак. килегей - заика - монгольское заимствование. Ср. ст.-монг. кэлэкэй, кэлэгэй - заика, немой⁵⁷ < кэлэу гэй - досл. языка нет. В связи с этим отметим, что в киргизском языке келегей означает "с дефектом", а тили келегей - "с дефектом речи" (где кирг. тили и монг. келе означают одно и то же - язык). Данный факт также свидетельствует о том, что слово келегей, встречающееся в некоторых тюркских языках, не является для них исконным.

В значении "волшебство, чары" в бурятском и калмыцком языках употребляется слово аб (< ст.-монг. аб) вместо халхаского илэв. В значении "заплата" в бурятском языке используется слово халааһан, в калмыцком - халаас, образованные от основы хала - ставить заплатку, латать, в халха-монгольском - нэхээс (от основы нэх - латать). Или бур. һиихэ, калм. сних (< ст.-монг. сэйикэ) - серьга вм. халх. ээмэг.

Древние элементы в лексике бурятских говоров

В бурятских диалектах обнаруживаются архаичные слова, бытовавшие в ранних монгольских языках, но отсутствующие в большинстве других современных монгольских языков. Так, слово джантаву, зарегистрированное в "Сокровенном сказании" (Лиг., § 188) в значении "чарка", сохранилось в качугском и некоторых других говорах бурятского языка (кач., бур. байк.-куд. зантуу) в значении "подойник, ведро". Из остальных монгольских языков слово зантуу отмечено в дербет-

⁵⁵ Там же, ч. 314.

⁵⁶ Там же, с. 440.

⁵⁷ См.: K a l m u c k i s c h e s W ö r t e r b u c h ..., S. 223.

ском говоре калмыцкого языка в значении "железный ковш"⁵⁸. Ср. также барг. ухара – цапля <ст.-монг. укар – птица, похожая на цаплю. Или бур. зон (от корневой морфемы зо- – *человек + афф. -н) – люди, народ, население. В других монгольских языках в настоящее время оно не встречается. Ср. халх. ард иргэн, калм. улс эмтн – народ, халх. хун ам, калм. эмтн – население и т. д. Но в современных монгольских языках употребляются слова, производные от зо- < *джо-: бур. зонхило – распорядиться; управлять, халх. дзонхилох, калм. зонгилх, зонхлха – 1) быть в большинстве; 2) быть ведущим, главенствующим.

Общераспространенное в бурятском языке слово сэргэ (юж.-бур. цэргэ) – коновязь, бытовавшее в среднемонгольском (ст.-монг. чэргэ – id), не встречается в других монгольских языках. Ср. хал. морьны уяа, калм. мөрнэ уяа – коновязь.

В некоторых бурятских диалектах и в ряде монгольских языков сохранились древние слова, утраченные другими бурятскими говорами или замененные в последних иными лексическими единицами. Например, в активном запасе лексики современных западнобурятских говоров находятся слова малгаар (ал.-унг.), маргааша (эх.-бул.) – завтра, минаа – плетка, кнут, охор – короткий, ерүүлэ – половина, зафиксированные в ранних памятниках монгольской письменности: Мук. манагаар, Ибн манаг(аа)р, Лейд. манкаар, ст.-монг. манагар, маркаси, мнгр. магаше, дунс. магашы, баоан. махше, халх. маргааш (наряду с еглөө), калм. мангуур, мандр. Ср. вост.-бур., юж.-бур. углөөдэр – завтра; Мук., Ибн минаа, ст.-монг. минага, милага, даг. минаа, дунс. мина, халх. малиа (наряду с ташуур, ст.-монг. тасигур), калм. (дерб.) малиа, мал¹аз (наряду с ташуур, ташмар). Ср. вост.-бур., юж.-бур. ташуур – кнут, бич; Мук. окар, Ибн, Лейд, нокар, Коз., Лиг. окор, ст.-монг. окор, акур, мнгр. хугор, баоан. гор, дунс. око, халх. охор, ахар, калм. окр, акр. Ср. вост.-бур., юж.-бур. богони – короткий; Мук. ерүүлэ, Лиг. өрү¹элэ, ст.-монг. өрүгэлэ, дунс. олиэни, халх. ерүүл, калм. өрэл. Ср. вост.-бур. хагад, юж.-бур. хагад – половина.

⁵⁸ Вандуй Э. Дорвод аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965, с. 154.

В западнобурятских говорах дождь называется хура. Это слово зафиксировано в памятниках среднемонгольской письменности и сохранилось также в других монгольских языках: Мук., Ибн, квадр., Лейд., Лиг. кура, даг. хуар, мнгр. хурā, дунс. гура, халх., калм. хур. Ср. вост.-бур., юж.-бур. бороо. В западнобурятских говорах бороо означает "пурга, метель, буран". В восточных и южных диалектах бурятского языка лексема хура отдельно не употребляется, иногда встречается лишь в парном сочетании бороо хура или хура бороо – дожди.

Слово унин, зафиксированное в ранних памятниках монгольской письменности в значении "дым", сохранилось в западнобурятских говорах и некоторых архаичных монгольских языках: зап.-бур. унин, дунс. фуниэ, баоан. фэнэ, даг. хони, Мук., Коз. һунин, Ибн. һуни – дым, мнгр. фуни – дымка, мгла, ст.-монг. унин – дым, дымка, туман. Ср. вост.-бур. утаан, юж.-бур., халх. утаа(н), калм. утан – дым. Но основа ун¹, видимо, восходящая к корневой морфеме *у-, сохранилась в слове унаяр: вост.-бур., юж.-бур., халх., калм. ун¹ аар < ст.-монг. унийар – мгла, дымка.

Общемонгольские слова маргааша, хура и т. д., несомненно, бытовали и в южнобурятском наречии, поскольку оно отпочковалось сравнительно недавно от халха-монгольского языка, в котором эти слова используются и сейчас. Названные лексемы, очевидно, употреблялись раньше и в восточнобурятском наречии, так как они бытуют в западнобурятском наречии и других монгольских языках. Эти факты свидетельствуют о том, что изменения в лексике южнобурятских и восточнобурятских говоров происходят быстрее, чем в западнобурятских. Это связано главным образом с тем, что сравнительно с западнобурятскими говорами восточные и южные диалекты ввиду территориальной близости находятся в более тесном контакте между собой.

Собственно бурятские слова

В лексическом составе бурятских диалектов имеет место значительное количество собственно бурятских слов и значений, отсутствующих в других монгольских

языках. Этот пласт исконной лексики появился в основном в период самостоятельного развития бурятского языка за счет его словообразовательных возможностей, изменения семантики ранее бытовавших слов и т. д. Приведем примеры из широко распространенного в бурятском языке слоя лексики.

В значении "девушка, дочь" в традиционных говорах бурятского языка употребляется слово басаган – дочь, девочка, девушка. В западнобурятском наречии данная лексема иногда используется также в значении "дитя, ребенок" независимо от пола. (Ср. зап.-бур. бэсэгэн – самый младший сын). Для других монгольских языков слово басаган не характерно. Ср. халх. – охин – дочь, девочка, хүүхэн – девушка, калм. кууки (изредка оки) – дочь, девочка, дунс. очин – девушка, даг. угын – дочь, Лейд. экин – дочь, девочка, девушка, Лиг., Мук. экин – девушка, Хэйи. окин – дочь, девочка, женщина, жена, ст.-монг. экин, окин – дочь, девочка, кэукэн – девушка, дитя.

В значении "совесть" в бурятском языке употребляется слово һэшхэл, которое отсутствует в других монгольских языках (халх., калм. ичр – совесть). Бурятское һэшхэл образовалось, очевидно, от исконно монгольского сэдкил (разум, сознание, чувство) в результате закономерной замены звуков с // һ в начале и к' // ш в середине слова, в связи с чем произошла семантическая филиация данной лексической единицы, восходящей к основе сэдэ (сэду) – задумывать, пытаться, намереваться. В монгольских языках сэдхэл означает "мысль, дума; размышление": халх. сэтгэл, калм. сэткл < ст.-монг. сэткил < сэтки + -л < сэдэ (сэду).

Приведем еще несколько примеров:

Бурятский	Халха-монгольский	Калмыцкий	Значение
<u>Агсаа(н)</u>	<u>Солио,</u> <u>арилджаа</u>	<u>Сольцлһн,</u> <u>дольцлһн</u>	Обмен
<u>Агсаха</u>	<u>Солих,</u> <u>арилжих</u>	<u>Сольх</u>	Менять, обменивать
<u>Паднаг</u>	<u>Гадас, га-</u> <u>цуу</u>	<u>Гасн</u>	Кол для изгороди

<u>Хулисэхэ</u>	<u>Уучлах</u>	<u>Уучла</u>	Прощать
<u>Тэргэлхэ</u>	<u>Зугтах</u>	<u>Зулх</u>	Убегать
<u>тэрьелхэ</u>	<u>дутаах</u>		
<u>Пажааха</u>	<u>Дууриах</u>	<u>Дуурах</u>	Подражать
<u>Шахаха</u>	<u>Бордох</u>	<u>Бордха</u>	Откармливать скот для забоя

Большое количество собственно бурятских лексических единиц образовано различными способами словопроизводства, главным образом морфологическим способом. Словообразовательные аффиксы присоединяются в основном к обшемонгольским, иногда и к диалектным производящим основам, в результате чего возникают новые слова и значения. Например, для обозначения понятия "спички" в западнобурятском и южнобурятском наречиях использована обшемонгольская основа зура– (юж.-бур. дзура–)–чиркать < ст.-монг. джиру–, но к ней присоединены различные аффиксы: в первом наречии -ааша, -аахаэ (ал.-унг., бох. зурааша, кач., олх. зураахаэ), во втором – -уул (цонг., сарт. дзуруул). В восточнобурятских говорах для наименования данного предмета используется другая (но синонимичная первой) основа шудар– + афф. -уул – шударуул. Наряду с собственно бурятскими образованиями в тех или иных диалектах используются заимствования из русского языка: спичкэ, шиира и др. Такой разницей в обозначении понятия "спички" в известной мере объясняется тем, что они появились сравнительно недавно: "Производство спичек возникло в ряде стран в 30-х годах XIX века... В России первая спичечная фабрика была построена в 1837 году в Петербурге"⁵⁹. А названия таких древних источников добывания огня, как кремень (бур. сахюур⁶⁰ < ст.-монг. чакигур) и огниво (бур. хэтэ < ст.-монг. кетэ), являются обшемонгольскими. Ср. соответственно халх. цахиур, хэт, калм. цакур, цэкур, кет. Приведем еще несколько примеров: аг. нюргабша (от нюрган < ст.-монг. ниругун – спина + афф. -бша) – коромысло, зап.-

⁵⁹ См.: БСЭ, т. 40, с. 314.

⁶⁰ От основы сахи– < ст.-монг. чаки– – высекать (огонь); сверкать.

бур. бухэбшэ (от диал. бухэ – задняя часть тела + афф. -бша – подушка для сидения, цонг. дзургаадаэ (от дзургаа – шесть + афф. -даэ)-шестерня жатки и т. д.

Итак, в словарном составе современных бурятских говоров выделяется большой пласт исконной лексики, состоящей из общемонгольских, регионально монгольских и собственно бурятских слов. Об исконности лексем свидетельствуют их фонетические, фономорфологические и семантические признаки, а также широкая территориальная распространенность слов в монгольских и других алтайских языках.

Как показывают факты, процесс формирования лексики традиционных бурятских диалектов начался в отдаленную от нас эпоху, по-видимому, не позже середины первого тысячелетия. Наиболее древними являются общемонгольские слова, имеющие соответствия в алтайских языках, а также слой лексики, общий для других монгольских языков и не свойственный тюркским и тунгусо-маньчжурским языкам.

Кроме того, в лексическом составе бурятских говоров имеется значительное количество собственно бурятских слов и значений, отсутствующих в других монгольских языках и возникших в основном в период самостоятельного развития бурятского языка за счет его словообразовательных возможностей.

ГЛАВА III

ПОПОЛНЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА БУРЯТСКИХ ДИАЛЕКТОВ СОБСТВЕННЫМИ РЕСУРСАМИ

Несмотря на устойчивость своего основного ядра, о чем говорилось выше, лексический состав бурятских говоров непрерывно изменяется и развивается. Это прежде всего выражается в пополнении лексики новыми словами и значениями.

Обогащение словарного состава бурятских диалектов происходит главным образом за счет их внутренних ресурсов. Новые лексические единицы появляются на базе существующих в языке слов различными способами: фонетическим, морфологическим (аффиксальным), морфолого-синтаксическим и т. д. Основной из них аффиксальный способ словообразования, который играет решающую роль в процессе формирования и развития лексики разговорного бурятского языка.

Аффиксальный способ словообразования

Некоторые вопросы образования слов в разговорном бурятском языке посредством аффиксов были затронуты в указанных выше трудах дореволюционных исследователей М. А. Кастрена, А. М. Орлова, А. Д. Руднева и др. В советское время вопросы аффиксального словообразования, главным образом литературного бурятского языка, в той или иной мере рассматривались в работах Т. А. Бертагаева, Г. Д. Санжеева, Ц. Б. Цыдендамбаева¹ и других. В послевоенный пери-

¹ См.: Бертагаев Т. А. Лексика монгольских языков. Докт. дис. /Рукопись/, 1947. – РО БФ СО

од в некоторых исследованиях по бурятской диалектологии обращается внимание на особенности образования слов в тех или иных говорах². Вопросы аффиксального словообразования частей речи в бурятском литературном языке подробно исследованы в работе У.-Ж. Ш. Дондукова³.

АН СССР, инв. № 1632; Он же. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969; Он же. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974; Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941; Он же. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963; Он же. Глагол. - В кн.: Грамматика бурятского языка. М., 1962; Он же. Старописьменный монгольский язык. М., 1964; Цыдендамбаев Ц. Б. Изобразительные слова в бурятском языке. - В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958; Он же. Местоимение. - В кн.: Грамматика бурятского языка. М., 1962; Алексеев Д. А. Обогащение словарного состава бурят-монгольского литературного языка за советский период. Улан-Удэ, 1955; Он же. Наречие. - В кн.: Грамматика бурятского языка. М., 1962; Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958; Дарбеева А. А. Имя прилагательное. - В кн.: Грамматика бурятского языка. М., 1962; Орловская М. Н. Имя существительное. - Там же; Черемисов К. М. Заметки по бурят-монгольскому языку (о некоторых суффиксах бурят-монгольского языка). - "Зап. БМ НИИЯЛИ", Улан-Удэ, 1941, вып. 3-4; Он же. Краткий грамматический справочник по бурят-монгольскому языку. Приложение к бурят-монгольско-русскому словарю. М., 1951; Шагдаров Л. Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962; и др.

² См.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965; вып. 2, 1968.

³ См.: Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.

Опираясь на труды предшествующих исследователей, мы рассматриваем некоторые вопросы аффиксального

словообразования имен существительных и прилагательных в разговорном бурятском языке. При этом, насколько позволяет материал, уделяется внимание освещению данной проблемы в историко-сравнительном аспекте.

Как и во всех агглютинативных языках, в бурятских диалектах слова образуются путем последовательного присоединения аффиксов к корневым (производящим) и производным основам. Эти аффиксы производят новые слова с иным значением. Однако "новые слова образуются в тесной связи со старыми, знакомыми словами и моделями на основе существующих словообразовательных элементов. Эта закономерность производства новых слов освобождает нашу память от запоминания огромного количества слов и дает возможность творить новые слова и узнавать вновь созданные"⁴. Возьмем, например, слово харуулшанаэхи (семья охранника), где к корневой основе хара- (смотреть, охранять), имеющей весьма древнее происхождение, присоединен аффикс -уул и образована производная основа харуул (охрана), к которой наращен постфикс⁵ -шан и образована вторичная производная основа харуулшан - охранник. К этой основе присоединен аффикс -аэхи и образовано слово харуулшанаэхи - семья охранника. Сложный аффикс -аэхи состоит из окончания родительного падежа -аэ и постфикса -хи, обозначающего принадлежность людей к одному семейству (ср. галданаэхи - семья Галдана, Галдановы). Здесь все производные основы связаны с тем, что выражено корневой основой хара- - смотреть, охранять, сторожить.

Аффиксация как способ словопроизводства по определенным моделям используется в монгольских языках с древнейших времен. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас отдельные примеры из древнемонгольских языков - табгачского и киданьского. Так, от языка монголоязычных табгачей сохранились слова битигчин -

⁴ Аверьянова А. П. Как образуются слова. М.-Л., 1966, с. 4.

⁵ Во избежание частого повторения слова "аффикс", в последующем изложении наряду с ним будем пользоваться иногда термином "постфикс".

писец, кэлмэрчин – переводчик⁶, образованные посредством наращения аффикса –чин к основам битиг – надпись, документ, кэлмэр – говорливый, красноречивый. В этих словах постфикс –чин присоединен к производным основам битиг и кэлмэр, которые в свою очередь образовались от глагольных основ соответственно бити– писать + аффикс –г и кэл– говорить + аффикс –мэр. Ср. совр. монг. бичиг, бур. бишиг (бэшэг) – письмо, запись; документ; монг. бэчээч, калм. бичээчи, бур. бишээшэ (бэшээшэ), ст.-монг. бичигэчи – писарь, писец; бур. хэлэмэр – говорливый, болтливый⁷, монг. хэлмэрч – устный переводчик⁸, калм. келмрч – красноречивый, разговорчивый⁹, ордос. кэлэмэрчи – красноречивый¹⁰, ст.-монг. кэлэмэрчи – переводчик, толкователь¹¹. И в “Древнетюркском словаре” зафиксировано слово битигчи, также означающее “писец”¹². Оно произведено, очевидно, от именной же основы битиг – надпись; документ¹³, которая, в свою очередь, тоже образовалась от глагольной основы бити– писать, вырезать надпись¹⁴.

Таким образом, табгачские слова кэлмэрчин и битигчин показывают, что еще древнемонгольскому языку был присущ способ образования новых слов посредством присоединения определенных аффиксов как к про-

⁶ См.: Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972, с. 9.

⁷ Бурятско-русский словарь. М., 1973, с. 644.

⁸ См.: Монгольско-русский словарь. Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957, с. 686.

⁹ См.: Русско-калмыцкий словарь. Изд. 2-е. Элиста, 1963, с. 182; Kalmückisches Wörterbuch von G. I. Ramstedt Suomalais-Ugrilainen seura. Helsinki, 1935, S. 223.

¹⁰ См.: Dictionnaire ordos par Antoine Mostaert, t. 1. Peking, 1941, p. 412.

¹¹ См.: Kalmückisches Wörterbuch..., S. 223.

¹² См.: Древнетюркский словарь. Ред. В. М. Нелдяев и др. Л., 1969, с. 103.

¹³ См.: Древнетюркский словарь, с. 103.

¹⁴ См.: Там же.

изводящим, так и к производным основам. Притом эти аффиксы, истоки которых уходят в глубь веков, наращиваясь к именным, глагольным и другим основам, образовывали различные части речи.

Постфикс монг. –чин // бур. –шан, соответствующий древнему –чин, является весьма продуктивным в современных монгольских языках, в том числе и в бурятском. Присоединяясь к именным основам, он обозначает различные профессии людей, приобретенные в определенном роде производственной деятельности¹⁵. Ср. бур. малшан // монг. малчин – скотовод (от мал – скот), бур. адуушан // монг. адуучин – табунщик от бур. адуун // монг. адуу – табун.

Из киданьского языка приведем для примера слово шаваджи или шавааджи – птицелов (от основы шава или шаваа – хищная птица)¹⁶. Аффикс –ша, соответствующий киданьскому –джа, также находится в активном употреблении в современных монгольских языках. Он обозначает имена деятелей по роду их занятий¹⁷. Ср. бур. шубууша // монг. шувууч – птичник от бур. шубуун // монг. шувуу – птица; бур. газарша // монг. гадзарч – проводник от бур. газар // монг. гадзар – земля, местность. Среднемонг. гаджарчи – проводник, гид (от гаджар – земля)¹⁸.

Существительные, образованные от именных основ при помощи аффикса –чи и обозначающие занятие, профессию человека, зафиксированы в памятниках древнетюркской письменности: эмчи – лекарь (от эм – лекарство)¹⁹, ср. бур. эмшэ(н), ст.-монг., среднемонг. эмчи, совр. монг. эмч – врач, уст. лекарь (от бур., монг. эм – лекарство); др.-тюрк. тэмурчи – кузнец (от тэ-

¹⁵ Дондуков У.-Ж.Ш. Указ. соч., с. 17.

¹⁶ См.: Лигети Л. Рец. на кн.: Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков (т. 1. М., 1953). – “Вопр. языкознания”, 1956, № 5, с. 138, 139. Ср. ст.-монг. сибагучи – птицелов.

¹⁷ См.: Дондуков У.-Ж.Ш. Указ. соч., с. 15.

¹⁸ См.: “Изв. АН СССР. Сер. УП”, 1928, № 1-2, с. 62.

¹⁹ Древнетюркский словарь, с. 172.

мур - железо)²⁰, ср. бур. түмэршэ(н)²¹ // монг. тө-
мерч(ин)²² - кузнец от бур. түмэр // монг. төмөр -
железо; др.-тюрк. алтунчи - золотых дел мастер (от
алтун - золото)²³; бэзчи - ткач (от бэз - хлопчато-
бумажная ткань)²⁴; тамгачи - хранитель печати (от
тамга - печать)²⁵; йэлвичи - волшебник, колдун (от
йэлви - волшебство, колдовство)²⁶. Возьмем еще один
пример: др.-тюрк. авчи - охотник (от ав - охота)²⁷,
ср. монг. авчин²⁸ // бур. авашан²⁹ - участник обла-
вной охоты от монг. ав // бур. аба - облава. Следует
заметить, что в современных монгольских языках сло-
ва, обозначающие этот древний вид охоты - облаву
(бур. аба, авашан, монг. ав, авчин), перешли в пассив-
ный запас лексики, хотя аффиксы, образовавшие их, до-
вольно продуктивны. Эти слова сохранились в основ-
ном в таких устойчивых слоях лексики, как фразеоло-
гизмы, например; бур. авашан тубшын зангаар, архин-
шан һуншын зангаар; монг. авчин төвчийн дэангаар,
архинчин сөнчийн дэангаар - охотник на облаве посту-
пает так, как указывает руководитель, а пьющий вино -
так, как указывает разливающий.

И в современных тюркских языках широко исполь-
зуется постфикс -чи (-чы), соответствующий бурятско-
му -ша (или -шан), монгольскому -ч (или -чин). Так,
в кумыкском языке -чы/-ч, "... как и во всех тюрк-
ских языках (подчеркнуто нами. - П. Б.), образует
имена со значением действующего лица или профессио-

²⁰ Там же, с. 551.

²¹ Бурятско-русский словарь, с. 444.

²² Монгольско-русский словарь, с. 418.

Ссылки на бурятские и монгольские источники делают-
ся нами лишь в тех случаях, если наличие того или
иного слова в современных монгольских языках может
вызвать сомнение у читателя.

²³ Древнетюркский словарь, с. 40.

²⁴ Там же, с. 119.

²⁵ Там же, с. 530.

²⁶ Там же, с. 255.

²⁷ Там же, с. 68, 69.

²⁸ Монгольско-русский словарь, с. 20.

²⁹ Бурятско-русский словарь, с. 23.

нала³⁰. Примеры: темир-чи (кузнец), башмак-чы
(сапожник), этмек-чи (булочник)³¹. В горноалтайском
(ойротском) языке "аффикс -чы~-чи образует имена,
обозначающие производственную функцию человека, про-
фессию, занятие"³². Например, малчы - пастух (от
мал - скот), бичикчи - грамотей, грамотный (от би-
чик - грамота, книга)³³.

Рассмотренным выше аффиксам монгольских и тюрк-
ских языков (бур. -шан, монг. -чин, тюрк. -чи, -чы)
соответствует эвенкийский -чён, также образующий от
именных основ существительные со значением помер
agentis, например: эвенк. орон - олень, орочён - оле-
невод, бэюн - зверь, бэючён - охотник³⁴.

В древнетюркских источниках, а также в современ-
ных тюркских и тунгусо-маньчжурских языках обнару-
живаются и некоторые другие аффиксы, соответствую-
щие по значению и звуковому облику словообразова-
тельным аффиксам современных монгольских языков.
Например, др.-тюрк. -лиг (с фонетическими варианта-
ми). Посредством данного аффикса образованы от раз-
личных основ имена прилагательные, реже существи-
тельные. Так, от основ имен существительных образо-
ваны прилагательные, выражающие, как и в современ-
ных монгольских языках, наличие или изобилие того,
что выражено в производящей основе: др.-тюрк. йурак-
лиг - доблестный, отважный (от йурак - сердце)³⁵,
сакаллуг - бородатый (от сакал - борода)³⁶, тамыр-
лыг - жилистый (от тамыр - кровеносный сосуд, арте-
рия, вена)³⁷, таварлыг, таварлулук - богатый, имущий
(от тавар - добро, имущество, богатство)³⁸, чечак-

³⁰ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского язы-
ка. М.-Л., 1940, с. 83-84.

³¹ См.: Там же, с. 84.

³² Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского
языка. М.-Л., 1940, с. 45-46.

³³ См.: Там же, с. 46.

³⁴ См.: Эвенкийско-русский словарь, с. 797.

³⁵ Древнетюркский словарь, с. 286.

³⁶ Там же, с. 486.

³⁷ Там же, с. 530.

³⁸ Там же, с. 542.

лиг - с цветами, имеющий цветы (от чечак - цветок)³⁹, согунлуг - место, где обильно растет лук (от согун - лук)⁴⁰. Ср. бур. мозһолиг - черемуховый, изобилующий черемухой⁴¹ (от мозһон - черемуха), үһэлиг - волосатый (от үһэн - волосы), мяхалиг - мясистый, дородный (от мяхан - мясо); монг. услэг - волосатый (от ус - волосы), махлаг - мясистый (от мах - мясо) и т. д.

Многие словообразовательные аффиксы, имеющиеся в современных бурятских диалектах, бытовали и в старописьменном монгольском языке. В нем использовались, например, аффиксы, образующие имена существительные от именных основ: -чи // -чин, например, эмчи - лекарь, от эм - лекарство, тэмэгэчин - пастух верблюда, от тэмэгэн - верблюд; -бчи: хуругубчи - наперсток, от хуругу - палец; -джин: гунаджин - трехлетняя (о самке животных), от гуван - трехлетний (о самце животных); от глагольных основ: например, -г: бичиг - письмо, надпись, от бичи - писать; -гул: харагул - охрана, караул, от хара - смотреть, охранять; -гур: элгур - вешалка, от элгу - вешать, баригул (вместо баригур) - ручка, от бари - держать; -гури: эджэлгури - владение, от эджэлэ - владеть, сургагули (вместо сургагури) - училище, от сурга - учить; -дал: байидал - состояние, от байи - быть; -дун: инийэдун - смех, от инийэ - смеяться; -джа: олджа - добыча, от ол - найти; -л: мэдэл - знание, от мэдэ - знать; -лга: барилга - стройка, от бари - строить; -лта: нэмэлтэ - прибавление, от нэмэ - прибавить; -ланг: хадуланг - покос, уборка, от хаду - косить, жать; -ли: сагали - молоко, удоиность; дойный скот, от сага - доить; -м: алхум - шаг, от алху - шагать; -маг: эгэдэмэг - заквашенное молоко, от эгэдэ - закваситься; -мджи: илгамджи - различие, от илга - различать; -ми: ухуми - изогнутый резец, от уху - копать; -р: бэлчир - место слияния рек, перекресток, от бэлчи - разветвляться; -ри: нэмэри - добавка от нэмэ - прибавлять; -си: кэбтэси - лежанка, от кэбтэ - лежать;

39 Там же, с. 143.

40 Там же, с. 507.

41 Бурятско-русский словарь, с. 298.

-сун: көгөсүн - пена, от көгэ - пениться, взбучать (как отмечает проф. Г. Д. Санжеев, "посредством этого суффикса многочисленные имена образованы в очень давние времена от омертвевших ныне основ, например: часун "снег" от ча, джигасун "рыба" от джига - и т. д."⁴²); -гасун: хадагасун - гвоздь, от хада - вбивать, вколачивать; -дасун: чабчидасун - щетки, от чабчи - рубить; -хуланг: чадхуланг - сытость, от чад - насытиться; -ча: барича - подношение, от бари - подносить⁴³.

Немало аффиксов словообразования зафиксировано в памятниках среднемонгольской письменности: "Сокровенном сказании", "Лейденской рукописи", словаре Мукаддимат ал-Адаб и других.

Для примера возьмем из словаря Мукаддимат ал-Адаб наиболее характерные аффиксы, образующие имена существительные и прилагательные:

-аал: татаал - арык (Ибн татуул - река, ров), от тата - тянуть, бэлчээл - пастбище, от бэлчи - пастись;

-аан: каткулдаан - битва, от каткулда - сражаться;

-аачи: бичээчи - писарь, от бичи - писать;

-бчи: куруубчи - наперсток, от куруун - палец, эркэбчи - то же, от эрэкэй - большой палец;

-ган: ябуган - пеший, от ябу - идти;

-дай: амидай - тезка, от амин - жизнь, сам;

-ду: дораду - нижний, от дора - низ (данная форма сохранилась в ареале распространения западнобурятского наречия: ал.-унг. дорада - id.); дундаду - средний, от дунда - середина, амиду - живой, от амин - жизнь;

-к: өгүк - налог, от өгэ - дать, төлөк - плата, от төлэ - платить;

-кай, -гэй: кукуркай - сломанный, от кукар - сломаться, кэлтэркэй - покосившийся, от кэлтэр - покоситься, октаркай - отрезанный от октар - быть отрезанным, кэлтэгэй - кривой, от кэлтэйи - скривиться;

-кан: сиба'уукан - птичка, от сиба'уун - птица;

42 Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык, с. 56.

43 Подробнее см.: Там же, с. 54-58.

-ки; дораки - нижний, от дора - низ, дотараки - внутренний, от дотара - внутри, эртэки - ранний, от эртэ - рано, тэрэлки сокар - слепорожденный, от тэрэл - рождение, родство;

-кулан: баяскулан - радость, от баяс - радовать-ся, өлүскулэн, өлэскэлэнг - голод, от өлэс - голодать, ундааскуланг - жажда, от унда'ас - иметь жажду:

-кчин: калджакчин - самка дикой козы, от калджан - лысый;

-л: эрил - просьба, от эри - просить, оял - шов, от оя - шить;

-ланг, -лан: дjobаланг, дjobалан - страдание, от дjobа - страдать;

-лга: оралга - водопой, от ора - войти;

-лик, -лук: муулик - зло, от муу - злой, плохой, сайнлик - добро, от сайн - хороший, джала'уулик - молодость, от джала'уу - молодой, каранкулуг - темнота, от каранку - то же;

-ма, -м: дакама - menses, от дака - следовать, курум - насколько хватает, от куру - достигать, хватать;

-мал: чидамал - способный, от чида - уметь, мочь, каймал - стремящийся к верблюду (верблюдица), от *кай-;

-мтуур: һулаамтур - красноватый, от һулаан - красный. Этому соответствует ст.-монг. -бтур: харабтур - черноватый, от хара - черный;

-нгу: ядангу - слабый, от яда - не уметь, не мочь;

-нки: соктанки - пьяный, от сокта - пьянеть;

-ри: нуури - кочевка, от нуу - кочевать;

-р// -л: болджар // болджал - срок, от болджа - условиться;

-сар, -са: уясар, уяаса - повязка, от уя - связывать;

-тан: моритан - конные, от морин - конь, джэбэ-тэн - копьеносцы, от джэбэ - копье;

-ту: джидату - вооруженный копьем, от джида - копье, дабусуту - солончак, от дабусун - соль, баяту - богатство, от баян - богатый, борту - имеющий вино, от бор - вино, абуриту - учтивый, от абури - учтивость;

-уу: кабадуу - распухший, от кабуд - распухать. Этому аффиксу соответствует в ст.-монг. -гу: катагу - твердый, от ката - твердеть;

-уул: кагача'уул - щель, от кагача - отделиться; -уур: бар'уур - ручка, от бари - держать, каткуур - колючки, от кадку - колоть, буркэ'уур - покрывало, от буркэ - покрывать;

-чи, -чин: авачи - охотник, от ава - охота, сисэгэйчи - кошемник, от сисэгэй - кошма, гаджарчи - проводник, от гаджар - страна, земля, усучи - водонос, от усун - вода, сумучи - делающий стрелы, от сумун - стрела, нокачин - псарь, от нокай - собака, джигасучи, джигасунчи - рыболлов, от джигасун - рыба, онгачачи - лодочник, от онгача - лодка, алтачи - золотых дел мастер, от алтан - золото;

-ши: идэши - пища, от идэ - употреблять пищу, есть, кэбтэши - логово, от кэбтэ - лежать;

-ээр: укээр - покойник, от укэ - умирать и т. д.⁴⁴

Кроме названных аффиксов в "Сокровенном сказании" отмечены -аа: унаа - средство передвижения, -аар: һуруэр - молитва; благопожелание, -мджи: итэ-гэмджи - надежный и другие⁴⁵.

подавляющее большинство перечисленных выше аффиксов и образованных с их помощью слов употребляется в бурятских диалектах и в настоящее время.

Таким образом, средства пополнения лексики общемонгольского языка были в основном такими же, как в современных монгольских языках. Истоки многих словообразовательных аффиксов бурятского и других монгольских языков уходят в глубь веков. Присоединяясь к тем или иным основам, эти аффиксы образуют новые слова, обогащая лексический состав бурятского языка.

В весьма скудных материалах по разговорному бурятскому языку, записанных в XVIII и XIX вв., обнаруживаем ряд словообразовательных аффиксов. Например, в материалах Миллера⁴⁶ (30-е годы XVIII в.) встречаются аффиксы:

-аан: тариан - зерно, от глагольной основы тари - сеять. Ср. улан тариан - пшеница;

⁴⁴ См.: Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1-2. - "Труды Ин-та востоковедения", XIY, М.-Л., 1938.

⁴⁵ См.: Козин С. А. Сокровенное сказание. Л., 1940.

⁴⁶ Архив ЛО АН СССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 143.

-гаан: сакилгаан - молния, от глагольной основы сахил- - сверкать;

-дал: окудэл - дьявол, от глагольной основы оку- (үхэ-) - умирать;

-хан: дулаахан - теплый, от именной основы дула- ан - то же, намдархан - низкий, от намдар (намтар)-

-һан: намчаһун - листья, от именной основы нам- ча - то же.

Из архива Ф. Аделунга⁴⁷:

-аа: амисхаа - дыхание, от глагольной основы амис- ха- - дышать;

-аан: улан таруан (т. е. улаан тар'аан) - пшеница, от глагольной основы тари- сеять, ср. совр. зап.-бур. улаан тарьян - то же;

-бар: шагабур - окно, от основы шагаа- - смотреть, ср. совр. зап.-бур. шагаабар - то же;

-за: олзо - прибыль, от глагольной основы ол- - находить;

-л: укул - смерть, от глагольной основы к - - умирать; амисхал - дыхание, от глагольной основы амисха- - дышать;

-ан: гисо угун - сучок, от именной основы гиши- гу- -

Из словаря Ренье⁴⁸ (60-е годы ХУШ в.):

-бар: шахабур - окно, от глагольной основы шагаа- - смотреть;

-гана: улаагана - красная смородина; газари улаа- улаан - красный, ср. совр. зап.-бур. газари улаагана - костяника, модни улаагана - красная смородина; зэдэ- гэнэ - земляника⁴⁹, от омертвелою корня зэдэ-, ср. совр. зап.-бур. зэдэгэнэ, вост.-бур. гулзөөргэнэ - земляника; -лга: кучулугу - занавеска (оконая), от глагольной основы кучу- (хуча-) - закрывать, прикрывать;

⁴⁷ Отд., рукописей Ленингр. публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, ф. 7, ед. хр. № 109.

⁴⁸ Немешко-бурятский словарь, составленный Ренье, опубликован в кн.: *Beiträge zur Erweiterung der Geschichtkunde*, hrsg von Johann Georg Meusel. Theil 1. Augsburg, 1780, S. 176.

⁴⁹ В оригинале, видимо, неточно: *Sedegene-Blau-beern* (дословно "синяя ягода").

-таэ: унэдүтэй - смешной, от именной основы унэд- дун (инээдун) - смех, образованный, в свою очередь, от глагольной основы инээ- - смеяться + аффикс -дун, ср. совр. бур. энеэ- - смеяться, энеэдэн - смех, энеэ- дэтээ - смешной; кушитэй - сильный, от именной ос-

новы куши - сила; убушэнтэй - больной, от именной основы убушэн - болезнь, образованной, в свою очередь, от глагольной основы убуд- - болеть + аффикс -шэн;

-хар: дэбисхэр - постель, подстилка, от глагольной основы дэбид- - стелить, подстелить;

-хаз: мухай - грязный, от основы имени прилагательного муу - плохой;

-хан: дулаахан - теплый, от основы прилагательного дулаан;

- то же; -һан намчугун - листья, от намча - то же.

Из "Описания о братских татарах ..." М. Татаринова⁵⁰:

-га: недургу - кулак, от глагольной основы недур- бить;

-гаан: сакилган - молния, от глагольной основы сакил- - сверкать;

-гана: улагана - ягоды; газари улагана - земляница, от основы прилагательного улаан - красный; зедегене - глубеника, от омертвевшего корня зеде-.

Ср. совр. зап.-бур. газари улаагана - костяника, зэдэ- гэнэ - земляника;

-дал: усини укудел - дьявол, от основы уку- - умирать;

-даэ: саландаэ - неprovорный, от основы прилагательного салан - неаккуратный. Ср. совр. бур. саландай - 1) неосторожный; 2) неаккуратный, небрежный; 3) аляповатый; неуклюжий⁵¹;

-хар: дебиткер - постель, от глагольной основы дебид- - стелить;

-са: бурхана зарасу - ангел, от глагольной основы зара- - посыпать, отправлять;

⁵⁰ См.: Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. Подгот. к печати, введ. и прим. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ, 1958.

⁵¹ Бурятско - русский словарь, с. 383.

-таэ: кушитей – сильный, от именной основы куши – сила; убушентей – хворый, от основы убушен – болезнь; унюдудей – смешно, от именной основы унеэдун – смех;

-хан: арюхан – красавица, от основы прилагательного арюун – красивый;

-хаэ (-хээ): хетеркей – катаржной, от глагольной основы хетер – переступать меру, перебарщивать, зарываться. Ср. совр. бур. хэтэрхэй – непомерный, чрезмерный, чересчур;

-һан: хамарһу (т.е. һамарһу – Ц. Б.) – орехи, от основы существительного хамар (һамар) – id. Ср. совр. зап.-бур. һамарһан – то же.

Таким образом, в материалах XVIII в. по бурятскому языку зафиксированы те же аффиксы, которые используются при словообразовании в современных говорах.

Как известно, в 1848 г. Бурятию посетил М. А. Кастрен. На основе собранных им материалов он написал первую научную грамматику бурятского языка, которая вышла в свет на немецком языке в 1857 г.⁵² К работе приложен богатый лексический материал из нижнеудинского, тункинского, хоринского и селенгинского (цакаюшего) говоров. Приведем примеры словообразовательных аффиксов из указанной работы Кастрена:

-аа (сел), -аан (нижнеуд., тунк., хор.): сел. са-наа, нижнеуд., тунк., хор. һанаан⁵³ – ум, разум, от һана – (сана) – думать; сел. ачаа, нижнеуд., тунк., хор. ашаан – тюк, связка, от аша – (ача) – вьючить; нижнеуд., тунк., хор. суглаан, сел. цуглаан – собрание, от сугла – (цугла) – собираться; сел. тулсэ, нижнеуд. тул¹ээн, тунк., хор. тулеэн – дрова, от тули – топить; хор. ухаан – рассудок, от уха – понимать;

-ааһан: нижнеуд. халааһан – 1) заплатка; 2) карман, от хала – ставить заплатку; нижнеуд., тунк., хор. хадааһан – гвоздь, от глагольной основы хада – прибавать;

52 См.: M. Alexander Castrén's Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. St.-Pb., 1857.

53 В работе Кастрена бурятские примеры даны по транскрипции, основанной на латинской графике. По техническим причинам эти примеры мы даем знаками бурятского гражданского алфавита.

-бар: нижнеуд. залбэр (видимо, зулбэр – Ц. Б.) – ошкуритель, от зул – шкурить, окорять;

-бша: нижнеуд. хасапчэ, тунк. хасапчи, хор. хасабши – уши у шапки; сел. чэхэпчэ – то же, ср. хор. шигэлши – подвязка для шапки; сел. хасапчи, ст.-монг. хасабчи – подвязка для шапки, от основ хасар – щека, шэхэн – ухо; элгэшэ – нагрудник; монг. элигэбчи – то же;

-г: нижнеуд., тунк., хор. бишиг, сел. бичиг – 1) сочинение; 2) официальная бумага; 3) почерк; монг. бичиг, от глагольной основы биши – писать;

-гана: нижнеуд., тунк. улаагана – красная смородина, костяника – от основы прилагательного улаан – красный; нижнеуд., тунк. зэдэгэнэ – земляника. Ср. хор. гүзээлжэргэнэ, сел. гүдээджэргэнэ; монг. гүдээлдээгэнэ – то же; ташергана – клюква;

-дан: нижнеуд., тунк. хайяадэн, хор. ханыадан, сел. ханыада – кашель, от ханыа – кашлять;

-лга: нижнеуд. аңналга, тунк., хор., сел. агналга – охота, ст.-монг. аңналга – то же; нижнеуд. идэлгя, тунк. ид¹элгя, хор. ид¹элгэ, сел. идээлгэ – пища, еда, кушанье; уулелга – плач; тунк. хашэлга – кол; тунк., сел. бутээлгя – крышка, покрывка, обертка;

-лдаан: тунк., нижнеуд. бар¹элдан, хор. барелдаан, сел. барилдаа – борьба;

-лта: нижнеуд. боолтэ – коса зашлетенная (у женщин. – Ц. Б.); шнур, связка, узел;

-л: тунк., нижнеуд. укэл, сел. укэл – смерть, от глагольной основы укэ – умирать;

-н: наадан – игра, от глагольной основы наада – играть;

-р: нижнеуд., тунк. кур – слово, речь, разговор; ст.-монг. хэгүр – беседа, ср. зап.-бур. хүүр – слово, речь (это слово происходит от несохранившейся древней глагольной основы хэ // хэу // хүү – говорить + -р); нижнеуд. хабадар, тунк. хабадэр, сел., хор. хабадар – опухоль, тунк. келар – косо́й, хор. һохор, тунк., нижнеуд. һокор, сел. сохор – слепой;

-сар: нижнеуд. көкшэсэр – староватый, ср. тунк. көкшэшик – то же, от нижнеуд., тунк. көкшэн; хор., сел. хөкшин, хөкшэн – старый (о человеке, о зверях);

-таэ: нижеуд., тунк. яратаэ - раненый, от основы существительного зап.-бур. яра; нижеуд., тунк. өбэштээ, хор. өбөшинтээ - больной, хворый. Ср. хор. өбэштээ - бешеный, одержимый, неистовый;

-уул/-уур: сел. тармуул, нижеуд., тунк., хор. тармуур - грабли, ср. ст.-монг. тармур - то же; хор., тунк. ботхуул, сел. босхуул - беглец, ср. ст.-монг. босхуул; тунк., хор., сел. харуул - рубанок, ср. ст.-монг. харугул; нижеуд. бар¹уур, тунк. бар¹уул - ручка, ср. ст.-монг. баригул, бариул - то же; хор. аршуул, сел. арчуул - кошелек, сумка; хор. хорул, сел. сорул, нижеуд. норур - мундштук курительной трубки;

-уур: тунк., хор. кадур - серп; нижеуд. кадур - то же; тунк., хор. хажуур, сел. хаджуур - коса; сел. гопчур; ст.-монг. гобчигур, губчигур - невод; нижеуд., тунк. кииткур - парус; нижеуд. шэнкенур, тунк. шан^энур, хор. шинхинур - колокольчик, ср. нижеуд. конкэнур - большой звонок, хор. хонхенур - звонок; хор., тунк., сел. гишкур - лестница, лесенка; ср. ст.-монг. гишкэгур; сел., хор. ташуур - плеть; тунк., сел. шикшур - сито, хор. накшур, нижеуд. шилкур - сито, ср. ст.-монг. сагшигур - то же; хор. тулгуур - посох, палка для опоры; ср. ст.-монг. тулгуур - подпорка, стойка; опора, поддержка;

-хан: сел. амтээхан, хор. амтатаэхан, нижеуд. амтээкан - сладкий, от именной основы амтатаэ - вкусный;

-хар: хор. дэбэтхэр, нижеуд., тунк. дибиткэр, сел. дэбэсхэр - постель, от глагольной основы дэбэд- (дэбэс-) - стелить;

-ээ: тунк. илээ, хор., сел. ил^э, нижеуд. ил^а - коршун, от глагольной основы или- - парить. Ср. ст.-монг. элийэ - коршун.

В грамматике А. Орлова⁵⁴, написанной 100 лет назад, отмечены следующие словообразовательные аффиксы.

1. Аффиксы, образующие имена существительные:

-ши, -ааши, -уул, обозначающие деятеля: номши - книжник, заргуши - судья, тумурши - кузнец, мэргэ-

ши - стрелок, бишээши - писарь, таряаши - хлебопашец, ботхуул - беглец;

-уур (-уур), указывающий на орудие: тулкюур - ключ, сабшуур - коса, ташуур - плеть, аршуур - полотенце;

-бши, называющий сосуд, защитное приспособление: улабши - трутьница (т. е. коробочка, в которой держат трут и кремьень с огнивом⁵⁵), нидүбши - зонтик для глаз, усүбши - водонос (т. е. посуда для носки воды⁵⁶);

-лга, -лта, -дал, -бури, -мури, -ури, обозначающие действие: уншилга - чтение, бишилгэ - писание, ургулгэ - возношение, гуйлта - прошение, эргилтэ - вращение, байдал - состояние, нуудэл - кочевка, абури - поведение, тайлбури - объяснение, эээлүүри - господство;

-л, -к (точнее -г. - Ц. Б.), -р, -ши, -мжи, -мши, -хал, -ая, -уули, -сун (-хун), называющие действие: номлал - учение, мургул - поклон, булак - источник, шимэк - украшение, муулар - ропот, хэмши - мера, идээн - пища, сургуули - училище, сабшисун - отрубок;

-ланг, -лэнг, выражающие внутреннее состояние существ: амугаланг - мир, покой, зоболанг - страдание, улуткулэнг - голод;

-нгуй, -нгүй, обозначающие усиленное действие или изобилие качества: хишээнгүй - страдание, харангуй - мрак.

2. Аффиксы, образующие имена прилагательные:

-тай, -ту, -та, -да, -ду выражают обладание чем-либо, содержание чего-либо и т. п.: ухаатай - разумный, убушитэй - больной, албату - ясачный, абуралту - спасительный, эрхэгү - властный, владыка, зуута - имеющий сто, сотник, нэрэтэ - именуемый, амида - живой, дээду - вышний (точнее, верхний);

-хи прилагается к родительному падежу имен для выражения притязательности: хунэйхи - человеческий, гэринхи - домашний, эндэхи - здешний, Бадмайнхи - Бадмаев;

⁵⁵ См.: Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4. М., 1955, с. 438. Ср. уула - трут. Правильнее было бы уулабша, а не улабша.

⁵⁶ См.: Даль Владимир. Толковый словарь ..., т. 1, с. 221.

⁵⁴ См.: Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.

-тахи, -дахи означает место, в котором предметы могут находиться: охторгойдахи - небесный, далайдахи - морской, газартахи - земной, дэлэхэйдэхи - на земле находящийся;

-мал, -нгу, -уу показывают страдательное состояние предмета: тобишамал - сокращенный, бишимэл - рукописный, улгүмэл - висящий, байнгу - стоячий, хухширэнгу - старообразный, хатуу - жесткий, илуу - излишний;

-мар, -махай, -мтай выражают возможность, способность, стремление, привычку к действию и состоянию: шидамар - способный, ономахай - понятный, хутурумхэй - отличный, аймтай - трусоватый, бишимтэй - способный к письму⁵⁷. Автором отмечены также отглагольные прилагательные на -лтай// -лтэй: махталтай - достойный хвалы; барилтай - достойный построения⁵⁸.

В современном разговорном бурятском языке используются в основном те же словообразовательные аффиксы, которые приведены выше из материалов общемонгольского и собственно бурятского языков. В связи с этим подробно остановимся на аффиксах, образующих в бурятских говорах существительные и прилагательные от различных именных и глагольных основ.

Образование имен существительных

Имена существительные, как и другие части речи, по своему образованию делятся на производные и непроизводные.

К непроизводным именам относятся "слова, состоящие только из одного корня ..., а также слова, которые в сознании говорящих уже давно перестали разлагаться на составные элементы и в настоящее время воспринимаются как слова неразложимые"⁵⁹.

Производными являются те имена существительные, которые образованы путем присоединения различных аф-

⁵⁷ См.: Орлов А. Указ. соч., с. 18-20.

⁵⁸ Там же, с. 21

⁵⁹ Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология, с. 51.

фиксов к непроизводным и производным основам. Производные имена существительные образуются от именных и глагольных основ.

От именных основ существительные образуются при помощи следующих аффиксов⁶⁰:

-аахаэ в единичных случаях образует названия растений: бох. шабшараахаэ - одуванчик, от зап.-бур. шабшар - желтый;

-аэхи состоит из окончания родительного падежа -аэ и аффикса -хи. Имеется во всех бурятских наречиях. Обозначает группу людей, принадлежащих к одной семье. Намдагаэхи - семейство Намдака, от Намдаг - собственное имя; Бадмынхи - семья Бадмы, от Бадма - собственное имя; зап.-бур. Иваанаэхи - семья Ивана, от Иваан;

-бша образует имена существительные, обозначающие: а) инструменты или орудия труда, например, барг. суулгабша - дрель для сверления отверстий, от суулга - отверстие, төөбшэ - циркуль, от төө - пядь, аг. нюр-габша - коромысло, от нюрган - спина; б) предметы упряжи: эх.-бул. ханшаабша - наносник узды, от ханшаар - переносица. эх.-бул. умуркубша - передняя подпруга, от умуруюн - грудь лошади, дурообшэ - зап. тебенки (седла), вост. чепрак, от дурөө - стремя; в) предметы одежды и обуви: тунк. шасабша - штаны (из кожи, брезента и т. д.), от шаса - нижняя часть туловища; шагаэбша - ал.-унг. пимы, байк.-куд. унты с низкими голенищами, чирки, от шагаэ - шиколотка; барг. улабша - войлочная стелька, понг. и сарт. улабча - стелька, от ула - подошва, ср. монг. улавч, калм. ультрэг - стелька; г) предметы, служащие прикрытием того, что выражено в производящей основе: хургабша - наперсток, от хурган - палец, хасабша - уши у шапки от хасар - шека; ал.-унг. эльгэбшэ - пеленка, от эльгэн - пелень, бох. халхабша - перегородка в восьмистенной юрте, от халха - ширма, заслон;

-га образует имена существительные, обозначающие: а) название предметов, прикрывающих тело человека или животного, например, намэргэ - накидка; по-

⁶⁰ Для удобства описания аффиксы в подразделах располагаются в алфавитном порядке.

пона, от нэмэр - прикрытие; б) отвлеченное понятие: зарга - жалоба, от зар - оповещение; в) название родства: абга - брат отца, дядя, от аба - отец⁶¹;

-ган - показатель женского пола⁶², встречается в словах: эмэгэн - женщина, от эмэ - самка (вообще), һамган - женщина, жена, от омертвелого корня һам (ср. сев.-сел. һамаэ - бабушка); гэргэн - жена, женщина, басаган - девушка, удаган - шаманка, а также в названиях некоторых домашних и диких животных: хурьган - ягненок, унаган - жеребенок, булган - соболь, унэгэн - лисица, тарбаган - сурок, доргон - барсук. В этих же именах существительных аффикс -ган морфологически уже не выделяется⁶³ ввиду потери производящими основами их внутренней формы;

-гана образует названия мелких животных, рыб, насекомых и растений: хулгана - мышь, от хула - саврасый, алгана - окунь, от алаг - полосатый, улагана - красная смородина, костяника, от улаан - красный;

-гы обозначает лиц женского пола, встречается лишь в единичных образованиях: худагы - сватья, от худа - сват, тугн. эмэгы - тетушка, от эмэ - самка⁶⁴;

-гша образует отдельные слова, обозначающие названия предметов: хамагша - намордник для телят, от хамар - нос, с выпадением конечного р. Ср. зап. хоншообша - намордник для телят, от хоншоор, вост. хасабша - уши у шапки, от хасар;

-гшан служит для обозначения самок животных по их масти: улаагшан - краснуха (о корове), от улаан - красный, борогшон - серка (о лошади): боро - серый, харагшан - вороная (о масти самок домашних животных, от хара - черный);

-даэ образует имена существительные, обозначающие: а) лица с уменьшительно-ласкательным значением, например, дуудээ - младший братишка, от дуу - младший, ахадаэ - старший братишка, от аха - старший; б) собственные имена: цонг. Халюудаэ, от халю-

61 См.: Дондуков У.-Ж. Ш. Указ. соч., с. 19.

62 См.: Цыбиков Г.Ц. О культе огня у восточных бурят. - В кн.: Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1928.

63 См.: Дондуков У.-Ж. Ш. Указ. соч., с. 20.

64 См.: Там же.

ун - игрений, Улаадаэ, от улаан - красный, ср. фолькл. Сагаадаэ, от сагаан - белый, Ногоодэ, от ногоон - зеленый; в) клички самок домашних животных: Малаадаэ - корова с белым пятном на лбу, от малаан - белолобый, Сагаадаэ - корова белой масти, от сагаан - белый; г) названия игрушек с уменьшительно-ласкательным оттенком: ал.-унг. хуухэлдээ - кукла (от хуухэл < русск. кукла), тунк. арбаадаэ - игрушка-головоломка из деревянных палочек, от арбагар - растопыренный; д) названия механизмов: цонг. дэургаадаэ (неологизм) - шестерня жатки, от дэургаа - шесть. Аффикс -даэ более характерен для цонгольского говора;

-за сохранился в словах типа арза - молочная водка двойной, хорзо - тройной перегонки (от омертвевших корней ар-, хор-), харза - полынья, от хара - черный;

-лан встречается: а) в названиях некоторых домашних животных по признакам, определяющим их возраст, например, һоёолон - 1) кобылица пяти лет; 2) тунк. трехлетка (о домашних животных), от һоёо - клык; шудэлэн - тунк., окин. трехлетний жеребец, хор. трехлетняя кобыла, от шудэн - зуб; б) в существительных с отвлеченным значением: тарялан - сев. посев, земледелие, от таряан - хлеб, зерно;

-лиг, встречающийся в тюркских языках, образует названия одежды: вост. тэрлиг (юж. тэрлэг) - летний халат, от тюрк. тер - пот; существительные с отвлеченным значением: баялиг - богатство, от баян - богатый;

-лжан встречается в некоторых топонимических названиях: Гурвалжан - название острова в Ноехоне между протоками Хилка, от гурва - три; Холбоолжон - название местности около Гусиного озера, от холбоо - связь;

-наг образует имена существительные, обозначающие названия частей тела человека: тохоног - локоть, от тохоэ - в том же значении; бич.-аш. тахьнаг (үбдэгээ ара тала) - коленный изгиб, от тахим - в том же значении; зап., вост. хууханаг - scrotum у самца, от хууха - в том же значении. Ср. цонг. хууха - scrotum у самца, хуиха - кожа на голове;

-нсар обозначает родство людей: зээнсэр - правнук, правнучка от зээ - внук, внучка (от дочери), бүлэнсэр -

дети двоюродных братьев или сестер (по линии матери), от булэ - двоюродный;

-өө изредка встречается в названиях лиц с ласкательно-почтительным значением: тугн. убгөө - дедушка, дедуня, от убгэн - старик, хугшөө - бабушка, бабуся, от хугшэн - старуха⁶⁵;

-са встречается в некоторых названиях вещей: южбур. унгөсө (унгөцө) - войлочный матрац, обшитый материей, от унгэ - цвет, закам, дабхаса - пимы, от дабхар - слой, ряд;

-саа образует отдельные имена существительные: а) с вещественным значением, например, цонг. агсаа - мешочек из белого материала; б) с отвлеченным значением: угсаа - происхождение, от уг - род, родословная;

-саг обозначает предметы домашнего обихода: хор. оёорсог - крышка для молока, от оёор - дно; тунк. табхасаг - то же, от табхар - плоский; хор. хабинсаг - маленькая посуда из бересты для соли (полукруглой формы), от бур. хубин (> хабин) - сосуд в виде кувшина с носиком. Ср. халх. хувин - ведро;

-саэ, как и предыдущий, образует названия предметов домашнего обихода: барг. хонхосэ - стакан, от хонхор - углубленный, глубокий; барг. табхасаэ - чурбан, от табхар - плоский; барг. тэбхэсэ - мягкое сиденье стула, от тэбхэр - квадратный (слова табхасаэ и тэбхэсэ - примеры образования имен существительных фонетико-морфологическим способом);

-сар отмечен в названии дикого животного хоёосор - закам. годовалый олень (ср. закам. хоёо - двухгодовалый олень), от хоёо - клык, а также в некоторых именах существительных с уничижительным значением: гэрсэр - домишко, от гэр - дом, добосор - бугорок, от добо - бугор, морисэр - лошаденка, от морин - лошадь, ноёсор (неологизм) - начальник, от ноён - начальник;

-та образует имена существительные, обозначающие: а) собственные имена, например, Баярта, от баяр - радость, Бэлигтэ, от бэлиг - мудрость; б) имя обладателя признака: нэрэтэ - тезка, от нэрэ - имя, хахал

та - бородач, от хахал - борода; в) названия животных и рыб: сев.-сел. яһата - язь, от яһан - кость, хор. араата - лисица, от араан - коренной зуб, ср. хамн. араат - лисица; г) эвфемизмы животных: зап.-бур., вост. ута һуултэ - волк (букв. длиннохвостый), тунк. охор һуултэ - медведь (букв. короткохвостый), тунк. хилгааһан гуталта - медведь (букв. имеющий волосняные унты); д) названия предметов и вещей: амһарта - посуда, от амһар - отверстие, сарт. хоёр моёрте - одноколка, от моёр - колесо; зургаата - шестерка, долоото - семерка и другие названия нефигурной карты; е) топонимы: Согоото - название местности в Ноехоне от согоо - маралука, Могоэто - название населенношо пункта и станции в Агинском национальном округе, от могоэ - змея.

При помощи аффикса -таэ образовано слово сааштаэ, употребляющееся в западнобурятских говорах в значении "девушка", от основы саажэ - коса (у девушки), ср. сиб. тюрк. сас - волосы, сазы - ее волосы;

сложный аффикс -уунаэ встречается в цонгольском говоре в личных именах: Дашуунаэ (от Даша), Доржуунаэ, (от Доржо), Дар¹уунаэ (от Дари), Хандуунаэ (от Ханда). Ср. также цонг. Будаанаэ, образовавшееся от основы Буда + афф. -аанаэ.

-хаэ: зап. һаэхаэ - игрушка, от һаэ - хороший, ал.-унг. (с. Одинск) шүшүүхээ - козленок, ср. ал.-унг. (с. Бадархан) шушуу - то же; ал.-унг. нямняхаэ - одуванчик, ср. хор. нямня - то же; зап. солоохээ - сознание, соображение, от солоо - чувство, сознание; зап. борлёохээ - воробей, от борбилоо > борлёо - то же; барг. эмээлхээ - седелка, от эмээл - седло (возможно, это калька с русского "седелка"), эх.-бул. улаахаэ - гребешок (у петуха), от улаан - красный. В указанных примерах аффикс -хаэ (как и -хан в некоторых словах, например в цонг. хүүхэн - девушка, от хүү - ребенок) не придает именам существительным уменьшительно-ласкательного оттенка. В таких случаях слова с этими аффиксами лексикализованы и приобретают конкретно-предметное значение;

-һан встречается: а) в названиях домашних животных, например, адууһан - скотина, от адуу - табун, дэлэһэн - грива, от дэлэ - то же; б) в названиях насе-

⁶⁵ См.: Дондуков У.-Ж.Ш. Указ. соч., с. 25.

комых: зап. ялааһан – муха, от ялаа, ср. сарт, ялаа – комар; ал.-унг. гуурһан – личинка овода, от гуур – то же; в) в названиях флоры: ал.-унг. хасуурһан – ель, от хасуур – то же; зап. һамарһан – орех, от һамар – то же. Ср. вост., юж. хасуури (юж. хацуур) – ель, һамар (юж. самар) – орех. Следует заметить, что наращение дополнительных аффиксов более характерно для западнобурятских говоров. Кроме того, аффикс -һан имеется в некоторых именах существительных, особенно в названиях растений, семантику производящей основы которых сейчас трудно установить, и поэтому данный аффикс в них морфологически невозможно выделить⁶⁶, например, хуһан – береза, дэрһэн – чий блестящий, саһан – снег и другие;

-һар образует единичные имена существительные:

а) с конкретно-предметным значением: пешэнээ амһар – дверь печи, от аман – рот; б) с отвлеченным значением: забһар – перерыв; промежуток, от заб – досуг⁶⁷.

-ша употребляется в именах существительных, обозначающих деятелей (nomen agentis): а) по роду занятий: газарша – проводник, от газар – местность, земля, тэмсэлшэ – борец, от тэмсэл – борьба⁶⁸, зап.-бур. будагша – красильщик; маляр, от будаг – краска; б) по специфическим чертам, имеющим постоянный характер: худалша – врун, от худал – ложь, хулагаэша – вор, от хулгаэ – воровство. Данный аффикс иногда образует названия домашних животных: хотошо – дворняжка, от хотон – стойбище;

-шан, как и предыдущий аффикс, – одним из самых продуктивных во всех бурятских говорах. При помощи данного аффикса образуются имена существительные, обозначающие различные профессии людей: малшан – скотовод, от мал – скот, хор. үнеэшэн – доярка, от үнеэн – корова, вост. ухэршэн – пастух, от ухэр – скот, сомоошон – стоговальщик, от сомоо – стог, загаһашан – рыбак, от загаһан – рыба, хэрмэшэн – белковщик, охотник на белок, от хэрмэн – белка.

В разговорном бурятском языке от различных гла-

⁶⁶ См.: Дондуков У.–Ж.Ш. Указ. соч., с. 28.

⁶⁷ См.: Там же.

⁶⁸ См.: Там же, с. 15.

гольных основ при помощи аффиксов образованы разнообразные по значению имена существительные.

Посредством аффикса -аа образуются имена существительные, обозначающие: а) орудие или предмет действия, например, һабаа – шерстобитная палочка, от һаба – бить, ср. зап.-бур. (эх.-бул.) һабаа – тросточка; кях.-цонг. мушкаа – закрутка (для ручной выделки овчины) от мушка – крутить, закручивать; зап.-бур., юж.-бур. сомоо (юж. сомоо) – стог, от сомо (юж. сомо) – стоговать; тушаа – путы (на передние ноги домашних животных), от туша – надевать путы; б) отвлеченные понятия: зах'аа – поручение, заказ, от захи – давать поручение, заказывать;

-аадаһан образует имена существительные, обозначающие: а) материал для совершения действия, например, ольх. бэглөөдөһөн – пробка, от бэгле – закрывать, затыкать, Халаадаһан – заплатка, от хала – ставить заплатку; б) предмет, являющийся результатом действия: тунаадаһан – отстой, от тунаха – оседать⁶⁹;

-аал образует отвлеченные существительные со значением "процесс действия": һургаал – учение, обучение, от һурга – учить, обучать; "результат действия": магтаал – похвала, восхваление, от магта – хвалить;

-аан образует имена существительные, обозначающие: а) названия места кочевья, например, зап.(кач.) нажаржаан – летнее стойбище, от нажаржа – летовать, общебур. намаржаан – осеннее стойбище, от намаржа – проводить осень, убэлжөөн – зимник, от убэлжэ – зимовать, хабаржаан – весеннее стойбище, от хабаржа – проводить весну; б) действия людей: кач. тулаан – спортивная борьба, от тула – состязаться, суглаан – собрание, от сугла – собираться; в) действующее лицо: зап. нүхэрээн – друг, приятель, от нүхэрэ – дружить; г) действия со значением "крик", "шум" и т. д.: хашхараан – крик, от хашхара – кричать, эшхэрээн – свист, от эшхэрэ – свистеть, шууялдаан – шум, от шууялда – шуметь.

Аффиксом -аарга образуются существительные с вещественным значением результата действия⁷⁰; уг-

⁶⁹ См.: Дондуков У.–Ж.Ш. Указ. соч., с. 29.

⁷⁰ См.: Там же, с. 37.

лаарга – верхонки. Ср. углуурга – краги (у рукавиц)⁷¹, от угла – надевать, натягивать.

Существительные с аффиксом –аари обозначают: а) орудие действия, например, удеери – ремешки для подшивания, от удэ – подшивать; б) место действия: утаари – яма для окуривания, от ута – окуривать; в) результат действия: эдеэрэ – гной, от эди – проехать.

–ааса образует существительные со значением материала для действия: зап.-бур. (эх.-бул.) хадхааса (юж.-бур. нухөөс) – заплатка, от хадха (юж. нухэ) – ставить заплату;

–аахаэ образует названия фауны и флоры: юж. дэгдээхээ – оперившийся птенец, от дэгдэ – взлетать, жэргээхээ (зап.-бур. жэрийээхээ) – пташка, от жэргэ (зап. жэрийэ) – щебетать; байк.-куд. зурбаахаэ – мышонок, от зурбаэ – быть голым; халаахаэ – крапива, от хала – жечься;

–ааша образует имена существительные с различными значениями: а) предметов домашнего пользования, например, зурааша – спички, от зура – чиркать, үлгээшэ – вешалка (на стене), от үлгэ – вешать; б) орудия действия: байк.-куд. хуряагааша – сети, от хуряа – собирать; в) деятеля: тугал харааша – телятница, от хара – следить, смотреть, бухал зөөгөөшэ – копновозчик, от зөө – возить; г) названий пресмыкающихся и рыб: зап. гульдарааша – змея, от гульдарха – ползать (извиваясь), ал.-унг. ами татааша – жабры – досл. то, чем дышат, от ами тата – втягивать воздух, дышать;

–бар (-бари) образует существительные, обозначающие: а) склонность лица к чему-либо, например, кач. заэбар – бродяга, от заэ – бродить, шляться, б) предмет действия: зап. шагаабар – окно, от шагаа – смотреть, заглядывать; в) орудие действия, зак. халаабар – сковорода, от халаа – греть; неэбэр – ключ, отмычка, от неэ – открывать, отмыкать, бох. хаабуур//хаабур – заслонка у печи, от хаа – заслонять, закрывать; г) существительные с отвлеченным значением: барг. дутаабар – растрата, от дутаа – иметь растрату, недостачу; даалгабари – поручение, от даалга – поручать, ср. халх. даалгавар, калм. даалһвр – то же; зап.-бур. шуубэри –

совет, от шуу – вникать, размышлять, зап.-бур. һэдэбэри – начинание, стремление, от һэдэ – зап. начинать, вост. намереваться.

Аффикс –г образует имена существительные, обозначающие: а) орудия действия, например, хабшаг – шипцы, от хабша – сжимать, тээг – коромысло, от тээ – нагружаться, носить; б) материал для совершения действия: будаг – краска, от буда – красить; в) предметы результата действия: зураг – рисунок, от зура – рисовать и т. д.

Аффикс –га обозначает орудия и предметы действия: эрийүүлэ – кокемялка от эрийүүл – крутить, зап. шударга – рубанок, от шудар – стругать, тулга – подпорка, от тула – подпирать, байк.-куд. шэбхэлгэ – заложка двери, от шэбхэлэ – залаживать.

Аффикс –гаан образует имена существительные: а) с отвлеченным значением, например, шалтагаан – причина, от шалта – искать повод, предлог; б) явления природы: сахилгаан – молния, от сахил – сверкать (о молнии, огне); в) субъект – лицо: хубилгаан – перерожденец, от хубил – изменяться, перерождаться⁷².

Аффикс –гша образует имена существительные, обозначающие орудие действия: хамн. саагча – подойник, от саа (лит. һаа) – доить;

–даг образует существительные с вещественным значением: вост. (мух.-шиб. – бич) зуудаг – чепельник, цапельник, от зуу – цапать, хватать; цонг. шэмэ дэг – белокудренник, от шэмэ – высасывать сок⁷³, шэрдэг – стеганный матрац, от шэрэ – стегать;

–дан образует имена существительные с отвлеченным значением: энеэдэн – смех, от энеэ – смеяться, ханаядан – кашель, от ханаа – кашлять;

–дал образует: а) существительные с вещественным значением, например, ал.-унг. һуудал – подушечка седла, от һуу – сидеть; б) существительные с отвлеченным значением: ябадал – хождение, ходьба, от яба – ходить, гүйдэл – бег, от гуй – бегать;

–даһан исторически был причастной формой на –дагсан (–дасан)⁷⁴. Он образует имена существитель-

⁷¹ См.: Бурятско-русский словарь, с. 462.

⁷² См.: Дондуков У.–Ж.Ш. Указ. соч., с. 38.

⁷³ Растение имеет сладкий сок.

⁷⁴ См.: Дондуков У.–Ж.Ш. Указ. соч., с. 32.

ные, обозначающие: а) предмет, являющийся результатом действия, например, хор. Һагшадан – отруби, от Һагша – просеивать; хор. өөлэдэн – обрезки, от өөлэ – обрезать; обструивать; б) названия предметов и вещей: нижнеуд., ал.-унг. оредоһон – колечко, от орёо – обвертывать; в) название лица, выраженного производящей основой глагола: зап.-бур. заёдан – бродяга, от заё – бродить, прогуливаться, байк.-куд. шабхадан – самый младший, от шабха – исчерпать (до конца);

-л образует имена существительные в основном с абстрактным значением: зап. Һамарал – ошибка, от Һамар – ошибаться, зап. абарал – спасение, защита, от абар – спасать, избавлять, вост., юж. сэдхэл – думы, помыслы, от сэдхэ – думать, дурадхал – предложение, от дурадха – предлагать, бодол – мысль, от бодо – мыслить. Посредством данного аффикса образуются также существительные с конкретными значениями: тэжээл – пища, корм, от тэжээ – кормить, турэл – родня, от турэ – родиться;

-лаа образует существительные, обозначающие результат действия: зурлаа – черта, от зура – чертить, хэршэлэ – зарубка, от хэршэ – зарубить;

-лан образует имена существительные, обозначающие: а) место действия, например, хор. сабшалан, зап.-бур. хадалан, цонг. эдлэн – покос от (соответственно) сабша, хада – косить; эдэл – пользоваться⁷⁵; б) обобщенное название растений: бох. ургалан – растительность, от урга – расти;

-лга образует существительные, обозначающие: а) предметы, например, ал.-унг. хабшалга – кол, от хабша – сжимать; алт.-аш. бэтээлгэ – крыша дома, от бэтээ – изготавливать, делать что-либо; байк.-куд. хушалга – крыша, от хуша – покрывать, крыть; байк.-куд. даралга – продольная связка саней, от дара – давать; хамн. цөөлгө – коновязь, от цөө – привязывать, выдерживать (лошадь); ал.-унг. хушэлгэ – дверной крючок, от хушэ – запирасть, заложить; сев.-сел. таталга – выдвигной ящик стола, от тата – тянуть, вытягивать; бох. гасалга – частокол, от гаса – заламывать; б) про-

цесс действия: барилга – строительство, от бари – строить; байк.-куд. боолго – дамба, от боо – преграждать; в) объект действия: кач. барилга – взятка, от бари – брать, зап.-бур. гуилга – подарок, от гуи – просить; г) отвлеченные имена существительные: зап.-бур. заралга – высылка, от зап. зара – выселять; обтолго – зависеть, от обто – завидовать. Но данный постфикс наиболее продуктивен в восточнобурятских говорах, в частности в хоринском;

-лган образует имена существительные с отвлеченным значением результата действия: мэгдэлгэн – суета, спешка, от мэгдэ – суетиться, торопиться;

-лдаэ образует существительные, обозначающие названия птиц: гургалдай – соловей, от гурга – щебетать, ал.-унг. шарйалдаэ – синичка, от шарйа – пищать;

-ли образует некоторые отвлеченные имена существительные: абали – причитающееся к получению (например, долг), от аба – получать, брать; үгэли – долги: уст. пожертвование, от үгэ – давать; сасали – уст. жертвенные брызги, от саса – брызгать, а также предмет, ставшийся результатом действия: гонзоли – журавль колодца, от гонзоэ – быть продолговатым;

-лта образует преимущественно отвлеченные существительные: зап. базаалта – подготовка, заготовка, от зап. базаа – подготавливать, запасать; амаралта – отдых, от амар – отдыхать, ср. халх. амралт, калм. амралһи – то же; һунгалта – выборы, от һунга – выбирать. Данный аффикс иногда употребляется с конкретным значением для обозначения лиц, предметов и вещей: цонг., мух.-шиб.-бич. нэрээлтэ – тезка, от нэрээ – давать имя; вост., юж. боолто – обруч, от боо – обвязывать; барг. орёолто, цонг. орозлто – портянки, от орёо – обвертывать; аг. бурилтэ – закваска, от бури – заквашивать;

-м образует имена существительные, обозначающие: а) орудие действия, например, тохом – потник, от тохо – седлать; б) результат действия: зүһэм – ломоть, от зүһэ – отрезать ломтями; в) отвлеченные понятия: цонг. алхам – шаг, от алха – шагать;

-мжа образует в большинстве случаев существительные с отвлеченным значением: туһаламжа – помощь, от туһал – помогать, һанамжа – мнение, от һана – ду-

⁷⁵ В цонгольском эдлэн произошла гаплогия.

мать, полагать, тэдхэмжэ - обеспечение, от тэдхэ - обеспечивать.

Аффикс -маг образует существительные с вещественным значением, обозначающие: а) орудие действия, например, ал.-унг. шуумэг - цедилка, от шуу - цедить (ср. хор. шуур - то же); б) кушанья: сел.-цонг. орозмог (вид кушанья, приготовленного из нарезанного осердия с жиром и обернутого тонкими кишками), от ороз - обвертывать, ср. хор. ормог - то же; барг. ээдэмэг - пахта, лит. простокваша, от ээдэ - заквашивать; -мал образует существительные, обозначающие: а) предмет, являющийся результатом действия, например, дарамал - клад, от дара - утаить; б) названия птиц: хор. жэргэмэл - жаворонок, от жэргэ - щебетать; в) общее название растений: ургамал - растительность, от урга - расти; г) название обуви: цонг. чимхэмэл - уст. женская праздничная обувь, от чимхэ - шить (особым способом, так сказать, шипая);

-мар образует имена существительные с вещественным значением: мух.-шиб.-бич. буламар - лепешка, выпеченная в горячей золе, от була - зарывать, закрывать (золотой), тунк. бэлмэр - жбан для сбивания масла, от бэлэ - сбивать масло.

Аффикс -ми встречается в единичных случаях в значении орудия действия: хор. ухами - тесло, топорик (для выдалбливания дерева), от уха - выдалбливать⁷⁶.

Аффикс -мта образует существительные, обозначающие результат совершения действия: дарамта - тяжесть, бремя, от дара - давить;

-н образует существительные с отвлеченным значением: наадан - игра, от наада - играть, хөшолон - последнее, от хөшоло - откладывать;

-нсаг образует существительные с вещественным значением: вост. баэлгансаг - деревянная кадка для молока, от баэлга - отстоять молоко, балхансаг - опухоль, от балхаэ - опухать, раздуваться;

-р образует существительные, обозначающие: а) орудие действия, например, цонг. шуур - цедилка (для молока), от шуу - фильтровать; б) результат действия: хабдар - опухоль, от хабда - опухать; в) отвлеченные

понятия: муулар - обида, от муула - обижаться.

Аффикс -ри сохранился в некоторых образованиях: эхир. зоори - яма для столба, от зоо - вкалывать; зөөри - имущество, от зөө - перевозить; хубаари - дележка, от хубаа - делить, нэмэри - прибавка, от нэмэ - прибавлять.

Аффикс -руу образует отдельные существительные со значением предметности как результата действия: шабхаруу - остатки пищи в посуде, от шабха - осушать⁷⁷;

-са образует имена существительные, обозначающие а) исполнителя действия, например, зараса - слуга, лосильный, от зара - посылать, угнетать; б) место действия: ал.-унг. хадаса - покос, от хада - косить; в) орудие или предмет действия: улгэсэ - вешалка, от улгэ - вешать, байк.-куд. саэлгаса - сливки, от саэлга - забеливать; г) предмет, являющийся результатом действия: хөлисо - смесь, от холи - смешивать; барг. оросо - улов, от оро - поступать; д) отвлеченные понятия: нюуса - секрет, от нюу - таить. Ср. монг., калм. нууц;

-саг образует единичные имена существительные, обозначающие названия предметов и вещей: ээрсэг - веретено, от ээр - прясть. Ср. цонг. ээрүүл - то же;

-уу образует имена существительные, обозначающие предметы: болсуу - шишка (у стрелы), от болсоз - быть шишковатым; отвлеченные понятия: алдуу - ошибка, от алда - промахнуться, ошибиться⁷⁸; ал.-унг. ааруу - заяц, от аар - заикаться;

-уул образует существительные, обозначающие: а) деятеля, например, бодхуул - беглец, от бодо - сбегать; б) названия птиц по их характерному признаку: тоншуул - дятел, зап.-бур. (кач.) тоншуур - то же, от тоншо - стучать; цонг. ангалдзуур - птенчик, от ангалдза - постоянно раскрываться, зиять (о рте); в) орудие действия: зап.-бур. шударуул - рубанок, от шудар - стругать; сорйуул (зап.-бур. сорйуур) - жигало, от сорйо - прожигать, цонг. тармуул - грабли, от тарма - грести (зап., вост. тармуур - то же); ар-

⁷⁷ См.: Там же, с. 41.

⁷⁸ Дондуков У.-Ж.Ш. Указ. соч., с. 41.

⁷⁶ См.: Дондуков У.-Ж.Ш. Указ. соч., с. 40.

шуул – тряпка, от арша – вытирать (зап.-бур. аршуур)⁷⁹
г) отвлеченные понятия: нэгжуул – обыск, от нэгжэ – обыскать;

-уули образует названия животных, например, аг. хухуули – самка тарбагана, от хүхэ – сосать; б) названия предметов: сел. мануули – чучело, от мана – стеречь.

Аффикс -уур образует существительные, обозначающие: а) субъект – лицо, например, бох. эд'уур – нахлебник, от эди – кушать, есть; б) орудие действия: ал. маажуур – чесалка, от маажэ – чесать, ал.-унг. хабшуур – шипцы, от хабша – сжимать, шипать, аг. баэлгуур – низкая деревянная крышка для молока, от баэлга – отстаивать (молоко), хор. эдьхуур – квашня, от эдьхэ – квасить, разводить (тесто), хор. сабшуур – зубила, от сабша – рубить, отрубать; эх.-бул. эльбуур – веник, от эх.-бул. эльбэ – подметать; в) предмет действия: зап.-бур. шаньтинуур (нижеуд.), шаньянуур (байк.-куд.) – колокольчик, от шаньтина – звенеть; но-ех. хорчогонуур – самодельные побрякушки из крышек банок (для отпугивания овец), от хорчогоно – брнчать; г) место действия: ал.-унг. бэлшуур – загон для скота, от бэлшэ – пастись; д) названия явлений природы: зап.-бур. нэрийээр – удар грома, от нэрийэ – греметь; зап. намалзуур – рессора, от намалза – мягко трястись; зап. эрийуур – водоворот, от эрийэ – кружиться, крутиться, зап. харйуур – быстрина, от харйа – бурлить;

-уурга образует имена существительные, обозначающие орудие действия: зап. худхуурга – мешалка для теста, от худха – мешать, эхир. хабшуурга – шипцы для углей, от хабша – захимать, сжимать; эх.-бул. дамжуурга – приставная лестница, от дамжа – взбираться (по ступенькам); предмет, являющийся результатом действия: ал.-унг. углуурга – верхонки (из брезента), от угла – надевать; эх.-бул. гоожуурга – горлышко бутылки, от гоожэ – литься, течь; тоншуурга – металлическая чашечка для выколачивания пепла из

⁷⁹ В словах типа вост., юж. аршуул, зап. аршуур, вост., юж. сорйуул, зап. сорйуур аффиксы -уул, -уур являются фонетическими вариантами одного аффикса -уур, диссимилятивно перешедшего в -уул.

трубки, от тоншо – стучать, выбивать, выколачивать.

Сложный аффикс -уурга характерен для западнобурятских говоров и является более поздним образованием, чем -уур. Для подтверждения сказанного приведем примеры сравнительно с другими бурятскими диалектами и монгольскими языками:

1	2	3	4
Хабшуурга Худхуурга Гоожуурга (горлышко бутылки)	Хабшуур Худхуур Гоожуур	Хабчуур Худхуур Гооджуур	Хабчуур Хутгур Гооджуур
5	6	7	
Хавчур Хутгур Гооджур	Кабчигур *Куджагур *Годжигур	Шипцы, клещи Мешалка для теста Сток, сточный желоб	

Аффикс -уури (или -уули) образует имена существительные, обозначающие: а) отвлеченные понятия, например, байк.-куд. агнуури – рыбалка, от агна – рыбачить, ср. вост.-бур. агнуури – охота (на зверей, дичь), от агна – охотиться, эдлуури – пользование, от эдлэ – пользоваться; һургуули – образование; школа, от һурга – учить; б) орудия действия: хахуули – удочка, от хаха – подавиться, поперхнуться;

-уухэ образует существительные, обозначающие предмет, который явился результатом действия: ал.-унг. хотируухэ – калач, от хотир – извиваться; эх.-бул. һэнжуухээ – качели, от һэнжэ – висеть;

-хар образует существительные с вещественным значением: вост. дэбдхэр – постель, подстилка, от дэбди – стелить, подстилать (ср. ал.-унг. йэбдхэр – то же).

Аффикс -хэз образует имена существительные, обозначающие: а) предмет – результат действия, например, тугдэрхээ – осколок, обломок, от тугдэр – отломиться, раскрошиться; бутархээ – осколок, от бутар – раскрошиться; соорхээ – дыра, поляна в лесу, от соор –

продырявиться; б) некоторые болезни: эхир. зохолхэ - чесотка, от зохол - чесаться, зудеть; суухархаэ - волдырь, пузырь, от суухар - пузыриться, покрываться пузырями; в) отвлеченные понятия: хотирхэ - извилина, от хотир - извиваться.

Аффикс -ша образует существительные с вещественным значением: ал.-унг. зөөшэ - имущество, домашний скарб, от зөө - возить; тулишэ - топливо, от тули - топить; с отвлеченным значением: орошо - доход, от оро - поступать; гаргаша - расход, от гарга - расходовать.

Некоторые имена существительные, например названия животных, птиц и насекомых, образованы от звукоподражательных основ: зап.-бур. шаархаэ - скворец; кузнечик, от шаар (звуки, издаваемые ими), цонг. чогчого - крапивница, от чог-чог (звуки, издаваемые этой птичкой), вост. маадаэ - детск. овечка, от маа (звуки, издаваемые овцами).

Образование имен прилагательных

Имена прилагательные образуют следующие аффиксы:

-аа от глагольных основ: гоншоо - гнусавый, от гоншо - гнусавить; мохоо - тупой, от мохо - тупиться; дэншээ - тряский, от дэншэ - трястись;

-бтар образует от первичных основ прилагательных новые основы со значением ослабления качества: харабтар - черноватый, от хара - черный, хухэбтэр - синеватый, от хухэ - синий;

-гар от глагольных основ: сэмсэгэр - чистоплотный, от сэмсы - быть чистоплотным; шалхагар - отвисший (о щеках), от шалхаэ - отвисать; бох. маэзагар - стоптанный (об унтах), от маэзаэ - стапываться;

-гаэ от глагольных основ: ноех. нялцагаэ - жидкий, липкий, от нялцаэ - быть липким, жидким;

-згаэ от основ имен прилагательных со значением "склонный к чему-нибудь" и имеющий чаще отрицательные черты характера и поведения людей: зап. һазэгаэ - спесивый, чванливый, надменный, высокомерный, от һа-

эн - хороший; будуузгээ - важный, от будуун - перен. солидный;

-лиг от именных и глагольных основ: дабһалиг - солоноватый, от дабһан - соль, мунгэлиг - серебристый, от мунгэн - серебро; мяхалиг - мясистый, породный, от мяхан - мясо; будуулиг - невежественный, от будуун - грубый; баатарлиг - героический, смелый, от баатар - богатырь;

-лтаэ от глагольных основ со значением обладания качеством: харалтаэ - такой, что следует обязательно посмотреть (например, кинофильм), от хара - смотреть; абалтаэ - такой, что следует купить (например, товар), от аба - купить, взять;

-ма от глагольных основ: уярма - трогательный, милительный, от уяр - растрогаться; дулирмэ - могущий оглушить, от дулир - глхнуть;

-мал от глагольных основ: будамал - крашенный, от буда - красить; бэшэмэл - написанный, от бэшэ - писать;

-мар: а) от глагольных основ: шадмар - умелый, ловкий, от шад - уметь; эдимэр - прожорливый, от эди - есть; б) от именных основ: ахамар - несколько старше, от аха - старший; дүүмэр - несколько моложе, от дүү - младший;

-мгаэ: а) от именных основ: һанаамгаэ - догадливый, от һанаан - мысль; б) от глагольных основ: дууламгаэ - послушный, от дуула - быть послушным, тэсэмгээ - терпеливый, от тэсэ - терпеть, зап. мууламгаэ - обидчивый, от муула - обижаться;

-мхаэ от глагольных основ: аэмхаэ - боязливый, от аэ - бояться; сошомхэ - пугливый, от сошо - пугаться;

-мшаг от глагольных основ: гутамшаг - пошлый (о проступке), от гута - портиться;

-ньди от глагольных основ: һөөлдэньди - хриплый, от һөөлдэ - хрипеть; ноэрмоглоньди - полусонный, заспанный, от ноэрмогло - быть полусонным;

-рхаг, -лхаг от основ имен существительных: эрэлхэг - мужественный, от эрэ - мужина; шулуурхаг - каменистый, от шулуун - камень⁸⁰;

⁸⁰ См.: Дондуков У.-Ж.Ш. Указ. соч., с. 79.

-рхуу, (этот аффикс по значению близок к предыдущему) обозначает наличие качества в более полном объеме: закам. ондолирхуу - богатый родниками, от закам. ондоли - наледь с пустотами на поверхности родника; бох. хубуурх - любящий детей, от хубуу - ребенок, сын;

-сгаэ от основ имен прилагательных: ал. сарюусгаэ - прекрасный, великолепный, от саркуун - бодрый, энергичный;

-та от основ имен существительных: уултэртэ - породистый, от уултэр - порода; улзэйтэ - счастливый, от улзэ - счастье;

-таэ от именных основ: зап. наартаэ - приятный, от наар - приятное ощущение; зап. нугэлтээ - хитрый, от нугэл - зап. хитрость. Ср. вост. нугэлтээ - грешный, от нугэл - грех; аюултаэ - опасный, от аюул - опасность; зап. абартаэ - полезный, от абар - зап. польза, прок; зап. убэштээ - больной, вост., юж. сумасшедший, от убшэн - болезнь;

-уу от глагольных основ: нэтэруу - настойчивый, от нэтэр - быть настойчивым, упорным; мэгдүү - торопливый, от мэгдэ - торопиться, спешить; алярхуу - шаловливый, от алярха - баловаться, шалить; тааруу - подходящий, от таара - подходить; hogтуу - пьяный, от hogто - пьянеть;

-уур от глагольных основ: тунк. шаайуур - болтливый, от шаайа - болтать попусту; зап. haryуур - хвастливый, от haryяа - хвастаться, трещать;

-хаэ от глагольных основ: шунахаэ - жадный, от шуна - быть жадным, алчным; хахархаэ - рваный, от хахар - рваться; от именных основ: муухаэ - грязный, от муу - плохой; сел.-цонг. нэскоэ - сопливый, от нэсо - сопли;

-хан от основ имен прилагательных: зап. намтархан - низкий, от намтар - то же; ал.-унг. бэлеэхэн - теплый, от бэлеэн - то же. В западнобурятских говорах аффикс -хан в подобных словах употребляется без отгёнков уменьшительности и ласкательности, тогда как в восточных и южных говорах этот аффикс чаще имеет оттенки ласкательности и уменьшительности: амтатаэхан - вкусенький, от амтатаэ - вкусный; сел.-цонг. уимархан - глупенький (ласкат.), от уимар - безрасудный, шаловливый;

-хи от именных основ: турэлхи - врожденный, родной, от турэл - родство, родня (турэлхи хэлэн - родной язык, турэлхи ухаан - природный ум);

-ша образует прилагательные большей частью от именных основ: аг. хэлэшэ - языкастый, от хэлэн - язык, речь; хатарша - рысистый (о коне), от хатар - рысь.

Перечисленные выше аффиксы более употребительны. Ниже приводятся менее продуктивные аффиксы имен прилагательных.

-аал: наһажаал - пожилой, от глагольной основы наһажа - становиться пожилым,

-бар: улабар - красноватый, от именной основы улаан - красный; саэбар - светловатый, от глагольной основы саэ - светлеть, белеть;

-бхи: уһабхи - водянистый, от уһан - вода; будэбхи - тусклый, от будэг - темный;

-г от глагольных основ: бээрэг - зябкий, быстро мерзнувший (о человеке), от бээрэ - мерзнуть; шашаг - болтливый, от шаша - болтать; шиираг - сильный, крепкий, от омертвело́го корня шиира;

-гы от глагольных основ: хэрзэгы - жестокий, злобный, от хэрзы - быть резким, грубым; хэлтэгы - наклонный, от хэлты - наклоняться, ноех. джалдагы - стоптаный (об унтах), от джалджы - стаптываться;

-гаэ: казагаэ - кривой, искривленный, от казаэ - быть кривым; клониться; хабтагаэ - плоский, от хабтаэ - быть плоским;

-ган от глагольных основ: бадарган - грубый, от бадар - грубить; гэмэргэн - ворчливый, от гэмэр - ворчать; ябаган - пеший, от яба - идти;

-да: амида - живой, от амин - жизнь; дээдэ - верхний, дооход - нижний, от омертвелых корней дээ, доо;

-дал от местоименных основ и основ имен существительных: шамдал - подобный тебе, от шам (основа местоимения ши - ты в дательном-местном падеже); хуундэл - подобный человеку, от хуун - человек;

-льби от основ качественных прилагательных со значением ослабления качества: хүхэльби - синеватый, от хүхэ - синий;

-лдар: аялдар - уживчивый, от ая - приличие, такт; ээлдэр - приветливый, деликатный, от ээ - согласие;

-маг от глагольных, изредка именных основ: жуур-маг - ложный, от хуура - обманывать; холимог - смешанный, от холи - смешивать; ноэрмог - сонный, сонливый, от ноэр - сон;

-маэ: ухамаэ - понятливый, сообразительный, от уха - понимать.

-мсаг, -нсаг от основ имен прилагательных: гоём-сог - шеголеватый, от гоё - красивый; долгонсог - жадный, от долгон - изворотливый;

-мшаг: гутамшаг - пошлый, от гута - портиться; жэрхэмшэг - отвратительный, от жэрхэ - брезговать, чувствовать отвращение;

-н от именных основ: хаэран - жалкий, от хаэра - жалость;

-ндир от глагольных основ: элэндир - поношенный, потертый, от элэ - изнашиваться, стираться;

-нтуу от глагольных основ: яарантуу - поспешный, от яара - торопиться;

-нхи: ехэнхи - большой (большая часть чего-нибудь), от ехэ - большой; дылэнхи - большая часть чего-либо, от дылэ - побеждать, быть в большинстве;

-нхы: харанхы - темный, от хара - черный, темный;

-р от глагольных основ: тохир - кривой, согнутый, от тохи - быть согнутым, сгибаться; хилар - косой, от хилаэ - коситься; тэбхэр - квадратный, от тэбхэ - быть ровным, квадратным;

-ран от глагольных основ: шалшаран - шелелявый, от шалша - шелелявить; заэран - склонный шляться, от заэ - шляться, бродить; энеэрэн - смешливый, склонный хохотать, от энеэ - смеяться;

-уун от глагольных основ: задар¹уун - крупный, сильный, от задар - раскрываться; бадл¹уун - плотный, коренастый, от бадли - (омертвевший корень)⁸¹.

Итак, в современном бурятском языке имена существительные и прилагательные, как и другие части речи, образуются посредством различных аффиксов. При этом большинство из них восходит к далекому прошлому. Однако это отнюдь не означает, что словообразовательные модели остаются неизменными. Безусловно, в словообразовательной системе бурятского языка, как и в

81 См.: Дондуков У.-Ж.Ш. Указ. соч., с. 96.

других его ярусах, происходят те или иные процессы изменения. Это обнаруживается прежде всего в том, что словообразовательные модели разговорного языка пополнялись как собственными, так и заимствованными аффиксами.

К собственно бурятским можно отнести сложные аффиксы, образующие имена существительные, например, -ааша: зап.-бур. зурааша - спички, от зура - чиркать; улгээшэ - вешалка (на стене), от улгэ - вешать; тугал харааша - телятница, от хара - смотреть, ухаживать; -аарга: углаарга - верхонки, от угла - надевать; -уурга: зап. дамжуурга - лестница, от дамжа - взбираться (по ступенькам); хабшуурга - шипцы для углей, от хабша - зажимать; -уухаэ: зап. хотируухаэ - калач, от хотир - извиваться; һэнжуухэ - качели, от һэнжэ - висеть, а также некоторые постфиксы, образующие имена прилагательные, например, -эгаэ: зап. һээгаэ - высокомерный, надменный, от һаэн - хороший; будуузгээ - важный, от будуун - толстый, перен. солидный; -лтаэ: харалтаэ - такой, что следует посмотреть, от хара - смотреть; -нтуу: яарантуу - поспешный, от яара - спешить, торопиться.

Эти собственно бурятские сложные аффиксы словообразования, очевидно, появились в основном позже, чем общемонгольские аффиксы -чи, -чин, -мар, -г и многие другие, т. е. после распада единого монгольского языка.

В отдельных случаях аффиксы заимствованы бурятским языком из других языков. Так, в связи с распространением буддизма среди бурят Забайкалья в бурятский язык вошли отдельные аффиксы из тибетского: -маа, -суу, которые употребляются для образования женских имен. Они присоединяются как к коренным бурятским основам (например, Сэсэгмаа, от сэсэг - цветок, Баярмаа, от баяр - радость, Батасуу, от бата - прочный, крепкий), так и к именам тибетско-санскритского происхождения (Хандасуу, от тиб. Ханда - спасительница; Гармасуу, от санскр. Гарма - следствие; Цэрмаа < Цэрэнмаа, от тиб. Цэрэн - долголетний). В настоящее время эти аффиксы не продуктивны и образуют имена лишь в единичных случаях, например, Соёлмаа, от основы соёл - культура + аф. -маа.

Более распространены суффиксы, заимствованные из русского языка, например, -ов, -ев: Жаргалов, Батуев; -ова, -ева: Баирова, Олзоева; -ович, -евич: Гырлович, Соктоевич; -овна, -евна: Жаргаловна, Батуевна.

Из приведенных примеров видно, что бурятские фамилии и отчества образованы посредством присоединения русских суффиксов к собственно бурятским именам: Жаргал - счастье, Бата - прочный, Баяр - радость, Олзо - находка и другие. Эти же суффиксы присоединяются также к именам тибетского и санскритского происхождения: Дамбаев (тиб. Дамба - высший), Базаров (санскр. Базар - алмаз), Балданова (тиб. Балдан - могущественный), Арьяева (санскр. Арья - святой).

Как известно, раньше в качестве фамилий буряты брали имя отца или деда (по отцу). Это имеет место и в настоящее время. Но во многих случаях у бурят сейчас распространены не только фамилии, но и отчества.

Кроме того, "... в разговорном языке встречаются случаи, когда к бурятским собственным именам, по аналогии с фамильно-бытовыми русскими именами Ванька, Васька, Женька, Сашка, Петька и т. п. прибавляется суффикс -ка (рус. -ка): Хутаан - Хутаанка, Бата - Батууха, Табита - Табитууха и др."⁸².

По образцу русских собственных имен некоторые бурятские женские имена, особенно в последние 30 лет образуются посредством присоединения к коренным основам аффикса -а: Туяана (от туяан - лучи, сияние), Оюуна (от оюун - ум, разум). Ср. русск. Александр и Александра, Евгений и Евгения.

Иногда исконные аффиксы присоединяются к заимствованным основам, и тем самым получают новые слова, например: зап.-бур. шааштаэ - девушка < сиб. тюрк. шаш, др.-тюрк. сач - волосы + аффикс обладания -таэ; орооһото (ургамал) - зерновая (культура) < русск. орошон - рожь + аффикс -та. Образование шааштаэ в западнобурятских говорах более позднее (ср., например, с калмыцким словом гэээгтээ - девушка, образованным

⁸² Цыдендамбаев Ц.Б. Влияние русского языка на развитие бурятского. - "Труды БКНИИ СО АН СССР", Улан-Удэ, вып. 1, с. 110.

по той же словопроизводной модели, что зап.-бур. шааштаэ); а орооһото - зерновой - неологизм в бурятском языке. Эти примеры также свидетельствуют об изменениях, происходящих в области словообразования.

Процесс изменения в словообразовательной системе бурятского языка более отчетливо виден в переходе непродуктивных в прошлом аффиксов в продуктивные и наоборот.

Продуктивными считаются "аффиксы, с помощью которых активно производятся новые слова и формы"⁸³, а непродуктивными - "аффиксы, выделяемые в словах и формах, но не образующие новых форм и слов"⁸⁴.

В процессе развития монгольских языков, в том числе бурятского, некоторые словообразовательные аффиксы, раньше активно производившие новые слова, в настоящее время стали непродуктивными и иногда даже мертвыми. Например, аффикс -һан (ст.-монг. -сун), весьма продуктивный в прошлом, ныне не образует новых слов и становится мертвым, так как в ряде слов с современной точки зрения этот аффикс невозможно выделить от производящей основы: хуһан - береза, нарһан - сосна, саһан - снег, загаһан - рыба.

При помощи аффикса -һан ныне совершенно невозможно образовывать новые предметные имена от слов, принадлежащих к другим частям речи. С другой стороны, если от предметных имен с суффиксом -һан отсечь этот суффикс, то в большинстве случаев значимые слова не получим: останется только некий корень, в отдельности ничего не обозначающий"⁸⁵.

В прошлом также был продуктивным аффикс -ган: һамган - женщина, жена (ср. сев.-сел. һамаэ - бабушка), хургэн - зять (ср. хурдүү - шуринок, калм. курушурин, муж сестры, кур дуу - брат жены; ст.-монг. кури дэгу - младший брат жены), эмэгэн - старуха (от эмэ - женщина, самка), унэгэн - лиса, доргон - барсук, унаган - жеребенок и другие. Но в современ-

⁸³ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1974, с. 36.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ См.: Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941, с. 29.

ном бурятском языке этот аффикс не образует новых слов и также находится на пути к выпадению из системы словообразования.

Кроме того, отдельные аффиксы, зарегистрированные в среднемонгольском языке, не употребительны в современном бурятском, например аффикс -муи, который образовывал имена существительные: дjobамуи – несчастье, от дjobа – мучиться; наадумуи – игрушка, от нааду – играть.

Далее, некоторые аффиксальные образования, зафиксированные в памятниках среднемонгольской письменности, не бытуют в современных языках, в том числе в бурятском, например, ср.-монг. тамтуркай – рваный, от тамтур – рваться; амидай – тезка, от амин – жизнь, егук – налог, от эгэ – дать; төлэк – уплата, от төлэ – платить; эрил – просьба, от эри – просить; оял – шов, от оя – шить; дакама – *menses*, от дака – следовать и т. д. Вместо этих слов встречаются в настоящее время иные основы или аффиксы, например, совр. бур. хахархаэ – рваный, нэрэтэ – тезка, тулбэри – уплата, эрилтэ – просьба, оёдол – шов и т. п.

С другой стороны, некоторые словообразовательные аффиксы, не очень распространенные в прошлом, получили в настоящее время широкое употребление. К ним можно отнести, например, аффиксы в основном с отвлеченным значением -лга, -лта, -мжа и другие, особенно при сочетании с глагольными основами. Эти аффиксы были известны еще старолисьменному монгольскому языку, например, барилга – стройка, нэмэлтэ – прибавление, илгамджи – различие. Они зарегистрированы и в материалах XIII-XIX вв. по бурятскому языку: кучулугу – занавеска (Ренье), тунж, хор., сел. агналга – охота, нижнеуд. боолтэ – коса у девушки (Кастрен). Но эти аффиксы стали более продуктивными в послеоктябрьский период, когда появление новых понятий требовало от языка создания новых лексических единиц прежде всего при помощи своих словообразовательных средств.

Приведем несколько примеров: үгэ хэлэлгэ – прения, от хэлэ – говорить, һунгалта – выборы, от һунга – выбирать, илалта – победа, от ила – побеждать, һэримжэ – бдительность, от һэри – пробуждаться и другие.

Об изменениях в словообразовательной системе бурятского языка наглядно свидетельствует то, к каким основам присоединяются те или иные постфиксы. При этом производящие основы претерпевают также известные сдвиги.

Изменения в словообразовании показывают прежде всего специфические диалектные случаи соединения аффиксов с теми или иными основами, ибо здесь обнаруживаются или более поздние (по сравнению с общемонгольскими словами) образования, или такие лексические единицы, которые возникли очень давно, но сохранились лишь в отдельных бурятских говорах. Кроме того, в диалектах встречаются случаи, когда соединения аффиксов с общемонгольскими основами образуют диалектные по форме и смыслу слова. Таким образом, речь идет здесь об особенностях диалектного словообразования.

В современных бурятских говорах встречается ряд способов диалектного словообразования.

1. При образовании одних и тех же по значению слов используются одинаковые словообразовательные модели, но присоединяются к разным производящим основам.

Например, сито: нижнеуд. шэльтүур, ал.-унг. шэлкуур, шэгшуур, һаэгуур; бох., эх.-бул., кач. һаэгуур; хор., сев.-сел., барг. һагшуур, цонг., сарт., хамн. шэгшуур. Здесь один и тот же аффикс -уур// -уур соединился с разными, но синонимичными глагольными основами: шэльти-, һаэга(да)-, һагша-, шэгшэ – просеивать.

Веник: бох. эльбуур, шэрбуур; эх.-бул., кач., байк., куд. эльбуур, барг. хамуур, где аффикс -уур// -уур присоединен к глагольным основам: эльбэ – подметать, поглаживая, шэрбэ – подметать, похлестывая, һама – подметать, подгребая.

Деревянная кадка для молока: нижнеуд., тунк. табхасаг, хор. оёорсог, то есть аффикс -саг наreshen к разным именным основам: табхар – плоский, оёор – дно.

Откормленный (на убой) скот: зап.-бур., вост.-бур. шахамал, юж.-бур. бордомол, в которых аффикс -мал присоединен к глагольным основам шаха-, бордо – откармливать. Ср. халх. бордох, калм. бордх – то же.

2. К одинаковым основам присоединяются различные аффиксы, например, крыша дома: нижеуд., байк.-куд., сев.-сел. хушалга (нижеуд. кушалга), тунк., хор. хушалга, закам. хушалга (с. Улекчин), хушалта (с. Далахай); цонг. хучаас (с. Харлун), хучаа (с. Ноехон), то есть к одной и той же глагольной основе хуша- (цонг. хуча-) – крыть, покрывать присоединены аффиксы -лга, лта, -ааһа (цонг. -аас), -аа;

спички: ал.-унг., бох. зурааша, кач. зураахаэ, закам. зуруул (цонг., сев.-сел. дзуруул), где на глагольную основу зура- (цонг. дзура-, дзоро-) – чиркать наращены аффиксы -ааша, -аахаэ, -уул.

Вообще нужно отметить, что для западнобурятских говоров наиболее характерно употребление аффикса -ааша, присоединяемого к глагольной основе. Ср. также зап.-бур. тугал харааша – телятница (от хара- – смотреть, ухаживать, следить) вместо вост.-бур. тугалшан, юж.-бур. тугалчин; ами татааша – жабры (от тата- – тянуть) вместо зангалаэ, һамаэ и т. д. в других бурятских говорах.

Приведем еще один пример. Вешалка (настенная): ал.-унг. үлгээшэ (с. Керболка), үлгэбшэ (с. Балтуй), нижеуд. үлгүүр, тунк. үлгээ, үлгэсэ (закам. үлгөө); эх.-бул., барг., ольх. үлгээсэ, хор. үлгэсэ; цонг., сарт., алт.-аш. үлгүүр, хамн. өлгөцө. В этих однозначных словах к глагольной основе үлгэ- – вешать – присоединены разные аффиксы -ээшэ (-ээсэ), -бшэ, -уур, -өө, -сэ.

3. Могут быть различными и производящие основы, и аффиксы, но образовавшиеся при помощи их слова могут иметь одинаковое значение. Например, коромысло: бох. буулга, ал.-унг. тээг, хор. үргэбшэ (цонг., сарт., хамн. үргэбчи), эх.-бул. тэл'үүр (заигр. үлгүүр) – здесь разные производящие основы (буу- – опускаться вниз, тээ- – носить, үргэ- – поднимать, тэли- – нести вдвоем (на палке), үлгэ- – вешать; цеплять) и разные аффиксы словообразования (-лга, -г, -бша, -уур); ключ (отмычка): бох., ал.-унг., ольх. неэбэр (неэбрэ, неэбрь); хор. тульх'үүр (барг. тульхүүр; юж.-бур., сев.-сел. шерг. тульх'үүр) – здесь различны как производящие основы (неэ- – открывать, тульхи- – толкать), так и аффиксы (-бэр, -уур); покос: зап.-

бур. хадаса, вост.-бур., юж.-бур. сабшалан (юж.-бур. цабчалан) – основы хада-, сабша- (цабча-) – косить и аффиксы -са, -лан; птенец (у диких птиц): вост. дальвараа (от основы дальвар- – отдираться, отставать, вытупляться + аффикс -аа); юж. ангалдзуур (от основы ангалдза- – открывать, раскрывать + аффикс -уур); колодезный журавль: ал.-унг. гонзоли (от основы гонзоэ- – вытягиваться вдоль + аффикс -ли), эх.-бул. ондорга (от основы ондор- – опрокидываться + аффикс -га); чесотка: эх.-бул. зохолхоэ (от глагольной основы зохол- – зудеть + аффикс -хаэ), хор. маажуур (от глагольной основы мааж- – чесаться + аффикс -уур).

4. При соединении одних и тех же аффиксов с одинаковыми производящими основами иногда образуются слова с различными значениями, например, слово булуур, образованное на базе глагольной основы булэ- – сбивать (масло) посредством аффикса -уур, в западнобурятских говорах означает "жбан-маслобойка", а в восточных и южных говорах – "мутовка (для сбивания масла)".

При освещении вопроса об изменениях в системе аффиксального словообразования в бурятском языке необходимо остановиться еще на одном важном факторе.

Благодаря Великой Октябрьской революции произошли коренные изменения в экономической, социально-политической и культурной жизни бурятского народа, что весьма благотворно отразилось на развитии бурятского языка. За советский период произошли заметные сдвиги в словообразовательной системе бурятского языка: появилось большое количество новых слов, образованных путем использования аффиксов в сочетании с новыми основами, расширились словообразовательные возможности многих аффиксов, особенно таких, как -шан, -лга, -лта, -гша и других. Приведем несколько примеров: ажалшан – трудящийся (от именной основы ажал- – труд + аффикс -шан), худэлмэришэн – рабочий (от худэлмэри- – работа), тугалшан – телятница (от тугал- – теленок), гахаэшан – свиновод (от гахаэ- – свинья), шубуушан – птицевод (от шубуун- – птица); баэгуулалта – строй (от глагольной основы баэгуул- – строить, созидать + аффикс -лта); даагша – заведующий (от

даа- – заведовать); туруулэгшэ – председатель (от туруул- – возглавлять); мурысөөн – соревнование (от мурысэ- – состязаться, соревноваться); ажалта удэр – трудодень (от основы ажал – труд и аффикса -та); тусэбтэ табанжэл – плановая пятилетка (от основы тусэб план + аффикс -тэ) и т. д.

Выходят из употребления слова, образованные аффиксальным способом и отражавшие отсталую экономику дореволюционной Бурятии: мушхалаа – палочка-закрутка для ручной выделки овчины (от глагольной основы мушха- – крутить, закручивать), хэдэргэ – приспособление для выделки кожи (от хэдэр- – скрести, соскребать), хадуур – серп (от основы хада- – жать) и т. п.

Неаффиксальные способы словообразования

Некоторые собственно бурятские слова образуются морфолого-синтаксическим способом – в результате перехода слов одного грамматического класса в другой без внешних изменений в слове. Например, существительные хонхор – эх.-бул. фарфоровый стакан, ахар – зап.-бур. короткая овечья шерсть, хара – кач. рожь (ср. кач. хараэн талхан – ржаная мука), сагаан – бох. белая мерлушка. эх.-бул. ягненок летнего помета, ал.-унг. шкурка ягненка до шести месяцев – возникли на базе соответствующих прилагательных: хонхор – глубокий, ахар – короткий, хара – черный, сагаан – белый.

Западнобурятским говорам более характерна субстантивация постоянного причастия с аффиксом -ааша (зурааша – спички, от зура – чиркать, досл. чиркающий; гульдарааша – змея от гульдара – ползать, извинаясь, досл. ползающий), а для восточных и южных диалектов – субстантивация многократного причастия, образованного посредством аффикса -даг (мух.-шиб. -бич. зуудаг – сквородник, от зуу- – схватывать, досл. схватывающий, цонг. шэмэдэг – белокудренник, от шэмэ- – высасывать, досл. высасывающий).

Часть лексики бурятского языка образована фонетическим способом (например, барг. басаган – девушка, а бэсэгэн – младший сын, бох. будаха – красить, а би-

даха – пачкать, солоо – сознание, сүлөө – свобода), но он в настоящее время непродуктивен. Как отмечают монголисты, способ образования слов путем чередования звуков – наиболее древний и в прошлом играл значительную роль. Б. Я. Владимирцов писал, что в халхаском такие параллели, как ахха “старший, старший брат” // эххэ “старшая, мать” сохранились от праязыкового состояния, когда при помощи сингармонизма монгольский язык производил различие по родам⁸⁶. Отсюда можно заключить, что собственно бурятские слова типа басаган, бэсэгэн, образованные фонетическим способом, одни из наиболее ранних по времени бытования. Данный способ образования слов в современных монгольских языках подробно освещен в работах Т. А. Бертагаева⁸⁷.

В бурятских диалектах происходит постоянный процесс образования не только новых слов, но и новых значений. Изменение в семантике лексических единиц связано прежде всего с тем, что изменяются понятия, которые обозначаются словами. Как писал В. И. Ленин, “...человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни”⁸⁸.

Семантические изменения выражаются, например, в том, что в процессах языкового развития многие слова, кроме исходного или предшествующего значения, приобретают новые, производные значения. ибо “слова

⁸⁶ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, с. 133. См. также: Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков, с. 269: “Некогда образование слов путем чередования звуков играло существенную роль. Оно предшествовало возникновению слов путем суффиксации, а также сингармонизму...”.

⁸⁷ См.: Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков, с. 269–327; Он же. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969; и др.

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 29, с. 226–227.

как названия могут легко переходить с одной вещи на другую или на какой-либо признак этой вещи или на ее часть"⁸⁹. Новые значения в бурятском языке, как и в других языках, образуются путем метафорических, метонимических и функциональных переносов наименований. Обращает на себя внимание то, что основным источником образования новых значений, как и новых слов, служит именно древний слой исконной лексики. При этом часть переносных значений появилась сравнительно давно. Так, слово тологоэ, употребляющееся в монгольских языках в значении "голова" (ср. ст.-монг. толугай, халх., бур.⁹⁰ толгоэ, калм. толһа, мнгр. толгуэ), в байкало-кударинском и цонгольском говорах означает "нос лодки". Общемонгольское уул (ст.-монг. сэгул, халх. суул, калм. суд, мнгр. суул, мог. сеул, Мук. су'у чл, Ибн сэ'уул) в байкало-кударинском говоре используется в значении "корма лодки". Ср. калм. онһцын бэкс (досл. задняя часть лодки), халх. онгоцны хитэг — то же. Общемонгольское һоёо, означающее "хлык" (ст.-монг. сойуга, халх. соёо, камл. сояа, бур. һоёо), в закаменском говоре бытует в значении "двухгодовалый изюбрь".

Переосмысление получили отдельные узко диалектные слова. Так, в баргузинском говоре слово шоогоэ — коза (вместо общепурятского ямаан) употребляется в переносном значении — почка на дереве. В байкало-кударинском говоре такое же семантическое развитие получило слово нимаан — 1) коза; 2) перен. почка (бот.). В восточнобурятских и южнобурятских говорах, а также в халха-монгольском языке в значении "почка на дереве" используется слово гулгэн (юж.-бур. гулиг, халх. гөлөг), означающее в прямом значении "щенок".

⁸⁹ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967, с. 75-76.

⁹⁰ В хоринском говоре вместо данного слова используется тархи. В других бурятских говорах и монгольских языках тархи означает "головной мозг": халх. тархи, калм. (олетск.) тарк, эх.-бул. тарша, байк.-куд. нюһан тарся, сарт. нилцагаэ тархи, цонг. уураг тархи и т. д.

слов уже после вхождения Бурятии в состав России. К ним можно отнести, например, ольх. хормоэ — юбка (досл. подол), эх.-бул. дэгэл — пальто (досл. шуба), бох. һомо — рассоха у сохи (досл. стрела), нижеуд., ал.-унг., тунк. шороз (или бууйи шороз) — порох (досл. пыль, земля), ал.-унг. хул — приклад ружья (досл. нога), барг. нюдэн (цонг. нюдэ) — оконная решетка (досл. глаз), кач. нүхэн — форточка (досл. дырочка), байк.-куд. уураг — яичный желток (досл. молозиво). Или слово шебэгэ, употребляющееся в других бурятских диалектах и монгольских языках в значении "шило" (ср. вост.-бур. шубэгэ, юж.-бур. шувугэ, халх. шевөг, камл. шевг, ст.-монг. сибугэ), в западнобурятских говорах наряду с исходным значением стало означать также "вилка".

Эти новые значения у исконных слов возникли в связи с некоторыми изменениями, происшедшим до революции в хозяйстве и быту бурят под влиянием русской культуры.

У многих слов новые значения появились в советский период. Так, в связи с осуществлением в 50-х годах запуска в нашей стране искусственного спутника Земли слово һолир, означавшее раньше только "метеор" (халх. солир — *id.*), в агинской подговоре приобрело новое значение — искусственный спутник. С появлением в Бурятии велосипеда в предвоенные годы старые слова дугуи и дурее получили переосмысление: в цонгольском говоре дугуи означает "велосипед" (ср. ст.-монг., халх. дугуи, калм. дугуу — колесо, круг), в тункинском говоре словом дурее называется "педаль велосипеда". Ср. ст.-монг. деругэ, халх. дерее, калм. деру, даг. дурее — стремя.

Образование новых значений у исконных слов — также важный источник пополнения лексического запаса бурятских диалектов.

Таким образом, исконная лексика составляет основную часть словарного состава бурятского языка и служит главной базой для пополнения и обогащения словарного запаса современных бурятских говоров. Диалекты не только хранят черты старого, но и непрерывно обогащаются новыми лексическими образованиями для обозначения новых предметов, явлений и процессов объективной действительности.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА
В БУРЯТСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Одним из важных внешних факторов развития лексики говоров является заимствование из других языков. "Науке практически неизвестны гомогенные в структурном и материальном отношении языки, развитие которых протекало бы в изоляции от внешних воздействий"¹.

Монгольские племена, в том числе бурятские, в разные периоды своей истории вступали в те или иные отношения с другими народами. Поэтому в словаре бурятских говоров кроме исконной лексики имеется немало иноязычных элементов. Заимствование слов из других языков обусловлено, как известно, различными социально-историческими факторами, связанными главным образом с необходимостью развития торговых, экономических, культурных и прочих связей между народами.

Некоторые заимствования, например ранние тюркские, своими корнями уходят в далекое прошлое бурятского народа, тогда как из других языков, скажем, из тибетского, заимствованные слова проникают в бурятские диалекты намного позже.

В словарном составе бурятского языка обнаруживаются заимствования из тюркских, тунгусо-маньчжурских, тибетского, русского и некоторых других языков.

Наибольшее количество слов заимствовано из русского языка. Заимствований из других языков сравнительно немного.

Ряд семантических диалектизмов появился в говорах в результате переосмысления общемонгольских

¹ Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Отв. ред. Б. А. Серебrenников. М., 1970, с. 285.

Наряду с монголо-тюркскими параллелями в лексике бурятского языка имеются тюркизмы, проникшие в тот или иной период его истории.

По времени заимствования тюркизмы являются одними из ранних. Как известно, в VI-X вв. на территориях расселения монгольских племен господствовали тюрки. Так, в VI-VIII вв. тюркские племена Алтая создали свое государство с центром на р. Орхон. "В эпоху наибольшего могущества орхонских тюрков в состав их владений входили: Северная Монголия (включая бассейн рек Орхон, Тола и Селенга), Западное Забайкалье (нынешняя территория БурАССР), верховья Енисея"².

Очевидно, в этот период в древнемонгольские диалекты, в том числе в протобурятские, вошли тюркизмы уг, ураг, эльгэн (парн. ураг эльгэн) и другие, так как "экономической единицей общества орхонских тюрков была большая патриархальная семья ... Семья входила в состав рода (ук или уруг), несколько родов составляли племя - будун, а племена объединялись союзом племен - эль'ем ... Во главе эл'я стоял каган или хан"³. Названные выше слова бытуют в монгольских языках в основном в тех же фонетических оформлениях и значениях, что и в тюркских языках. Ср. бур., халх. уг - происхождение, предки и др.-тюрк. ук (в составе парн. укым-тукым - потомки, родственники); алт., тув. ук - род⁴. Или бур., халх., калм. ураг, мнгр. уруг, Мук. урук, ст.-монг. уруг - родственник, родство < др.-тюрк. уруг - род, потомство. Данное слово в различных фонетических вариантах бытует во всех основных тюркских языках в значениях "род, племя, родственник" (туркм., азерб., кирг., каз., ног., к.-калп., тат., башк., узб., уйг. и др.). Тюркское уруг ∞ урук и т. д. - производное, образовавшееся с помощью аффикса -(у)г ∞ -(у)к

² История Бурят-Монгольской АССР, т. 1. Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1951, с. 56.

³ Там же, с. 57.

⁴ См.: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 582.

в значении названия субъекта, объекта и результата действия от глагола *ур- – приблизительно со значениями – *зачать, *рожать, *приносить потомство⁵. Древнетюркское слово бодун, означавшее "население, подданные, народ"⁶, сравнимо, по-видимому, с названием одного из 11 хори-бурятских родов бодонгууд – бодунгууд (от тюрк. основы бодун – население или подданные + общемонг. аффикс множественности –гууд). В основе бур. эл'гэн (в парн. ураг эл'гэн) и халх. элгэн (в парн. элгэн садан) – родственник, очевидно, лежит др.-тюрк. эл – племенной союз, племенная организация⁷ ст.-монг. эл. Ср. также др.-тюрк. элиг – правитель, государь⁸. В калмыцком языке встречается исконно тюркская основа эл в сочетании эл садн (наряду с синонимом элгн садн) в значении "родственник"⁹. Тюркское эл (ил, иил) бытует в современных тюркских языках в различных значениях: народ, население, племенной союз, государство, господство и т. д.¹⁰. И, наконец, бур., халх., мнгр. хаан, калм. хан, квадр. ка'ан, ст.-монг. каган – царь восходит к др.-тюрк. каган – главный хан, верховный правитель¹¹, хан – правитель; повелитель, предводитель¹².

Эти и некоторые другие тюркизмы отражают характер социальной организации древнетюркского общества.

Тюркизмы обнаруживаются и в других разрядах словаря бурятского языка, особенно в бытовой и производственной лексике. Приведем примеры из различных тематических групп.

Слова, обозначающие дом, двор: бур. отог – балаган (на покосе), шалаш. Ср. тюрк. отак, отаг –

⁵ Там же, с. 605.

⁶ Древнетюркский словарь. Ред. В. М. Надеждин и др. Л., 1969, с. 108.

⁷ Там же, с. 168.

⁸ Там же, с. 170.

⁹ См.: K a l m ü s k i s c h e s W ö r t e r b u c h von G. I. Ramstedt. Soumalais-Ugrilainen seura. Helsinki, 1935, S. 118.

¹⁰ См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков, с. 339–341.

¹¹ См.: Древнетюркский словарь, с. 405.

¹² См.: Там же, с. 417.

шалаш; шатер; жилище, дом. Основой тюрк. отак (отак) является либо глагол ота – обогреться, разжигать дрова, либо от – разводить, разжигать огонь¹³.

Возьмем бурятское слово ордон – 1) ставка; парн. ордон ургэе – ставка, резиденция; 2) дворец; соёлоэ ордон – дворец культуры; парн. ордон шэвээ – дворец, замок. Ср. тюрк. орду – стоянка, местопребывание; кибитка, дом; шатер султана; резиденция правителя и т. д. "Этимологически орду – орда можно возвести к глаголу орут – стоять или располагаться лагерем, останавливаться, располагаться на месте ... Орду – орда – производное от названного выше глагола, образованное при помощи древнейших аффиксов именного словообразования –у–а"¹⁴.

Слова, обозначающие средства передвижения: бур. хударга – подхвостный ремень (идуший от седла), ср. др.-тюрк. кудургун – подхвостник, пахва < кудурук, кудрук – хвост; бур. хүмэлдэргэ – нагрудный ремень, ср. др.-тюрк. көмүлдүрк – то же; бур. бурантаг – повод (для верблюда). "Бурантаг – хамараа нухалуулһэн тэмээнээ жолоо"¹⁵ (повод для верблюда с просверленным носом – бурантаг). Ср. др.-тюрк. бурундук – повод, прикрепляемый к продетому в нос верблюда стерженьку < бурун – нос.

Названия домашней утвари: үхэг – низенький шкаф; подставка для сундука, ящик, ср. др.-тюрк. укак – сундук < ук – собирать, накапливать; бур. тэбэнэ – большая игла, ср. др.-тюрк. тэбан йигна – игла, иглище (досл. верблюжья игла); бур. таяг – кость, посох, трость, ср. др.-тюрк. таяк – палка, посох; опора, основа < тайа – ставить опору, прислонять; бур. булюу – точило, точильный камень, брусок, ср. др.-тюрк. билагу – точильный камень < др.-тюрк. би – лезвие, биле – точить. В монгольских языках основы би-, билэ- отсутствуют.

Названия пищи, напитков: бур. хоэмог – кушанье из арцы и молока; ср. др.-тюрк. канак, кайак, кирг. каймак – сливки; бур. хурууд – спрессованный

¹³ См.: Севортян Э.В. Указ. соч., с. 486.

¹⁴ Там же, с. 472.

¹⁵ С. Кункур Агинского района Читинской области.

творог, ср. др.-тюрк. курут – высушенный творог < куру – сохнуть, высыхать < куруг – сухой, высохший, засохший; бур. бал – мед, ср. др.-тюрк. бал – id.; бур. жэмэс – фрукты, ягоды; плоды, ср. др.-тюрк. йэмиш – фрукт, плод < йэ – есть, кушать.

Названия одежды, обуви, украшений: бур. тэрлиг – летний халат (на подкладке), ср. др.-тюрк. тэрлик – потлик < терлэ – потеть < тер – пот; бур. шархи – башмаки, чирки, ср. др.-тюрк. чарук – чарыки (род обуви); бур. буд – ткань, материал, мануфактура, ср. др.-тюрк. бэз – хлопчатобумажная ткань, бязь, холст; бур. бугааг – браслет, ср. др.-тюрк. букагу – оковы, колодки; бур. бэһэлиг – перстень, кольцо; парн. бэһэлиг бугааг – кольца, браслеты, ср. др.-тюрк. билэзук – браслет, билэк – запястье; перен. рука, тат. белэзек – 1) пясть руки, 2) браслет, ног., кумык., каз., к.-калп. билезик, башк. белэзек – браслет; бур. сасаг – кисти, бахрама, ср. др.-тюрк. сач – волосы, сач – разбрасывать, рассеивать.

Названия животных, птиц и т. д.: бур. адуун – табун, ср. др.-тюрк. ат – лошадь, конь; бур. атан тэмээн – кастрированный верблюд, ср. др.-тюрк. атан – id. < ат – лошадь, конь; бур. бозног – гривенка, войло (обвислая кожа под шеей крупного рогатого скота), ср. др.-тюрк. бойын, бойун – шея; бур. баха (туруунаэ баха) – стрелка у копыта, ср. др.-тюрк. бакайяк – междукопытная шель у парнокопытных; юж.-бур. таэган нохоэ – борзая собака, ср. др.-тюрк. тайган – борзая; бур. тахая – курица, ср. др.-тюрк. такагу, тактыгу – id.; бур. баха – лягушка, ср. др.-тюрк. баха – id.

Названия растений: бур. арса – можжевельник, ср. др.-тюрк. артуч, кирг., узб., уйг. арча, каз., к.-калп. арша, башк. арса – можжевельник; бур. харгана – карагана, зап.-бур. кустарник, ср. др.-тюрк. каракан – карагана; бур. буурсаг – семя, плод (растений), ср. др.-тюрк. бурчак – горох и другие растения из семейства бобовых.

Названия предметов и явлений природы: бур. тоборог – пыль, прах, ср. др.-тюрк. топрак – земля, прах, пыль; бур. тоонон – пыль, ср. др.-тюрк. тоз – пыль, прах, парн. тоз топрак – пыль, тозлук – пыльный, запыленный; бур. булаг – источник, ср. др.-тюрк. бу-

лак – источник; канал, арык; бур. һубаг – канава, ср. др.-тюрк. сува – орошать, наводнять < сув – вода, влага, жидкость; река, бур. шииг – сырость, влага; роса, ср. др.-тюрк. чи – 1) роса; 2) сырой, влажный, чык – отсыревать, намокать; бур. шалбааг – лужа, ср. др.-тюрк. чаллак – грязь, нечистоты, чалпан – жидкая грязь, слякоть; бур. арал – остров, ср. др.-тюрк. арал – id., арала – между, среди; арала – проходить (между)¹⁶. Корень *ар сравним с венг. ар – поток. "Арал можно также поставить в связь с глаголом ар – отделять"¹⁷.

Слова, выражающие отвлеченные понятия: бур. һэжэг – сомнение, подозрение; предубеждение, ср. др.-тюрк. сезик – 1) мнение, суждение; 2) предположение, сомнение < сез – чувствовать, ощущать; замечать, обнаруживать, сезик – предполагать, сомневаться, подозревать, сезиклиг – сомнительный, подозрительный; бур. хурэг – изображение, образ, ср. др.-тюрк. көрк – образ, изображение < көр – видеть, смотреть; бур. бэлиг – способность, дарование, знание, ум, разум, ср. др.-тюрк. билиг – знание; разум, ум; осторожность, осмотрительность < бил – знать, ведать и т. д.

Эти тюркизмы широко распространены в бурятском и других монгольских языках и потому более древние по времени заимствования.

Кроме того, в бурятском языке встречаются ранние тюркские заимствования, сохранившиеся лишь в отдельных его говорах и в других монгольских языках. Так, в западнобурятском наречии в значениях "серьги" и "провода" бытует слово ээмэг, которое не употребляется в восточных и южных говорах. Ср. халх. ээмэг, калм. ээмг, ст.-монг. эгэмэг – ушные колечки, серьги. По-тюркски эгемек означает "согнутое, кольцеобразное" и восходит к древнетюркскому глагольному корню эг – гнуть, загигать¹⁸ + словообразовательный аффикс -мек.

¹⁶ См.: Древнетюркский словарь, с. 50.

¹⁷ Севортян Э.В. Указ. соч., с. 167.

¹⁸ См.: Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, с. 194; Древнетюркский словарь, с. 165; эг – сгибать.

В "Сокровенном сказании" засвидетельствованы фонетические варианты данного слова — эгэмэг и ээмэг в значении "кольцо". Слово ээмэх в кызыльском диалекте хакасского языка означает "кольцо", в других диалектах этого языка — "провода". В киргизском ий-мек — серьга. Ср. вост.-бур., лит. һикэ, цонг., сарт. сьихэ, калм. сиик (наряду с ээмг), халх. суйх (наряду с ээмэг) — серьги. Слово ээмэг заимствовано монгольскими диалектами из тюркских языков, по-видимому, давно, так как оно зарегистрировано в старописьменном монгольском языке и сохранилось в отдельных бурятских говорах, а также в халха-монгольском и калмыцком языках.

Тюркизм арбаэ встречается в западнобурятском наречии в значении "ячмень", а у еравнинских бурят — в значении "рожь". В других бурятских говорах рожь называется хара таряан (досл. черное зерно), ешмээн — заимствование из русского ячмень. В халх., калм. арбаэ ст.-монг. арбай — ячмень. Ср. др.-тюрк., совр. тюрк. арпа — ячмень.

Слово арбаэ в монгольские языки вошло из тюркских, видимо, очень давно, потому что "тюрки, во всяком случае уйгуры, еще до XI в. были знакомы с различными земледельческими культурами (зерноводство, виноградарство, садоводство), как о том свидетельствуют лингвистические данные, не говоря уже об исторических сведениях. В частности, разведение ячменя имело у них столь длительную традицию, что нашло отражение в поговорках"¹⁹.

В восточнобурятских говорах встречается тюркизм тэвэг — зоска (которой играют, подбрасывая ударом ноги кверху). В данном же значении слово бытует в халха-монгольском и калмыцком языках (халх. тэвэг, калм. тэвг) и отмечено в старописьменном монгольском (тэбэг) < тюрк.²⁰ Ср. кирг. тепки — удар ногой, пинок, от теп- — пинать, толкать ногой.

¹⁹ Севортян Э. В. Указ. соч., с. 177; у Махмуда Кашгарского зафиксирована древнетюркская пословица: "Конь без ячменя не победит, богатырь без подмоги войска не сломит".

²⁰ См.: *Kalmückisches Wörterbuch...*, S. 395.

Также к ранним заимствованиям можно отнести зап.-бур. тура — изба, отсутствующее в южнобурятских и восточнобурятских говорах. Оно зарегистрировано в "Древнетюркском словаре" в значении "укрепленное жилище, крепость" и бытует в значении "дом, изба" в ряде сибирских тюркских языков, например в хакасском и алтайском. Ср. др.-тюрк. тур- — жить, обитать; находиться, пребывать; останавливаться. В халха-монгольском тур означает "citadelle, городок".

Судя по письменным памятникам XIII в., в монгольских диалектах того периода тюркских заимствований было больше. Так, в персидско-монгольском словаре "Лейденской рукописи" отмечены тюркизмы киндик — пуп, бурге — блоха, чегирге — кузнечик, кизлик — маленький ножик, кунглек — рубашка и др. В монгольском словаре Мукаддима ат-Адаб зафиксированы тюркизмы алб — герой, латта — тряпка, бизгек — лихорадка, хорос — петух, чекуч — молоток, экег — напильник и т. д.

Некоторые тюркизмы заимствованы бурятскими говорами сравнительно недавно, в результате регионального контактирования бурят с сибирскими тюрками. Так, западнобурятское yhээ в значении "потолок" заимствовано из якутского языка. Ср. як. yhye — перекладина, матица юрты, yehe, yeheэ — верх, верхний < др.-тюрк. устун — id. Ср. вост.-бур. палааха, юж.-бур. потлоог, калм. потолок (< русск.), халх. тааз — потолок. Слово хии, употребляющееся в западнобурятских говорах в значении "сухой навоз" (вместо хохир в других бурятских диалектах), встречается в памятниках древнетюркской письменности (др.-тюрк. кыг — навоз) и бытует в современных тюркских языках (як. хии — сухой навоз, к.-калм. ки — навоз, кирг. кык — овечий помет; навоз). Зап.-бур. хии заимствовано, по-видимому, также непосредственно из якутского языка, о чем свидетельствуют соответствие семантики и сходство звукового оформления якутского хии и западнобурятского хии. В остальных монгольских языках слово хии в указанном значении отсутствует. Ср. халх. хохир, шивх, етег; калм. етг шег, хоһрг — навоз.

В ареале распространения аларо-унгинского говора (с. Алят) нами записано слово балаг в значении "пескарь" (вместо гурсэ, гурсэгы в других бурятских

говорах). Аларо-унгинское балаг имеет, безусловно, тюркское происхождение. Слово балык' в значении "рыба" зафиксировано в "Древнетюркском словаре" и широко употребляется в современных тюркских языках. Ср. халх. джараахаэ - пескарь.

Зап.-бур. сордон - шука - также тюркское заимствование. Ср. як., башк. суртан, хак.-саг. сортан, качин., шор. шортан, чортан, каз. шортан, кирг. чортон, тат. чуртан, монг. цурхаэ, калм. цурх.

В значении "барда" (гуша, остающаяся после перегонки молочного вина) в западнобурятских говорах и калмыцком языке преимущественно употребляется тюркское бозо, в восточнобурятских и южнобурятских говорах, а также в халха-монгольском языке - исконное сагаан (халх., юж.-бур. цагаа). Ср. кирг. бозо, к.-калп. боза и т. д. - род домашнего алкогольного напитка (буза).

Окин. этээр - олень-производитель, даспан - оленья самка до двух лет, вероятно, заимствованы из тофаларского языка: эьтэр - бык-производитель домашнего оленя (от глагольной основы эьт- - кричать, гоняться) и даспан - двухлетний молодой дикого оленя (от основы дас - лось и аффикса -пан, являющегося фонетическим вариантом общетюркского аффикса -ман)²¹.

Вместо халха-монгольского гэдзэгэ, калм. кукл в значении "коса" (из волос) в западнобурятских говорах используется слово саажа, восходящее к тюркским языкам. Ср. др.-тюрк. сач - волосы²² (сачы - ее волосы), хак.-саг. сас (сазы), шор. шаш (шажы). Очевидно, зап.-бур. саажа - коса происходит от тюрк. сажы - ее волосы. Ср. вост.-бур. гэзэгэ - коса (из волос).

Путем прибавления аффикса обладания -таэ к основе саажа в западных говорах бурятского языка образовано новое слово - сааштаэ - сестра, девушка, где звонкий ж, оказавшийся рядом с глухим т, при выпадении редуцированного гласного а подвергся регрессив-

²¹ См.: Рассадин В. И. О тюркизмах в бурятском языке. - В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 130, 131. (Труды БИОН БФ СО АН СССР, вып. 61).

²² См.: Древнетюркский словарь, с. 479.

ной ассимиляции: саажатаэ > саажтаэ > сааштаэ. В западнобурятских же говорах встречаются фонетические варианты данного слова: саастаэ, шааштаэ - сестра (в с. Молька Усть-Удинского района Иркутской области слово шааштаэ означает "девушка"). В данном случае не исключено, что одни носители западнобурятских диалектов заимствовали слово от хакасов (сагайцев), которые говорят сас - волосы (сазы - ее волосы), другие - от шорцев, которые произносят шаш (шажы).

Тюркизмы хиц, саажа и другие зафиксированы в "Древнетюркском словаре", но это не означает, что они бытуют в бурятских диалектах с древнейших времен. Наоборот, локальный характер указанных диалектизмов, отсутствие их в других монгольских языках говорят о том, что подобные тюркизмы заимствованы западнобурятскими говорами сравнительно недавно, после распада единого монгольского языка.

Необходимо подчеркнуть, что западные буряты, проживающие ныне в Иркутской области, вступали в разное время в более тесный контакт с тюркоязычными племенами Сибири, чем восточные и южные буряты, которые расселены на территории БурАССР и Читинской области. При этом следует учесть такой фактор, как территориальная близость западных бурят с якутами, тофаларами и другими сибирскими тюрками.

По записям бурятской речи XVII в. известно, что в западнобурятских диалектах в значении "хлеб" употреблялось тогда тюркское заимствование эдэмэг (эту-мук, утумук). Затем оно было вытеснено русским хэлээ-мэ (вост.-бур. хилээмэн, юж.-бур. тайха < халх. талгха - хлеб). Ср. др.-тюрк. этмак - хлеб, лепешка; совр. тюрк. этмэк, өтмэк - id. Данный тюркизм в монгольских языках раньше был широко распространенным: ст.-монг. эдэмэг, Мук., Ибн этмэк - хлеб. Он бытует и в некоторых современных монгольских языках: калм. одмг, даг. утум - id.

Переход отдельных некогда широко распространенных заимствований в локальные, а также замена некоторых тюркизмов русизмами или исконными словами показывают, что те или иные изменения происходят и в заимствованной лексике.

С давних пор существовали контакты между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими племенами. Особенно тесными и длительными были связи аборигенов края — эвенкийских и бурятских племен. Например, в ХУП в. "тунгусские роды и племена ... имели многообразные торговые и политические связи с соседями"²³. Так, в Приангарье и Приленском крае основными покупателями пушнины тунгусов были местные буряты. Тунгусы обменивали у бурят на соболей скот, металлические изделия, ткани и предметы роскоши²⁴. Отсюда, кроме монголо-тунгусо-маньчжурских параллелей, в лексике бурятских говоров имеются и заимствования из тунгусо-маньчжурских языков, в частности из эвенкийского.

Названия таких крупных рек, как Селенга, Чикой, Хилок и другие — одни из древних заимствований из тунгусской группы языков. В основе топонима Сэлэнгэ — Селенга находим эвенк., негид. сэлэ — железо + аффикс -нга. Название р. Чикой (бур. Сухэ) восходит к тунг. чука, чоха (негид.) — травяные заросли у воды, чўка (эвенк.) — трава. В связи с этим заметим, что зап.-бур. сокоэ (нижнеуд.) ∞ сохоэ (ал.-унг.), означающее "заболоченное место с кочками" (< нег. чука, чока, эвенк. чўка) тунгусского происхождения.

Название р. Хилок (бур. Хёлго) заимствовано также из эвенкийского языка (< эвенк. килгэ — брус, точильный камень)²⁵. "При обследовании местности оказалось, что ... по Хилку имеются породы, годные для точильных брусков ... Как известно, в ранний период металлической эпохи, когда люди еще не умели калить железо, точило имело большое значение в быту людей. Поэтому в древних погребениях часто встреча-

²³ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (ХУП-ХУШ вв.). Л., 1937, с. 262.

²⁴ См.: Там же, с. 265.

²⁵ См.: Эвенкийско-русский словарь. Сост. Г. М. Василевич. М., 1958, с. 200.

ются бруски вместе с бронзовыми орудиями"²⁶.

Также древними по времени заимствованиями являются некоторые названия животных и птиц, обитающих главным образом в лесу, например, бур. зээгэн (цонг. дзээгэ) — россомаха (< эвенк. дееган — id.). В хоринском говоре это животное называется зантах (< эвенк. дянтахи). При заимствовании слов тунгусо-маньчжурский д в монгольских языках после широкого гласного закономерно дает з или дз²⁷. Характерно также, что "россомаха распространена в тайге, отчасти в лесотундре и тундре Европы, Азии"²⁸. Или бур. жэрхи (цонг. джирхэ), калх. джирх, среднемонг. джирки — бурундук — также заимствовано из тунгусской группы языков. Ср. эвен. дирикий — бурундук (эвенк. делэки — горностай).

Из этой же группы языков заимствовано слово оро — домашний олень (отсюда бур. оротон — эвенк от основы оро — олень). Ср. эвенк., эвен., нан., улч. орон, уд. оро(н) — олень (домашний). Приведем еще несколько примеров: бур. онголо — кедровка (< эвенк. онголо — пестрая кедровка (птица)). Бур. түүтэ — лесной голубь, горлица ср. с эвенк. туту — дикий голубь; бур. хонги — дупло (дерева) (< эвенк. конгки — то же; бур. урьха — петля, силок, ловушка (< эвенк., эвен. хурка — id.; бур. хөөлэнтэи — карась (< эвенк. колемтэ, колёмтэ — то же. Бур. хэлтэгэнэ — лещ (хамн. кэлтэгэ — карась) ср. с эвенк. кэлтэгэ, кэлтэкэ — карась).

К ранним эвенкийским заимствованиям можно отнести бур. тунгэ — ремешки для подвязывания сапог (< эвенк. тунги — пояс, к которому подвязывают ремешки обуви). Ср. эвенк. тунг-ми — смотать, намотать что-либо.

В бурятских говорах встречаются отдельные случаи калькирования устойчивых словосочетаний. Так,

²⁶ Рыгдылон Э. Р. Топонимические этюды. — "Зап. БМ НИИК", Улан-Удэ, 1955, 20, с. 160.

²⁷ См.: Рассадин В. И. Развитие монгольских аффрикат в свете данных других алтайских языков. — В кн.: Финно-угорские народы и Восток. (Тезисы докл.). Тарту, 1975, с. 67.

²⁸ БСЭ. Изд. 2-е, с. 37, с. 231.

вместо общемонгольского солонго (вост.-бур. һолонго) в западнобурятских говорах употребляется словосочетание унэгэни шээһэн – досл. лисья моча (с вариантами унэгэн шээг – *id.*, унэгэн эзиин шээһэн – букв. моча лисы-бабы и т. п.). Данное название радуги было зафиксировано еще И. Чемесовым (*unügeni sche-gun*²⁹, в транслитерации унүгэни шэгун, т. е. унэгэни шээһэн) и является калькой с эвенкийского сулаки чикэнин – радуга (досл. лисья моча³⁰; эвенк. сулаки – лиса, чикэ́н – моча + аффикс притяжения 3 л. ед. ч. = (и)н). Поэтому трудно согласиться с мнением, что эхиритское название радуги унэгэншээг восходит якобы к словосочетаниям улгэн тээк – земное коромысло или коромысло земли-шири³¹, и с предположением о фольклорном происхождении боханского названия унэгэн эзын шээһэн – досл. моча лисы-женщины³².

В эвенкийском языке название радуги (сулаки чикэнин) сначала было, видимо, связано с табуированием этого явления природы, так как у эвенков существуют и другие названия: сёру (сёрун), сöлинь, а (хöлинь, а, хöлаң, а)³³. Эвенк. сöлинь, а (с фонетическими вариантами) – очевидно, монгольское заимствование. Ср. ст.-монг. солунга, халх., мнгр. солонго, калм. солкһ, бур. һолонго – радуга.

Кроме того, в бурятских диалектах встречаются локально распространенные эвенкизмы. Так, в баргузинском говоре отмечены следующие заимствования

²⁹ Отд. рукописей Ленингр. публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, архив Ф.П. Аделунга, № 23.

³⁰ См.: Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка (материалы говоров эвенков Якутии). Под ред. Г. М. Василевич. Л., 1968, с. 144.

³¹ См.: Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слов в монгольских языках. М., 1969, с. 74.

³² См.: Дагуров Г.В. Рец. на кн.: Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слов в монгольских языках. (М., 1969). "Вопр. языкознания", 1970, № 5, с. 130.

³³ См.: Романова А.В., Мыреева А.Н. Указ. соч., с. 136, 186.

из эвенкийского: иргичаан – однолетний сохатый < эвенк. иргича́н – изюбрь до года; шинакшаан – двухлетняя кабарга, ср. эвенк. чинэку – двухгодовалый олень; жагда – сосенка < эвенк., эвен., нан. дягда – сосна, дягдаг – сосняк. Ср. также бур. загзуул – низкорослый сосняк, сагдуул – молодой лес (< эвенк. дягда-, жагда- + монг. аффикс множественности -уул).

Характерным для лексики западнобурятского наречия является эвенкизм халтагаз – половина (например, халтагаз һени – половина ночи, полночь), перен. поллитра вина (вместо общебур. хахад). Ср. эвенк. калтака, негид. калтаха – половина.

Читинские буряты (к востоку от р. Онона) небольшой ящик для хранения вещей называют дэгтэньди (вместо общебур. хаэрсэг). Это, очевидно, эвенкийское заимствование. Ср. эвенк. дэктэк – ящичек (для бумаг), небольшая сумочка; дэктэн, дэктэннэ – сумочка, меховой чулок.

По сравнению с предыдущей группой заимствований эти эвенкизмы, имеющие локальное распространение, вошли в те или иные бурятские говоры в результате регионального контактирования их носителей с эвенками.

В связи с освещением вопросов заимствования из эвенкийского языка отметим, что в лексике хамниганского говора сохранились отдельные субстратные явления, например, хамн. иргагта – слепень, паут вместо бур. һоно, халх. бөхнө, хөхтрүү, калм. тургн, ср. эвенк. иргакта, иргикта – овод, слепень; хамн. гара – сучок, ветка вместо бур. гэшүүһэн, монг. гишуу, калм. ац – сучок, ср. эвенк. гара – сук, ветка (сухая); хамн. качикаан – щенок вместо бур. гүлгэн, халх. гөлөг, ср. эвенк., негид., эвен. качикан – *id.*

Монголизмы

В словарном составе бурятских говоров встречаются монгольские заимствования. Так, в лексике тункинского говора употребляются монголизмы зам – дорога (вместо бур. харгуж), элчи – посланец, өргөөг – дво-

рец³⁴. В баргузинском говоре бытуют монгольские слова болбосоруулха – культивировать, эдэгэ – ныне, сургуули – школа³⁵ – и некоторые другие.

К монголизмам можно отнести те диалектизмы бурятского языка, которые пришли в южнобурятские говоры вместе с лексикой исходного, халхаского языка и отсутствуют в традиционных бурятских говорах. Так, цонг. агсаа – матерчатый мешочек, хунтөгөр – междубровье, сэвэлэг – стебель небольшой саранки, чинэг – изящно одетый, мулгуу – несообразительный, ходжихо – выигрывать, анаха – остерегаться и т. д. Ср. соответственно халх. агсаа, хөнтөгөр, сэвлэг, чинэг, мулгуу, ходжих, анах.

Кроме того, одно и то же понятие в собственно бурятском языке обозначается разными словами, в цонгольском говоре и исходном для последнего халха-монгольском языке – одинаковыми. Так, слово үргэс, бытующее в цонгольском говоре и монгольском языке, означает "заноза", а в хоринском говоре данное понятие передается словом шэртгэһэн. Подобных примеров немало.

Цонгольский говор	Монгольский язык	Хоринский говор	Значение
<u>Хаг</u> <u>Монос</u>	<u>Хаг</u> <u>Монос</u>	<u>Зээг</u> <u>Мозһоноэ</u> <u>эшэ</u>	Перхоть Черемуха (дерево).
<u>Нухөөс</u> <u>Буглөө</u>	<u>Нөхөөс</u> <u>Бөглөө</u>	<u>Халааһан</u> <u>Таглаадаһан</u>	Заплата Пробка
<u>Нюугдаха</u> <u>Амджиха</u> <u>Годзоэхо</u>	<u>Нуугдах</u> <u>Амджих</u> <u>Годзоэх</u>	<u>Хоргодохо</u> <u>Урдихэ</u> <u>Баэха</u>	Прятаться Успевать Стоять, торчать
<u>Болгон</u>	<u>Болгон</u>	<u>Бүхэн</u>	Каждый

³⁴ См.: Абашеев Д.А. Тунжинский говор. – В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965, с. 33. (Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 17).

³⁵ См.: Раднаев Э.Р. Баргузинский говор. – В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965, с. 95–96. (Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 17).

Далее, одно и то же слово в цонгольском говоре и монгольском языке употребляется в одном значении, а в бурятском языке – в ином. Так, слово дошо в цонгольском говоре и халха-монгольском языке означает "кучка земли около норы тарбагана", а в хоринском говоре оно используется в значении "наледь; льдины, выбрасываемые из полыньи". Приведем еще несколько примеров.

Цонгольский говор	Монгольский язык	Хоринский говор	Значение в цонгольском говоре и монгольском языке	Значение в хоринском говоре
<u>Чальчаа</u>	<u>Чалчаа</u>	<u>Салшаа</u>	Многословный, болтливый	Дебошир, скандалист
<u>Нюруу</u>	<u>Нуруу</u>	<u>Нюруу</u>	Спина	Подходящий, ничего
<u>Хууха</u>	<u>Хуух</u>	<u>Хууха</u>	Scrotum	Кожа на голове
<u>Харгам</u>	<u>Харгам</u>	<u>Харгам</u>	Толстая часть кожи скота	Зрение, глаза
<u>Гонтохо</u>	<u>Гонтох</u>	<u>Гонтохо</u>	Жадничать, попрошайничать	Выдалбливать
<u>Сохоэхо</u>	<u>Сохоэх</u>	<u>Похоэхо</u>	Быть подслеповатым; быть тусклым (например, о свете)	Вытягивать шею

К монголизмам относятся и слова, восходящие к другим восточным языкам, но вошедшие в лексику бурятских говоров из собственно монгольского языка и в его фонетическом оформлении. Например, из монгольского языка заимствованы: а) слова санскритского происхождения: түби (< халх. тэб, тиб < санскр. двипа) – континент, часть света, аршаан (< халх. аршаан < санскр. расаяна) – целебная вода, абьяас (< халх. авьяас <

санскр. абхяса) – способность; призвание, эрдэни (< халх. эрдэнэ < санскр. ратна) – драгоценность, сокровище, махабад (< халх. мхабод < санскр. махабут) – материя; организм, шавганса (< халх. чавганц < санскр. симнанча) – монахиня, старуха, габал (< халх. гавал < санскр. капала) – череп³⁶, б) слова персидского (иран.) происхождения: баэшан (< халх. баэшин – дом, < перс. пиш- ииваан, пиш-айваан) – загородка перед залом, не имеющим одной стены, булгаар (< халх. булигаар, булгаар < перс. булгаарии) – юфть; дуран, дурам-баэ (< халх. дуран, ст.-монг. дуран абай < перс. дуур-биин) – бинокль, подзорная труба, болор (< халх. болор < перс. булуур) – хрусталь, хухэр (< халх. хухэр < перс. гуугард) – сера, дари (< халх. дари < перс. дааруи) – порох³⁷, булад, болод (< халх. болд. < перс. фудат) – сталь, шатар (< халх. шатар < перс. шатрандж) – шахматы, дэвтэр (< халх. дэвтэр < перс. дафтэр) – тетрадь, книга, цонг. хухел (< халх. гөхөл, калм. кокл < перс.)³⁸ – челка у лошади, ср. хор. һамбаэ; в) слова китайского происхождения: сонхо (< халх. цонг. < кит. чуанху) – окно, енхобо, линхобо (< халх. линхваа, линхуа < кит. лин-хуа) – лотос³⁹ (купальница, жарки), ган (< халх. ган < кит. ган, кан) – сталь, мөөгэ (< халх. мөөг < кит. могу)⁴⁰, дунсэ (< халх. дунс < кит. дун-зэ) – трубчатый табак, жэн (< халх. джин < кит. жэн) – компресс⁴¹, цонг. шуудаэ (< халх. шуудай < кит. сяо-тай⁴² – мешо-

чек, мешок), ср. хор. туулмаг; сэн (< халх. цэн < кит. ч'иэн) – цена, баэ (< халх. баэ < кит. п'ай) – мишень (Лессинг); г) слова маньчжурского происхождения: бур. зургаан – учреждение, уст. присутствие, ведомство, ср. маньчж. джурган – министерство, высшее присутственное место⁴³, монг.-письм. джурган, халх. дзургаан – учреждение, министерство; бур. жэнхэни – настоящий, подлинный, ср. маньчж. чжинкини (< кит. цзин или чжэн) – точно так, прямо, именно, подлинно⁴⁴, монг.-письм. джинкини, халх. джинхэнэ – настоящий, действительный, подлинный; бур. амба – большой, огромный, ср. маньчж. амба⁴⁵, монг.-письм. амба, халх. амбан – id.; бур. дурдан – гарус, крепон, ср. маньчж. дурдунь⁴⁶, монг.-письм. дурдун, халх. дурдан(г) – id.; бур. ёбуун – раковина, ракушка, ср. маньчж. убий-оо, монг.-письм. ибагу, халх. йовуу – id.⁴⁷; вост.-бур. уужа (юж.-бур. ууджи) – женская безрукавка, камзол, ср. маньчж. очжинь, монг.-письм. оуджи, халх. уудж – id.⁴⁸; вост.-бур. самса, юж.-бур. цамца, монг.-письм. чамча, халх. цамц – рубашка, ср. маньчж. чамчи – рубашка, сорочка⁴⁹.

Но больше всего в бурятских говорах, особенно в говорах южного и восточного наречий, сохраняется монголизмов китайского происхождения, пришедших в эти горы разными путями: как в результате заимствования из монгольского языка, так и в виде лексикки, наследованной от исходных халхаских диалектов.

К более ранним словам китайского происхождения относятся, по-видимому, такие, как бур. саэ, халх. цаэ, калм. цэ, ст.-монг. чай < кит.⁵⁰ чае (лист), ча (напиток); бур. шаазан, халх. шаадэан, калм. шаазн, ст.-

43 См.: Владимирцов Б. Я. Указ. соч., с. 243.

44 См.: Захаров Иван. Полный маньчжурско-русский словарь. Спб., 1875, с. 982.

45 Там же, с. 42.

46 Там же, с. 839.

47 См.: Владимирцов Б. Я. Указ. соч., с. 183.

48 См.: Захаров Иван. Указ. соч., с. 131.

49 См.: K a l m ü c k i s c h e s W ö r t e r b u c h ..., 421.

50 Владимирцов Б. Я. Указ. соч., с. 287.

36 См.: Дамдинсүрэн Ц. Монгол хэлэнд орсон төвд үгс. – "Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал", Улаанбаатар,, 1962, 1-р дэвтэр.

37 См.: Владимирцов Б. Я. Указ. соч., с. 112-307.

38 См.: K a l m ü c k i s c h e s W ö r t e r b u c h ..., S. 50, 352, 88, 237.

39 См.: Владимирцов Б. Я. Указ. соч., с. 306.

40 См.: Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. М., 1961, с. 115, 128.

41 См.: K a l m ü c k i s c h e s W ö r t e r b u c h ..., S. 102, 111, 369.

42 См.: Lessing Ferdinand D. Mongolian-Englisch Dictionary, p. 720.

монг. сигаджунг, шагаджунг – фарфор < кит. ча-чунь⁵¹; бур. дааба, даабуу, халх., калм. даавуу, хлогчатобумажная ткань < кит. да-бу⁵²; бур. хуба, халх., калм. хув, ст.-монг. кубу – янтарь < кит. ху-по⁵³ или хупо⁵⁴ и некоторые другие.

В основном же китаизмы проникли в монгольский язык (а через него в бурятский) во времена "китайской империи последних столетий (1660–1911), когда Монголия была под протекторатом китайцев. Очевидно, в период колонизации Монголии китайцами и проникли в монгольский язык титулы бюрократической иерархии середины империи, названия товаров и прочих атрибутов китайской торговли... Усиление китайского влияния сказывалось и в том, что делались переводы беллетристической, исторической, религиозно-проповеднической и иной литературы с китайского языка на монгольский"⁵⁵.

Из китайского языка заимствованы монголами, а от них – бурятами отдельные названия домашней утвари, кулинарных изделий, одежды, обуви и т. д., например, бур. танха, данха – чугунный кувшин (для молочной водки), халх. данх – чайник, калм. данхан – маленькая кастрюля; ст.-монг. данка < кит.⁵⁶; бур. халх., калм. дэн < кит. тэнг – свечка, лампада; бур. баэбан, халх. баэван, калм. баэвн – купорос, квасцы < кит. пай-фань; сев.-сел. цонг., халх. хантааз – безрукавка, жилет < кит. хан-та-пу; бур. шаахаэ – тапки, туфли, халх. шаахаэ – тапочки, сандалии; туфли, ботинки < кит. hsi-eh (Лессинг⁵⁷); бур. жэншэ, халх., калм. джинс, ст.-

51 Там же, с. 218.

52 K a l m ü c k i s c h e s W ö r t e r b u c h..., 82.

53 Там же, с. 200.

54 Краткий русско-китайский словарь. Изд. 3-е.

Сост. Я. Б. Палей и В. К. Юстов. М., 1960, с. 507.

55 Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с. 495.

56 K a l m ü c k i s c h e s W ö r t e r b u c h..., S. 76.

57 Lessing Ferdinand D. Mongolian-Englisch Dictionary. Berkeley-Los-Angeles, 1960, p. 754.

монг. джинсэ – шарик – украшение на головном уборе < кит. дин-зэ; бур. бууза, халх. бууз, калм. бооз – пельмени на пару < кит. пао-тэу (Лессинг) и т. п.

Из монгольского языка заимствованы также некоторые китайские слова, связанные с административным и военным управлением: бур., халх. ноён, калм. нойн, ст.-монг. нойан – князь, господин < кит. лоо-яа⁵⁸, бур. заэсан, заэһан, халх. дзаэсан, калм. заэсн, ст.-монг. джайсан – зайсан (младший административный чин в дореволюционной Бурятии) < кит. цай-һсианг (Лессинг); бур., халх., калм., ст.-монг. буу – оружие, ружье < кит. пао (Лессинг); бур. данса, халх., калм. данс – канцелярская книга, реестр, ведомость < кит. танг-цзеу⁵⁹, бур. салин, халх. цалин, калм. цалн – заработная плата < кит. чалиан⁶⁰ и т. д.

В отличие от восточнобурятского и южнобурятского наречий в западнобурятских говорах монгольские заимствования китайского происхождения встречаются лишь в единичных случаях, так как западные буряты находятся в территориальном отдалении от источников упомянутых выше заимствований.

Тибетизмы

В лексику говоров забайкальских бурят тибетизмы начинают проникать с конца ХУП – начала ХУШ в. в связи с распространением ламаизма в Забайкалье. В словарный состав южнобурятских диалектов заимствования из тибетского начали входить еще до отпочкования их от халха-монгольского языка, так как в Монголии буддизм начал распространяться еще в ХУ1 в.

Из тибетского языка заимствованы главным образом слова, связанные с буддийской религией, с жизнью и порядками ламаистских монастырей, религиозными

58 K a l m ü c k i s c h e s W ö r t e r b u c h..., S. 278.

59 Dictionnaire ordos par Antoine Mostaert, t. 1. Peking, 1941, p. 120.

60 K a l m ü c k i s c h e s W ö r t e r b u c h..., S. 424.

обрядами и представлениями. Это видно из следующих примеров: дасан (< тиб. грва-цханг) – ламаистский храм; дуган (< тиб. ду-кан) – молельня; бунхан (< тиб. спунгс-кханг) – часовня; гробница; лама (< тиб. бла-ма) – буддийский монах; хамба (< тиб. мкан-бо) – высший духовный сан в буддийских монастырях, епископ; гэбшэ (< тиб. дге-бшэс) – ученый лама; унзад (< тиб. дбу-мдзад) – канонарх, уставщик; гэбгы (< тиб. дгекбос) – лама, наблюдающий за порядком во время богослужения; нирва (< тиб. гнуэр-ба) или сэвон (< тиб. бсои дпон) – казначей; диваажан (< тиб. бде-ба-цан) – рай Будды; ороолон (< тиб. ро-лангс) – вампир; баршад (< тиб. бар-чад) – неизбежный несчастный случай; гурэм (< тиб. ску-рим) – ритуальная молитва; сэржэм (< тиб. гсэр-скуэм) – возлияние, жертвенные брызги; лундэн (< тиб. лунг-стон) – пророчество, пророческое писание; шасар (< тиб. звһа-сер) – желтая ламская шапка; гунгарваа (< тиб. кун-драһ-ра-ба) – киот, божница; бэпор (< тиб. спос-пһор) – кадилыница; цам (< тиб. чхам) – религиозные мистерии.

В связи с формированием у подавляющего большинства бурятского народа научного материалистического мировоззрения тибетизмы и другие слова, связанные с религией, перешли в разряд устаревших.

В ходе развития лексики бурятских диалектов семантика отдельных слов тибетского происхождения изменилась, потеряв свои прежние оттенки религиозного содержания. Например, получили переосмысление тибетизмы замбуулин – космос, вселенная, намтар – биография, гурим – порядок, правило, гаршаг – оглавление, домбо – барг. большой чайник и некоторые другие и находятся в активном запасе словаря бурятского языка.

Как в литературном, так и в разговорном языке бурят употребляются сейчас тибетизмы шил (< тиб. шел) – стекло; лимбэ (< тиб. глинг-бу) – флейта; ла-са (< тиб. ла-ча) – сургуч; замбаа (< тиб. цам-па) – поджаренная мука (которую кладут в чай); номин (< тиб. му-минг) – лазурит; дун (< тиб. дунг) – морская раковина.

Многие личные имена у восточных и южных бурят имеют тибетское происхождение: Галдан (< тиб. дг'а-лдан – счастливый), Гомбо (< тиб. мгон-по – покрови-

тель, защитник), Балдан (< тиб. дпал-лдан – превосходный), Сандан (< тиб. бсам-гтан – созерцание; размышление), Содбо (< тиб. бзод-па – прошение, терпение), Дагба (< тиб. даг-па – чистый), Даба (< тиб. зла-ба – луна), Даша (< тиб. бкра-шис – благоденствие, счастье), Цэрэн (< тиб. тсһэ-рин – долголетие), Дэлэг (< тиб. бде-благ – благополучие, счастье) и т.д.

Среди добайкальских бурят (кроме отдельной части аларцев) ламаизм не успел распространиться, поэтому в западнобурятских говорах тибетизмы почти отсутствуют.

Таким образом, в области заимствований из других языков западнобурятским говорам более характерны тюркизмы и эвенкизмы, а восточнобурятским и южнобурятским – тибетизмы и маньчжуризмы, вошедшие в основном через посредство монгольского языка. В настоящее время приток заимствований из этих языков прекратился.

Русизмы

После добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства благотворное воздействие на бурятский язык, в частности на развитие его лексики, оказывает русский язык. Заимствования из русского проникали в бурятские диалекты и до Октябрьской революции. "Но есть глубокая принципиальная разница между прежним, дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних народностей и между влиянием русского языка на языки народов СССР в наше время"⁶¹.

В дореволюционный период бурятский язык заимствовал из русского в основном бытовые слова и некоторые термины полеводства. Так, в хори-бурятском говоре употреблялись тогда отдельные заимствования, обозначающие жилище и хозяйственные строения (онгоошхо – окошко, бэшин – печь, хираас – терраса, сени; амбаар-амбар, хилезф – хлев, хёосо – тес), домашнюю утварь

⁶¹ Виноградов В.В. Великий русский язык. М., 1945, с. 165.

(хороомхо – коробка, холисоо – кольцо, биилхэ – вилка, боошхо – бочка, поотал – батало), деньги, меры веса (һуунтэ, пүүнтэ – фунт, пүүт – пуд, солхоово – целковый), пищу (хилеэмэн – хлеб, липоошхо – лепешка; хурпэ, хрупэ – крупа, забрууха – кушанье из теста с водой и маслом, сиб. заваруха); орудия и продукты земледельческого труда (шээрлэ – серп; ольтоовха – литовка, коса; орооһон – зерно, рожь, хартаабха – картофель); названия животных и птиц (поршоонхо – поросенок, хөөшхэ – кошка, гулапхаа – голубь, борьблоо, борьбьжоо – воробей) и т. д.⁶²

До революции в лексику разговорного бурятского языка вошли заимствования, связанные с реакционным режимом царского самодержавия, с его государственным и социальным устройством. Эти заимствования отражены в языке бурятских исторических памятников XVIII–XIX вв. Приведем примеры: цаари – царь, импери – империя, импиратур – император, импиратурицэ – императрица, доборнин – дворянин, уридниг – урядник, чинобниг – чиновник, прикачиг – приказчик, синад – сенат, синатур – сенатор, старшина – старшина, пристаб – пристав, думэ – дума (административная единица), голува – голова рода (должность), атаманг – атаман, кинас – князь, кулиис – купец, капитал – капитал, оброг – оброк, доумхи – недоимки, архирай – архиерей, епискоб – епископ, миссионир – миссионер, инороднууй упраба – инородная управа, намиистниг – наместник, губирнатур – губернатор, зиимствэ – земство, бунтэ – бунт, полицэ – полиция, судэя – судья, суд – суд, турмэ – тюрьма и т. д.⁶³

После Великого Октября коренным образом изменился качественный состав заимствованной русской лексики. В этот период появляются заимствования, связанные с новым, советским укладом жизни.

По сравнению с дореволюционным периодом в послеоктябрьскую эпоху значительно увеличилось и коли-

62 См.: Руднев А. Д. Хори-бурятский говор. Опыт исследования, тексты, перевод и примечания, вып. 1. Пг., 1913, с. XXXУП.

63 См.: Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные, с. 534–543.

чество заимствований из русского языка. Это объясняется ростом грамотности и культурного уровня бурят, постоянным повышением их интереса к русскому языку. Через посредство русского языка бурятский язык осваивает интернациональную лексику, что является важным фактором сближения бурятских диалектов между собой.

До Октября русские слова проникали в бурятские говоры в основном устным путем, а после революции – наряду с ним также через школу, литературу, печать и радио. Поэтому дореволюционные заимствования из русского подверглись сильной модификации и приспособились к звуковым и морфологическим нормам бурятского языка. Поздние заимствования в фономорфологическом отношении изменяются очень мало, особенно в речи молодежи.

Послереволюционные заимствования из русского тесно связаны с развитием лексики бурятских диалектов в советское время, о чем подробнее будет сказано ниже. Здесь же остановимся в основном на дореволюционных заимствованиях. В заимствованной лексике дооктябрьского периода встречаются слова, широко распространенные в современных бурятских говорах, например, пильтаа – плита, пешэ – печь, остоол – стол, устуул – стул, шүшээг – сусек, амбаар – амбар, оохолуб – охлупень, маатинса – матица, тахан – саякан, булюусэ – блюдо, шобуунха – чугунный горшок, самбаар – самовар, сээлинсэ – сеятельница, шэниисэ – пшеница, обёосо – овес, яарса – ярица, ишмээн – падалица⁶⁴, баани – баня, пооли – поле, дэрээбэн – деревья, боожо – вожи, дугаа – дуга, хомууд – хомут, шаас – часы и другие⁶⁵.

Кроме подобных широко распространенных слов в лексике бурятских диалектов встречаются русские заимствования локального распространения. Приведем примеры из некоторых тематических разделов этой лексики.

Слова, обозначающие жилище и утварь. Вместо лит.-бур. башан – теплое жилое помещение, из-

64 См.: Абашеев Д. А. Указ. соч., с. 31.

65 См.: Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные, с. 532–533.

ба - в некоторых диалектах (алт.-аш., шерг., частично сарт.) бытует заимствование из русского зэмээ. Ср. русск. зимовье - изба для зимнего жительства⁶⁶. Вместо общебур. и лит.-бур. хана в с. Делюн Шилкинского района Читинской области используется русское заимствование стенаа. В селах Тухум и Тахой Загустайского сомонного совета Селенгинского аймака в значении "конек" или "гребень кровли" употребляются слова конизоог или ооколоб, которые являются заимствованиями русских слов князек и охлуп. В хамниганском говоре стропила у деревянной юрты называются куруицэ. Ср. русск.: "Стропила на крестьянских избах, из клюки или кокоры, наз. курицею"⁶⁷. В с. Могайтуй Агинского национального округа нами записано слово буруус в значении "матица дома". В русском языке брус - обтесанное дерево, перекладина⁶⁸. Ср. лит.-бур. маатинса. Слово маатинса зафиксировано в Хоринском, Еравнинском и Кабанском аймаках. Оно также заимствовано из русского языка (как и другие его варианты: маатка, митнаа, матняа и др.). Цонг. дуушхэ, руучкэ - дверная ручка - тоже русские заимствования. Ср. русск. дужка (уменьш. от дуга) - рукоятка, ручка в форме дуги⁶⁹; ручка - часть предмета, за которую его держат или берут рукой⁷⁰. Вместо лит. можо - косяк двери и окон - в бурятских диалектах нередко встречается заимствование колоодо (с. Кудара-Сомон, Алтай, Табангут Кяхтинского аймака, с. Курсангай Нукутского района и др.). Ср. диал.-русс. "колода - вытесанный брус закладной рамы и окон дверей, косяк, стояк"⁷¹. Вместо лит. сонхо - окно в диалектах употребляются фонетические варианты заимст

66 Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955, с. 682.

67 Там же, т. 2, с. 223.

68 См.: Преображенский Г. А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1959, с. 47.

69 Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1, с. 510.

70 Там же, т. 3, с. 1411.

71 Даль Владимир. Толковый словарь..., т. 2, с. 138.

ния из русского оокно (с. Тарбальжей Кыринского района), укеешке (с. Делюн Шилкинского района), онгоошхо (в некоторых селах Бичурского, Кяхтинского Джидинского, Хоринского и других аймаков). Вместо бурятского литературного таһалга - перегородка, заборка в избе в некоторых восточно- и южнобурятских селах употребляется заимствование из русского языка завоор (с фонетическими вариантами). Ср. русск. забор или заборка - перегородка в избе⁷². Вместо лит.-бур. шэбхэ - дверной крючок в диалектах иногда встречается русское заимствование залоошка (с. Ранжурово Кабанского аймака БурАССР и с. Делюн Шилкинского района Читинской области. Ср. сиб.-русс. заложка - то же). Поолко (с. Кушун Нижнеудинского района) вместо лит.-бур. таг - полка; вээшэлкэ (там же; с. Алтай Кяхтинского аймака), вээсилкэ (с. Делюн) вместо лит. тудуули или бутуу - вешалка (у одежды); леэсэнцэ (Алтай) вместо лит. гэшхуур - лестница; шээстэ (с. Тукум Загустайского сомонного совета Селенгинского аймака) вместо лит. урга - шест (у колодца); шастикоол (с. Ранжурово) или шестокоол (с. Корсаково Кабанского аймака) вместо лит. шургэ - частокол; астайка (с. Делюн Шилкинского района) вместо лит.-бур. дал - хлев, стайка, ср. у Даля: "стайка - сиб., влд., прм., влгд. хлев, крытый сарай для скота"⁷³; дзыбкэ (с. Делюн), зыбкэ (с. Кукунор Аларского района)⁷⁴, мотоовко (с. К.-Сомон Кяхтинского аймака, с. Кушун Нижнеудинского района) вместо лит. худхуур - тестомешалка (мутовка); коовшог (с. Тулхутуй Петровского района, с. Н. Бургултай Джидинского аймака, села Бурдун, Кудара-Сомон, Мурочи, Алтай Кяхтинского аймака, села Бурков, Шараты Нукутского района, с. Кушун Нижнеудинского района), кообши (с. Бур-Янгуты Боканского района), хоовши (с. Новый Бильчир того же района) вместо лит.-бур. шанага - ковш, диал.-бур.

72 Там же, т. 1, с. 552. В с. Унэгэтэй Заиграевского аймака перегородка называется заборка.

73 Там же, т. 4, с. 319.

74 Ср. русск. "зыбка - сев. и вост. колыбель, люлька, качалка". (Даль Владимир. Толковый словарь..., т. 1, с. 697).

коовшоґ < русск. ковшик (уменьш. от ковш). Отметим, что слова ковшик (> диал.-бур. коовшоґ), квашня (> диал.-бур. хувашня), ухват (> диал.-бур. ухаваад) употребляются в севернорусских говорах, а в южнорусских говорах данные предметы соответственно называются корец, дежа, рога⁷⁵. Эти и другие примеры показывают, что в лексике русских говоров Забайкалья много севернорусских слов.

Приведем еще несколько примеров региональных заимствований из этой же тематической группы: побрёонко (с. Шараты Нукутского района), побрёошко (с. Бурков Аларского района) вместо лит. шанага – поварешка; олоошко (с. Сутай Качутского района, с. Ранжурово Кабанского района), олоошко (с. Саягуты Боханского района), лоошко (села Нельхай, Апхульта, Сохой⁷⁶, Зоны⁷⁷, Бурков Аларского района, с. Кушун Нижнеудинского района, с. Делюн Шилкинского района⁷⁸) вместо лит.-бур. халбага – ложка, замаг (байк.-куд., ольх., нижнеуд.) вместо лит.-бур. суурга – замок дверной (наружный). В с. Верхняя Кижинга Кижингинского аймака наружный дверной замок называется суурга, внутренний замок – замаг, ср. лит.-бур. дотор суурга – внутренний замок двери; сукноо (с. Кудара-Сомон Кяхтинского аймака) вместо лит.-бур. сэмбэ – сукно, надеваашка (с. Апхульта Аларского района), нидваашка (с. Одинск Усть-Удинского района), нидваашка (села Нельхай, Зоны Аларского района, с. Ранжурово Кабанского аймака), урваахи (с. Эмэгээ - Харанутский Эхирит-Булагатского района, с. Еланцы Ольхонского района), урбааша (с. Гаханы Эхирит-Булагатского района) вместо лит.-бур. самса – рубашка верхняя. В селах Апхульта, Зоны, Одинск и других ар-

⁷⁵ См.: Русская диалектология. М., 1964, с. 204.

⁷⁶ Здесь лоошко – железная ложка. Ср. халбага – деревянная ложка.

⁷⁷ Здесь и железная и деревянная ложки называются лоошко, а халбага означает "деревянный черпак" (мандагар – большой).

⁷⁸ В с. Делюн изредка употребляется также слово кхалбага – ложка.

мааси означает "нижняя рубашка", ср. лит.-бур. дотор самса; чулки (с. Алтан Кыринского района, изредка здесь употребляется оимосу – то же⁷⁹), султии (с. Цаган-Олы Борзинского аймака), сунхи, сулхи, сулша (с. Сутай Качутского района) вм. лит. оймһон – чулки.

Слова, обозначающие орудия и продукты сельскохозяйственного труда: гараабаль (села Большелуг, Энхэ-Тала⁸⁰ Кяхтинского аймака) вместо лит.-бур. тармуул – грабли. Ср. "Тармаха гэхкуи, увесөө гараабляар хураэха гэхэ" (с. Большелуг) – "грести" не говорят, а скажут: "собирать сено граблями"; сооха (с. Нойбо Качутского района) вместо лит.-бур. анзаһан – соха. Слово заимствовано от носителей севернорусских говоров⁸¹.

Вместо лит.-бур. картаабха в западнобурятских говорах широко распространено слово яабалха (яабалка, яабал) в значении "картофель". Как известно, слово картофель было заимствовано русским языком из немецкого в ХУШ в.⁸² и в ряде случаев заменялось русским словом яблоко. Наряду с другими словами В. Даль приводит местное русское сибирское слово яблоко, обозначающее "картофель"⁸³. В южнобурятских говорах распространены слова буульвэ (алт.-аш., шерг.) и гуульвэ (села Кудара-Сомон, Энхэ-Тала, Мурочи, Хилгантуй, Бурдун, Гужиртуй Кяхтинского аймака). В Псковской области картофель называют бульба ~ гульба, в Архангельской – картошка⁸⁴. Семейские Кяхтинского аймака БурАССР эту овощную культуру называ-

⁷⁹ РО БФ СО АН СССР, инв. № 3018.

⁸⁰ В с. Энхэ-Тала цонголы говорят гараабль, ашебагаты – тармуул. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3170.

⁸¹ См.: Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, с. 58.

⁸² См.: Валгина Н. С. и др. Современный русский язык. М., 1966, с. 55.

⁸³ Даль Владимир. Толковый словарь ..., т. 1, с. ХУШ.

⁸⁴ См.: Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров. М.-Л., 1936, с. 151, 152; Даль Владимир. Толковый словарь ..., т. 1, с. 507: "Гульба – особ. у раскольников; в малор. и врос. бульба".

ют бульба. Ср. польск., укр., белор. бульба – картофель⁸⁵. В некоторых бурятских населенных пунктах (преимущественно в Кяхтинском аймаке БурАССР и Аларском районе Иркутской области) говорят картоошка.

Весьма ценные данные о процессе изменения, происходящем в заимствованной лексике, сообщают наши информанты. Так, житель с. Заходы Аларского района Иркутской области рассказывал, что раньше картофель называли ябалка ("ураэнь ябалка"), а теперь – картоошко. В с. Средний Харлун Бичурского аймака раньше говорили буульвэ, а теперь картоошко ("урдань буульвэ гэдэг сэн, мүнөө дандаа картоошко большоо"). Значит, в названных селах изменение наименований этой культуры идет в пользу слова картоошко (картоошко). В некоторых населенных пунктах употребляются варианты заимствований: картоошко и ябалка (с. Нельхай Аларского района), хортоошхо и картообко (с. Убур-Дзокуй Селенгинского аймака БурАССР), что подтверждает описанный выше процесс перехода от одного названия к другому, происходящий в диалектах. В ряде бурятских сел картофель называется хортообхо (с. Тахой, Тухум-Загустайский, Ноехон Селенгинского аймака, Цаган-Олы Могойтуйского района Читинской области), хортообко (с. Тулхутуй Красночуйского района Читинской области), кортоовко (с. Большелуг Кяхтинского аймака БурАССР). В связи с этим заметим, что в некоторых деревнях Вологодской и Ленинградской областей говорят картовка, в Тамбовской области – картошка⁸⁶. Вероятно, предки нынешних забайкальских русских, у которых заимствованы эти слова бурятами, переселились из указанных выше и других районов северо-западной части России. В ряде сел Хоринского, Заиграевского, Кабанского и Джидинского аймаков БурАССР картофель называют хартаабха.

Таким образом, причиной подобного рода разнобоя в заимствованиях из русского является то, что сибирские русские говоры образовались, по меткому выраже-

85 См.: Черных П. Я. Указ. соч., с. 68.

86 См.: Русская диалектология, с. 263.

нию В. И. Даля, "из смеси новгородского с владимирским"⁸⁷.

В отдельных населенных пунктах название данной сельскохозяйственной культуры создавалось внутренними языковыми ресурсами. Например, в с. Хромово Качутского района рассказывали, что раньше картофель называли у них газари бэдьхэ – земляная опухоль (видимо, неодобрительно): "Ураэнь газари бэдьхэ гэлдээд хэлсэгшэ һэн". В ареале распространения сартульского говора также зафиксировано гадзары бэдьхэ вместо лит. хартаабха. В боханском говоре картофель презрительно называется бэдьхэ⁸⁸.

Вместо литературного хара тарьян – рожь (досл. черное зерно) в некоторых бурятских диалектах встречается заимствование из русского – ороод (села Бильчир, Обуса, Улей Боханского района). Или вместо литературного бурятского һонгино в тункинском говоре употребляется русское заимствование үлүүк⁸⁹.

Названия средств передвижения: холисоо (Тулхутуй Красночуйского, Делюн Шилкинского районов Читинской области, Кушун Нижнеудинского района Иркутской области, Алтай Кяхтинского, Ангир Хоринского аймаков), кольцоо (Табангут, Мурочи, Бурдун Кяхтинского аймака), хольцоо (Большелуг Кяхтинского, Ташир Селенгинского, Дырестуй, Нижний Ичетуй Джидинского аймаков), холцоо (Нижний Бургултай Джидинского аймака: "мөөр гэккуи") вместо лит.-бур. мөөрэ – колесо; самакаатка (Курсангай Нукутского района), самакаат (Алтай Кяхтинского аймака) вместо лит.-бур. велосипед. В языке-источнике слово самокат (самокатка) заменено новым – велосипед. Но в бурятских говорах русское заимствование самакаатка (самакаат) сохраняется до сих пор. Кроме того, в некоторых бурятских говорах имеются и другие названия данного средства передвижения: велосипед (вилэспед, билэспед), дугуи, донгоруи и т. д.

87 Даль Владимир. Толковый словарь ..., т. 1, с. XV1.

88 См.: Бурятско-русский словарь. М., 1973, с. 129: бэдьхэ – желвак, шишка, опухоль, бох. картофель (презрительно).

89 См.: Абашеев Д. А. Указ. соч., с. 31.

Из русского языка пришли в бурятские диалекты также многие слова, связанные с развитием культуры и просвещения. В этой области заимствований значительно больше, чем в предыдущих тематических группах. Приведем несколько примеров локально распространенных заимствований. В западнобурятских говорах широко употребляются такие заимствования из русского, как кэниг (вм. лит. ном — книга), письмоо (вм. лит. бэшэг — письмо), чорниила (вм. лит. бэхэ — чернила), чорниильница (с. Одинск Усть-Удинского района), чернильница (с. Шашалтуй Нукутского района) вместо лит. лагван — чернильница.

В западнобурятских же говорах иногда встречаются заимствования отдельных русских слов, обозначающих родство людей, например, браат (с. Новая Молька Усть-Удинского, с. Норы Зиминского районов) вместо лит. аха — брат; сестраа (с. Новая Молька Усть-Удинского района) вместо лит. эгэшэ — сестра. Ср. бич. маама, паапа (в основном в речи детей и молодежи) вместо общепур. эжы, ава. Слово эжы здесь используется в значении "бабушка". Эти факты свидетельствуют о значительном влиянии русского языка на бурятские диалекты (особенно в последние десятилетия), потому что такие пласты лексики, как термины родства, наиболее устойчивы и мало поддаются изменениям.

Характерным для новейшего (послеоктябрьского) периода развития диалектной лексики является и то, что в нее вошли из русского языка сложносоставные слова: детсаад (детсаад сэтэ яваа ем — он постоянно ходил в детсад)⁹⁰, ср. лит.-бур. ухибуудай саад — детский сад; питилээткэ вместо лит.-бур. табан жэлэй тусэб или табан жэл — пятилетний план (пятилетка); партсабраани вместо лит. партийна суглаан; сопсоревновуани вместо лит. социалис мурьсөөн; отэлээ — ОТФ (овцетоварная ферма); мэтэлээ — МТФ (молочнотоварная ферма); завхооз — заведующий хозяйством и т. д.

Следует отметить, что главным образом заимствуются имена существительные. Из других частей речи

⁹⁰ Записано нами в с. Энхэ-Тала Кяхтинского аймака от ашебагата Дансарунова, 1903 г. рождения. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3170.

заимствований в бурятских диалектах очень мало. Приведем несколько примеров: зап.-бур. висёоло вместо лит.-бур. хухюун — веселый (в с.Одеса Аларского района, где записано это слово висёоло, нет слова хухюун); юж.-бур. хитэр вместо лит.-бур. мэхэтэй — хитрый, успеэлхэ вместо лит. урдихэ — успевать; поольдээло вместо лит. ашаглаха — пользоваться (тэрэ худог маанахан үнөөч хуртэр польдээлоод баэдаг⁹¹ — мы до сих пор пользуемся тем колодезем) и некоторые другие.

Помимо прямых заимствований из русского в диалектах имеет место и семантическое заимствование, т. е. калькирование с русского. Очевидно, способом калькирования появились диалектные гахаэ (талхаа һуулгагша)⁹² — варочная часть печи, досл. свинья. Ср. русск. боров — горизонтальная часть дымохода, ведущая от печи к дымовой трубе⁹³.

В качестве примера полукальки (неполной кальки) можно привести понг. модовооско⁹⁴ — лесовоз (специальная автомашина, возящая лес).

Иноязычные слова входят к лексику бурятских диалектов как непосредственно из языка-источника, так и через другие языки. Заимствования, вошедшие в словарный состав бурятских говоров через посредство русского языка и в его фонетическом оформлении, рассматриваются как русизмы или русские заимствования (несмотря на то, что они восходят к другим языкам). Так, в лексику бурятских диалектов вошли через русский язык слова, восходящие к индоевропейским языкам: диал.-бур. ошкоол (ошкоол) < русск. школа < польск. szkola < лат. schola < греч. schole⁹⁵; ср. лит.-бур. һургуули — школа. Или зап.-бур. харпаати < русск.

⁹¹ Записано в с. Бурдун Кяхтинского аймака.

⁹² Записано нами в с. Алтай Кяхтинского аймака БурАССР.

⁹³ Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1, с. 175.

⁹⁴ Зарегистрировано в с. Большелуг Кяхтинского аймака.

⁹⁵ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 4. М., 1973, с. 449; Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 4, с. 1350.

кровать < греч. *krabbattos* 96, ср. лит.-бур. орон - кровать; юж.-бур. урваанха < русск. рубанок < нем. rubank 97, ср. лит.-бур. харуул - рубанок. Через русский язык в лексику бурятских говоров вошли некоторые слова тюркского происхождения. Так, в южнобурятском наречии распространено слово учааг - плита, очаг 98, имеющее тюркское происхождение. (Ср. др.-тюрк. очак - печь, очук - очаг, тат. учак, кирг. очок - печь < тюрк. от - огонь). Но данное слово проникло в лексику южнобурятских говоров через посредство русского языка (ср. русск. очаг < тюрк. очак, учак), так как в халхаском диалекте, являющемся исходным для южнобурятских говоров, в значении "очаг (плита)" употребляется слово дзуух.

В с. Тухум Загустайского сельсовета Селенгинского аймака БурАССР употребляется слово башмаг (вместо вост.-бур. и юж.-бур. гутал, зап.-бур. годо-нон). Оно засвидетельствовано в словаре Мукаддимат ал-Адаб 99 и бытует в современных тюркских языках, например, тат., к.-калп. башмак, карач.-балк. башмак - туфли. Данная лексическая единица, имеющая тюркское происхождение, проникла в речь северных селенгинцев, видимо, сравнительно недавно из русского языка (русск. башмак < тур., чагат. basmak - башмак, подошва 100 так как в эхирит-булагатском говоре (исходном для северноселенгинского) слово башмаг не обнаружено. Ср. халх. шагайвч - башмак.

96 См.: Фасмер М. Этимологический словарь..., т. 2, с. 379; Толковый словарь. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1, с. 1520.

97 См.: Фасмер М. Этимологический словарь..., т. 3, с. 510.

98 Оно бытует, в частности, в улусах Мурочи, Хилгантуй, Бурдун, Энхэ-Тала Кяхтинского, Средний Харлун Бичурского, Шанан Селенгинского аймаков) БурАССР, а также в с. Дедюн Шилкинского района Читинской области.

99 См.: Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1-2. - "Труды Ин-та востоковедения", М.-Л., 1938, 14, с. 452.

100 См.: Фасмер М. Этимологический словарь..., т. 1, с. 139.

Как известно, фонетико-морфологические и лексико-семантические системы русского и бурятского языков различны. Поэтому русские заимствования, входя в бурятский язык, приспосабливаются к его фонетическим, грамматическим и лексическим нормам. "Иноязычный материал прокладывает себе дорогу в словарный состав языка, освобожденным от всего того, что не может быть воспринято языковой системой, и, наоборот, надежным всем тем, благодаря чему становится новым словом в этой системе: иноязычный материал при заимствовании претерпевает фонетические изменения и наряду с этим приобретает грамматическую оформленность по законам грамматики заимствующего языка" 101.

В отличие от русского языка в бурятских и других монгольских языках, как известно, наличествует гармония гласных. При фонетическом освоении русских слов гласные русского языка согласно закону сингармонизма заменяются соответствующими звуками бурятского языка, например, нижнеуд. бээшэлхэ < русск. вешалка, ал.-унг. ябалха < русск. яблоко-картофель, тунк. эрээпэ < русск. репа, хор. тужуурхэ < русск. тужурка - телогрейка, цонг. хурпээ < русск. крупа - отруби.

Русские гласные замещаются артикуляционно и акустически близкими звуками бурятского языка. При этом вместо ударных гласных русского языка в бурятском используются долгие гласные, вместо русских безударных - краткие гласные, например, магазин < русск. магазин, лаампа < русск. лампа, потолог < русск. потолок.

Иногда русские гласные замещаются другими звуками бурятского языка, например, вместо русского ударного о в некоторых бурятских словах встречаются долгие уу - под влиянием неогубленного а первого слова (хор. зауушна < русск. заочно, завууд < русск. завод, цонг. тамууджан < русск. таможня) или өө (хор. хөөшхэ < русск. кошка, цонг. учөөдчэг < русск. учетчик) или ээ (бур. мэшээг < русск. мешок).

Русский у (у) в бурятских словах замещается гласным у (уу), лишь в отдельных случаях - звуком у (уу):

101 Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования. - "Вестн. АН СССР", 1959, вып. 5, с. 24.

тунк. улууг (< русск. лук), ал.-унг. булууза (< русск. блуза) – платье, но бох. булууэ – то же, тунк. и др. устуул (< русск. стул), пууд (< русск. пуд).

В русских заимствованиях отражаются также характерные особенности консонантизма бурятских диалектов. Как известно, в традиционных западнобурятских и восточнобурятских говорах отсутствуют аффрикаты ц и ч, которые замещаются в этих говорах звуками с и ш, но в южнобурятских говорах, для которых характерны аффрикаты, они сохраняются. Ср. зап.-бур., вост.-бур. хольсоо и юж.-бур. (с. Ехэ-Цаган и др.) холцоо – кольцо (украшение), зап.-бур. пешэн и юж.-бур. пешчи(н) – печь. С другой стороны, в южнобурятских говорах, где отсутствуют шелевые ж, з, имеющиеся в русском языке, в западнобурятском и восточнобурятском наречиях вместо этих звуков употребляются аффрикаты дж и дз, а в западнобурятском и восточнобурятском сохраняются шелевые ж и з: зап.-бур., вост.-бур. жаатка, журнаал, завод (завууд), замааска. Ср. соответственно юж.-бур. джаатка – жатка, джурнаал – журнал, дзавууд – завод, дзамааска – замазка. Специфически русский губно-губной в, выступающий в абсолютном начале и других положениях, кроме интервокального, замещается бурятским смычным б, а в интервокальной позиции – губно-губным шелевым р: бобоон – вагон, абтастаанца – автостанция, аваанса – аванс. Русский губно-зубной ф замещается в бурятском губно-губным смычным п: паартаг – фартук, паабриг – фабрика, алисеэр – офицер; в абсолютном конце бурятских слов вместо ф используется глухой б: ушкааб – шкаф.

При заимствовании из русского в западнобурятском и восточнобурятском наречиях (в отличие от восточнобурятского) нередко происходит чередование звуков с//ш, например, зап.-бур., вост.-бур. (хор.) шээрэ, шиира русск. сера – спички, шээрпэ – серп. харшин – керосин, харандаас – карандаш; зап.-бур. (эх.-бул.) шээрэмхи русск. (мн. ч.) серенки – спички. Ср. юж.-бур. (сел.-цонг.) сээрпэ, карсин, карандааш,

Ввиду того, что для бурятских диалектов не характерно стечение двух согласных в абсолютном начале и конце слов, при заимствовании русских слов происходит процесс их фонетической адаптации: 1) путем встав-

ки гласного между начальными или конечными стечениями согласных (палааха – плаха, хувашняа – квашня, оркеэстэр – оркестр, мээтэр – метр), перед начальным и после конечного стечений согласных (астахаан – стакан, остоолво – столб, тоорто – торт); 2) путем выпадения одного из согласных при их стечении (цонг. поол – полк, хор. остоол – столб, байк.-куд. кувардаа – сковородка). Как видим из примеров, в результате подобных звуковых процессов, происходящих при заимствовании (в частности, при выпадении конечного из стечения согласных), в бурятских диалектах появляются новые омонимы. Ср. хор. I остоол – стол; II остоол – столб; цонг. I поол – полк (войсковая часть), II поол – пол (нижний настил дома).

В словах русского литературного языка фуражка, фуфайка и некоторых других в бурятских говорах начальный ф произносится как к или х (бур. кураашка или хураашка, купаэха или хупаэха) вместо обычного п. Но это связано не с субституцией русского ф бурятским к (х), а с диалектной базой русских прототипов. Эти слова заимствованы бурятскими диалектами от тех местных русских, которые вместо звука ф произносят к (или х). Ср. сиб. русск. курашка (> бур. кураашка, хураашка), сиб. русск. куфайка (> бур. купаэха, хупаэха).

Как известно, "искони фонема ф не была свойственна славянским языкам, в том числе русскому. Она появилась в последнее время в составе слов, заимствованных из других языков ... Позднее звук ф иноязычных слов в части русских говоров сохранялся, а в другой части заменялся звуками хв, хф, х"¹⁰². О произношении в сибирских русских говорах х вместо ф пишет также А. М. Селищев (хунг вместо фунт, хронт вместо фронт, хорма вместо форма, кактан – вместо кафтан)¹⁰³.

В конце слова или слога вместо русского палатализованного ль в бурятских говорах нередко употребляется твердый л: барг. хурустаал, хурустаал (вместо русск. хрусталь) – стеклянный стакан, цонг. холцоо

¹⁰² Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, с. 124.

¹⁰³ См.: Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, с. 35–36.

(вместо русск. кольцо) – колечко, мидаал (вместо русск. медаль) и т. д.

При заимствовании русских слов в ряде бурятских говоров происходят и некоторые другие фонетические процессы, такие, как появление гласного перед начальными р, л: зап.-бур. армааси – рубаха, араама – рама, олоошко – ложка, алаабхи – лавки (в значении "пол"), ольтоовхо – литовка-коса; или вставка согласного после конечного долгого (русского ударного) гласного: эх.-эх.-бул. польтоог – русск. пальто (в значении "пиджак") байк.-куд. хурмааг (< русск. хурма¹⁰⁴) – полукафтан, нижеуд. матняаг (< русск. матня) – матица дома; или метатеза: байк.-куд., сел.-цонг. турваа < русск. труба, шерг. пилтаа < русск. плита и т. д.

Процесс морфологического освоения заимствованных слов происходит согласно грамматическим нормам бурятского языка. При этом заимствования лишаются таких формальных грамматических показателей, как число, род, падеж и т. д. Эти показатели прототипов в бурятском языке воспринимаются как непроемкая, неразложимая основа: хамн. чулкии, кач. султи < русск. (мн. ч.) чулки; кач. карпаатии – кровать < русск. (мн. ч.) кровати; тунк. зеэркэл < русск. (ср. р.) зеркало; сел.-цонг. лаптуу < русск. (вин. п.) в лапту – не воспринимаются как существенные множественного числа или винительного падежа; тунк. (с. Харбаты) холёшо < русск. колечко – не осознается носителями говора как слово с уменьшительно-ласкательным оттенком и т. д.

В заимствованной лексике выделяются слова, сохраняющие свое первоначальное значение, и слова, подвергшиеся семантическим изменениям. При этом слова, не имеющие отклонений в семантике, составляют подавляющее большинство заимствованной лексики.

Заимствования с измененной семантикой встречаются сравнительно редко. К ним относятся слова, у которых произошло сужение или расширение значений, и слова, заимствованные в ином, чем в языке-источнике, значении.

¹⁰⁴ Данное слово в русские диалекты перешло из тюркских и восходит к персидскому. См.: Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 549.

Нередко одни и те же слова, заимствованные из русского языка, в говорах употребляются в разных значениях. Например, слово хупаэхи, хупаахи (< сиб. русск. куфайка) в аларо-унгинском говоре реализуется в значении "женская безрукавка"¹⁰⁵, а в баргузинском и байкало-кударинском говорах – в значении "телогрейка" (с. Аргада Баргузинского аймака – хупаэхи, с. Уржил-хупаахи, с. Ранжурово Кабанского аймака – хупаайка).

Слово зэмьез (с фонетическими вариантами) в одних говорах (байк.-куд., алт.-аш., шерг.) означает "изба", в других (хор., сев.-сел.) – "небольшое помещение для содержания скота и кур". Ср. русск. зимовье – "изба для зимнего жительства"¹⁰⁶, или "место, помещение, где зимуют люди"¹⁰⁷; бур.-лит. зэмьез – зимовье (бэлжээн).

Словом яшааг в аларо-унгинском и боханском говорах обозначается небольшой ящик для хранения вещей, а в байкало-кударинском говоре (например, в с. Ранжурово) – выдвигной ящик стола или буфета. А небольшой ящик для хранения вещей в с. Ранжурово называется хобто (танаэсин хаэрсэг гэхөө даа¹⁰⁸ – ваши скажут хаэрсэг). В с. Шараты Нукутского района слово хомоод означает низкий шкаф с выдвигными ящиками и выдвигной ящик стола, буфета или комода. Видимо, в этом значении и заимствовано данное слово из русского языка. В других бурятских говорах слово хомоод обозначает только низкий шкаф с выдвигными ящиками. Слово хольсоо в некоторых говорах (сев.-сел., байк.-куд.) обозначает колечко (украшение), в других (нижеуд., хор.) – колесо телеги.

Кроме того, в говорах происходят такие лексические процессы, как замена одного русского заимствования другим. Например, в селах Эрхирик и Илька Заиг-

¹⁰⁵ Ср. ал.-унг. тилигрейкэ (с. Тангуты), тельгэрэйкэ (Бутукей или Ново-Ленино), телогрейкэ (Нукуты) – телогрейка.

¹⁰⁶ Даль Владимир. Толковый словарь ..., т. 1, с. 682.

¹⁰⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1968, с. 220.

¹⁰⁸ Б. Б. Данилов, 1885 г. рождения, галзутского рода.

раевского аймака, по свидетельству информантов, сначала телогрейку называли хууртиг ("туруушээр хууртиг гэдэг баагаа"), а теперь — тилгэрээхэ.

О происходящем в диалектах современного бурятского языка процессе замены некоторых исконных и заимствованных из восточных языков слов русизмами и интернационализмами говорят также сами информанты. Например, в с. Хасурга Закаменского аймака внутреннее покрытие жилого помещения — потолок раньше называли yhээ, а сейчас его именуют потолоог. Старожилы села сообщают: "Урдань yhээ, yhээ гэлдэгшэ бэлээбди" — раньше потолок называли yhээ. Ср. ал.-унг., бох., эх.-бул., кач., барг. yhээ < тюрк. (як) yhye — переключатель, матица, балка поперек юрты¹⁰⁹. Подобный же процесс происходит и в байкало-кударинском говоре. Жители с. Ранжурово Кабанского аймака рассказывали, что раньше эту часть дома называли yhээ, а теперь — потолок (в с. Корсаково этого же аймака слово yhээ сохранилось в указанном выше значении). По свидетельству информанта Нагуслаева из с. Корсаково, раньше углы дома называли уншэн — сrostок, а в настоящее время — уугол ("ураэна хэлсэдэг баагаа — уншэн; мөнөө уугол гэлдэнэ ханаэм даа"). Жительница с. Хромова (бур. Хашарта-Обхөө) Качутского района Е. М. Эшигина рассказывала, что в прежнее время говорили соол, а сейчас — пешэ. Ср. нижеуд. соол — печь, ал.-унг. и бох. пешэ — в одних населенных пунктах, соол — в других; эх.-бул., кач., ольх., барг. пешэ (с фонетическими вариантами пешэ, бэжэ). Информант из Боргоя (Джидинский аймак) сообщил, что плиту раньше называли хандза, а теперь — учааг ("урдад хандза гэдэг сэн, мүнөө — учааг"). Слово учааг заимствовано из русского языка (< русск. очаг) и восходит к тюркским языкам. Ср. халх. дзуух, калм. плита.

В говоре иногда наблюдается и обратный процесс, когда вместо русских заимствований более употребительными становятся исконные слова. Так, в упомянутом выше с. Ранжурово старшее поколение называет избу зимлээ (например, Б. Б. Данилов 1885 г. рождения,

¹⁰⁹ См.: Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Спб., 1907-1930.

галзут, М. Н. Данилова 1884 г. рождения, хаэтал), а люди помоложе — гэр. Информант из того же села Е. С. Сотнич (1918 г. рождения, галзутского рода) рассказывает: "Наши отцы и деды говорили зельмээ, а мое поколение говорит гэр; сейчас молодежь не знает слово зельмээ".

Процесс заимствования русских слов происходит, очевидно, постепенно. Об этом свидетельствуют такие примеры, как синонимичное употребление исконных и заимствованных из русского языка слов. Например, байк.-куд. залоошк и шэбхэлгэ — деревянная заложка двери (изнутри), сев.-сел. таг и поолко — полка (села Тахой и Жаргалантуй).

Сравнительно со словами монгольского происхождения заимствования в бурятских диалектах занимают небольшое место. Для выявления удельного веса русских заимствований в лексике бурятских говоров нами взяты отрывки разговорно-бытовой речи. Статистический анализ показывает, что заимствованные слова составляют в них в среднем 4-5%, а в бурятском литературном языке их несколько больше: например, в передовых статьях газеты "Бурят унэн" они составляют 7-8%. Указанные цифры являются средними. Могут быть некоторые отклонения в ту или иную сторону в зависимости от тематики отрывков, их объема и т. д.

Итак, заимствование из других языков, особенно из русского — важный, но не основной источник пополнения лексики бурятских диалектов, так как "лексика развивается прежде всего за счет внутренних ресурсов языка, за счет непрерывного движения и смыслового обогащения уже существующих слов, за счет словопроизводства, словообразования"¹¹⁰.

¹¹⁰ Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1965, с. 132.

ЛЕКСИКА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА
В ПЕРИОД ЕГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Изменения в словарном составе языка
в досоветское время

Как известно, в XII-XIII вв. протобурятские племена не представляли единого целого. Это были разобщенные родо-племенные группы, говорившие на разных диалектах монгольского языка. Но постепенно связь между ними становится более тесной и начинает складываться бурятская народность. К приходу русских в Восточную Сибирь в начале XVII в. племенное имя "бурят" распространяется на все монголоязычные племена, обитавшие вокруг Байкала. К этому времени буряты при всех их местных различиях представляли собой определенную этнографическую общность¹. Так, в 1627 г. атаман Перфильев со слов эвенков писал: "В братской земле... коней и коров и овец и верблюдов бесчисленно"². В "Росписи рек" 1640-1641 гг. отмечено: "На Ламе (Байкале. - Ц. Б.) остров имени Ойхон (Ольхон. - Ц. Б.) ..., а люди на том острове живут братские многие, лошадей и всякого скота много... По реке Селенге, идучи от Ламы в правую сторону, живут мунгалы кочевные люди"³.

Одно из первых упоминаний о бурятах, их хозяйстве и быте встречается и в путевом дневнике Николая Спафария, в 1675 г. отправленного московским правительством в качестве посланника⁴. В сообщении Спа-

¹ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1. Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1951, с. 56.

² ЦГАДА, СП, л. 87-89, стб. 12, (см.: История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 59).

³ Дополнения к Актам историческим, т. П, № 89 (см.: История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 59).

⁴ См.: Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Спб., 1882.

фария отмечаются следующие места обитания "братьев": в Добайкалье - по р. Оке, по долинам Ангары и ее притокам - Уде, Унге, Белой, Китою, Куде и Иркуту, притом по Уде и Куде жилища бурят были расположены попеременно с русскими поселками, а по рекам Белой и Иркуту по соседству с бурятами жили эвенки⁵; в Забайкалье - в устье Селенги и в Кударинской степи. Кроме того, по сведениям Спафария, монголы в то время кочевали по рекам Чикой, Ингода и Онон⁶. "Сведения эти являются далеко не исчерпывающими, так как Спафарий при составлении своего описания имел в виду лишь те районы, которые лежали на пути его следования или непосредственно прилегали к этому пути. Так, он не упоминает о местах обитания бурят в бассейне верхнего течения Лены, в районе Нижнеудинского острога, в северо-западном Забайкалье по реке Баргузину и в других"⁷.

В дневнике Спафария содержатся отдельные сведения относительно хозяйства и быта бурят. Так, о западных бурятах автор пишет, что "юрты у братьев войлочные, а платья носят по-калмыцки, и скота всякого: коней, коров и овец много"⁸. Часть монголов кочует "неподалеку от Селенгинского острога, потому что у них городов и сел нет, и для того кочуют по степям в юртах войлочных для прокормления много скота их"⁹.

Упоминают о "братских", "браттах" и французские путешественники-иезуиты Филипп Авриль (1687 г.)¹⁰

⁵ См.: Там же, с. 111-115.

⁶ См.: Там же, с. 127.

⁷ Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939, с. 7.

⁸ Путешествие через Сибирь ..., с. 111.

⁹ Там же, с. 128.

¹⁰ См.: Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей (2-я половина XVII века), т. 1, ч. 2. Иркутск, 1936, с. 88: "Кроме тех родов татар... есть еще другие, называемые ... братские".

и Жан Франсуа Жербильтон (1689 г.)¹¹. Но более или менее подробное описание быта и хозяйства бурятской народности имеется в записках путешественника Избранта Идеса, который проехал через Бурятию в 1693 г.¹²

В 1716 г. проезжал через Бурятию путешественник Лоренц Ланге. В его путевом дневнике (*Jornal du voyage de Laurent Lange á la Chine. Амстердам, 1734*) тоже есть данные о быте и хозяйстве бурят¹³. 15 марта 1720 г. Джон Белл¹⁴ сообщал из Балаганска: "Здесь мы обнаружили другое племя туземцев Сибири ... Русские называют их братскими, но сами они называют себя бурятами"¹⁵. Об этом же писали Татаринов ("... которые ныне под Российской державою братские, те именуют себя бурятами... Язык, что мунгальцов"¹⁶) и Георги ("... буретты называют сами себя "барга буретт"¹⁷).

О русском названии "брат" можно отметить следующее. В западнобурятских говорах, с носителями которых

11 См.: Алексеев М. П. Указ. соч., с. 107; "Есть здесь еще и другие народы, которых ... зовут братты ... Они обитают к северу от реки Селенги".

12 См.: Идес Избрант, Бранд Адам. Заметки о русском посольстве в Китай (1692-1695). М., 1967.

13 См.: Гирченко В. Русские и иностранные путешественники ..., с. 15.

14 Джон Белл - дипломат, приглашенный русским посольством на службу, в частности, для участия в русско-китайском посольстве в Китае.

15 Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968, с. 56.

16 Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. Подгот. к печати, введ. и прим. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ, 1958, с. 11, см. также с. 22: "Братские, как выше показано, сами себя именуют бурятами".

17 Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 3. Спб., 1799, с. 24.

прежде всего общались русские землепроходцы, данное название произносится (наряду с буряад) как бараэд. Здесь звук у первого слога ассимилятивно переходит в а. Ср. также зап. балаха - отнимать, вост. булаха. Кроме того, в западных говорах нередко происходит количественное сокращение, в некоторых случаях исчезновение гласных первого слога; в частности, в нижнеудинском говоре, например, бр¹аад (вост., юж. бур¹аад) - бурят¹⁸, бйэ (вост., юж. бэйэ) - тело, блеэхэн (вост., юж. булеэхэн) - теплый, бре (вост., юж. бэри) - невестка. Очевидно, с этими фонетическими явлениями (ассимиляция и исчезновение звуков) связано употребление в "отписках" русских казаков и "известиях" путешественников слова брат в значении "бурят". Ср. зап.-бур. бр¹аад, браэд, бараэд и русск. брат (эти слова близки по произношению). Закреплению в русском языке названия "брат" в значении "бурят" способствовала, видимо, ассоциация данного названия со словом брат, означающим дружеское обращение русских к бурятам.

В XVII в. бурятский язык имел уже много особенностей, которые отличают его в настоящее время от халха-монгольского. Но только в XVIII в. отход бурятского языка от других монгольских языков становится более заметным.

Если в XVII в. бурятские диалекты еще знали согласные с, ц, ч, которым ныне соответствуют h, с, ш, иначе говоря, тогда между бурятскими и халхаскими диалектами в области фонетики не было еще существенных различий¹⁹, то в следующем столетии эти различия резко обозначились. Об этом свидетельствуют материалы по разговорному языку бурят Добайкаля, собранные в XVIII в. академиком Г. Ф. Миллером, а также И. Чемесовым, М. Татариновым и другими. Не вызывает сомнения то, что в этих материалах отражена речь добайкальцев того периода. Об этом говорят та-

18 М. А. Кастреном зафиксировано в нижнеудинском говоре бур¹ат, хоринском и селенгинском говорах бур¹ят.

19 Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1. М., 1953, с. 9.

кие типичные для западнобурятских диалектов слова, как ибэй – мать, оту бабай – лед, ногун – волосы (архив Аделунга, ед. кр. 109); зэдугана – земляника, маргаши – завтра (Миллер); саган шобо – лебедь, бурхан шобо – голубь, метей удур – будничным день (Татаринов), баран – все, огон – сам, сама (Чемесов), а также морфологические показатели, например аффикс р-дительного падежа –и, характерный только для западнобурятских говоров: гири ижин – муж (досл. хозяин дома), усуни укудел – черт (досл. черт воды), тенгери сакилган – молния (досл. молния неба), и такие звуковые данные, как употребление фарингального h (наряду с общемонгольским c), шелевых x, c, ш, э, ж (наряду со звуками к, ц, ч), отсутствие аффрикат дж, дз и т. д.²⁰

Бурятские материалы XVIII в. свидетельствуют о почти полном вытеснении аффрикат шелевыми и интенсивном процессе перехода общемонгольского c в фарингальный h. Приведем некоторые данные из "Описания..." М. Татаринова, где отражена западнобурятская речь середины XVIII в. (1765 г.). Фарингальный h (х, г) употреблен здесь почти столько же, сколько общемонгольский c: из 25 слов, где наблюдается закономерное соответствие звуков c // h (х, г), в 13 словах сохранился: усан – вода, дабасу – соль, загасун – рыба, ногосун – утка, бусе – пояс, куисун – пуп, ус – волосы, су – молоко, сайн – хороший; ханаса иребе? – где был?, соктобо – пьяный, ёмосу – чулки, гуросу – козуля (ср. хара урохун – медведь²¹); а в 12 словах c перешел в h (х, г): хара – месяц (вм. общемонг.

20 В обозначении звуков разговорного бурятского языка в этих материалах использованы знаки латинского алфавита (Миллер и др.) и кириллица (Чемесов и др.). Мы передаем их знаками бурятского гражданского алфавита.

21 Последние два примера – гуросу и урохун (точнее гурохун), где по существу в одном слове употреблены оба сравниваемых согласных (общемонгольский c и собственнобурятский h), свидетельствуют, наряду с другими фактами, о все еще происходившем тогда процессе перехода c в h.

сара), хохор – слепой, хамарху – орех, хомо – стрела, хьрюн – холодно, убухун – трава, сагун – снег, того – масло, гедегун – брюхо, тахата годохун – сапоги, хара урохун – медведь, алерхун – брусница.

В мягкорядных словах, а также перед историческим *i смьчный к сохранился²², в твердорядных же словах он перешел в шелевой х. Ср. керме – белка, кукшин – старик, кул – нога, кун – человек, укер – бык, араки – вино, сакилган – молния и хамар – нос, хасар – щека, хура – дождь, буха – пороз, баха – лягушка, горохон – речка и т. п. М. Татаринов зафиксировал лишь два слова со смьчным к и шелевым х: комуха – малярия, хетеркей – каторжный (ср. совр. бур. хумхаа, хэтэрхэй).

Таким образом, в середине XVIII в. в собственно бурятских диалектах происходил, но еще не завершился активный процесс перехода общемонгольского c в фарингальный h, к – в шелевой х.

Развитие же аффрикат ц, ч, дж, дз в шелевые с, ш, ж, э, было тогда в основном закончено. В рассмат-

22 Затем в бурятских говорах (кроме камниганского) к перед *i развился в х' (т', с', ш), например, вместо бур. араки – вино, халкин – ветер, зафиксированных в XVIII в., в современных бурятских диалектах произносятся соответственно архи и (вост.-бур., юж.-бур.), арт' и, арс' и, арша (зап.-бур.); нал'х'ин (вост.-бур.), сал'т' и (юж.-бур.). Ср. халх. архи, калм. эрк – вино, халх. салхи, калм. салки – ветер. В связи с этим отметим, что в бурятских материалах указанного периода засвидетельствовано также наличие звука г перед *i (мангиһон < ст.-монг. мангисун – лук), развившегося затем в восточно- и южнобурятских говорах в палатализованный д' (ман'д'ир), в западнобурятских говорах – в среднеязычный й (манйаһан). В отличие от цонгольского и сартульского говоров в халхском диалекте звук г перед *i сохранился (халх. мангир – лук). В западнобурятских говорах также не был завершен в тот период перелом гласного *i: жида – копые, джилга – падь, джиран – шестьдесят, но шудун – зубы.

риваемом документе аффриката ц встречается лишь в одном слове сыцен – умный: сохранившись во втором слоге, в первом она все же перешла в с. Найдем два слова с общемонгольской аффрикатой ч: бичихан (хубан) – мальчик и аймчикто – страшно. В последнем слове звук ч употреблен вместо обычного во всех монгольских языках ш (ср. халх. аймшигтай, калм. ээмшигтэ – страшно, ужасно). Смещение звуков ч, ш наблюдается в том случае, когда представители того или иного диалекта переходят на использование других непривычных им звуков, хотя и близких по образованию. Так случилось и при данном процессе развития в бурятских диалектах общемонгольской аффрикаты в шелевой звук. В остальных случаях вместо аффрикат использованы шелевые: саган – белый, сагун – снег, хуса – баран, хасар – щеки, харсага – ястреб; кушитей – сильный, убштей – хворый, золо – молодой, загасун – рыба, газар – земля, азарга – жеребец.

Переход в собственно бурятских диалектах общемонгольских аффрикат в шелевые (дж > ж, дз > з, ц > с, ч > ш), круглошелевого с в фарингальные h объясняется тенденцией к ослаблению напряжения в произношении, что наблюдалось во многих языках. Так, в древнегреческом языке индоевропейское с в начале слова перед гласным и в интервокальном положении превратилось в h²³. Превращение с в h имело место также в армянском, бретонском, башкирском, венгерском, корейском, якутском, эвенкийском и других языках²⁴. По мнению А. Мейе, переход с в h объясняется "слабостью произношения и обнаруживается в языках независимо друг от друга"²⁵.

Итак, бурятский язык, выделившийся из монгольской языковой общности, в середине XV столетия в основном обрел характерные для него специфические черты и сложился как самостоятельный язык бурятской народности.

23 См.: Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 140.

24 См.: Там же, с. 140, 141.

25 См.: Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л., 1938, с. 121.

Для характеристики лексики бурятского языка в начальный период его самостоятельного бытования как языка народности большой интерес представляют материалы Г.–Ф. Миллера, П. С. Палласа, М. Татаринова, И. Чемесова и других, а также сообщения и труды путешественников, ученых и землепроходцев XVI–XVIII вв. В них содержатся важные языковые и историко-этнографические данные.

Рассмотрим вопросы развития и изменения словарного состава бурятских диалектов по основным тематическим группам.

Изменения в бытовой лексике

К данной группе относятся слова, обозначающие дом, двор; отопление и освещение; пищу, напитки; одежду, обувь и т. д.

Дом, двор. Известно, что в период общинного зэгэ аба буряты жили в конусообразных шалашах (бүхээг), затем – в юртах конусообразной формы (урса)²⁶. Интересно отметить, что названия этих древних видов жилищ до сих пор сохранились в лексике некоторых бурятских диалектов. Так, в ареале распространения нижеудинского говора (с. Мунту–Будук) нами зафиксированы слова бүхээг – шалаш и урса – конусообразное типа чума жилище бурят. Позднее, с развитием скотоводческого хозяйства появляется войлочная юрта. В XVI–XVIII вв. занимавшиеся скотоводством восточные буряты и часть западных жили в основном в таких юртах. Например, в дневнике Спафария (1775 г.) отмечено наличие войлочных юрт у добайкальских ("юрты у братьев войлочные"²⁷) и забайкальских бурят (они "кочуют по степям в юртах войлочных"²⁸). В дневнике путешествия Лоренца Ланге записано, что "в окрестностях острога (Братского. – Ц. Б.) живут в вой-

26 См.: Хангалов М. Н. Собр. соч., т. 1. Улан-Удэ, 1958, с. 106.

27 Путешествие через Сибирь ..., с. 111.

28 Там же, с. 128.

лочных юртах брашские татары (т. е. буряты. — Ц. Б.)²⁹. В западной части этнографической Бурятии войлочные юрты и их названия не сохранились. В восточных же и южных диалектах бурятского языка эти названия бытуют и в настоящее время: вост.-бур. Һэеы гэр — войлочная юрта (общее название), хана — решетчатая стена, ханын толгоэ — верхний край стены войлочной юрты, ханын шиира³⁰ — нижний край стены юрты, ханын эрхин (баруун, зүүн) — края (правый и левый) решетчатой стены возле двери, ханын удөөри — кожаные ремни для скрепления составных частей юрты, ханын аман — веревка для соединения стен юрты, ма-туур — приспособление для сгибания решетчатых стен, ути — связка-веревка для соединения стен юрты (зо-соо — с внутренней стороны, внутри), туурга — войлочные стенки у юрты, туургын уяа — веревка-связка у турги, дээбэр³¹ — войлочная крыша, дээбэрээ ооһор — веревка-связка у войлочной крыши, үрхэ — кошма, прикрывающая дымовое отверстие юрты, хаяа — нижние концы кошм юрты, уяа — жердочка, поддерживающая верхний круг юрты (стропило), тооно — круг дымового

²⁹ Гирченко В. Указ. соч., с. 15.

³⁰ Ср. монг., юж.-бур. шиир, шиирэ — нижняя часть ноги (у животных). В настоящее время слово шиирэ в последнем значении не употребляется носителями восточного наречия (оно вытеснено другим словом — тагалсаг). Этот языковой факт показывает, что восточные буряты жили в войлочных юртах издавна, в обще монгольский период, когда у предков восточных бурят бытовало слово шиирэ в указанном выше значении. Его нельзя смешивать с хоринским шиира, употребляющимся здесь в значении "спички". Последнее заимствовано говором сравнительно недавно из русского языка: русск. се́ра (серные спички) > хор. шиирэ, шиира. Соответствия с//ш в восточных и других говорах бурятского языка закономерны. Ср. хор. шээрнэ < русск. серп, хор. харшин < русск. керосин, зап. шэжэ//хор. сэхэ — прямо; м.-шиб., зап. шошохо//хор. сошохо — испугаться, вздрогнуть.

³¹ См.: Малов С. Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие. М.-Л., 1954, с. 146; уйг. давэр (дәвер) — крыша юрты.

отверстия юрты с решетками на нем, дааган — перекладина рамы для верхнего отверстия юрты³². Примеры из южнобурятского наречия: сарт. эшэгы гэр — войлочная юрта, хана — решетчатая стена, уяа — стропило, уяаны сугэлдэргэ — веревка-связка у стропила, тасама — кожаный ремешок-связка, багана — дерево, на которое опирается юрта, подпорка (дурвөн багана баэдаг сан даа, тулоод баэха — были четыре подпорки), туурга — войлочные стенки юрты (тоорюулсан эшэгы-гынь туурга гэдж хэлхэ — кошму вокруг стены называли турга), хаяабчи — тонкая полоса кошмы вокруг нижних концов юрты (своего рода завалинка), хошлон — широкая тесьма, которой опоясывают юрту (тоорёод уясныг — то, чем опоясывают юрту кругом), сарт. тоон' и (шонг. тооно, тоон) — рама дымового отверстия войлочной юрты, дээвэр — войлочная крыша (дээгуурээ хучасныни дээвэр гэхэ — то, чем кроют сверху), үрхэ — квадратная кошма, прикрывающая дымовое отверстие юрты (тоон' ин дээрээ тайсан нэгэ тэбкэр эшэгы баэдаг ем сэн — квадратная кошма на дымнике), үүдэ — дверь юрты: хаалган үүдэ (дотор талын) — внутренняя дверь, эшэгы үүдэ (гадзаа талын) — войлочная дверь (с наружной стороны), онис — деревянная заложка (тээгэлдэг модо, онгоэгкүй гэдж — палочка, которой "залаживают" дверь³³).

Затем войлочную юрту начали постепенно вытеснять деревянные постройки. У западных бурят примитивные постройки имелись, видимо, еще до прихода русских в Сибирь. С. А. Токарев предполагает, что они были наследием курумчинской эпохи. О наличии таких построек у бурят, живших в окрестностях Братского и Балаганского островов, писал еще в XVII в. (1693 г.) Избрант Идес: "Живут буряты в низеньких деревянных хижинах, покрытых дерном, сверху имеющих отверстие, через которое выходит дым: огонь разводят посреди

³² Записано в с. Кункур Агинского района Читинской области.

³³ Записано в с. Нижний Бургалтай Джидинского аймака.

жилища³⁴. Проезжая мимо Балаганска в 1720 г., англичанин Джон Белл сообщал: "Они (буряты. - Ц. Б.) круглый год живут в шатрах"³⁵. Лоренц Ланге (1731 г.) писал: "Они (буряты. - Ц. Б.) ... живут в юртах или хижинах из войлока"³⁶.

Более подробное описание жилищ бурят различных районов дает Ф. Ланганс (1789 г.): "На Западной стороне Байкала живут буряты в неподвижных низких юртах, четыре, пять, шесть и осьми угольных, рубленых из тонких бревен ... Селенгинские или Верхнеудинские ... кочуют в войлочных ... юртах ... У Баргузинских войлочные и берестяные юрты редки, а большая часть деревянных, срубленные из тонких бревен шести и осьми угольных; крыша у сих юрт сведена острием, из таких же бревен, покрытых землею и лежащая на четырех внутри поставленных столбах с отверстием в середине для выпуска ... дыма"³⁷. Такие юрты у добайкальских бурят встречались до недавнего времени. М. Татаринов отмечал, что "нерчинские, так и селенгинские (буряты) юрты имеют войлочные, а у иркуцких - деревянные рубленые, шести и осьмиугольные не из толстова лесу ... Иркутские братские юрты называют балмагуну (точнее: балгаун. - Ц. Б.), а забайкальские - гир"³⁸. Характерно, что почти такие же деревянные юрты встречаются у других народов Южной Сибири -

³⁴ Идес Избрант, Бранд Адам. Указ. соч., с. 131. Ср. у Ренье: "Их (бурят. - Ц. Б.) обычным жилищем является юрта, т. е. вырытая под землей скверная хижина с дымовым отверстием устроенным вместо окна, и это жилище является для них гораздо более приятным, чем роскошный дворец". См.: Зиннер Э. П. Указ. соч., с. 189.

³⁵ Зиннер Э. П. Указ. соч., с. 56.

³⁶ Там же, с. 109.

³⁷ Ким Н. В. Материалы Ланганса о культуре и быте бурят. - В кн.: Культура и быт народов Бурятии. Этногр. сб. БКНИИ СО АН СССР, вып. 4. Улан-Удэ, 1965, с. 148.

³⁸ Описание о братских татарах ..., с. 24.

хакасов, горноалтайцев³⁹. В этой связи заметим, что в западнобурятском наречии и сибирских тюркских языках встречаются сходные между собой или соответствующие по семантике и звуковому оформлению слова: зап.-бур. и хакас. соол - дом; печь, як. и зап.-бур. үһээ - потолок - и другие.

Приведем примеры из аларо-унгинского говора: булгааһан (балгааһан) - деревянная юрта (ср. др.-тюрк. бальц, балук - город⁴⁰), үһээ - потолок, оеор - пол, гуламта - земляной квадрат в середине юрты для разведения огня (ср. тюрк. коломто - место в юрте, где разводится огонь, очаг в юрте для приготовления пищи)⁴¹, булан - угол деревянной юрты (ср. тюрк. булан - угол⁴²), тээнги (с фонетическими вариантами) - опорные столбы деревянной юрты, эрхин - колода двери, шагаабар - окно и т. д.

Как видно из примеров, в западнобурятских говорах названия деревянной юрты и ее частей не заимствованы из русского языка. Этот факт подтверждает, что деревянные жилища примитивного типа были у добайкальских бурят еще до прихода русского населения.

В бурятских источниках XVIII в. слово тура означало "город", а гур - "дом" (Миллер, Аделунг)⁴³. В материалах Миллера юрта называется также гур. В "Грам-

³⁹ См.: Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958, с. 62.

⁴⁰ См.: Древнетюркский словарь. Ред. В. М. Навляев и др. Л., 1969, с. 81.

⁴¹ См.: Киргизско-русский словарь. Сост. проф. К. К. Юдахин. М., 1965.

⁴² Там же.

⁴³ У Миллера и Аделунга бурятские и другие слова записаны в латинской графике и даны в переводе на латинском (Миллер) и немецком (Аделунг) языках. Здесь они передаются нами в транслитерации (знаками бурятского гражданского алфавита и в переводе на русский язык). См.: Отд. рукописей Ленингр. публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, архив Ф. П. Аделунга, ф. 7, ед. хр. 109; Архив ЛО АН СССР, архив Г. Ф. Миллера, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 143.

матике" Кастрена слово гэр зафиксировано в значении "дом" в нижеудинском и тункинском говорах (тунк. гир). В лексическом материале Кастрена, приложенном к его "Грамматике", отмечено слово балгаһан в хоринском говоре, балгосо – в селенгинском говоре в значениях: 1) деревянная юрта; 2) небольшой запасной домик; 3) город; 4) село. Значит, во времена Кастрена в западнобурятских говорах слово балгаа ан в значении "деревянная юрта" все еще не бытовало. И, наоборот, в хоринском говоре в настоящее время лексема балгааһан в указанных выше значениях уже не встречается. Но слово балгосо в значении "деревянная юрта" употребляется в сартульском говоре бурятского языка.

В словаре Палласа город по-бурятски назван тура, балагун⁴⁴. У Кастрена слово тура в нижеудинском и тункинском говорах зарегистрировано в значениях: 1) комната; 2) большое село (но не в значении "дом"). В настоящее время слово тура в эхирит-булагатском говоре означает также и "дом". А в нижеудинском и аларо-унгинском говорах слово балгааһан (булгааһан), зарегистрированное в словаре Палласа в значении "город", ныне употребляется в значении "деревянная юрта". Отсюда можно предположить, что семантика лексических единиц тура и балгааһан в западнобурятских говорах расширилась позже; слово тура в значении "дом" заимствовано, видимо, из сибирских тюркских языков. Ср. аринск. тура – дом (Паллас). В современном хакасском и тюркском языках тура означает "дом". В калмыцком языке слова тура, балгасун в документах XVIII в. зарегистрированы в значении "город" (Аделунг). Ср. монг. шивээ, хото (Аделунг); тунг. шибэгэн (Миллер), халх. шивээ.

Село называлось тогда в западнобурятских говорах пушинной-тура⁴⁵ тараэшини-тура; монг. баишинг, калм. аил (Аделунг). Сочетания слов пушинной-тура или тараэшини-тура в значении "село" в бурятском языке теперь не встречаются. Оно называется сейчас в западно-

⁴⁴ Словарь Палласа напечатан кириллицей, а бурятские и другие слова даны им в русском переводе.

⁴⁵ В данном сочетании первое слово, видимо, заимствовано из русского языка: бур. пушинной < рус. пашенной; пушинной-тура – досл. пашенное село.

бурятском наречии тииргэн. Слово тииргэн было зафиксировано уже Кастреном в значении "село" в нижеудинском, "большое село" – в тункинском говорах.

В значении "окно" в бурятских материалах XVIII в. (Миллер, Аделунг) записаны лексические единицы солоохой (Миллер, Аделунг) и шагаабуур (Миллер), шагаабуур (Аделунг). Но в следующем столетии (наприм. у Кастрена) слово солоохое уже не встречается. У Кастрена записано в данном значении только шагаабар (нижнеуд. и тунк.), которое употребляется в западных говорах и сейчас.

Последующие изменения в хозяйственно-экономической жизни бурят, происшедшие в основном в XVIII в., оказали заметное воздействие на их быт и связанную с ним лексику.

По мере освоения обширных земель русским населением, роста численности крупных населенных пунктов и городов, развития промышленности, распространения земледелия и сенокосения у бурят усиливается тяга к оседлому образу жизни. С XVIII в. буряты реже перекочевывали с места на место и научились строить рубленые дома русского типа. Например, в Балаганском ведомстве в 60-х годах XVIII в. кроме юрт существовала "изба теплая без полу"⁴⁶ и без крыши" (Постройка 1759 г.)⁴⁷, "изба теплая с полом и крышкой" (Постройка 1766 г.)⁴⁸. В 1765 г. М. Татаринов писал: "В некоторых местах ныне зачели строить и зимовья; черные избы у многих есть у братских"⁴⁹.

⁴⁶ Заметим: "Изба без (деревянного) пола". Не потому ли зап.-бур. оёор означает пол. Очевидно, данное слово сначала означало земляной пол (оёор – досл. дно). Затем, когда стали строить дома с деревянным полом, значение слова оёор перенесли по функциональному сходству на деревянный пол (наряду с этим словом в бурятских говорах употребляются и заимствования поол, палааха и др.).

⁴⁷ Гос. архив Иркутской области (ГАИО), ф. Конторы главного шулengi Балаганского ведомства, д. 1, л. 180. См.: История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 124.

⁴⁸ Там же, л. 182.

⁴⁹ Описание о братских татарах ..., с. 24.

Формы жилищ обуславливались природно-климатическими и социально-экономическими условиями жизни бурят. Например, в XIX в. агинцы продолжали жить в основном в войлочных юртах. В 1840 г. в Агинском ведомстве числилось 5026 войлочных и 49 деревянных юрт. Домов русского типа насчитывалось всего 20, в том числе 15 общественных⁵⁰. Агинцы перекочевывали от 4 до 12 раз в год. Кударинские же и баргузинские буряты жили в деревянных юртах и домах русского типа. Кочевали они 2 раза в год: в зимники (убэлжөөн) и летники (зуһалан). У хоринских бурят в 1849 г. было 7533 войлочных и 2412 деревянных юрт, 308 домов русского типа. Хоринцы кочевали 2-4 раза в год. В Селенгинском ведомстве в 1852 г. насчитывалось 4220 войлочных, 4090 деревянных юрт и 970 домов русского типа. Большинство селенгинских бурят кочевало 4 раза в год.⁵¹

Заметим, что названия стойбищам давались в зависимости от времени года. Например, в восточнобурятских говорах бытовали слова (с фонетическими вариантами): убэлжөөн – зимнее стойбище, хабаржаан – весеннее стойбище, намаржаан – осеннее стойбище и зуһалан – летнее стойбище⁵².

В Иркутской же губернии еще в конце XVIII в. буряты стали кочевать 2 раза в год. Там войлочные юрты постепенно исчезли. В 1844 г. в Балаганском ведомстве было 2392 деревянных зимних юрты, 2840

⁵⁰ у агинских бурят, занимающихся овцеводством, до сих пор частично сохранились приспособленные и удобные для перекочевков войлочные юрты.

⁵¹ См.: Очерки истории культуры Бурятии, т. 1. Улан-Удэ, 1972, с. 327.

⁵² В речи жителей современного бурятского села слово зуһалан бытует в несколько расширенном значении – летнее местожительство вообще (независимо от того, содержится там скот или нет), т. е. и в значении летнее стойбище (со скотом), и в значении дачное место (без скота). В речи же городских жителей-бурят данное слово употребляется ныне, наоборот, в суженном значении – только в смысле дача (наряду с заимствованием даача).

деревянных летних юрт, 2207 домов русского типа. Аларские буряты в 1855 г. имели 3820 деревянных юрт и 2207 домов русского типа⁵³.

В связи с этим в лексику западнобурятского наречия начинают входить русские заимствования, например, гооронсо – большой дом, поол, алаабси – пол, маатка, митнаа – матрица, пилтаа, билтаа – плита (наряду с использованием старых названий: yhээ – потолок, шагаа-бар – окно и др.).

В отличие от добайкальцев буряты Забайкалья до прихода сюда русских в основном жили в войлочных юртах. Поэтому названия частей рубленого дома в восточно- и южнобурятских говорах почти целиком заимствованы из русского языка: поол, палааха (вост.-бур., юж.-бур.) – пол, дээдэ палааха (вост.-бур.), потлоог (юж.-бур.) – потолок, матняа, маатка, маатинса (вост.-бур.) – матица, онгоошхо (вост.-бур., юж.-бур.) – окно.

В XVIII в. под влиянием русских крестьян буряты стали строить, кроме деревянных домов, также надворные постройки по русскому обыкновению: амбары, сараи и т. д. Так, в 50-60-х годах XVIII в. существовали "амбар с сусеками с крышкой, овин с гумеником" (Постройка 1766 г.)⁵⁴. В связи с этим разговорный бурятский язык этого периода пополняется новыми словами: амбаар, сараэ, завуужан – завозня, сээниг – сени, сушээг – сусек, загром, овин и другими.

Отопление и освещение. До прихода русских в бурятских юртах не было печей, поэтому не было и слов, связанных с печным отоплением. Огонь разводился посреди юрты; дым выходил через отверстие, которое делалось сверху жилища⁵⁵. Франц Ланганс писал об этом: "Как кроме весьма немногих, построивших себе русские избы, ни у которых бурят в юртах их печей не бывает, то с осени до лета горит у них

⁵³ См.: Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 327. Наряду с рублеными домами деревянные юрты у иркутских бурят сохранялись до недавнего времени.

⁵⁴ ГАИО, ф. Конторы главного шуленги Балаганского ведомства, д. 1, л. 180.

⁵⁵ См.: Идес Избрант, Бранд Адам. Указ. соч., с. 131.

день и ночь огонь, а дым никогда не переводится⁵⁶. Такой огонь называли задагаэ гал – открытый огонь. Место посередине юрты, где разводился огонь, называли шала. На шала стояли три камня для котла. В западнобурятских говорах они назывались дули, в восточнобурятских – тулга (когда появились железные треножки, они также стали называться тулга, например, в восточных и южных говорах бурятского языка).

После добровольного вхождения бурятских племен в состав России в лексику бурятского языка появились такие новые слова, как пешэн – печь, пилтаа – 1) плита; 2) чугунное покрытие плиты турваа – труба (железный дымоход) и другие.

Домашняя обстановка и утварь. Вплоть до Октябрьской революции посуда и утварь у бурят была в основном кожаная и деревянная. И. Георги писал: "Молоко сливают в большие кожаные мешки (торхо)"⁵⁷. Затем словом торхо стали называть также деревянные и берестяные кадки⁵⁸. Ср. тулам (архан тулам) – кожаный мешок; сууха – бычий (или бараний) пузырь, где хранили масло, сушеное мясо и т. д. – своеобразная посуда (тара).

А. Потанина, посетившая хоринских бурят в начале XX в., так описывает внутреннее убранство жилища скотовода: "Вдоль той же стены, противоположной входу, стоит обыкновенная деревянная постель⁵⁹ хозяина дома, застланная войлоками с большой подушкой, на боках которой ... непременно блестят серебряные украшения. Чаще всего поверх этой неудобной старинной подушки лежат обыкновенные русские подушки. Тут же рядом стоят комоды, шкафы и поставцы русской работы, раскрашенные в узор. Иногда у стен стоят такие же пестрые сундуки, на полу налево постланы войлоки для сиденья и поставлены столы-скамейки в пол-аршина высоты. Вправо от входа иногда есть лавка и полка для посуды. В этом углу стоит кадушка с арсой.

56 Ким Н.В. Указ. соч., с. 148.

57 Георги И. Указ. соч., с. 30.

58 Ср. зап.-бур. торхо – берестяная кадушка; жбан для сбивания масла.

59 Очевидно, имеется в виду деревянная кровать.

Влево от войлоков иногда стоит люлька... из лубков⁶⁰. В бурятском языке дореволюционного периода бытовали в основном следующие слова, характеризовавшие весьма скучную домашнюю обстановку арата того времени: абдар – деревянный сундук, орон – деревянная кровать, ухэг – ларь (с объемной крышкой сверху), эргэнэг – посудный шкаф, зап.-бур. данхаэ – 1) кухонный стол (заменяющий полку для посуды); 2) настенная полка, шэрээ – низенький столик, тэбшэ (зап.-бур. хидага, шидага) – деревянное корытце (для мяса), хунэг (нуулга) – бадья, табхаансаг (зап. төөрсэг и т. д.) – деревянная кадка для отстаивания молока, наба⁶¹ (зап. булууур) – жбан для сбивания масла (в восточных говорах булууур – мутовка); зап. аша – мутовка; аяга (зап. тагша) – деревянная чашка (для чаепития), табаг – тарелка; халбага – зап. деревянная поварешка, вост. ложка; туисэ – берестяной туюсок, зап. толи – поднос (большая металлическая тарелка)⁶²; таар – редкий холщовый или волосяной мешок: см. у Татаринова: "Остатки от сидки (от молочного вина. – Ц. Б.) льют в мешок, плетеной из волос"⁶³; зап. хубсар – коврики, сшитые из конского или овечьего ка-муса⁶⁴; олбог – подушечка для сидения, аргамжа – веревка, шагта или нарин аргамжа – бечевка для привязи телят, боэлторго – ошейник и т. д.

Приведем названия предметов, используемых при перегонке молочной водки; тогоо – чугунный котел, бэрхээр (бэрхээл) – деревянная крышка котла, сорго – дугообразная деревянная труба, танха – чугунный кувшин (для вина). М. Татаринов так описывает эту несложную аппаратуру: "Квашеное молоко наливают в котел чугунной и сверху крышка деревянная складная и

60 Потанина А. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. М., 1905, с. 45–47.

61 В некоторых бурятских говорах наба (саба) – сосуд для молочного вина. См.: Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 147.

62 См.: Тугутов И.Е. Указ. соч., с. 151.

63 Описание о братских татарах ..., с. 25.

64 Камус – шкурка, снятая с ног животного, зверя.

труба недолгая деревянная, проведена в посуду чрез воду. И под трубою ставят кувшин чугунный, по их называется танха⁶⁵.

Кроме того, в юрте забайкальских бурят были представлены принадлежности буддийского культа: божница (гунгарваа), столик (шэрээ), на который ставилась божница, божки (бурхан), колокольчик (хонхо), жертвенные чашечки (сугсэ). "Против входа, — пишет А. Потанина, — поставлен пестро нарисованный комод (очевидно, гунгарваа. — Ц. Б.) и на нем несколько буддийских идолов ... Перед изображением Будды всегда стоят маленькие жертвенные медные чашечки. Иногда тут же лежит священный колокольчик и очир — медные музыкальные тарелки (видимо, не очир, а сан. — Ц. Б.) ... Рядом стоят столики с бурханами"⁶⁶.

Необходимой принадлежностью бурят были раньше хэтэ — огниво, сахюур — кремь, уула — трут, хабтага — мешочек (для хранения деревянных чашек), аршуул (зап. худэһэн) — кисет (для табака), гааһан — курительная трубка. Михаил Татаринов писал: "На поесу всегда носят коженную сумку, в которой внизу приделано огниво, а в ней кладут кремь и трут, тут же вешают мешечки, по большей части из китайки, в которой кладут чайные деревянные чашки. Оной мешечик называют хаптага. На поесу же привешивают железной крючек для чищения в трубке (этот предмет называется хоёо. — Ц. Б.)"⁶⁷.

После вхождения Бурятии в состав России лексика бурятских диалектов пополнилась новыми словами, обозначающими домашнюю утварь. Характерно, что в первое время после присоединения к России для обозначения новых предметов носители бурятского языка нередко пользовались не заимствованиями из русского, а исконными словами. Так, из записей ХУШ в. видно, что в западнобурятских говорах бытовали тогда исконные слова ширээ — стол, сапчуур — стул, аршуур — полотенце и т. д.⁶⁸, которые были заменены впослед-

ствии прямыми русскими заимствованиями, употребляющимися и сейчас (ср. соответственно зап.-бур. остоол, устуул, полотеэнсэ).

Постепенно в лексику бурятского языка входят и другие заимствования, обозначающие предметы домашнего быта: боошхо — бочка, хувашняа — квашня, сундууг или сэндэг — сундук, сээлинс — сеянец, подообхо — пудовка (деревянная посуда для измерения сыпучих веществ), ушкааг — шкаф, астахаан — стакан, самаваар — самовар и другие. В XIX в. бурятский язык обогащается заимствованиями баани, мылэ, угаальниг и т. д. Позже появились у бурят вилки, ложки и другие предметы, соответственно и их названия. Как писал Н. А. Бестужев, буряты „никогда не видали ни ложки, ни вилки, не принимались за кушанье до тех пор, пока не замечали, как это делают другие и, право, делали это не хуже другого"⁶⁹. Ср., например, зап.-бур. олоошхо, вост.-бур., юж.-бур. халавага — ложка. Вост.-бур. и юж.-бур. халавага — видимо, перенос названия деревянной поварешки на деревянную ложку (по внешнему сходству и функции).

Пища, напитки. Буряты употребляли в пищу в основном продукты скотоводства и охоты, реже рыбу и некоторые растения. "Братские ... питаются от молока коровья, а кобылья мало, ибо по множеству имеют коров"⁷⁰, — пишет М. Татаринов. "У бурят лучшая пища жирная баранина; впрочем, всякую рыбу, многие невредные растения и всякое мясо зверя, скота и птицы едят они, исключая лисиц, росомых, собак, хорьков, орла, ворона, сороку, галку и дятла"⁷¹.

Но главная пища бурят — мясо и молоко. Поэтому терминология мясных и молочных продуктов широко представлена в бурятском языке. Приведем некоторые названия молочных продуктов: уураг — молозиво (второй и третьей дойки); һун — молоко, зөөхээ — сметана, сусэги — сливки, урмэн или хушөөһэн — пенка. Ср. но-

65 Описание о братских татарах ..., с. 25.

66 Потанина А. Указ. соч., с. 45.

67 Описание о братских татарах ..., с. 23.

68 Отд. рукописей Ленингр. публ. б-ки, архив Аделунга, ф. 7, ед. хр. 109.

69 Бестужев Н. А. Гусиное озеро. — В кн.: Декабристы о Бурятии (статьи, очерки, письма). Улан-Удэ, 1975, с. 132.

70 Описание о братских татарах ..., с. 25.

71 Ким Н. В. Указ. соч., с. 150.

ех. уреме хушөөхе – выдерживать пенку. Агинцы различают два вида этого продукта: урмэн и хушөөдэһэн. У них хушөөдэһэн – это та же пенка, образовавшаяся после кипячения молока в большом чугунном котле, и снятая только после того, как она остынет и немного затвердеет; хушөөдэһэн выдерживается в котле не менее суток⁷². Тоһон – масло. У забайкальских бурят бытует несколько названий масла: сагаан тоһон – масло, сбитое из сметаны; аэрагаэ тоһон – масло, полученное путем перемешивания перебродившего кислого молока. Характерно, что еще во второй половине XVIII в. забайкальские буряты получали масло другим способом: "Братские ... квасят молоко в коженном мешке (разрядка наша. – Ц. Б.) сутки и более и часто бьют палкою, отчего садится масло"⁷³. Отсюда можно предположить, что тогда (в 1765 г.) еще не было жбана и мутовки для сбивания масла, что они появились позже ("коженный мешок" называли торхо, затем данное название было перенесено по функции на деревянный жбан: ср. кач. торхо – жбан для сбивания масла). Шара тоһон – топленое масло; урмэнэй тоһон – разновидность топленого масла (получают его путем растапливания сушеной пенки). У иркутских же бурят встречаются два вида (соответственно и два названия) масла: сагаан тоһон – сливочное масло и шара тоһон – топленое масло; аэраг (зап.-бур. хүрэнгэ) – айрак⁷⁴, тараг – квашеное молоко, ээдэмэг – простокваша без сливок; сагаа – остаточный продукт при перегонке молочной водки, аарса – продукт перегонки молочной водки (точнее – это сагаа, отделенный от сыворотки. – Ц. Б.): "Арцю все зиму питаются: положи кусок в чашку, разведет водою, выпьют, то и сыт"⁷⁵; сел. аэруул, аг. аэрһан – сушеная арца (сушеный творог);

72 См.: Тугутов И.Е. Указ. соч., с. 173.

73 Описание о братских татарах..., с. 25.

74 Перекисшее молоко (для приготовления тарасуна). Хоринцы различают аэраг – продукт, остающийся при сбивании масла из перебродившего кислого молока, и иилгэдэһэн – пахта, полученная при сбивании сметаны.

75 Описание о братских татарах..., с. 25.

ээзгээ (или шалхамар⁷⁶) – разновидность вареного творога; хурууд – сырок, сформованный в марле или в другой материи; хоормог – неотжатый сырок; ср. ноех. хоормог и хор. хоэмог – подогретое молоко, в которое добавляют немного айрака; хор. шууһэн – кисловатая сыворотка, которая отделяется от хоймока, ээрмэг – сгущенная творожистая масса, образующаяся на краях котла при курении тарасуна, субэ – остаток от топленого масла, хаш или хаш тоһон – фритюр, кипяченое масло, цонг. хосом (лит. хюһамаг) – накипь при кипячении молока, ноех. хоормог – арца, разбавленная молоком; архи – молочная водка, тарасун, хорзо или хурза – тарасун тройного перегона. М. Татаринов писал: "Из молока сидят (перегоняют, курят. – Ц. Б.) вино, а побратски называют араки"⁷⁷. В работе Ренье о бурятах (1767–1774 гг.) подробно описан способ приготовления из кобыльего молока спиртного напитка, именуемого араки⁷⁸.

Названия мясных блюд: төөлээ – сваренная баранья голова, мяхан – мясо, дала – лопатка, можо сэмгэн – бедренная кость с мякотью, убсуу – грудинка, хаһһан (хабирга) – ребро, харты (барг. зото) – берцовая кость (передней ноги), адхаал – плечевая кость, ууса – крестец, һуужэ – таз, һээр – позвонок, шиирэ – голень (у животных), хуурһан мяхан – копченое мясо, гэдэһэ дотор – потроха; эрээлжэ – кровяная колбаса с жиром, шудхаһан шуһан – кровяная колбаса, хототэ шуһан – кровяная колбаса в желудочке, хоторгоэн шуһан – кровяная колбаса в слепой кишке, ал. голгоэ – кровяная колбаса в толстой кишке, борсо (мух.-шиб. хургааһан) – сушеное мясо, татаһан мяхан (или гэдэһэтээ мяхан) – вид домашней колбасы из нарезанной на мелкие куски говядины и головного мозга; сел. һугаша (изредка сагааса), ал. һугабша – шашлык из печени, эльгэн – вареная печень, бөөрэ – вареная почка, зурхэн – вареное сердце; сагаан мяхан (зап. хошхоног) – вывернутая прямая кишка; ормог (ороэмог) – колбаса из бараньей брюшины вместе с легкими, внутренним жиром и тонки-

76 По-унгински шалханаг – жирный творог.

77 Описание о братских татарах ..., с. 25.

78 См.: Зиннер Э.П. Указ. соч., с. 196.

ми кишками; хирмаса – суп с внутренностями, хиимэ – мясная колбаса; омһон – толстые кишки лошади; хята – тонкие кишки лошади, арбин – конский внутренний жир, далан – сало заправка лошади.

Позже по примеру русских буряты стали разводить свиней и птиц. В связи с этим появляются такие названия блюд, как гахаэн мяхан – свинина, шубуунаэ мяхан – птичье мясо, тахягаэ ундэгэн – куриное яйцо, и т. д. С приходом русских и распространением хлебопашества (с конца XVIII в.) в бурятский язык постепенно проникают русские заимствования, связанные с хлебными и мучными изделиями: хилээмэн (с фонетическими вариантами) – хлеб, буулхэ – булка, ёпошхо – пресный хлеб, выпеченный в золе, халааша – калач, зава-рууха – кипяченая арца с мукой и водой.

Следует отметить, что сначала некоторые русские заимствования употреблялись параллельно с тюркскими. Например, в бурятских источниках (в частности, в записях речи западных бурят) XVIII в. в значении "хлеб" зафиксированы слова килэма (в архиве Аделунга), килема (у Палласа) и өтүмүк, утүмүк (у Миллера, Аделунга и Палласа). Первое слово – заимствование из русского языка (русс. хлеб), второе – тюркизм, употребляющийся и сейчас в калмыцком языке (калм. едмг – хлеб) и зарегистрированный еще в "Древнетюркском словаре". (Ср. др.-тюрк. этмак, өтмак – хлеб). Постепенно тюрк. өтүмүк (видимо, в бурятских диалектах оно произносилось өөдөмөг или ээдэмэг) было забыто и полностью заменено русск. хилээмэ (с фонетическими вариантами). Уже в "Грамматике" Кастрена зафиксировано килэма (тунк., нижеуд.), а слово ээдэмэг в значении "хлеб" здесь отсутствует.

Некоторые новые блюда, приготовляемые с использованием муки, названы исконными словами или заимствованиями из восточных языков (через посредство халха-монгольского и русского): зап.-бур. эехэзэ (досл. сметана), вост.-бур. шанаһан талхан (досл. вареная мука), юж.-бур. салмаад – саломат; лабшаа (< русск. лапша < тюрк.); алаади – оладьи, шааньди – шаньги, шарбин – мясо, жаренное в тесте, бууза – большие пельмени на пару, бообо – пирог из пресного теста, поджаренный на масле, хуушуур – кушур (род

мясного пирожка), замбаа – поджаренная мука (которую клали в чай); зутараан – чай с поджаренной на жире мукой: "Братские ... делают затуран, жарят в сале говяжьей муку аржаную или пшеничную и разводят в котле и пьют"⁷⁹. Еще в конце XVIII в. Ланганс писал, что "немногие (буряты. – Ц. Б.) выменивают и покупают муку, но не пекут из нее хлеба, а варят похлебку"⁸⁰. Как отмечал Ренье, буряты "большие любители чаю ... Помимо затурана и других теплых напитков, которые этот народ употребляет вместо чая, приготовляя его из брусники или из корней растения, называемого ими мукир шуду каталон, у них очень излюблен также так называемый кирпичный чай"⁸¹. Ср. у М. Татаринова: "Братские и русские вместо чаю варят бруснишник и кореное, называемое мукир шуд каталзу и варят вместо чаю"⁸² (мукир – видимо, мэхээр – гречиха-горец. – Ц. Б.). Как писал И. Георги, вместо чая использовались также листья багульника, шиповника, брусники, бадана, чигирского чая, балги, пятемытника, каменного зверобоя⁸³, а иногда коренья сердечной травы и черноголовника⁸⁴. Ф. Ланганс писал, что хоринские буряты "употребляют так называемый кирпичный (чай. – Ц. Б.), или вместо оною варят бруснишник, и коренья мыкир, и ирду и каталзу"⁸⁵. Из ягод собирали бруснику (алирһан), черную смородину (үхэр нюдэн), землянику (зап. ээдэгэнэ, вост. гулзөөргэнэ), чернику (нэрһэн), облепиху (шасаргана), плоды черемухи (моэһон), дикой яблони (улир) и другие. На горных хребтах собирали кедровые орехи (хушын һамар). До прихода русских буряты не выращивали овощей и употребляли в пищу полевой лук (вост. маньдир, зап. манйаһан), дикорастущий чеснок (гоогол, гоогоһон), сибирскую черемшу (халаяр),

79 Описание о братских татарах ..., с. 25.

80 Ким Н.В. Указ. соч., с. 150.

81 Зиннер Э.П. Указ. соч., с. 197.

82 Описание о братских татарах ..., с. 26.

83 Также листья герани луговой, которую в Ноехоне называют батаганаан хушуу (досл. носик мухи).

84 См.: Георги И. Указ. соч., с. 33.

85 См.: Ким Н.В. Указ. соч., с. 151.

ревень (гэшуунэ, гэшуугэнэ), луковицу сараны (тиб-
һэн)⁸⁶. Воспоминание о собирательстве сохранил "ста-
ринный бурятский календарь, в котором летние месяцы
обозначаются как месяцы сбора лука (майаһани һара),
сараны (туухалай һара)"⁸⁷. Видимо, бурятам издавна
известно слово мохин (в различных фонетических вари-
антах) – сера жевательная, так как путешественники
XVIII в. отмечают, что буряты "завсегда жуют серу
листвиничную"⁸⁸, что "кору лиственную всегда они во
рту держат и говорят, что она утоляет голод и жаж-
ду"⁸⁹. Интересно утверждение Ланганса, что "некто-
рые (буряты. – Ц. Б.) начинают и соль употреблять"⁹⁰.
Видимо, раньше буряты вместо соли пользовались ее
заменителем (может, каменной солью – дабаһан?).

С приходом русских среди бурят постепенно рас-
пространились огородные культуры и их названия: кар-
таабха (с различными диалектными вариантами) – кар-
тофель, һоньдино – лук, угэрсэ – огурцы, халууса – ка-
пуста, морхоог – морковь, помидоор – помидоры и т. п.

Раньше буряты не ели грибов (һархяаг). Позже
стали их собирать и употреблять в пищу в соленом или
маринованном виде (как и русские).

Путешественники отмечали также, что буряты "ве-
ликие охотники курить табак"⁹¹. Раньше они курили в

⁸⁶ См. у Татаринова: "А весной питаются сара-
ною (или корнем от цвета лилей ...) ... Тако ж в пи-
щу потребляют траву мангир, которая вырастает ско-
рее других трав, мякко и слаще луку. А полевой лук и
стебель ревеня черенкового запасают в зиму же скро-
шенной и сушат" (Описание о братских татарах ...,
с. 26). Ср. у Ренья: "Весною буряты питаются чаще
всего луковицами сараны. Они варят их с мясом"
(Зиннер Э.П. Указ. соч., с. 197). Ланганс пишет:
"Забайкальские питаются также сараной, или корнем
от лилей и других растений" (Ким Н.В. Указ. соч.,
с. 150).

⁸⁷ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1,

с. 59.

⁸⁸ Описание о братских татарах ..., с. 25.

⁸⁹ Ким Н.В. Указ. соч., с. 151.

⁹⁰ Там же, с. 150.

⁹¹ Георги И. Указ. соч., с. 33.

основном листовой табак (набшаһан тамхин), а затем –
махорку, папирасы, сигареты, и соответственно появи-
лись в лексике новые названия табачных изделий (мо-
хоорхо, палироос и т. д.).

Одежда, обувь, головные уборы и укра-
шения. Раньше буряты шили одежду и обувь в основ-
ном из шкур зверей и домашних животных. Избрант
Идес пишет: "Зимой как мужчины, так и женщины но-
сят длинные одежды из овчины ..." ⁹². У М. Татарино-
ва читаем: "Из кож (т. е. из шкур животных. – Ц. Б.)
делают все потребное на себя платье: зимнее и лет-
нее"⁹³. Или: "Платье имеют по большей части шубы
бараньи ..., а шубы козьи, тако ж лесных коз и волчьи,
носят вверх шерстью и называют дахо; на ногах сапо-
ги, по их называются унты, ... чулки войлошные. А
летом носят азямы, наподобие татарских, по их называ-
ются тырлык"⁹⁴. Франц Ланганс дал следующее опи-
сание одежды бурят конца XVIII в.: "Обыкновенное их
платье состоит в шубе из овчины, похожей на русский
кафтан, длиною до икр с долгими вверху широкими, а
по концам узкими ... рукавами, которую они в жару
шерстью наружу выворачивают. Кафтаны бывают того
же вида кожаные, а у богатых суконные и шелковые.
Рубахи носят только богатые, да и то редко. Сапоги у
них короткие, широкие, кожаные. Штаны широкие же
долгие, и чулки тоже кожаные ... Некоторые имеют
шапки малахай с кистями ... А летом ничем головы
своей не покрывают"⁹⁵. Приведем названия старинной
одежды: дэгэл – шуба (овчинная), хормоз – подол, сээ-
жэ – верхняя часть женской шубы, хяаза – плисовая
оторочка вдоль полы (у женской шубы), булуубша –
утолщение предплечья женской шубы, нюдарга – обшлаг
с оттопыривающимся отворотом, энгэр – борта; тэрлиг –
летнее пальто, халаад – летний женский халат, дэгэлээ –
накидка на шубу ("В старину бурятки надевали на шу-
бу особую накидку дэгэлээ ... Дэгэлээ шилось без ру-

⁹² Идес Избрант, Бранд Адам. Указ. соч.,
с. 134.

⁹³ Описание о братских татарах ..., с. 10.

⁹⁴ Там же, с. 22.

⁹⁵ Ким Н.В. Указ. соч., с. 149.

кавов⁹⁶), хубэнтээ дэгэл – ватный халат, зубсаа – крытая меховая шуба; гомон дэгэл – гладкая (без складок) мужская шуба; зап.-бур. хормозтоэ дэгэл – женская праздничная одежда; уужа – безрукавка, надеваемая сверху на шубу или на халат (ср. зап.-бур. хубаэси – безрукавная накидка, похожая на уужа), хормозкшо – наподник⁹⁷ (см. у Татаринова: “Да сверх одежды надевают наподники, по их называются хормойкши. А оные шьют изо всякой материи и сукна”⁹⁸. Ср. у Клеменца: “Хоринцы в старину носили т. наз. харамокши. Это род двух запонов, надеваемых с обеих сторон, края запона сходятся впереди и назад. Подклад нижних полочек у пояса не сходится вверху, таким образом получаютя два больших кармана”⁹⁹. Из других названий одежды можно привести умдэн¹⁰⁰ – брюки, самса – рубаха (собственной кройки и шитья), малгаэ – шапка и т. д.

С конца XVII в. произошли заметные изменения в названиях одежды. С проникновением в быт новых видов одежды, обуви и т. д. в бурятском языке появились новые слова, обозначавшие эти новые предметы. Из русского языка или через него из других языков проникли в бурятский такие заимствования, как жэпүүн, жэбхүүн (данное заимствование отмечено Кастреном: нижнеуд., тунк., хор. диккуун, жипкуун, сел. джишкун – верхняя одежда из грубого сукна); тулүүб – тулуп, пальтоо – пальто, телегрээхэ, костюум, хүүртиг – пиджак¹⁰¹, шарваар, маайка, турсы, юбкэ, коофто и другие.

96 Тугутов И.Е. Указ. соч., с. 12.

97 Наподник – куртка, надеваемая поверх одежды.

98 Описание о братских татарах ..., с. 22.

99 См.: Клеменц Д.А. Доклад по исследованию быта. 1890. Архив ИВ АН СССР, ф. 28, № 3, конв. 105, л. 46.

100 Вплоть до Октябрьской революции буряты (например, южные) носили зимой овчинные брюки (арһа умдэн).

101 В ряде сел Эхирит-Булагатского района Иркутской области пиджак называется пальтоо (с фонетическими вариантами), а пальто – дэгэл.

Названия обуви: гутал (зап.-бур. годоһон) – унты, эрмэг(тэй) гутал – сапог с приподнятым острым носиком; боэтог – легкий тип обуви. И. Е. Тугутов неверно считает, что жители южной части Бурятии якобы в начале XX в. заимствовали эту обувь (боэтог) у северных бурят¹⁰², тогда как оца была известна еще древним монголам и слово боэтог в значении “унты” зафиксировано в старописьменном монгольском языке: бэйитуг > халх. боэток¹⁰³.

Охотники носили мягкую обувь из конских волос на войлочной подошве. Такая обувь называлась пампадаэ (прибайкальские буряты ее называли бамхи¹⁰⁴). Постепенно бурятский язык обогащается новыми словами, обозначающими обувь: хаатанха (или баалинха), боото, батынха (зап.-бур. башанхаэ, от этого слова образована фамилия Башанхаев, досл. Ботинкин), сабхи – сапоги, ишэг – ичиги. Характерно, что раньше в западнобурятском наречии сапоги назывались исконными словами тахата годохун – досл. с каблуками обувь или унты (“на ногах сапоги, по их называются унты”¹⁰⁵). Ср. тунг. унта (Миллер). Затем они были заменены заимствованием сабайэ (с фонетическими вариантами), проникшим из русского языка.

Названия головных уборов: малгаэ¹⁰⁶ – шапка, урбуулга – шапка-ушанка, тоэробшо – летняя шапка (остроконечная, стеганая, без ушей); бортого малгаэ – шапочка у молодых замужних женщин в виде тюбетейки (особенно у западных буряток). У русских заимствованы головные уборы и их названия: пулаад –

102 См.: Тугутов И.Е. Указ. соч., с. 128.

103 См.: Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика ..., с. 325.

104 См.: Тугутов И.Е. Указ. соч., с. 129.

105 Описание о братских татарах ..., с. 22.

106 У тункинцев: маахаэ – шапка из выделанной кожи, снятой с головы волка или выдры. В документе XVIII в. – в челобитной буряты Байдурко Торцова, поданной воеводе, отмечено слово “малахай (шапка) лисий” (История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 71). См. также: Окладников А.П. Очерки истории западных бурят-монголов. Л., 1937, с. 156.

платок (раньше в русском языке бытовало, очевидно, слово плат), шааль, кураашка, шляпа.

Названия украшений. Раньше буряты, особенно девушки и молодые женщины, носили различные украшения. "Многие носят серьги, перстни и кольца"¹⁰⁷, - писал И. Георги. "В конце кос (девичьих. - Ц. Б.) приплетают шеленги"¹⁰⁸, старые серебряные копейки, корольки¹⁰⁹, медные и железные и оловянные кружечки, в ушах серги, токмо кольца, у некоторых есть и перстни ... На конце кос (женских. - Ц. Б.) убрано корольки, бисер, шеленги и протчая, так же и на шее носят по множественному числу корольков и бисер"¹¹⁰. В бурятском языке известны следующие названия украшений: һиихэ или монгол һиихэ - украшение для девушки и женщины до двадцати лет (данное украшение было известно лишь южным и восточным бурятам, а иркутские буряты не имели понятия о нем¹¹¹); ээмэг - основание этого украшения; даруулга (цонг. татуурга) - коралловый венок, надеваемый женщинами на волосы; этот венок украшался тремя рядами драгоценных камней, шурэ - кораллы, хуба - янтарь, номин - лазурь, оюу - бирюза; сел. жэншэ (хор. дэнзэ) - шариковое украшение на остроконечной бурятской шапке; девушки и молодые женщины носили на руке бәһэлиг - колечко, бугааг - браслет, в ушах һиихэ - серьги.

Бурятки носили и другие украшения: нимбуу - серебряная коробочка и гуу - амулет (который носили на груди в виде медальона); бөөрэнхээ или сондоэ - кистеобразное женское украшение с кистями¹¹².

Влияние русского языка наблюдается и в названиях тканей (ситцеэ, сатинн, драаб, коверкоод), а также постельного белья (адааял, пороостон, матраас, пудуушка)¹¹³.

107 См.: Георги И. Указ. соч., с. 31.

108 Шеленги - шиллинги (австрийские монеты).

109 Корольки - кораллы (сиб. моржаны).

110 Описание о братских татарах ..., с. 23.

111 См.: Тугутов И.Е. Указ. соч., с. 138.

112 См.: Там же, с. 145.

113 До революции бурятскому языку были известны слова торгон - шелк, сэмбэ - сукно, дэрэ - род подушки, хунжэл - одеяло (в основном из овчины или козьей шкуры) и некоторые другие.

Эти и многие другие слова, заимствованные из русского или через него из других языков, вплоть до Октябрьской революции почти не были известны бурятскому языку. Таким образом, в бытовой лексике происходят большие изменения. В языке появляются новые слова в связи с внедрением в быт новых предметов: бийлхэ, бэлкюдце, самаваар, астахаан, часть лексических единиц изменила свою семантику: дарга - князь; государь, властелин (Кастрен), ср. совр. бур. дарга - начальник; зап.-бур. тура - город, ср. совр. зап.-бур. тура - 1) город; 2) дом (расширение семантики слова). Некоторые слова устарели, например, хор.-бур. һорибэ - шаманская палочка (Кастрен). Более 100 лет назад это слово шаманского культа бытовало у хоринских бурят, а теперь оно перешло в разряд устаревших слов, так как у восточных бурят давно нет шаманизма. Многие слова перешли в пассивный запас словаря, особенно те, которые отражают быт старого села (старые организации, учреждения, должности, религию): ноён - князь, баян - богач, барлаг - раб, ясак - есак (Татаринов). Отдельные слова вышли из употребления, например, современному бурятскому языку неизвестны слова ятага в значении "балалайка" (Кастрен), кибири, записанное в свое время М. Татариновым, в значении "копейцы" ("стрелы". - Ц. Б.): "Для военного случая имеют боевки - стрелы с тоненькими круглыми копьями, да есть же, называются кибирь, копейцы, весьма широки и вострые"¹¹⁴.

Изменения в лексике о человеке и семье

К этой тематической группе относятся названия частей тела человека, болезней, некоторые медицинские термины, слова, обозначающие семейно-родственные отношения.

В материалах по бурятскому языку (XVIII-XIX вв.) засвидетельствовано немало слов, обозначающих человека и части его тела: кун (Миллер, Аделунг), кунь, амитун (Чемесов), кунь (Паллас) - человек. Ср. у Каст-

114 Описание о братских татарах ..., с. 27.

рена: кун (нижнеуд., тунк.), хүн (хор., селенг.); тулгай (Миллер), толохой (Аделунг, ед. хр. 107), тологой (Татаринов, Чемесов), тологой, тулгай (Паллас) – голова. Ср. у Кастрена: тархи (хор.) – голова; таржэ (нижнеуд.), тарки (тунк.), тарке (сел.) – головной мозг, уурак тархи (хор.) – головной мозг; хассур (Миллер), хасар (Татаринов), ооши, хассур (Аделунг, ед. хр. 110), хацар (Аделунг, ед. хр. 107), ооши, хашир (Паллас) – шека. Ср. у Кастрена хасар (тунк.), касар (нижнеуд.), хасар, хасэр (хор.), хацэр (сел.); н'ур – лицо (Кастрен): н'ур (нижнеуд., тунк., сел.), н'ур, н'ур (хор.); хабар¹¹⁵ (Миллер, Аделунг, ед. хр. 110); хабэр (Аделунг, ед. хр. 107), хамар (Татаринов, Чемесов) – нос. Ср. у Кастрена: хамар (тунк., сел., хор.), камар (нижнеуд.); ниду (Миллер), ниду, нюдун (Аделунг, ед. хр. 110), нуду (Адел., ед. хр. 109), неду (Татаринов), нюдун (Паллас) – глаз. У Кастрена: нюдэн (тунк., хор.), нидэн (нижнеуд.), нюдэ (селенг.); чикин (Миллер и Аделунг, ед. хр. 107), чикин, чикюн (Паллас), чькин (Чемесов) – ухо. У Кастрена: шижэн (нижнеуд., тунк.), шихэн (хор.), чихэ (сел.); ама (Миллер, Аделунг, ед. хр. 107, 109), ама, аман (Аделунг, ед. хр. 110), аман (Чемесов), ама (Паллас) – рот. У Кастрена: аман (нижнеуд., тунк., хор.), ама (сел.); урул – губа (Миллер, Аделунг, ед. хр. 109, 110, Татаринов); кулун (Миллер), кулун, кэлэ (Аделунг, ед. хр. 110), кэлэ (Аделунг, ед. хр. 109), кылын (Чемесов), кылын (Паллас) – язык. У Кастрена: кэлэн (нижнеуд., тунк., хор.), хэлэ (селенг.); шудун (Татаринов), шиду (Аделунг, ед. хр. 107), шудун (Чемесов и Аделунг, ед. хр. 109), шиду (Паллас) – зубы; тараки¹¹⁶ – лоб (Паллас). У Кастрена: соко (нижнеуд.), сохо (сел.), дохо (хор.); ээм¹¹⁷ (Миллер, Паллас), йээм (Аделунг) – плечо; гар – рука (во всех источниках: Миллер, Аделунг, Паллас, Татаринов, Кастрен); кулл (Миллер), кул, кулл (Аделунг), куль (Чемесов), кул (Татаринов, Паллас) – нога. У Кастрена: көл (нижнеуд., тунк.), хөл (хор.), хул (сел.).

¹¹⁵ Ср. монг., калм. хамар – нос.

¹¹⁶ У Палласа, видимо, ошибка или описка. См.

там же: монг. цохо, маннай, калм. мангна, магни – лоб.

¹¹⁷ Ср. монг. муру, калм. ээм, бухарск. мюр.

Термины родства: баабай (Аделунг, ед. хр. 109, 110; Паллас) – папа. У Кастрена: баабэ (нижнеуд., тунк., сел.), баабэ (хор.)¹¹⁸, эсэгэ (в различных фонетических вариантах) – отец; экэ (Миллер), икэ, эбу, ибэй, ибэй, ебы, еме (Паллас) – мать, мама. У Кастрена: экэ (нижнеуд.), икэ (тунк.), эхэ (сел.); басаган (Миллер), бичахан, бацахан, бассаган (Аделунг, ед. хр. 110) – дитя, ребенок. Ср. у Чемесова: бацагань – мальчик (в сочетании: иде дырбунь бацагань баран мэнду – сии четыре мальчика все здоровы), бацаган – девушка: ине бацаган ули ебана – эта девушка еще не ходит. Ср. у Кастрена: ухин (хор., сел.), экин (нижнеуд., тунк.). См. у Палласа: бур. базаган – мальчик и т. д.

Как известно, письменные источники по бурятскому языку отсутствуют вплоть до XVIII в. (до прихода русских). Но это не означает, что до этого периода не было собственно бурятских слов. Они, безусловно, существовали, но только не были зарегистрированы. Если бы имелись письменные памятники у ранних бурят, то мы нашли бы там многое из того, что записано хотя бы у Миллера, Татаринова и других, например, нооһон – волосы (Миллер¹¹⁹, Аделунг, ед. хр. № 110). Ср.: совр. зап.-бур. нооһон также означает “волосы”, а в восточнобурятских говорах нооһон (в южнобурятских говорах ноос) – шерсть (овцы, козы), а волосы называются у последних үһэн (юж.-бур. үсү). В этой связи характерно, что в западнобурятских диалектах шерсть называлась, видимо, һорһон или хорхон (у Миллера chorghon). В современных словарях слово һорһон зарегистрировано в значении “зимняя грубая непрочная шерсть” (козули)¹²⁰, хури дуу¹²¹ (Аделунг, ед. хр. 109) – младший брат жены¹²², ибэй – мать (Аделунг, ед. хр. 109)¹²³ оту баабай – дедушка (там же)¹²⁴.

¹¹⁸ Ср. монг. аба, калм. абу – папа.

¹¹⁹ В рукописи: nohon.

¹²⁰ Бурятско-русский словарь, с. 685.

¹²¹ В рукописи: kuridu.

¹²² См.: Бурятско-русский словарь, с. 613:

хур дуу – младший брат жены.

¹²³ В рукописи: иэбэй. Ср. зап.-бур. ибии – мать (Бурятско-русский словарь, с. 292).

¹²⁴ В рукописи: otu babai. См.: Бурятско-

Хотя изменения в лексике о человеке и семье менее заметны, чем в производственной и бытовой лексике, но и здесь произошли отдельные перемены. Так, в записях И. Чемесова в значении "человек", наряду с хун, зафиксировано амитан. В настоящее время слово амитан встречается в негативном значении "плохой человек": ямар амитан гэжэ даа! – что за человек он! В бурятских источниках XVIII в. наряду с хассур, хацер (Аделунг), хассур (Миллер), хасар (Татаринов), хашир (Паллас) – шека зафиксировано слово оосчи, т. е. ооши (Аделунг), ооши (Паллас). Но в настоящее время слово ооши в значении "щека" не встречается. Видимо, оно вытеснено словом хасар. Изменения в рассматриваемой группе лексики выражаются также в конкретизации значений отдельных словарных единиц. Так, раньше одним словом басаган обозначались синкритично два различных понятия "девочка" и "мальчик", например, в записях Ивана Чемесова (см. выше). То же самое находим и в улигере "Еренсей". Например, "Басаган, энэ шэни басаган хунэй барихгүй эхэ шубуун ханай гэшэ"¹²⁵ (Мальчик, это такая огромная птица, которую ты не сможешь поймать). Здесь слово басаган употреблено в значении "мальчик". Ср.: "Хубуун басаган хоёроо убулэй эхэ хүйтэндэ убурээ болон байбалдаа"¹²⁶ (В зимний сильный холод девочку и мальчика за пазухой согревал). Во втором случае лексема басаган употреблена в значении "девочка". Такие случаи единичны. Данное слово чаще встречается в значении "мальчик (сын)". См. также у Палласа: бур. базаган, ан-мальчик¹²⁷.

русский словарь, с. 379: отоо баабай, отообай – бох., эхир. дедушка.

¹²⁵ Еренсей. Улан-Удэ, 1968, с. 145. См. там же: "Басага мэни яалайш?" – Что ты, мой мальчик? (с. 67); "Басаган хүүнэй хэлэһэн хойно – Раз мальчик сказал" (с. 68); "Басаган, ямар уни холо ябаш даа – Мальчик, как долго ты ездил?" (с. 85).

¹²⁶ Еренсей, с. 49.

¹²⁷ В значении "девочка, дочь" зарегистрированы слова окин (укин), басаган (Аделунг), бозаган, укин (Паллас).

В прошлом слово басаган, видимо, означало "ребенок, дитя" (ср. зап.-бур. бэсэгэн – младший). Впоследствии значение данного слова в бурятских диалектах стало конкретизироваться: им стали называть только девочек (девушек), а понятие "мальчик (парень)" стало обозначаться лишь словом хубуун. Возможно, последнее образовалось при филиации значения слова хумун – человек – на две части (хумун → хуун – человек и хумун → хубуун – мальчик). Характерно, что в других монгольских языках слово басаган не употребительно.

В терминологии родства наблюдается большой разноречивой. Одной из причин этого были явления табу и эвфемизмов. Известно, что в прошлом женщинам запрещалось называть родственников мужа и других мужчин их собственными именами. Отсюда, вместо подлинных названий появились иносказательные – эвфемизмы. Об этом М. Татаринов пишет: «Свекра называют найон, то есть "господин", большого деверя еке аха¹²⁸, то есть "большой брат". Тако ж и жены мужей именами не называют, а зовут гири и жин, то есть "хозяйин". Да и приезжающему жена мужа именем не объявит, как только "хозяйин", а именем назвать почитают за грех, а другие также называют и именем»¹²⁹. В с. Закулей Нукутского района в 1974 г. нам сообщили: "Хадамаа нэрэнэ нэрлэжэ болхобээ зохоонтоэ баэгаа, баабаэл гэдэг баэгаа" (Раньше (невестка) не имела права называть тестя его собственным именем, его должна была называть лишь папа).

Вследствие утраты явления табу, а также под влиянием бурятского литературного языка и взаимовлияния диалектов особенно в последние десятилетия наблюдается унификация терминологии родства.

Заметные изменения происходят в бурятских личных именах. В ранний период истории бурят бытовали исконные имена наряду с заимствованными из других языков, особенно из тюркских и тунгусо-маньчжурских: Дахата (от основы даха – доха + аффикс =та), Галта (от осно-

¹²⁸ Заметим, что тогда в мягкорядных словах употреблялся смычный к, в твердорядных словах шелевой х.

¹²⁹ Описание о братских татарах ..., с. 22.

вы гал – огонь + аффикс -та), Улаан – красный, Сагаан – белый и другие. Так, в челобитной, поданной Петру I в 1701 г., верхоленский бурятский шуленга Ахагалов указал, что лет 10 тому назад его отца Ахагала во время ссоры "убил до смерти" братский мужик Дагар. Верхоленский бурят абзаевского рода Бирайка Бачиктуев жаловался на то, что брат его жены Аюкиев подготовил ее уйти от мужа, ... отдал замуж за другого "ясачного мужика" Дахатаева¹³⁰. В документе, датированном 1749 г., отмечено, что "на Бряне речке заморские брашние зайсан Улахан кулметского роду и при нем юрт з двадцать жительство имеют да башан (может быть, байшан – здание. – Ц. Б.) брашней"¹³¹. И. Георги пишет, что буряты (у автора – буретты. – Ц. Б.) "сыновьям обыкновенно дают имена: Соргот, Малта, Халда, Нилиж, Гаги и проч., а дочерям: Шабокур, Анехай, Махул, Агалеи и проч."¹³².

Часть бурятских личных имен была связана с суеве- риями. В семьях, где часто умирали дети, ребенку да- вали имена с неблагоприятным содержанием, желая тем самым отвлечь от ребенка влияние злых духов: Эмхээ – тухлый, Баха – лягушка, Шоно – волк, Боохолдоэ – до- мовой¹³³. Приведем родословную таблицу информанта Манжея Николаевича Николаева (1886 г. рождения, рода бага шно) из с. Толобо Ольхонского района Ир- кутской области: Шоно ← Хуһан ← Рыбанка ← Галта ← Хандун ← Петруушхэ ← Хустанти (Константин) ← Мазаэ Николай (дед информанта) ← Николай (отец информан- та) ← Манжей (информант) → Матвей (сын информанта) → Виктор (внук информанта, 1952 г. рождения).

С распространением в Бурятии ламаизма в конце ХУП – начале ХУШ в. к добайкальским (особенно алар- ским) бурятам стали проникать имена тибетского и сан-

¹³⁰ См.: История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 72.

¹³¹ Залкинд Е.М. Начало русской колонизации бассейна р. Уды. – В кн.: Культура и быт народов Бу- рятии. Этногр. сб. БКНИИ СО АН СССР, вып. 4. Улан- Удэ, 1965, с. 144.

¹³² Георги И. Указ. соч., с. 34.

¹³³ Эти примеры личных имен даны по нашим ма- териалам, записанным в Иркутской области в 1964 г.

скритского происхождения: Цэрэн – долголетие, Чэмэд – бессмертный, Рабдан – весьма прочный, Чоэджон – ге- ний, Рэнчэн – родовитый, Дорджо – скипетр, Содбо – терпеливость, Бадма – лотос, Арьяа – святой, Гарма – следствие, Базар – алмаз.

После присоединения Бурятии к России большое распространение среди добайкальских бурят получили русские имена. До революции оно было связано с на- сильственной христианизацией бурят.

После Октябрьской социалистической революции русские имена стали распространяться также и среди забайкальских бурят, особенно среди молодежи. Теперь буряты принимают русские имена совершенно доброволь- но, нередко предпочитая их даже исконным.

Часть бурят меняет свои имена, особенно двусос- тавные, тибетского и санскритского происхождения на русские, например, вместо Дэмидцоу – Ангелина, вмес- то Балмацоу – Валентина, Дулмажап – Евдокия, Дари- жап – Любовь, Цырендаши – Сергей, Доржи – Алексей и т. д.¹³⁴.

Займствованные русские имена дореволюционного периода подвергались сильным фонетическим изменени- ям: Хустанти (вместо Константин), Башли (Василий), Уханааша (Афанасий), Огоноон (Игнат).

До революции в лексике бурятского разговорного языка была распространена терминология, связан- ная с народной медициной. Например, были из- вестны названия некоторых видов болезней: хии ханяа- дан – хронический бронхит, уушханаэ ханяадан – туберку- лез легких, ильдин – грибковые поражения кожи, хадьха (зап.-бур. шихан) – фурункулез, гал намарһан – опоясы- вающий лишай, маажуур – чесотка, боомо – сибирская яз- ва; названия лекарственных средств: шультэ – сердцевина гнилой березы, гэшуунэ – ревеня, һудэн – кровохлебка лекарственная и другие. Так, для лечения суставного ревматизма буряты применяли ванны из пяти целебных трав: сагаан дали – можжевельник каменный, сагаан ая – полынь белоземельная, саргар – багульник болот- ный, балга модон – таволга иволистная и зэргэнэ –

¹³⁴ Примеры записаны в с. Ноехон Селенгинско- го аймака.

хвойник эфедра¹³⁵. Кроме того, как дезинфицирующие средства употреблялись богородская трава (ганга) и пихта (жодо): "Всякую скверну и нечистоту окуривают богородскою травою и пихтою"¹³⁶, — писал М. Татаринов. Ввиду отсутствия хирургии перелома костей лечили костоправы (баряшан). Некоторые из них были весьма искусными.

Однако распространение буддизма в Бурятии "сопровождалось постепенным вытеснением бурятской народной медицины индо-тибетской"¹³⁷. Отсутствие научной медицины заставляло бурят прибегать к помощи лам и шаманов. Неудивительно поэтому, что до Октябрьской революции среди бурят были распространены различные заболевания. М. Татаринов упоминает такие болезни, как "воспа" (сагаан сэсэг. — Ц. Б.), "французская болезнь" (люэс. — Ц. Б.), "комуха, то есть лихорадка"¹³⁸ (бур. хумхаа — Ц. Б.) и т. д. Георги отмечал, что "буряты до 60 лет редко доживают"¹³⁹.

Изменения в производственной лексике

Основными занятиями бурят издавна были животноводство и охота, подсобным — рыболовство и собирательство.

Лексика животноводства. До прихода русских основу хозяйства у бурят составляло скотоводство: у забайкальских бурят — скотоводство полуседлого характера, у забайкальских — кочевое скотоводство пастбищного типа. Они разводили крупный и мелкий скот, лошадей и верблюдов. В русских документах XVIII в. отмечается, что у бурят-скотоводов "коней и коров, и овец, и верблюдов бесчисленно"¹⁴⁰. В дневнике Спафа-

135 См.: Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 92.

136 Описание о братских татарах..., с. 35.

137 См.: Очерки истории культуры Бурятии,

т. 1, с. 92.

138 Описание о братских татарах ..., с. 34.

139 Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 94.

140 ЦГАДА, СП, стб. 12, л. 87-89. (См.: История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 59).

рия зафиксировано, что у западных бурят "скота всякого: коней, коров и овец много"¹⁴¹. Часть бурят кочует "неподалеку от Селенгинского острога... для прокормления многого скота их"¹⁴². Проезжая через Братский и Балаганские остроги в 1693 г., И. Идес писал: "Между гор, в долинах, на равнинах, живет много бурят, обладающих большим богатством в виде коров и косматых быков ... Они не имеют никакого представления о земледелии и плодородстве"¹⁴³. Другой западно-европейский путешественник Дж. Белл, проезжая мимо Балаганска 15 марта 1720 г., отмечает, что "они (буряты. — Ц. Б.) имеют большие стада овец и множество коров и лошадей ... Имеют также множество коз"¹⁴⁴. Л. Ланге пишет: "16 июня (1731 г.) мы прибыли в Братск... Жителей этих мест называют братскими татарами и они богаты конями, быками, коровами, овцами и т. д."¹⁴⁵. По сообщению Гмелина, хозяйство забайкальских (селенгинских) бурят было чисто скотоводческим: "Буряты здешних мест живут одним только скотоводством", "главнейшее богатство бурят заключается в скоте — лошадях, быках, овцах и козах"¹⁴⁶. "Их скотоводческое хозяйство, — пишет Ренье, — доставляет им молоко от коров, лошадей и коз, а также дичь составляют все их богатство, отсюда получают они не только свою пищу, но и летнюю и зимнюю одежду"¹⁴⁷. Скотоводство преобладало особенно у хоринских бурят. Об этом И. Георги сообщил следующее: "Хоринцы содержат себя почти одним скотоводством", "... имеют весьма значительные табуны лошадей и стада рогатого скота и овец, однако верблюдов и коз не так много"¹⁴⁸. Ф. Ланганс говорит: "Буряты народ пастушеский: в скоте состоит их богатство. Они содер-

141 Путешествие через Сибирь ..., с. 111.

142 Там же, с. 128.

143 Идес Избрант, Бранд Адам. Указ. соч., с. 130-131.

144 Зиннер Э.П. Указ. соч., с. 56-57.

145 Там же, с. 109.

146 Гирченко В. Указ. соч., с. 19.

147 Зиннер Э.П. Указ. соч., с. 189.

148 Георги И. Указ. соч., с. 27, 32.

жат лошадей, коров, овец и коз, а селенгинские и верблюдов" 149.

Таким образом, в хозяйстве бурят доминирующее значение издавна имело скотоводство. Поэтому в бурятском языке широко представлена животноводческая терминология. В записях Г. Ф. Миллера, М. Татаринова, И. Чемесова, П. С. Палласа и в других ранних документах, где зафиксирован материал разговорного бурятского языка (XVIII в.), находим немало терминов животноводства. Например: мал – скот¹⁵⁰, тэмээн¹⁵¹ (у Татаринова темэнь¹⁵²) – верблюд; мурин – конь (Миллер, Татаринов, Паллас), азарга – жеребец (Миллер, Аделунг, Татаринов); гу (Миллер), гу, гун (Аделунг), гун (Татаринов) – кобыла; унага (Миллер, Татаринов), унаган (Аделунг) – жеребенок; буха (Миллер), буха, эрэкур (Аделунг), буха, эрэ-укэр (Паллас) – бык; вол, ср. у Татаринова: акта укер – бык клadenый, буха – пороз, укур (Миллер), укер¹⁵³ (Татаринов), униа, ун, укур (Аделунг) – корова; тугул (Миллер, Аделунг), хуса (Татаринов) – баран; хони, хонин (Аделунг), хонин (Татаринов) – овца, куриага (Миллер), хуриган, куриага (Аделунг), хуреган (Татаринов) – ягненок; куриага (Аделунг), хуреган (Татаринов) – ягненок; тэхэ или тэкэ (Аделунг) – козел.

Разведением пяти традиционных видов животных – лошадей, коров, овец, коз и верблюдов – монгольские племена, в том числе буряты, занимаются с древних времен. Об этом свидетельствует наличие общей лексики животноводства во всех монгольских языках: бур. морин, халх. морь, калм. мерн, даг., мнгр., дунс., Ибн мори, баоан. морэ, мог., Мук., Лейд., ст.-монг. морин – лошадь; бур. гүүн, халх. гуу, калм. гун, Лейд., Коз. гэун, ст.-монг. гэгун – кобыла; бур. унаган, халх. унага, калм. унһн, мнгр. нага, Мук. унаган, ст.-монг. уну–

149 Ким Н.В. Указ. соч., с. 155.

150 Архив Аделунга, ф. 7, ед. хр. 109.

151 Архив Миллера, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 143.

152 Описание о братских татарах ..., с. 43.

153 У Татаринова в оригинале уке. Вероятно,

описки (вместо укер).

ган – жеребенок; бур. дааган, халх. даага, калм. дааһн, ст.-монг. дагаган – годовалый жеребенок; бур., халх. ухэр, Мук. укэр – крупный рогатый скот, Ибн укуз, даг. укур – бык, Лиг. һукэр – вол, мнгр. фугуор – бык, вол; мог. укра, ордос. укр, ухр, калм. укр, мог. укар, бур. унээн, халх. унээ, даг. унээ – корона; бур., халх. тугал, калм. тугл, ст.-монг. тугул – теленок; бур. буруу, халх. бярүү, калм. бүрү, ст.-монг. бирагу – годовалый теленок; бур. хонин, мог. хонь, калм. хөн, даг., ордос. хони, Лейд. кони – овца; бур. хуриган, халх., ордос. хурга, калм. хурһн, Лиг., Коз. курикан, Лейд. куриган, ст.-монг. куриган, хуриган – ягненок; бур. хуса, халх., калм. хуц, ордос. гуча, ст.-монг. куча – баран; бур. эрье, халх. ирэг, калм. иргэ, Лиг., Коз. иргэ, ст.-монг. иргэ – валух; бур. тэмээн, халх. тэмээ, калм. тэмэн, мнгр. тымыэн, Мук. тэм(ээ)н, Лейд. тэмээн, Ибн тэмээ, ст.-монг. тэмэгэн – верблюд; бур. ямаан, халх. ямаа; баоан. иман, дунс. йиман, Лейд. имаан, ст.-монг. имаган – ложа и т. д.

Значительно позже кроме указанных видов скота буряты по примеру русских стали разводить свиней и домашних птиц. В записях XVIII в. по разговорному языку бурят встречаются такие названия, как гахай – свинья (Аделунг, Татаринов, Паллас), гахай көбүн¹⁵⁴ – поросенок (Аделунг). Ср. совр. зап.-бур. гахаэн көбүүн – поросенок, вост.-бур., юж.-бур. поршоонхо (с фонетическими вариантами). Или тахья – курица, петуух, сьплёонхо (в различных фонетических вариантах), индюк и т. д. Слова гахаэ – свинья и тахья – курица появились в бурятском языке, очевидно, значительно раньше, чем буряты стали держать в своем хозяйстве свиней и кур. Так, ф. Ланганс в 1789 г. писал, что буряты "свиней не держат... Нет у них и никаких домашних птиц"¹⁵⁵. Ранее бытование в бурятском и в других монгольских языках слов гахаэ и тахья связано с распространением издавна среди монгольских народов бытовым календарем животного цикла, согласно которому гахаэ жил – год свиньи, тахья жил – год курицы (наряду с луу жил – год дракона, бэшэн или мэшэн жил – года обезьяны и т. д.). Ср., например, халх. тахиа, калм. така, мнгр.

154 Точнее было, видимо, гахаэн көбүүн.

155 Ким Н.В. Указ. соч., с. 155.

тайгуу, дунс. тьжа, баоан. тэха, Мук. таки¹аа, Ибн да-
кук, квадр. т'к'ийа, Лейд., ст.-монг. такийа - курица.

В "Грамматике" Кастрена немало названий домаш-
них животных: мал - скот, азарга - жеребец, морин -
конь, унаган - жеребенок, буха - бык, үнеэн - корова,
тугул - теленок, хуса - баран, иргэ - валух, хонен -
овца, хураган (хор.), хурега (тунк.) - ягненок, ямаан -
коза и других.

Из богатой животноводческой терминологии совре-
менного бурятского языка приведем лишь несколько
примеров возрастных названий некоторых видов тради-
ционных домашних животных. Верблюды (тэмээн): бото-
гон - верблюжонок, тором - годовалый верблюжонок,
тазлаг - двухлетний верблюд, гуанан тэмээн - трехлет-
ний (самец), гунжан тэмээн - то же (самка), дүнэн
тэмээн - четырехлетний (самец), дунжэн тэмээн - то
же (самка), атан - рабочий верблюд (кастрированный),
буура - верблюд-производитель, эндин - верблюдица¹⁵⁶
Лошадь (морин): унаган - жеребенок, дааган - двухлет-
ний, гуанан - трехлетний (самец), гунжан - трехлетняя
(самка), уреэ - четырехлетний (самец), хизаалан - че-
тырехлетняя (самка), һоболон - кобылица (по пятому
году), азарга - жеребец, гуун - кобыла. Крупный рогат-
ый скот (үхэр): тугал - теленок, буруу - годовалый
теленка, хашараг - двухгодовалый, гуанан - трехгодова-
лый (самец), гунжан - то же (самка), дүнэн - четырех-
годовалый (самец), дунжэн - то же (самка), үнеэн -
корова, буха - бык, вост.-бур. сар, юж.-бур. шар, зап.-
бур. үхэр - вол. Овца (хонин): хурьган - ягненок, тул-
гэ - годовалый, шулгэ - двухлетний (самец), зуһаг -
то же (самка), хуса - баран-производитель, эрье - ва-
лух. Коза (ямаан): эшэгэн - козленок, зуһаг - двух-
летняя коза, һэрхэ - кастрированный козел.

В традиционных названиях домашних животных не
произошло сколько-нибудь заметных изменений. остано-
вимся на одном слове: В баргузинском и некоторых дру-
гих говорах западного наречия в значении "вол" упот-
ребляется слово урхур, которое образовалось, очевидно,
в результате слияния словосочетания эрэ укүр, зафикси-

¹⁵⁶ Записано нами в с. Могойтуй Агинского на-
ционального округа.

рованного в бурятских памятниках ХУШ в. в указанном
выше значении: укүр (Аделунг, ф. 7, ед. хр. 109),
эрэкур (там же), эрэ укүр (Паллас). Согласно закону
экономии усилий, сочетание эрэ укүр подверглось сокра-
щению и слиянию в одну лексему урхур. Процесс слия-
ния этих слов шел, видимо, в таком направлении: эрэ
укүр → эрхур → урхур (регрессивная ассимиляция).

Изменение произошло в названии домашнего живот-
ного - кошки. В бурятских источниках ХУШ в. в зна-
чении "кошка" записано би-нохой (Аделунг, ф. 7, ед.
хр. 110; Паллас, ч. II, с. 78). В настоящее время
данное сочетание не встречается. В современных бурят-
ских говорах нами отмечены следующие названия этого
животного: ал.-унг. миискээ, минсэнхээ, прыскээ, эх.-
бул. хөөшхэ, барг. коошко, шоошко, вост.-бур. хөөшхэ,
мии, юж.-бур. кыискэ, коошко и т. д. Ср. халх. мии,
муур, калм. мис, миш, мии, ст.-монг. мии - id.

Кроме скотоводства, буряты продолжали занимать-
ся своим прежним промыслом - охотой: индивидуальной
и коллективной. Индивидуальная охота называлась у
них агнуури, агнаха (от основы анг - зверь), коллек-
тивная охота - аба, зээгэтэ-аба (у западных бурят),
аба-хаэдаг (у восточных бурят)¹⁵⁷. Об облавной охо-
те зээгэтэ-аба у добайкальских бурят И. Идес писал:
"Весной и осенью сотни бурят собираются в одно мес-
то и выезжают на лошадях охотиться на оленей, диких
баранов и косуль. Эту охоту они называют облавой.
Достигнув места, где есть дичь, они выстраиваются в
виде круга или цепи так, чтобы один мог легко подье-
хать к другому, и охотятся сообща. Зверя убивают сот-
нями; как только он оказывается на расстоянии выстре-
ла из лука, каждый стреляет и немногим животным уда-
ется уйти, так как у каждого охотника есть в запасе
тридцать стрел"¹⁵⁸. По свидетельству И. Георги, в
Селенгинском районе также продолжала практиковаться
облавная охота: "Монголы (жившие в Селенгинском

¹⁵⁷ См.: Хангалов М. Н. Собр. соч., т. 1.
Улан-Удэ, 1958, с. 46.

¹⁵⁸ См.: Идес Избрант, Бранд Адам. Указ.
соч., с. 131-132.

районе)¹⁵⁹ часто выезжают на охоту толпою, под предводительством своих вельмож или избранных начальников и препровождают на оной по несколько сряду дней. Вооруженные всадники, коих бывает иногда до двухсот, окруженные домашними своими собаками, гонят зверей на искуснейших стрелков"¹⁶⁰. П. С. Паллас пишет об облавной охоте у бурят Восточного Забайкалья (в окрестностях Акии): "Для облавной охоты на здешних степных коз или антилоп (дзерены)... собираются группы человек в 50, 100, 200, верхом на хороших лошадях... Все охотники вооружены луками и стрелами, каждый берет с собой собаку, выдрессированную для охоты. Охотники выбирают себе предводителя, который организует охоту и руководит ею в течение всего времени, пока она продолжается"¹⁶¹. Далее описывается процесс самой охоты: облавщики "... криком и свистящими стрелами обезумливают зверя и повергают, сколько могут... Они (свистящие стрелы. - Ц. Б.) тяжелы, на конце имеют тонкое и острое железцо, шириною пальца на четыре, наподобие косоугольного; под железцом приделывается пустой костяной желвак с несколькими дырками, сквозь которые воздух прорывается. Как скоро стрелу пустить, то она будто шипит, но весьма пронзительно, и где попадет, тут же рана смертельная"¹⁶². Наконечник стрелы назывался эбэ.

Опираясь на некоторые историко-этнографические и фольклорные данные, М. Н. Хангалов дал описание коллективной охоты у древних бурят. В коллективной облавной охоте участвовало несколько родов - до тысячи человек. Руководил такой охотой начальник - галши, который указывал места для облавщиков. Участники охоты делились на два равных крыла (отряда). Во

¹⁵⁹ Имеются в виду селенгинские буряты.

¹⁶⁰ Гирченко В. Указ. соч., с. 35.

¹⁶¹ См.: Гирченко В. Указ. соч., с. 90.

¹⁶² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Первая половина 1772 и 1773 годов. Пер. Василия Зуева. Спб., 1788, с. 288, 289.

главе каждого отряда стоял газарши (путеводитель, вожак). В середине между двумя крыльями (отрядами) шел один из главных начальников зэгэтэ аба, который назывался тобши и служил соединительным звеном между крыльями облавной охоты¹⁶³.

В этой связи большой интерес представляет бурятское фразеологическое выражение, имеющее, очевидно, весьма древнее происхождение: абашан тубшын зангаар - охотник на облаве поступает так, как указывает руководитель¹⁶⁴. Из данного фразеологизма выясняется два важных факта: 1) рядовые облавщики назывались в далеком прошлом абашан (от основы аба - облава и суффикса -шан)¹⁶⁵; 2) один из главных руководителей охоты называется не тобши, как пишется до сих пор в историко-этнографической литературе, а тэбши или, что одно и то же, тубши (от основы тэб или туб - середина, центр). И это соответствует действительности: тубши или тэбши (но не тобши) шел в центре двух крыльев зэгэтэ-аба и был соединительным звеном между ними.

Орудиями охоты служили номо - лук и һомо - стрела¹⁶⁶. Стрелы носили в налучнике, который назывался һаадаг.

¹⁶³ См.: Хангалов М.Н. Собр. соч., т. 1, с. 15, 16.

¹⁶⁴ См.: Бурятско-русский словарь, с. 23. Эта пословица полностью выглядит так: "Абашан тубшын зангаар, архиншан һуншын зангаар - охотник на облаве поступает так, как указывает руководитель, а пьющий вино - так, как указывает разливающий". Но в данном случае нас интересует первая часть изречения, хотя представляет интерес и вторая, особенно слово һуншэ - разливающий, ныне, очевидно, забытое носителями диалектов.

¹⁶⁵ Имена существительные с суффиксом -шан являются названиями лиц, занимающихся добычей того, что выражено производящей основой: загаһашан - рыбовод (от загаһан - рыба), хэрмэшэн - белковщик (хэрмэн - белка). Ср. также абашан - облавщик (от аба - облава).

¹⁶⁶ Лук и стрела находились также и на вооружении древних бурят.

Но уже в XV в. охота не имела повсеместного распространения. Постепенно охотничий промысел отходит на задний план и терминология облавной охоты выходит из употребления. Сейчас едва ли кто точно знает, не обратившись к письменным источникам, семантику таких слов, как галши, газарши, тебши, зээгэтэ аба и других, относившихся к этому виду охоты¹⁶⁷.

Хозяйство бурятского населения развивалось в разнообразных географических условиях. В лесистых местностях охотой продолжали заниматься дольше, чем в степных районах, где преобладало скотоводство. В связи с этим нужно отметить, что, несмотря на общие черты в экономическом развитии бурятского населения, отдельные районы имели свои особенности. Например, в первой половине XIX в. главными занятиями тункинских бурят были скотоводство и охота. Ольхонские буряты занимались скотоводством и рыболовным промыслом. Забайкальские буряты преимущественно разводили скот (а земледелием занималась 1/3 часть их). К этому времени многие ведомства Иркутской губернии больше, чем забайкальские, были заняты земледелием. "У западных бурят встречались уже такие хозяйства, в которых земледелие по сравнению со скотоводством занимало первое место"¹⁶⁸. Эти экономические особенности отразились в специфике лексики разговорного бурятского языка. Так, в языке ольхонских и байкало-кударинских бурят, которые жили около Байкала, сравнительно больше развита терминология рыболовства, у нижнеудинских, окинских, тункинских и закаменских бурят – лексика охоты¹⁶⁹, у западных бурят – терминология полеводства, у восточных – терминология жи-

¹⁶⁷ Ср. ноех. ургээлгэ – загон на диких зверей. Данное слово также выходит из употребления.

¹⁶⁸ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 181.

¹⁶⁹ Наряду с охотой последние занимались и скотоводством (в частности, сарлыкводством) и оленеводством, а ольхонские и байкало-кударинские буряты – рыболовным промыслом, добычей нерпы и в небольших размерах скотоводством и охотой. См.: Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 323.

вотноводства (например, у агинских бурят особенно была развита лексика, связанная с верблюдоводством).

М. Татаринов отмечал: "Братские же, где есть рыбная ловля, ставят заески¹⁷⁰, а неводов и сетей у них нет"¹⁷¹. Но по другим данным, у бурят были сети (гульмэ), сделанные из конских волос¹⁷².

Приведем несколько примеров из названий рыболовной снасти, записанных нами летом 1961 г. в Ольхонском районе Иркутской области. Невод и его части: губшуур – невод, ангуу – шесты для невода (хоёр мошоно¹⁷³, ангуу гэжэ нэртээ, татаад гаргадагын – два направляющих шеста у невода, держась за которые, вытаскивают невод, называется ангуу); уута – мешок (котел) невода (у сети нет такого котла); нахлаава – поплавок невода; голёог – грузило (доодо захадан шулуу, төмөр уяна – снизу невода привязывают камни, железки); вартаа – ворот (для вытаскивания невода из воды) (губшуураа вартаагаар татна, мори хөлөөд – невод вытаскивают воротом, запрягав лошадей). Сети и их части: гулмэ – сети, заха – крыло, голиг – поплавок (уй-һөөр хэнэ – из бересты делают); голёог – грузило и другие. Большинство из этих слов бытует в бурятском языке, по-видимому, сравнительно давно. Так, в "Грамматике" Кастрена зафиксированы такие названия рыболовной снасти, как гопшур, голчур (селенг.), ст.-монг. губчигур, гобчигур – невод, нижнеуд. зэткэ, тунк. зуткэ – невод; нижнеуд., тунк. сел., хор. гулмэ – сеть, ст.-монг. гулми; нижнеуд., тунк., хор. гур – верша; хор., сел. хахууле, нижнеуд. гакууле – удочка. Ср. тунк. келмаа – удочка.

Приведем некоторые названия рыб и их частей: омли – омуль, зоодоз – молодняк омуля, хадаран – хариус, һэлбэрһэн – сиг, сурхаэ – щука, оохони – окунь, алгана – сорога, хэльмэ – осетр, яраахаэ – бычки (кроме

¹⁷⁰ Точнее, заездки – приспособление для ловли рыбы.

¹⁷¹ Описание о братских татарах ..., с. 31.

¹⁷² См.: Хангалов М. Рыболовство у бурят и Ухан-хат. – Собр. соч., т. 1. Улан-Удэ, 1958, с. 115.

¹⁷³ Т. е. модошын (от основы модон – палка).

молодняка омуля), Һуихээ – жабры, хашарһан – чешуя, Һэрбээ – плавники и т. д.¹⁷⁴

Лексика полеводства. В конце XVII и первой половине XVIII в. под влиянием русских крестьян происходит ряд изменений в хозяйстве бурятского населения. Наряду со старой отраслью хозяйства – скотоводством – развивается новая – земледелие, причем не только среди западных, но и среди забайкальских бурят¹⁷⁵, увеличивается сенокосение, совершается переход к циклической форме кочевания по временам года. В связи с этим бурятский язык постепенно пополняется терминологией полеводства.

В собраниях Миллера, Татаринова, Чемесова и других по бурятскому языку зафиксировано сравнительно немного терминов, относящихся к полеводству. Это связано, очевидно, с тем, что данные слова в то время (XVIII в.) лишь начали появляться. Так, в материалах, собранных Миллером и Аделунгом, находим улаан тарьян (в рукописи: ulan-taryan) – пшеница, ухутэй тараэн (в рукописи: uchutei-taran) – ячмень, овес (досл. зерно с усиками, волосами), тараэни тологоз (в рукописи: Tarani tologoi) – колос и некоторые другие. Как видно из примеров, вначале новые земледельческие термины создавались средствами самого бурятского языка (описательным способом), особенно в западнобурятских говорах¹⁷⁶. В этих говорах прямые заимство-

¹⁷⁴ Имеются и другие термины, связанные с рыболовством: загаһа алаха – ловить рыбу сетями и т. п., артагалха – разрезать спинную кость рыбы, чтобы жарить на огне. Термины рыболовства записаны нами летом 1961 г. в с. Тоонто Ольхонского района от А. М. Дудеева, 1938 г. рождения.

¹⁷⁵ См.: Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М., 1970, с. 25–26; Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 79; История Сибири, т. 1. Л., 1968, с. 386: "У западных бурят существовало (к приходу русских. – Ц. Б.) и примитивное земледелие. Сеяли просо, гречу, ячмень".

¹⁷⁶ В восточнобурятских говорах чаще употреблялись прямые заимствования. Ср. зап.-бур. улаан тарьян

вания из русского языка в тот период встречаются в единичных случаях, например, род или роод (Аделунг, ф. 7, ед. хр. 109) – рожь, зерно (в рукописи: Rod).

Наибольшее распространение земледелие получило среди балаганских и идинских бурят, в меньшей степени – у кудинских и верхоленских бурят. В Забайкалье в середине XIX в. занималась хлебопашеством приблизительно третья – четвертая часть хоринцев, селенгинцев и кударинцев¹⁷⁷.

Развитие земледелия привело к большим изменениям в производственной лексике бурятского языка. По мере распространения земледелия среди коренного населения бурятский язык обогащается новыми словами, в основном заимствованиями из русского и через него из других языков. Например, названия обрабатываемых участков земли: пооли – поле, паар – пары, мужаа – межа, бураздаа – борозда, загуун – загон; слова, обозначающие единицы измерения в полеводческом хозяйстве: диситиин – десятина, гаа (наряду с гектаар) и другие. Названия зерновых культур и их отходов: ешмээн – ячмень, яарса – ярица, гэршуухэ – гречиха, овёос – овес, зелёонхо – незрелый овес, солоомо(н), полоомо(н) – солома, мэхиинэ – мякина; названия орудий производства, употребляемых в земледелии: борноа – борона, молотилхо – молотилка, везелкэ – веялка, орсоохо – рассоха, ургааль – ручка сохи, молтиино – цепь, бодоог – било (цепь), сээрпэ, шээрпэ (в некоторых говорах бытует исконное хадуур) – серп, ольтообхо, литобхо (чаще хажуур) – коса-литовка.

Позже у бурятских крестьян появляются более усовершенствованные орудия вспашки. Так, со второй половины XIX в. наряду с деревянной сохой стали употреб-

и вост.-бур. шэниисэ – пшеница; зап.-бур. тараэни тологой и вост.-бур. хоолос – колос (зерновых) и т. д.

¹⁷⁷ См.: Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М.–Л., 1940, с. 166; Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 323. См. также у М. Татаринова: "Около города Иркутска, а особенно индинские (очевидно, идинские. – Ц. Б.), балаганские, тункивские, братские и прочие много пахут пашни и сеют всякой хлеб и крупу" (Описание о братских татарах..., с. 26).

ляться плуг и колесуха. Последняя представляла собой соху, укрепленную на тележной оси и имеющую ряд преимуществ (более глубокая вспашка, быстрота работы)¹⁷⁸. В связи с этим в разговорном бурятском языке появляются заимствования из русского плууг, колесууха. С дальнейшим усовершенствованием орудий земледелия вышла из употребления соха-колесуха. Заимствованное в прошлом столетии слово колесуха ныне ушло в область предания. Оно сохранилось лишь в памяти отдельных людей старшего поколения, да в старой бурятской песне "Колесуха" ("Аэдуутаэ эосидхон колесуухаш даа...").

До вхождения в состав России буряты не занимались сенокосением. "Для скота они не запасаются кормом, а оставляют его пастись в чистом поле"¹⁷⁹, — писал Дж. Белл в марте 1720 г. Но отдельные факты сенокосения у западных бурят были отмечены еще в конце ХУП в. Так, в указе Иркутской приказной избы за 1688 г. на имя Бахука Ирбанова, поселившегося с сородичами в Аларских степях, предписывалось "сенные покосы ... городить крепкими огородами"¹⁸⁰. В ХУШ в. начинает развиваться сенокосение также и среди забайкальских бурят¹⁸¹. Этим было вызвано появление в бурятском языке и новых по тому времени слов, как сабшалан (в некоторых говорах хадалан, халса и др.) — покос, баал — вал сена, бухал — копна¹⁸², хирхаг — огрех (при неаккуратной косьбе сена), нагшуурга (с фонетическими вариантами) — волокуша (для возки копен), тармуур¹⁸³ — грабли, хуваг, ханаава — оросительная канава, утэг сабшалан, утэг — унавоженный покос¹⁸⁴.

¹⁷⁸ См.: История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 281.

¹⁷⁹ Зиннер Э.П. Указ. соч., с. 57.

¹⁸⁰ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 129.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² У Кастрена: бухул (тунк.), букул (нижнеуд.), бохол (сел.) — копна, ст.-монг. бухул.

¹⁸³ Ср. у Кастрена: нижнеуд., тунк., хор. тармур, сел. тармул — грабли.

¹⁸⁴ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1,

Огородничеством бурятское население стало заниматься под влиянием русских позже, чем земледелием, и в небольших размерах. В самом конце ХУП в. (в 1693 г.) И. Идес в своем дневнике отмечал, что буряты, живущие в окрестностях Брашкого и Балаганского острогов, "не знают ничего об ...огородничестве"¹⁸⁵. В ХІХ в. некоторые хозяйства и селения оседлых бурят сажали картофель и овощи (капусту, огурцы, брюкву, редьку, репу, морковь, бобы, лук). В связи с этим в бурятском языке появляются такие названия огородных культур, как угэрсэ, хапууса, морхоог, эрээбхэ и др. Картофель стал известен крестьянам Забайкалья с 60-х годов ХУШ в. С 1805–1806 гг. по 25 деревням Мухоршибирской и Тарбагатайской волостей выращивалась 981 гряда "земляных яблок"¹⁸⁶. В русских говорах картофель имеет несколько названий: бульба, гульба, яблоки, картовки, картошки и другие¹⁸⁷. Поэтому в заимствующем бурятском языке употребляется несколько названий этой культуры: буульвэ, гуульвэ в Кяхтинском и Мухоршибирском аймаках, хортообхо, хартаабха в Селенгинском и Хоринском аймаках, яабал, яабалха в Иркутской области и т. д. Те буряты, которые контактировали с русскими, называвшими картофель бульбой или гульбой, заимствовали слова гуульвэ, буульвэ, а те, которые соприкасались с носителями русских говоров, называвших данную культуру яблоком или картовкой, заимствовали слова яабалха или хортообхо (приспособив эти заимствования к фонетическим законам родного языка).

В "Русско-бурятском букваре", составленном Н. Болдоновым более 100 лет назад, отмечены новые по тому времени слова огорохи идеэ — овощи, сабшалан — покос

с. 184: "Буряты применяли искусственное орошение покосов, проводя оросительные каналы. Получили распространение утуги".

¹⁸⁵ Алексеев М.П. Указ. соч., с. 143

¹⁸⁶ Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 190.

¹⁸⁷ В Псковской области картофель называется я бульба и гульба. См.: Филин Ф.П. Исследование о лексике русских говоров. М.—Л., 1936, с. 141.

и другие: "Биши хуни хаягхан таряги, сабшаланги, али огорохи и идёги адугханда идюлхы мни шги, гэшхюлхы мни шги, биши хуни газари эжилхы мни ... (бурхан) хорёгхон юма"¹⁸⁸ - (Бог) запрещает травить чужие посевы, покосы, или огородные культуры, занимать чужую землю.

В XVIII и XIX вв. более интенсивно, чем раньше, стали развиваться промыслы: лесной, плотничный, извозный, по обработке продуктов животноводства. "Три четверти свободной бурятского населения занимаются различными ремеслами и промыслами. В особенности часто встречаются между ними плотники, столяры, слесари и кузнецы, из которых плотники по численности преобладают"¹⁸⁹. В "Грамматике" Кастрена встречаем такие слова, как елербэ (нижнеуд., тунк.), ерелбэ (сел.) - клещи, ст.-монг. ерелби; хайрек (тунк., сел.), кайрек (нижнеуд.) - шлифовальный камень; балта - молот, ст.-монг. балта; алха (тунк.) алхо (хор., сел.), алека (нижнеуд.), ст.-монг. алоха - молоток и другие.

Наряду с земледелием и огородничеством у бурят сохранилось еще так называемое собирательство. Так, И. Георги отмечал: "Буретты, живущие к западу от Байкала, не будучи богаты скотом, должны более, нежели живущие к востоку, пособлять нуждам своим звероловством, частью дикорастущими кореньями простой и сибирской овсянки, белой сараны"¹⁹⁰.

Буряты издавна занимались кузнечным ремеслом. "Их кузнецы изготовляли вооружение для воинов, орудия охоты, топоры и ножи, котлы для варки пищи и соли, принадлежности конской сбруи с серебряной чеканкой и различные металлические изделия, необходимые для домашнего обихода, хозяйства, а также украшения"¹⁹¹. Кузнецы разделялись на две группы: белых или серебряных (менгеше дархан) и черных (хара или нохой дархан). Так называемые "белые кузнецы" были

мастерами по обработке цветных металлов, главным образом серебра, "черные кузнецы" изготавливали изделия из железа.¹⁹²

Кроме кузнечного развивались и кустарные ремесла, которые служили потребностям домашнего обихода, а также скотоводческого хозяйства и охотничьего промысла. В трудах Татаринова, Ланганса и других отмечается, что мужчины делали луки, стрелы, деревянную посуду, столы, скамейки, конскую сбрую, ловушки для зверей и прочие изделия ремесла¹⁹³. Наиболее старинные из них - лук и стрелы. Приведем их названия: номо, эбэр номо - лук, барюул или бэе - ручка лука (то место, за которое стрелок держит лук); хубшэ - тетива, хэршэлээ - зарубки (на концах лука для натягивания тетивы), тэбхэ - деревянная подпорка (на противоположной стороне от зарубки на концах лука), хэлгир или хэлгэ - часть лука по обе стороны от ручки; годли - стрела, болсуу - деревянный наконечник (вдеваемый в стрелу), удэ - перья (дающие направление стреле), зэбэ - железные наконечники стрел; хобто - колчан (для хранения лука)¹⁹⁴. С появлением огнестрельного оружия стрельба из лука стала у бурят одним из видов спорта и развлечений.

Важную роль в кустарном производстве играли женщины. Георги пишет: "Женщины, кроме домашних работ, занимаются выделкой всяких кож, шитьем одежды, шуб, а некоторые прядут на веретенах шерсть, из которой вяжут рукавицы. Одним из главных занятий женщин является изготовление войлоков ... Одежду шьют или нитками или жилами животных"¹⁹⁵. Ф. Ланганс отмечает: "Женщины катают войлоки, мнут кожи, выделывают овчины, и всякую мягкую рухлядь, из конских грив и хвостов сучат веревки, из жил готовят нитки и шьют всякое их мужское и женское платье"¹⁹⁶. При выделке овчин и кож бурятки пользовались, например, такими

¹⁸⁸ Русско-бурятский словарь. Сост. Н. Болдоновым. Спб. 1866, с. 39.

¹⁸⁹ Осокин Г.М. На границе Монголии. Спб., 1906, с. 181.

¹⁹⁰ См.: Гирченко В. Указ. соч., с. 36.

¹⁹¹ История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 62.

¹⁹² См.: Там же.

¹⁹³ См.: Описание о братских татарах..., с. 32; Ким Н.В. Указ. соч., с. 155.

¹⁹⁴ См.: Тугутов И.Е. Указ. соч., с. 41-42.

¹⁹⁵ Гирченко В. Указ. соч., с. 37.

¹⁹⁶ Ким Н.В. Указ. соч., с. 155.

кустарными орудиями, как эрьюулгэ (сел.-цонг. тальти) – кожемялка, хэдэргэ – скребок (для соскабливания овчины), мушхалаа – палочка (для закручивания овчины), утаари – яма для дымления овчин и т. д.

После присоединения к России у бурят получило дальнейшее развитие также строительное дело; появляются бревенчатые дома, амбары и другие постройки; развивается плотничество. Наряду с такими "старыми" словами, связанными с данной профессией, как дархан (модноэ) – плотник, дархан хүхэ – плотничий топор, хюрөө – пила, харуул – рубанок, харуулаэ эмээл – деревянный остов рубанка (досл. седло рубанка), һуушэ – долото, ургэн һуушэ – стамеска, хануур – тонкое долото, хуураэ – напильник, урэбтэр – рашпиль, алха – молоток, ухамя – тесло – появляются новые слова, в основном заимствованные: пугаана – фуганок, ножоовко или гар хуороо – ручная пила, бураавша – буравчик, синдробхо – центровка, огоольник – угольник, шаргаа – циркуль, дороожо – дорожник (для теса)¹⁹⁷ и другие.

Имело место раньше и портняжное дело, о чем говорят такие слова, как зуун – иголка, тэбэнэ – игла, шубэгэ – шило, ээрсэг – веретено, шурмэһэн – жилы и т. д. Жилы широко применялись раньше в портняжном деле вместо ниток, появившихся, очевидно, после вхождения Бурятии в состав России, как и швейная машина. Ср. бур. ниитхэ – нитки, оёдолоэ машина – швейная машина.

С развитием торговли, золотопромышленности и промыслов в XVIII–XIX вв. усиливалось дорожное строительство. У бурят раньше была телега (тэргэ), но в нее чаще запрягали не лошадей, а быков и вместо хомута использовали ярмо (буулга). Однако основной способ передвижения – верховая езда на лошадях, быках и верблюдах. "Тако ж держут (верблюдов. – Ц. Б.) и на станциях для поднятия тягостей, ибо телег и саней не имеют"¹⁹⁸, – писал М. Татаринов. Об этом пишет и Лангас: "К езде употребляют они обыкновенных лошадей, однако и верблюды и быки им тому же служат"¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Записано нами летом 1973 г. в с. Баян-Гол Хоринского аймака БурАССР.

¹⁹⁸ Описание о братских татарах..., с. 24.

¹⁹⁹ Ким Н.В. Указ. соч., с. 156.

• Богатство и изящество упряжи для верховой езды у западных бурят отмечал в свое время Ренье (1767–1774): "Их конская сбруя очень красива. Уздечка, недоуздок, аржан (седельный остов – sattelbogen), нагрудные ремни и подхвостник окованы железом и чрезвычайно художественно отделаны всевозможными серебряными фигурами. Чепрак состоит из кожаной или суконой pokrышки с кисточками, покрытой изображением змеиных голов"²⁰⁰. А. Раев писал: "Бурят шагу не сделает без коня, это друг с самой колыбели. Вне юрты трудно встретить бурята иначе, как на лошади... В недавнее только время стала входить в моду у бурятской аристократии езда на тарантасе"²⁰¹. Таким образом, тягловая упряжь появилась у бурят сравнительно недавно, в XIX в., и то сначала у богачей-аристократов. Если упряжь для верховой езды как в восточнобурятских, так и в западнобурятских говорах почти не имеет заимствованных названий, то большинство названий предметов тягловой упряжи заимствовано из русского языка или через него из других языков. Приведем примеры. Названия упряжи для верховой езды: эмээл – седло, буургэ – лука седла, хабтаһан – доска у седла, маюуза – подушечка на седле, дурөө – стремя, дурөөбшэ – чепрак большой (широкая кожаная подстилка), улам – подпруга, ганзага – торока, хазаар – узда, жолоо – повод и т. д.²⁰².

Названия предметов тягловой упряжи: хомууд, гуужэ, сопоон, боожо, сэртэниг, ожоор – одёр, хашаалха – качалка, дороовноэ – дровни, долгууша (иногда калька ута тэргэ – долгуша-телега), ходоог, хашаваэ – кошевка, завёорхо – заверка (у саней)²⁰³, оглёово – оглобли, паэлса – палицы, хоори – корь, шинна – шина, туулхэ – втулка, хоорло – короб²⁰⁴ и т. д. Названия

²⁰⁰ Зиннер Э.П. Указ. соч., с. 198.

²⁰¹ Раев А. Буряты – "Вестн. имп. Рус. геогр. о-ва", Спб., 1856, ч. 24, с. 33.

²⁰² Записано в с. Баян-Гол Хоринского аймака.

²⁰³ Большинство терминов заимствовано из севернорусских говоров (догуша, кошёвка, одёр, завёрка и т.д.).

²⁰⁴ Названия частей телеги записаны в с. Баян-Гол Хоринского аймака.

саней: заэдан шарга – простые сани (без отводов), аахаэ шарга – то же. У эхиритов имеются гурөөһэн шарга – беговые сани, а также шэхэнэг – санки для вывозки навоза со скотного двора и ябаган шарга – детские салазки²⁰⁵.

Военная лексика. До прихода русских вооружение бурят в основном состояло из лука (номо, эбэр но-мо), стрел (годли, номо, уудхэ), колчана (хормого), шлема (дуулга), кольчуги (хуяг), стрелохранилища (хэгэнэг, возможно хэһэнэг), налучника (һаадаг), железного копья (жада), палицы (гулда), сабли (һэлмэ), длинных ножей (мадага), топоров (һүхэ), самострела (һаали) и некоторых других²⁰⁶. "Братские, как иркутские, так и забайкальские ... луком владеют весьма искусно, а особливо на всем конском скаку попадают в воткнутую в землю стрелу... Для военного случая имеют боевки – стрелы с тоненькими круглыми копьями, да есть же, называются кибири, копейцы, весьма широки и вострые, а сверх копейцы – косточка э дырочками, отчего весьма на лету стрела визжит и оными кибиями большими зверей простреливают навывлет. Також для военного случая имеют панцыри, сабли, а особливо у забайкальских много кольчуг и шапок железных"²⁰⁷. Подобные сообщения находим у Ренье, Ланганса и других. "Их (бурят. – Ц. Б.) оружие, которое они употребляют против своих врагов, состоит обычно из лука и стрел, сабли и кольчуги, – пишет Ренье. – На голове носят они шлем или каску... В висячих у них на боку колчанах носят они стрелы двух родов: одни, снабженные широким и острым куском железа и продырявленным костяным набалдашником, которые они употребляют против врагов и диких зверей, другие, изготовленные обычно из крепкого и мягкого дерева и употребляемые на малой охоте, например, против зайца, соболя, белки, для того, чтобы выст-

205 Тугутов И.Е. Указ. соч., с. 57.

206 См.: История Бурят-Монгольской АССР,

т. 1, с. 63.

207 Описание о братских татарах ..., с. 26–27.

Ср. у Джона Белли: "Вооружение бурят состоит из лука и стрел, копьев и сабель... Они ловкие стрелки из лука".

рел не повредил меховую шкурку"²⁰⁸. Ф. Ланганс отмечает: "Обыкновенное оружие их... лук и стрелы... Для военного случая имеют они стрелы с тоненькими круглыми копьями. Есть у них стрелы, называющиеся кибири, у коих копейца весьма широки и остры, а с верху копейца косточка с дырочками, а от коих стрела на лету визжит, теми (стрел) кибиями зверей простреливают они на сквозь. Они имеют также панцыри и сабли, а у Селенгинских много кольчуг и шапок железных, сверх того бывают у них стеганные бумажники, которые наставляются раз по десяти, и покрываются фанзой и дабою"²⁰⁹.

После присоединения к России лексика бурятских диалектов несколько пополнилась военной терминологией. Это было связано с тем, что после заключения Бурицкого договора 1727 г. к охране границ России стали привлекаться бурятские дружины (отряды). В первой половине XVIII в. в 15 пограничных караулах служили отряды из селенгинских родов (цонгольского, табангутского, сартульского, атаганова и др.), а также из 11 хоринских родов²¹⁰. В 1764 г. эти отряды были реорганизованы в казачьи полки (их было 4: сартолов, цонголов, атаганов и ашехабатов). Эти бурятские казачьи полки, как особые единицы, просуществовали до 50-х годов XIX в., когда они были включены в состав Забайкальского казачьего войска. Во главе бурятского казачьего войска стояли выборные начальники: атаман, 4 полковых есаула, сотники, пятидесятники и десятники. В соответствии с этим в указанный период появляются термины хасаг – казак, отог – ясачник, поол – полк, атамаан, пятидесятниг и другие. Так, в исторических документах "Эртын уг галивар минуу" (Моя родословная) и "Өхин Хонтогорыхь 1680-аад ону үед Монголун Тушээт хагану гадзар ээц гарча ерэбээ" (Семья Ухина Хонтогора прибыла сюда из владений монгольского Тушету-хагана примерно в 1680-х годах)²¹¹ нахо-

208 Зиннер Э.П. Указ. соч., с. 198.

209 Ким Н.В. Указ. соч., с. 156.

210 История Бурят-Монг. АССР, 1, с. 138.

211 Эти материалы были найдены нами у информанта Б. Р. Чимытова, 1892 г. рождения, цонгола, из с. Большелуг Кяхтинского аймака БурАССР.

дим следующие военные термины: соотниг, пятисоотниг, бригаад, поол – полк, сомо – рота, астаница (ород ас-таница – русская станица) и другие.

Таким образом, в связи с изменениями в экономике дореволюционной Бурятии изменялась также и производственная терминология, хотя она отражала весьма отсталую экономику того периода, когда бурятское хозяйство было почти патриархальным. Патриархально-родовой строй "предполагал крайне неразвитое производство"²¹², следовательно, весьма ограниченную производственную лексику.

Изменения в лексике о природе

Если изменения в производственной лексике происходят быстро, то в лексике о природе (как и о человеке) – значительно медленнее. В первом случае изменения зависят от быстрых перемен в экономике, так как при появлении новых орудий производства или предметов быта появляется необходимость их обозначения новыми словами. А изменения в самой природе происходят очень медленно.

Большинство бурятских слов, обозначающих предметы и явления природы, имеет весьма древнее происхождение и сохранилось до наших дней без заметных изменений. Многие из них зарегистрированы в ранних памятниках монгольской письменности и являются общемонгольскими. Так, в "Сокровенном сказании" отмечено много слов о природе, бытующих в лексике современных бурятских говоров: һон – год (бур. он), сара – месяц (бур. һара), часун – снег (бур. саһан); көрөсун – дерн, кора, кожаца (бур. хурьһэн – почва); усу – вода (бур. уһан, монг. ус); таолай – заяц (бур. туулай – то же); годун – звериные ножки (бур. годон – кожа со шиколоток зверя, животного), шибаоун – птица (бур. шубуун); болжмур – жаворонок (бур. булжамуур), чурака – шука (бур. сурхай, ст.-монг. чурхай), дзэбэгэ – ленок (бур. зэбэгэ – то же); кадара, хадара – хариус (бур. хада-ран – то же); чачак, чечак – цветок (бур. сэсэг) и др.

Немало слов о природе зарегистрировано в записях

²¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 21, с. 99.

Миллера, Татаринога, Чемесога, Палласа, а также Кастрена. Приведем несколько примеров общераспространенных в бурятском языке слов: жил – год, наран – солнце, хара – месяц, одон – звезда, хуни – ночь, удур – день, тынгйри – небо, газар – земля, шолон – камень, угун – вода, гол – река (Чемесов; архив Аделунга, ф. 7, ед. хр. 109); сакилган – молния, мүндур – град, сагун – снег (Миллер), хабур – весна, намур – осень, убул – зима (Аделунг) – и многие другие слова, сохранившиеся без изменений в семантике.

Изменения в словарном составе бурятского языка вообще и в лексике о природе в частности выражаются в том, что некогда широко распространенные в бурятском языке и бытовавшие в раннем монгольском языке слова впоследствии стали узко диалектными, сохранившись лишь в отдельных языковых подразделениях, особенно в западнобурятском наречии. Например, зап.-бур. на-жар – лето, ст.-монг. наджир, калх. наджар, калм. зун, ср. вост.-бур. зун, юж.-бур. дзун, дзон; нижеуд. тоод-ко, сарт. тоодхо – глина < ст.-монг. тогооска, ср. калм. тоосга – id.

Немало диалектных слов, обозначающих предметы и явления природы, засвидетельствовано в материалах бурятского языка XVIII–XIX вв. и сохранилось в современных бурятских говорах: нижеуд. эмээршэн, тунк. имээл-шэн – теплый ветер, дующий с востока летом и весной, т.е. земляной ветер, тунк. ултэнэг, нижеуд. элтэнэг – конопля, сел. шаргаадаэ, шаргаадээ – окунь (вместо нижеуд., тунк., хор. алгана); сел. ухэр дзагосо – карась, нижеуд. зоодаа, тунк. зоодэй, зоодой – карась; нижеуд., ал.-унг. улаанидэн – сорога – красноглазка или сибирская плотва (в народе называют еще красноглазка)²¹³, тунк. һайб – наледь, нижеуд. каптагай, тунк., сел. каптагай – клоп и т. д. Эти и многие другие диалектные слова, засвидетельствованные М. А. Кастреном, употребляются в бурятских диалектах и поныне.

²¹³ См.: "Русская речь", 1971, № 3, с. 151.

Ср. бур. улаанидэн – досл. красные глаза, красноглазка и русск. красноглазка. Здесь, видимо, типологическое сходство бурятских и русских названий, как бур. дунда хурган и русск. средний палец.

некоторые слова, записанные в бурятских источниках ХУШ в., стали в настоящее время непонятными по смыслу, например, орбугай – летучая мышь (архив Миллера, ф. 21, оп. 5, ед. кр. 143; архив Аделунга, ф. 7, ед. кр. 110), горила – муха (Паллас, ч. II, с. 50); нижнеуд. отокой – медведь (Кастрен, с. 97) – и другие.

Одна из причин изменений в лексике диалектов – табуирование некоторых названий животных и пресмыкающихся. Например, почитание медведя породило у бурят обычай называть этого зверя иносказательно. Возьмем тунк. хилгааһан гуталта – имеющий волосняную обувь, баабэз – отец, батюшка, таабэз – дедушка, охор һуултэ – короткохвостый вместо обычного баабгаэ²¹⁴. Пережитком почитания медведя является так называемый медвежий танец²¹⁵. Культ медведя был распространен среди тофаларов, эвенков, хантов, манси, кетов, негидальцев и других народов Сибири, что "свидетельствует не только о широком распространении охотничьей культуры, но и о возможных древних этнических и культурных связях этих народов в прошлом"²¹⁶. Много эфемизмов имели названия волка: вост. ута һуултэ – длиннохвостый, хээрэн нохоэ – степная собака и т. д.

Лексика о природе пополнялась не только отдельными новыми словами. В ней происходили и некоторые качественные изменения. Это можно показать на примере изменения бурятского календаря и летоисчисления.

В далеком прошлом обозначения месяцев буряты связывали с собирательством и охотой, затем они стали пользоваться календарем животного цикла. С ХУШ в. среди бурят распространяются европейский календарь и летоисчисление.

М. Татаринов зафиксировал следующие названия месяцев: бугу – январь (бугу – изюбрь, марал; бох. олень), хуса – февраль (хуса – баран)²¹⁷; уке улан зуд – март,

214 См.: Абашеев Д. А. Указ. соч., с. 30.

215 См. примечания Г. Н. Румянцева к кн. "Описание о братских татарах...", с. 56.

216 Рассадин В. И. Культ медведя у тофаларов. – "Изв. Сиб. отд-ния АН СССР", 1973, Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 125.

217 См. также: Описание о братских татарах...

соответствует современному ехэ улаан зудан; бага улан зудун (т. е. бага улаан зудан) – апрель; икэ бурган – май; бала бурхан (но-видимому, бага бурган. – Ц. Б.) – июнь; хожя – июль; хуби – август; ку – сентябрь; ула-ра²¹⁸ – октябрь, гуран – декабрь (гуран – дикий козел).

Таким образом, бурятские названия месяцев, приведенные Татариновым, несколько отличаются от тех, которые известны по другим источникам. У Кастрена находим следующие названия месяцев: январь и август – гурун-һара (нижнеуд.); третий месяц – бага бургун, четвертый – йихэ бургун (ср. у Черемисова: бага бурган – уст. название третьего весеннего месяца. Бур.-рус. словарь, с. 113); март – куса-һара, май – зага-һане наадун (нижнеуд.); шестой месяц (но не июнь, видимо. – Ц. Б.) – кун һара (нижнеуд.); июнь – ман, е-һан һара, досл. месяц лука; июль – гани-һара (нижнеуд.). Кастрен поясняет: гани, гане (нижнеуд.) – бешеный, буйный, дикий; ст.-монг. гани; седьмой месяц – ноже-һара (тунк.); восьмой месяц – һобе һара (тунк.); октябрь – кэрмише – һара (нижнеуд.); декабрь – ууре-һара.

с. 38: "При рождении февраля месяца празднуют и называют по мунгальски сахан хара или белой месяц, а по братски хусаса хара баран месяц". Несколько позже Татаринова об этом же пишет Рень: "В начале февраля месяца буряты и монголы справляют праздники chusasa chara (т. е. хуса хара. – Ц. Б.), baran (баран. – Ц. Б.), по-монгольски называемый sachan chara (т. е. сахан хара, монг. цаган сар. – Ц. Б.) или "белый месяц". См.: Зиннер Э. П. Указ. соч., с. 201.

²¹⁸ В памятнике светской литературы тюркоязычных народов – поэме Юсуфа Балгасунского "Кудатгу билиг" (1069) – зафиксировано улар в значении "самец куропапки, горная индейка, глухой тетерев". См. в сб.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970, с. 166. Ср. у аларских бурят: октябрь называется ула-ра – горная индейка. См.: Н. Баторов. Народный календарь аларских бурят. – "Этногр. бюл. ВСОРГО", Иркутск, 1928, № 3, с. 9. См. также: Башкуев Б. В., Пастернак Л. Г. География Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1968, с. 48: улар – горная индейка.

В аларском говоре отмечены следующие старые названия месяцев: I буга, II хуса, III улаан зудан, IV ехэ бурган, V бага бурган (или ногоото), VI гая, VII хожо, VIII өгөөлжэн, IX хууг, X улара, XI үрээ (видимо, уурэ или ууре. - Ц. Б.), XII гуран²¹⁹.

У носителей эхирит-булагатского говора бытуют следующие названия месяцев: январь - хуса һара (месяц барана), февраль - ехэ улаан (старший красный), март - бэсэгэ улаан (младший красный), апрель - хагданай һара (месяц прошлогодней травы), май - хара шэрэмээ һара (месяц весенней травки), июнь - маньяһани һара (месяц лука), июль - хухөөр идэхэ хуһара (месяц зеленой пищи), август - өбһе сабшаха өөлжэ һара (месяц кошения сена), сентябрь - улаагаар идэхэ улари һара (месяц употребления красной пищи), октябрь - уури или уури һара (месяц одногодков), ноябрь - гура һара (месяц гурана), декабрь - буга һара (месяц оленя)²²⁰.

В с. Кушун Нижнеудинского района Иркутской области нами зарегистрированы следующие названия месяцев: январь - йэкэ бургун, февраль - бага бургун, март - кусу, апрель - улаан зудун, май - загаһани һара, июнь - маньдиһа татака һара (лук собирают), июль - гани һара (калуун - жарко), август - гуру һара (гуру гуляла - гуран гуляет), сентябрь - бугу (изюбрь гуляет)²²¹. Названия остальных трех месяцев информанты не помнят²²². Ср. у Кастрена: октябрь - кэрмишэ-һара, название ноября месяца неизвестно; декабрь - үуре - һара. У Дарбеевой ноябрь - бага уури, декабрь - дикэ уури²²³.

219 См.: Аларский говор, ч. 1. Л., 1930, с. 78.

220 См.: Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2, Улан-Удэ, 1968, с. 40.

221 В этом месяце бураны, ветры, снегопады, поэтому он называется еще буга зудан.

222 Записано нами в 1974 г. со слов А. В. Протопоповой, 1900 г. рождения, рода ашебагат; родилась в с. Усть-Кайрак Куйтунского района.

223 См. Дарбеева А.А. Предварительные данные о языке нижнеудинских бурят. - "Труды БКНИИ СО АН СССР", Улан-Удэ, 1960, вып. 3, с. 125.

В с. Корсак Эхирит-Булагатского района Иркутской области нами записаны от Н. Х. Хангуева (1892 г. рождения, булагатского рода), следующие названия месяцев: хуса һара - январь, ехэ улаан - февраль, бэсэгэ улаан - март, хагаднаэ һара - апрель, гуна һара - ..., дунэ һара - ... Далее информант не помнит.

Д. Г. Гомбоев (1891 г., рождения, галзутского рода) из с. Булам Хоринского аймака сообщил: сагаа һара - хабараэ эхи һара - первый весенний месяц, улаан зудан - намараэ дунда һара - средний осенний месяц; уури һара - угэлээ эхи - начало зимы (то есть первый зимний месяц); буга или буир һара - угэлээ һуул һара - последний зимний месяц.

И, наконец, в "Очерках истории культуры Бурятии" находим следующие бурятские названия месяцев: январь - хуса, февраль - улаан зудан, март - ехэ дарган (видимо, ехэ боргон или ехэ бурган), апрель - бага дарган (видимо, бага боргон или бага бурган. - Ц. Б.), май - маньяһага, июнь - хожа, июль - олжон (видимо, өөлжөн), август - хуг, сентябрь - улара, октябрь - ура (видимо, үүрэ или ууре); ноябрь - гуран, декабрь - буга²²⁴.

Как видим из примеров, древний календарь бурят сохранил воспоминание о собирательстве и охоте. Так, апрель обозначается как месяц прошлогодней травы - хагданаэ һара (эх.-бул.), май как месяц игры рыб - загаһани наадун (нижнеуд.), июнь как месяц сбора лука - маньяһани һара (нижнеуд., эх.-бул.), ноябрь как месяц косули - гуран һара, декабрь как месяц изюбря - буга һара, январь как месяц барана (возможно, дикого) - хуса һара²²⁵.

Кроме того, наименования месяцев и нумерация их в разных местах и в разные времена велись, очевидно, по-разному. Ныне эти древние названия месяцев сохранились только в памяти отдельных людей старшего поколения, и то лишь частично. Этот старинный бурятский календарь постепенно забывается и исчезает.

224 См.: Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 82.

225 Ср. в животном цикле: восьмой месяц называется хонин - овца.

В бурятском летоисчислении употреблялся и так называемый животный цикл. У бурят, как и у монголов, годы объединялись в циклы. Малый цикл состоял из 12 лет. Годы в цикле носили названия животных: 1-й год - хулгана (мышь); 2-й - ухэр (корова); 3-й - бар (тигр); 4-й - туулаэ (заяц); 5-й - луу (дракон); 6-й - могоэ (змея); 7-й - морин (конь); 8-й - хонин (овца); 9-й - мэчин (обезьяна); 10-й - тахья (курица); 11-й - нохоэ (собака); 12-й год - гахай (свинья).

Пять малых, 12-летних, циклов составляли большой, 60-летний, цикл. Через каждые 60 лет цикл повторялся, февраль, с которого начинался новый цикл, назывался цагаан сара (бур. сагаан һара) - белый месяц²²⁶. А когда-то новый год начинался осенью, и этот обычай сохранялся еще в XVIII в.: "Новый год у них начинается осенью, и сие время называют они белым месяцем"²²⁷. Год по данному календарю состоял из 12 лунных месяцев, которые назывались именами тех же животных, как и годы в 12-летнем цикле.

Говоря о летоисчислении у бурят, Ренье приводит такой пример: "Когда пройдет период по первому году, так, например, теперешний 1769 год носит название gachay т. е. год свиньи, и заканчивает собой один период"²²⁸. Кстати, слова гахай - свинья, тахья - курица, бар - тигр, луу - дракон, мэшен - обезьяна, очевидно, сохранились в бурятских гворах со времени введения календаря животного цикла, так как свиной и кур буряты стали разводить сравнительно недавно (после прихода русских)²²⁹, а тигров и обезьян на территории расселения бурят не было.

М. Татаринов упоминает следующие названия "двенадцати лет": бар - бабр (очевидно, барс. - Ц. Б.), укер - бьх, мурин - лошадь, хонин - овца, лу - слон (очевидно, дракон. - Ц. Б.), тулай - заяц, могой - змея, мышин - созвездие или плиад, хулугуна - мышь, таки - курица, но-

²²⁶ Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 82.

²²⁷ Георги И. Указ. соч., с. 27.

²²⁸ Зиннер Э.П. Указ. соч., с. 188.

²²⁹ Ср. русские заимствования поршоонхо - поросенок, сыплэонхо - цыпленок.

хой - собака, гахай - свинья²³⁰. М. Н. Хангалов пишет: "У бурят каждый год имеет свое название по имени животного; таких названий двенадцать: 1 - мышь, хулгана, 2 - бьх, ухэр, 3 - лев, бар, 4 - заяц, шандаган, 5 - дракон, лу, 6 - змей, мого, 7 - конь, морин, 8 - овца, хонин, 9 - Плеяды, Мишид, 10 - курица, тахья, 11 - собака, нохой, 12 - свинья, гахай"²³¹.

Монгольский бытовой календарь животного цикла имеет те же названия годов: 1) хулгана - мышь, 2) ухэр - корова, 3) барс - тигр, 4) туулай - заяц, 5) луу - дракон, 6) могой - змея, 7) морин - лошадь, 8) хонин - овца, 9) мэчин - обезьяна, 10) тахья - курица, 11) нохой - собака, 12) гахай - свинья²³².

По приведенному выше животному циклу первым месяцем года у монголов является год мыши, примерно соответствующий нашему декабрю.

После народной революции в Монголии официально было введено европейское обозначение месяцев. "Новый год приурочен к 1 января; месяцы обозначаются их порядковыми номерами"²³³.

По калмыцкому календарю год начинается с "барс месяца" - декабря: 1) бар сар - декабрь, 2) тула (заяц) - январь, 3) лу (дракон) - февраль, 4) мога (змея) - март, 5) мёре (лошадь) - апрель, 6) хён (овца) - май, 7) мёчи (обезьяна) - июнь, 8) така (курица) - июль, 9) ноха (собака) - август, 10) гаха (свинья) - сентябрь, 11) хулгна (мышь) - октябрь, 12) укр (корова) - ноябрь²³⁴.

В XVIII в. у бурят постепенно распространились русские названия месяцев: январь, февраль, март, апрель и т. д.²³⁵.

²³⁰ См.: Описание о братских татарах ..., с. 12.

²³¹ Хангалов М.Н. Собр. соч., т. 3, с. 367.

²³² См.: Краткий монгольско-русский словарь.

Под ред. Г. Д. Санжеева. М., 1947, с. 414.

²³³ Там же, с. 420.

²³⁴ См.: Из истории культуры дореволюционной Калмыкии. Волгоград, 1967, с. 18.

²³⁵ См.: Очерки истории культуры Бурятии, т. 1, с. 83.

Некоторые изменения происходили и в социально-политической терминологии. Имущественная дифференциация в бурятском обществе появилась в глубокой древности. Об этом свидетельствуют археологические и другие данные. Так, раскопки могил XII–XIII вв. в ряде мест Прибайкалья подтверждают наличие в тот период двух социальных слоев населения у бурят – богатых и бедных. В бедных бурятских погребениях обычно находились остатки грубой шерстяной одежды, унтов, берестяные коробки, а в богатых погребениях – серебряные и золотые украшения, шелковые ткани и т. д.

В бурятском обществе XUI в. различались следующие группы населения: 1) князцы (нойоны), 2) знатные ("лутчие люди") (сайты), 3) "улусные люди" (араты), или "мужики ясачные" (албату) и 4) холопы (барлаг), т. е. рабы²³⁶. Основную массу населения составляли "улусные" или "ясачные люди", которые платили нойонам и сайтам дань или ясак (алба)²³⁷.

М. Татаринов пишет: "Есак или подать братские прежде плачивали в казну с каждой души мужского полу по соболу ..., лисицу..., белок двести... Ныне за умалением зверя и промыслов 1756 году всем братским... указом повелено: ежели они зверей упромышлить не могут, то брати с них токмо за есак по три рубли... Оной ясак збирают с них шуленги, зайсаны – их старшины именуемые и свозят к тайше"²³⁸. Георги сообщает, что "все буретты платят весьма малую подать (албон) наличными деньгами"²³⁹ (т. е. больше платили "мягким золотом" – пушиной. – Ц. Б.). В материалах Миллера, Аделунга и Кастрена по данной лексической группе находим слова ноён – господин, баин – богач, барлук – раб, угээтээ – бедный, келелэншэ (нижнеуд.; хор. келелэнши) и т. д.

²³⁶ См.: История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 68.

²³⁷ Там же, с. 70. Кстати, слово алба(н) употребляется и сейчас (в основном в парных сочетаниях со словами татабари или налог: алба татабари, алба налог), но в совершенно ином значении – платежи по налогам в пользу социалистического общества.

²³⁸ Описание о братских татарах..., с. 28.

²³⁹ Георги И. Указ. соч., с. 28.

В "скаске" балаганских бурят 1693 г., – самой ранней записи обычного права бурят – четко отражено деление бурятского общества XUI в. на классы. Здесь говорится: если за убийство свободного платится анза (пеня) в размере 66 голов скота, то за убийство холопа – только конь с седлом и уздой или же взыскивается покупная цена убитого²⁴⁰.

У восточных бурят единицей административного деления был улус (или хотон), состоявший из нескольких семей. Во главе улуса стоял засул. Группа хотонов составляла холбон, которым управлял шуленга. Группа холбонов составляла род, управлявшийся зайсаном (тайшой – у табангутов). Роды объединялись в племя, подчинявшееся "князцу" (нойону)²⁴¹. М. Татаринов отметил, что "братские имеют над собою главных, а именно, забайкальские – двух тайшей. Во всяком роде по зайсану, шуленги, пятидесятники и десятники, а у иркуцких токмо шуленги"²⁴². Ср. у Ренье, который писал, что забайкальские буряты "имеют двух тайш или князей. Каждый род имеет своего собственного сейсанга (видимо, зайсан. – Ц. Б.) или начальника, шуленгу или его помощника, наконец, пятидесятника или десятника. Иркутские же буряты имеют только шуленгу"²⁴³.

В указанный период употреблялись, таким образом, слова ноёд – князцы, сайд – знатные люди²⁴⁴, арад – улусные люди, албату – ясачные мужики, барлаг – рабы, алба – дань (ясак), засул – голова улуса (хотона), шуулэнгэ – глава холбона, зайсан (тайшаа – у табангутов) – глава рода, нойон – глава племени – и другие.

²⁴⁰ См.: Токарев С. А. Памятники обычного права бурят XUI века. – "Исторический архив", М., Л., 1941, т. 2, с. 41, 45. Ср. у Татаринова: ела – штраф, пеня (Описание о братских татарах..., с. 29).

²⁴¹ См.: История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 72.

²⁴² Описание о братских татарах..., с. 29.

²⁴³ Зиннер Э. П. Указ. соч., с. 199.

²⁴⁴ См.: Там же, с. 152: "Сайты – крупные скотовладельцы, составлявшие степную аристократию", за которыми закреплялись должности тайшей, зайсанов, шуленг.

В 40-х годах XVШ в. в бурятских ведомостях учреждались степные "конторы", состоявшие из главного шуленги, или тайши, и 6 депутатов.

По уставу Сперанского "об управлении инородцев" (1822), вместо степных контор были введены новые органы – родовые управления и степные думы. Теперь каждый улус (стойбище), где насчитывалось не менее 15 семейств, имел родоное управление, состоявшее из старшины и 1–2 его помощников. Родовые управления представляли собою низовые административные органы. Несколько улусов (стойбищ) подчинялось инородной управе, состоявшей из головы управы, выборных и письмоводителя. В степную думу входили главный родоначальник (тайша), 2 его помощника, заседатели и головы²⁴⁵. Итак, после реформы Сперанского в данной группе лексики появляются новые по тому времени слова: дуумэ, гулваа, засидаатель, таршанаа – старшина и другие.

Таким образом, в связи с присоединением Бурятии к России произошли известные сдвиги в жизни дореволюционного бурятского общества, что вызвало, в свою очередь, некоторые изменения в лексике бурятских диалектов, ибо "все языковые изменения так или иначе социально обусловлены"²⁴⁶. В этот период особенно заметно пополнились такие тематические группы, как земледельческая терминология и бытовая лексика.

Развитие лексики бурятских говоров в советский период

Изменения в словарном составе бурятского языка наиболее значительный и массовый характер приняли после Великой Октябрьской социалистической революции. Это было вызвано коренными преобразованиями, которые произошли в послеоктябрьский период во всех областях жизни советского общества.

²⁴⁵ См.: История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, с. 224.

²⁴⁶ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 96.

Обогащение словарного состава новыми образованиями

Весьма существенное различие лексики бурятского языка советского периода от лексики досоветского заключается не только в ее количественном изменении, пополнении огромным числом новых слов и выражений, но и в том, что совершенно изменился ее качественный состав. Качественные изменения лексики состоят в том, что она обогатилась принципиально новыми образованиями, насыщенными глубоким смыслом и идейным содержанием. Притом она пополнилась не только отдельными лексическими единицами, но и целыми пластами слов, возникших в связи с революционным преобразованием общественного строя, с развитием экономики и культуры возрожденного Октябрем народа.

В советскую эпоху появилась новая общественно-политическая и идеологическая терминология: ленинизм, большевизм, КПСС, комсомол, парторганизаци, ячейка, райком парти, обком, ЦК, съезд²⁴⁷, улаанууд (эх.-бул. улаангууд) – красные, ревком, хувисхал²⁴⁸ (наряду с революци) – революция, СССР, Дэувлэлт дэсаг²⁴⁹ (наряду с Совет засаг) – Советская власть и др.

В послеоктябрьский период появился также новый пласт лексики, связанной с развитием социалистической культуры и народного образования: улаан булан – красный уголок, клуб, библиотека, культбаза, газета, журнал, радио, телевизор, кино, театр, опера, балет, училищи, техникум, завуч, директор, кандидат, доцент, класс, урок (изредка хэшээл).

В лексику говоров вошли новые слова, относящиеся к физкультуре и спорту: стадион, футбол, волейбол, гимнастика, бокс, хоккей, шайба, чемпион, бильярд, домино, турнир.

²⁴⁷ Ср.: Гушан хоёртхэ елдэ сэездэ (съезд) болоо. – В тридцать втором году был съезд. (Из материалов эхирит-булагатского говора).

²⁴⁸ Ср.: Хувисхал соо хуу суглархан зон гээшэбди даа. – После революции мы все объединились в этом селе (с. Могойтуй Агинского национального округа).

²⁴⁹ Из материалов цонгольского говора.

Широкое развитие получила сельскохозяйственная терминология. Появились неологизмы, отражающие современную организацию общественного труда в сельском хозяйстве: коммуна, ТОЗ, артель, колхоз (изредка хамтын ажал), правлени, ферме, бригада, звено, совхоз, турууд – трудодень, ОТФ, МТФ, стахановец, ударник, тусэб – план, коммунист ажал – коммунистический труд, социалист мурьсөөн – социалистическое соревнование.

Появились новые наименования специалистов и лиц, работающих в сельскохозяйственном производстве: туруулэгшэ – председатель (колхоза), колхозник, гэшуун – член (артели), бригадир, звеневод, ветеринар, зоотехник, агроном, тракторист, комбайнер, механизатор, учетчик, шофер, ухэршэн – скотник, тугалшан – телятница, гахаэшан – свинарка, даяарха, пастух. Следует отметить, что в литературном языке в значении "доярка" употребляется исконное наалишан, в значении "пастух" – ухэршэн, но в разговорном языке почти всегда используются заимствования из русского даяарха, пастух, так как до коллективизации не было разделения сельскохозяйственного труда по специализированным отраслям.

Новые слова, обозначающие продуктивные породы скота: симментал, холмогор (породы коров), меринос, метис (породы овец), томско, орловско (породы лошадей).

Названия новых орудий и машин, применяемых в животноводстве и земледелии: агрегат (иногда унеэ наадаг машина) – доильный агрегат, электрочаэша – электрические ножницы, сепаратор или хунээ машина – сепаратор; морин тармуур – конные грабли, трактор, комбайн, жатка, веялка, сеялка, косилка, культиватор, силосорезкэ.

Названия новых кормовых культур: турнепсэ, кууэику, кукуруузэ.

В советское время в лексику бурятских говоров вошли также многие термины, связанные с развитием промышленности, которые почти отсутствовали в бурятском языке дореволюционного периода. Приведем несколько примеров: фабрика (паабриг), завод (заву

уд)²⁵⁰, машзавод, мяханаэ комбинат – мясокомбинат, цех, станок, электростанци, электричествэ, шахта, бульдозер, кран, самосвал, механик, инженер, токарь, слесарь, электрик, маляр, штукатур, мастер, контролёр.

Термины, связанные с новыми средствами передвижения и сообщения: хунгэн машина – легковая автомашина или автомобиль, мотоцикл, велосипед (в говорах также дугуи, досл. колесо, самхаадха – самокатка), самолет (до войны чаще называли ерплаан), автобус, трамвай, машинист, летчик, кондуктор, телеграф, почто, телефон, поезд, вагон, тумэр харгы. Калька с русского тумэр харгы (железная дорога) была, видимо, известна разговорному языку бурят несколько раньше 1917 г., так как Транссибирская железнодорожная магистраль построена на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Но широкое распространение данная калька и некоторые заимствования получили лишь после Октябрьской революции. В этом отношении показательно, что А. Д. Руднев отмечено заимствование ошваал – шпала, а слово тарамбаэ – трамвай – включено им в число неупотребительных заимствований²⁵¹.

Слова, относящиеся к медицине и здравоохранению: врач (изредка эмшэн), хирург, терапевт, амбулатори, больница, роддом, санатори, курорт, амаралтын гэр – дом отдыха, пионерлагерь.

Названия предприятий общественного питания и бытового обслуживания населения: столово, чайной, магазин, гостиница, парикмахерска, промкомбинат, детсаад или (ухибүүдэй саад) и т. д.

Известным количеством слов пополнилась военная лексика. До Великой Отечественной войны появились слова РККА, Улаан сэрэг – Красная Армия, Флот, морин сэрэг – конница, ябаган сэрэг – пехота, в период войны и послевоенный период – фронт, тыл, гвардеец, миномет, "Катюша", атомна бомбо, водородно бомбо.

²⁵⁰ Ср.: хая паабриг, забууд зачинаэдлажа баэгаа – Только что начинали строить у нас фабрики и заводы (село Зун-Булак Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского национального округа).

²⁵¹ См.: Руднев А. Д. Хори-бурятский говор, вып. 1, с. XXXVII.

Тогда же появились и слова фашист, фриц, гитлеровец, концлагерь и другие.

Таким образом, в советскую эпоху возникли новые пласты лексики, и, кроме того, значительно пополнились все слои словаря в связи с развитием социального строя, индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства и культурной революцией, а также в связи с необходимостью защиты завоеваний революции от внешних нашествий.

Неологизмы послеоктябрьского периода в своем подавляющем большинстве состоят из советизмов и интернационализмов. В данных слоях лексики бурятских диалектов нет больших различий. Поэтому развитие бурятских говоров в советскую эпоху характеризуется значительным их сближением, особенно в области словарного состава. В этом состоит весьма положительная роль советизмов и интернационализмов в нивелировке диалектов бурятского языка.

Архаизация и исчезновение слов

Наряду с пополнением лексики разговорного бурятского языка новыми словами и пластами слов в ней происходит и другой процесс – архаизация и исчезновение их. Существенным различием в изменении лексического состава бурятских диалектов советского периода является то, что в рассматриваемый отрезок времени в разряд устаревших перешли не только отдельные словарные единицы, но и целые лексические пласты, отражавшие старую идеологию, старый уклад жизни и отсталую экономику дореволюционного периода. К ним относятся прежде всего слова, связанные со старым административным и государственным устройством: хаан – царь, тайжа – “тайджи” (князь, дворянин), воевода, пристав, урядник, старшина, острог, капитал, ясак, губернатор, родовое управление, дуумэ – дума, таэшаа – глава степной думы, гулваа – голова рода, заэһан – зайсан (младший административный чин в дореволюционной Бурятии), ноён – нойон (феодальный князь), барлаг – батрак, зараса – лакей, слуга; холоп.

К разряду устаревших относятся также слова рели-

гиозного содержания. Это терминология шаманизма: заарин – высший саһ шаманизма, минааша – непосвященный шаман, удха – шаманский род, абгалдаэ – маска, изображающая шаманского божка, оргоэ – шаманское одеяние, аранга – могила шамана; ламаистская терминология: эрхи – молитвенные четки, маани – буддийская молитва, жоод – молитвы-заклинания, читавшиеся на могилах ночью, баншан (малгаэ) – головной убор лам, банди – ламский послушник, габжа – ученая степень в ламаистских дацанах, жоодшо – лама, читавший молитвы-заклинания, дооромбо – один из высших санов у ламаистов, бумба – монахиня, дамаари – ламский барабанчик, хурдэ – молитвенное колесо, ганжар – украшение в виде золоченого шарика на дацанах, голто – чашечка для свечи, сутсэ – чашечка для жертвенных зерен и т. п.

В разряд историзмов перешла группа слов, отражавшая отсталую дореволюционную экономику: анзаһан – соха (деревянная), саваан – соха с одним лемехом, хаддуур (или шээрлэ) – серп, молотиилхо – ручная молотилка, ладуун – гумно, талхи – кожемялка, цонг. шудорго – приспособление для выделки кожи, мушхалаа – палочка-закрутка для ручной выделки овчины; цонг. хадхуур, вост. гадаһан – палка с железным наконечником для выкапывания корней сараны.

Выходят из употребления названия старинных видов утвари и посуды (эргэнэг – посудный шкаф, ухэг – низенький шкаф наподобие тумбочки, цонг. лонхо – глиняная посуда, бортого – маленькое деревянное ведро), одежды и обуви (вост.-бур., юж.-бур. уужа, зап.-бур. хупаахи или хубаэхи – женская безрукавка, хурмэ – полукафтан или меховой жилет, надеваемый поверх шубы, вост. эрмэгтээ гутал – унты на войлочной подошве, цонг. чимжэмэл – женская рабочая обувь), некоторые наименования пищи и напитков (орооһотозэ шулэн – суп с вареным зерном, шамар – поджаренная мука, которой заправляли чай, сиидэм – забеленная вода).

Выпали из словаря говоров слова, связанные со старыми обычаями и традициями: анза – калым, энжэ или заһал – приданое, аба, аба хэадаг – облава, коллективная охота, бох ширээ хубааха – делить общеродовой очаг, шонтоор – групповая борьба.

В бурятских диалектах нередко встречаются слова и сочетания слов, которые обозначают не утраченные реалии, а лишь называющиеся по-иному. Так, в ходе развития говоров стали архаизмами заимствования из монгольского (< кит.) банза – доска, бандан – скамейка и вытеснены соответственно исконными хабтагаэ, хандали. Отдельные слова заменяются русскими заимствованиями, например, бур. гуурхан (досл. ствол птичьего пера) чаще называется теперь уруучкэ – ручка (школьная), цонг. дугуи – велосипед.

В связи с заменой наименований учреждений и организаций или изменением названий должностей некоторые неологизмы советского периода успели перейти в разряд архаизмов. Например, аббревиатуры нарком, наркомат, совнарком, РККА, ВЦИК, ВКП(б) были официально заменены новыми словами или словосочетаниями соответственно: министр, министерство, Совмин, Советская Армия, Верховный Совет, КПСС.

С изменением общественных условий историзмами стали такие неологизмы советского периода как улаан ашаа – красный обоз, тооз (ТОЗ), коммуна (сельскохозяйственная), ШКМ, рабфак, комвуз.

Следует отметить, что после Октябрьской революции процесс архаизации слов по сравнению с дореволюционным периодом значительно ускорился. Устаревшие слова и выражения употребляются сейчас главным образом в художественной и исторической литературе.

Изменения в семантике слов

В лексическом составе бурятских диалектов происходят также и семантические изменения: переосмысление слов, расширение и сужение значения словарных единиц.

В послеоктябрьский период некоторые лексические единицы приобрели совершенно иной смысл. Так, слово ноён, означавшее до революции "феодальный князь", в настоящее время в разговорном бурятском языке используется в значении "начальник", слово хатан раньше означало "княжна" (супруга нойона), теперь оно означает "супруга". У этих слов изменилась не только семанти-

ка, но и стилистическая окраска (они приобрели несколько иронический оттенок).

В военной лексике изменилось значение слов офицер, погон и некоторых других. До революции офицерами называли лиц командного состава старой армии и флота. После победы Октябрьской революции командный и политический состав Советской Армии называли командир, политрук и т. д. А с 1943 г. они стали снова именоваться офицерами, генералами, а в качестве знаков различия вместо наруканных знаков и петлиц были установлены погоны (погоон). При этом качественно изменилась семантика этих терминов (сравнительно со словами дооктябрьского периода).

Возьмем термин мурысөөн. Раньше это слово означало "держать пари, состязаться, соревноваться", а в советский период оно стало употребляться только в значении "соревнование (социалистическое)". Здесь произошло сужение значений данного слова. Или термин гэшуун. Раньше он обозначал понятие "ветвь, сучок", а теперь слово гэшуун употребляется и в значении "член какой-либо организации" (партийн гэшуун – член партии, колхозой гэшуун – член колхоза). В данном случае значение слова гэшуун расширилось.

В словарном составе разговорного бурятского языка ярко отразились огромные различия между социально-экономическим и культурным уровнями досоветского и советского периодов истории бурятского народа. В этой связи приведем весьма характерный рассказ информанта:

"Бии энэ шотогтоо ходо баэсан. Хаан хар дэсагы баэхад, батраагч явадж үдэлээ. Баячуулы аджил хийдж явсам баэгаа. Ядуугы нэгэни. Сэмэяа олон... Совеэд дэсаг намаэ өөдөн татаад абчава. Холхоодз болход биргэдиир хоёр дахидж баэгаа хэм. Дэвээдэшэч баэгаа. Энэ хуулиндаа ханамджаты саэн баэнаб. Үнөө болтодоо чадалгы болоо.

Хаан хар дэсагы баэхад угьты ядуу дэон хэдээдээ доромджолууджи баэгаа. Багтаэ олосы баян олод дароджи баэгаа. Хямдахан аджилд бии ород бураэд хоёрто ухугурөө явасан хүм. Аджилын хийдж явааб. Угьтээ хүн – хүн бэшэ дээ. Адаг доод дэахын нэгэ торхо аарц үгөөдөл, мэхэлээд баэха. Өөрынгөө аджил хийгээд, то-

со ем абхадач, тэрэнч хөөгөөд абчиха. Тэгээдэл угы-
ты дзон ехэ муу баэгаа.

Мунөөч еертөө аджил хиигээд, болтодоо цадхалан
саэн, баян сууна. Эдихе ууха емэмнаэ эльвэгджээд баэ-
на. ...Совеэд дзасаг ушөө дээшээ дэбджэг гэдж - иим
бодолты баэдагаб, энгэдж юрөөдж баэдагаб"²⁵².

(Я постоянно проживаю в этом улусе. При царской
власти я батрачил, работал на кулаков. Был я одним из
самых бедных людей... Советская власть поставила меня
на ноги. Когда у нас организовался колхоз, я дважды
выдвигался бригадиром колхоза. Работал и заведующим
(фермой). Я очень доволен этой властью. Теперь все
мы стали жить зажиточно.

При царской власти бедняков всегда унижали, ос-
корбляли. Мне приходилось почти даром работать на бу-
рятских и русских богачей. Батраков тогда и за людей
не считали. За тяжелый труд давали лишь кадку арцы.
Так обманывали нас богачи. А когда займешь иногда
масло или другие продукты, кулаки различными спосо-
бами отбирали их. Беднякам жилось исключительно плохо.

Теперь все работаем на себя, живем зажиточно.
Всего у нас хватает вдоволь... Я всегда думаю и же-
лаю, чтобы Советская власть поднималась все выше и
выше).

В этом отрывке живой речи как в капле воды отра-
жаются изменения в диалектной лексике, обусловленные
социальными преобразованиями на селе. Здесь находим
и неологизмы (Совеэд - Советы, Совеэд дзасаг - Совет-
ская власть, холхоодэ - колхоз, биргэдиир - бригадир,
дзавээдэш - заведующий) и устаревшие слова (хаан -
царь, баячуул - богачи, батрааг - батрак, угыты дзон -
бедняки, аарца - род творога из кислого молока).

Таким образом, те преобразования, которые произо-
шли в общественной, экономической и культурной жизни
бурятского народа после Великого Октября, привели к
существенным изменениям в лексическом составе бурят-
ских диалектов.

252 Записано нами в 1960 г. в с. Цаган-Челутай
Кяхтинского аймака со слов Н. Б. Батомункуева,
1885 г. рождения.

Однако сказанное выше отнюдь не означает, что
язык, в частности его лексика, развивается скачкооб-
разно, о чем заявлял Н. Я. Марр. Это означает лишь,
что в истории развития лексики бурятского языка "на-
блюдаются периоды относительно более интенсивно про-
исходящих изменений, когда в определенном промежутке
времени происходит в языке гораздо больше изменений,
чем в предыдущие периоды"²⁵³. Таким периодом "от-
носительно более интенсивно происходящих изменений"
является советская эпоха развития словарного состава
диалектов бурятского языка.

Развитие словарного состава бурятских диалектов
происходит не путем внезапных скачков и взрывов, не
посредством уничтожения ранее существовавшего слова-
ря, а путем постепенного накопления, пополнения лекси-
ческого запаса, использовавшегося в предшествующие
периоды, постепенного отмирания слов или изменения
их семантики. "Внезапный скачок и взрыв существую-
щей языковой системы в корне противоречит сущности
языка как средства общения. Внезапное коренное изме-
нение неизбежно привело бы любой язык в состояние
полной коммуникативной непригодности"²⁵⁴.

Кроме того, внезапные скачки в развитии языка
невозможны потому, что "язык изменяется неравномер-
но. Одни его составные элементы могут изменяться,
тогда как другие его элементы могут сохраняться в те-
чение длительного времени, иногда на протяжении целых
столетий"²⁵⁵. К таким устойчивым элементам лексики
относятся, например, названия частей тела человека,
терминология родства, местоимения, глаголы, прилага-
тельные и другие разряды слов, которые по сравнению
с терминологией, отражающей социально-экономическую
жизнь и быт людей, изменяются очень медленно.

253 Общее языкознание. Формы существования,
функции, история языка. Отв. ред. Б. А. Серебренников.
М., 1970, с. 300.

254 Там же, с. 299.

255 Там же.

Бурятские диалекты образовались в разное время и в различных исторических условиях. Традиционные говоры бурят (хоринцев, булагатов, эхиритов и др.) сложились в древнюю эпоху, главным образом на основе протобурятских диалектов.

Сравнительно позже, с начала XVII в., в связи с переселением в Забайкалье собственно монголов и западных бурят постепенно образовались новые подразделения бурятского языка — южнобурятское наречие, баргузинский, байкало-кударинский и некоторые другие говоры. В следующем столетии из Добайкаля иммигрировали селенгинские шестиродцы, тункинские и окинские буряты (от них отделились закаменцы) и образовали соответственно северноселенгинский, тункинско-окинский и другие говоры.

Весьма положительную роль в формировании бурятской народности и ее языка сыграл исторический акт вхождения Бурятии в состав России. В годы Советской власти язык бурятской народности превратился в язык бурятской социалистической нации с его высшей формой — литературным языком. Национальный язык бурят сложился благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей необходимые условия для его развития. Современный бурятский язык развивается как в литературной форме, так и во всем многообразии своих диалектов.

В отношении классификации говоров бурятского языка у лингвистов нет единого мнения. Одни выделяют в нем два наречия (или диалекта), другие — три или четыре наречия, третьи — более десяти. При этом термины,

сбозначающие те или иные языковые подразделения, в монголоведной лингвистической литературе употребляются в разных значениях.

На основе материалов, собранных в последние годы, в бурятском языке можно выделить три наречия — западное, восточное и южное. К западнобурятскому наречию относятся нижеудинский, аларо-унгинский, боханский, эхирит-булагатский (с ольхонским подговором), качутский, баргузинский, байкало-кударинский, тункинско-окинский и закаменский говоры, к восточнобурятскому наречию — хоринский (с мухоршибирско-бичурским, агинским, шергальжинским и донда-киретским подговорами) и северноселенгинский говоры. В южнобурятское наречие входят говоры: цонгольский (с подговором алтайских ашебагатов), сартульский и хамниганский (с подговором шилкинских хамниган). Такая классификация бурятских диалектов основана на их фонетических, морфологических и лексических данных.

В связи с характеристикой тех или иных особенностей бурятских говоров необходимо внести уточнения в освещение некоторых вопросов. Например, ввиду недостаточной изученности бурятских говоров в лингвистической литературе утверждается, что во всех монгольских языках и диалектах после а, аа, аэ, у, уу, уи одного слога в следующем слоге не могут находиться о, оо, оэ¹. Но данные, полученные нами за последние годы при исследовании бурятских диалектов, показывают, что в южнобурятском наречии после а, аа, аэ первого слога в непервых слогах вместо аа следуют у, о, оо. В этом же наречии встречается немало слов, когда после у первого слога в последующих слогах идут о или у. Гласный о произносится там, где в старописьменном монгольском языке употреблялся звук у. Но если в старописьменном монгольском языке после а первого слога в непервых слогах следует нелабиализованный же а, то в южнобурятских говорах эти звуки остаются без изменений. Восточнобурятское оканье — результат влияния южнобурятского наречия, появилось сравнительно поздно. Кроме того, в бурятских диалектах находим ряд

¹ См.: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, М., 1953, с. 84.

фактов, когда после е, ее следует ээ, а не еэ, как утверждается в монголоведной литературе, например, аг., нижеуд. эглээ (или углээ) – утро, завтра, нижеуд. дэр'ээ – стремя и т. д. При конкретном воплощении в бурятских говорах закон гармонии гласных приобретает, таким образом, свои особенности.

Степень близости бурятских наречий по фонетическим, морфологическим и лексическим признакам неодинакова. Анализ конкретного языкового материала показывает, что наиболее близки друг к другу восточные и южные говоры, особенно в области лексики и морфологии, хотя в фонетике западных и восточных наречий общих черт заметно больше, чем восточных и южных. При этом общих черт в западнобурятских и южнобурятских наречиях значительно меньше. Однако необходимо подчеркнуть, что нет оснований преувеличивать различия между современными бурятскими диалектами. Даже в различающейся части лексики обнаруживается немало языковых явлений, одно из которых в данном наречии носит узкодиалектный характер, а другое встречается в каком-нибудь говоре этого же наречия и в другом сравниваемом языковом подразделении.

Лексика бурятских говоров, которая чрезвычайно богата и разнообразна, служит важнейшим источником обогащения и развития словарного состава бурятского литературного языка.

Положительным является то, что в литературном языке широко и умело употребляются парные слова, компоненты которых составляют лексические единицы разных диалектов.

В языке бурятской художественной литературы диалектизмы используются для более реалистического показа изображаемой среды и речи определенных персонажей.

При наличии литературного эквивалента нет необходимости вводить вместо него узкодиалектные слова, если это не связано с употреблением их в стилистических целях. Из говоров следует заимствовать слова, недостающие в литературном языке и обогащающие его. В бурятский литературный язык должны широко внедряться слова, не имеющие соответствий в общенародной и литературной лексике. В свою очередь литературный язык ока-

зывает активное воздействие на развитие лексического состава бурятских диалектов.

Анализ словарного материала, зарегистрированного в ранних монгольских, древнетюркских и других памятниках, а также в бурятских материалах, свидетельствует, что основное ядро лексики современных монгольских языков, в том числе бурятского, образовалось в отдаленную от нас эпоху и сохранилось до наших дней без существенных изменений, особенно в таких разрядах словаря, как названия частей тела человека и животных, терминология родства, лексика о природе, имена прилагательные, глаголы и т. д. Подавляющее большинство этих слов в бурятских говорах имеет сейчас широкое распространение и находится в активном употреблении.

До образования самостоятельного языка бурятской народности лексика бурятских диалектов развивалась в общемонгольском русле. Но в едином монгольском языке были диалекты протобурятских племен с некоторыми отклонениями от общемонгольского языка. Об этом свидетельствует тот факт, что в "Сокровенном сказании" обнаруживаются слова, характерные только для того или иного современного монгольского языка, в частности бурятского.

Положительную роль в изменении и развитии лексики бурятских диалектов сыграли присоединение Бурятии к Российскому государству и переход части халхасцев в пределы России, происшедшие почти одновременно (в XVI столетии) и в значительной мере способствовавшие консолидации бурятских племен в народность. С этого времени начинается собственно бурятский период развития лексики изучаемых диалектов.

В этот период связь между монгольскими народами и их языками становится все меньше. Лексика диалектов постепенно дифференцируется. Она все более отходит от лексики других монгольских языков; различий в словарном составе самих бурятских говоров появляется больше в связи с их дальнейшим обособлением и разобщением.

Процесс расхождения лексики бурятских говоров в основном происходил до Октябрьской революции. В послеоктябрьский период идет обратный процесс – сближе-

ние и нивелировка бурятских диалектов. Этому способствуют образование бурятской социалистической нации, концентрация сельскохозяйственного производства, улучшение средств передвижения и связи, усиление влияния бурятского литературного языка на диалекты через школу, прессу, художественную и другую литературу, радио- и телепередачи. Сближению лексики различных бурятских говоров способствуют также унифицирующее влияние русского языка (советизмы и интернационализмы входят в лексику всех бурятских диалектов и создают в ней общий словарный фонд) и выпадение из словаря устаревших слов, которые отдаляли бурятские говоры друг от друга.

Словарный состав современных бурятских говоров состоит из нескольких пластов. Основная его часть является исконной. К данному лексическому пласту относятся слова монгольского происхождения, и слова, возникшие в самих бурятских диалектах за счет их внутренних ресурсов. Об исконности слов свидетельствуют совпадение корневых морфем, регулярные фонетические соответствия в них, вхождение их в лексико-семантические гнезда родственных слов, а также их территориальная распространенность и употребительность во всех (или в большинстве монгольских и других алтайских языках).

В исконной лексике бурятских говоров находим прежде всего общемонгольские слова, имеющие соответствия в алтайских языках. Кроме того, в словарном составе исследуемых говоров обнаруживается обширный слой лексики, общий для других монгольских языков и не свойственный тюркским и тунгусо-маньчжурским языкам. По времени бытования эти пласты лексики бурятского языка наиболее древние. В словарном составе бурятских диалектов имеется также значительное количество собственно бурятских слов и значений, отсутствующих в других монгольских языках. Этот слой лексики возник в период самостоятельного развития бурятского языка за счет его словообразовательных возможностей.

Несмотря на устойчивость основного лексического ядра, на словарный состав бурятских говоров влияют изменения в экономике, социальной, политической и

культурной жизни общества. Это выражается в пополнении лексики новыми образованиями, в переходе некоторых лексических единиц в историзмы и архаизмы, в приобретении словами нового содержания.

В советскую эпоху изменения в лексике стали более осязаемыми и значительными, что связано с коренными качественными преобразованиями в общественной, экономической и культурной жизни бурятского народа после победы Великого Октября. В послеоктябрьский период появились не только отдельные слова, но и совершенно новые лексические пласты, отражающие новый, советский уклад жизни бурятской социалистической нации. Кроме того, в этот период вышли из употребления не только отдельные лексические единицы, но и целые разряды слов, отражавшие старый уклад жизни, старую идеологию и отсталую экономику дореволюционного времени. Эти изменения неодинаковы в разных тематических группах. В одних разрядах лексики они весьма значительны (например, в производственно-технической лексике, так как изменения в производственной или иной деятельности человека происходят значительно быстрее, чем, скажем, в окружающей нас природе), в других — изменений сравнительно меньше (например, в бытовой лексике), третьи тематические группы в течение веков остаются почти без сколько-нибудь заметных изменений (например, лексика о человеке и природе).

Развитие словарного состава бурятских диалектов происходит не путем внезапных скачков и взрывов, не посредством уничтожения ранее существовавшего словаря, а путем постепенного накопления, пополнения созданного ранее лексического запаса, постепенного отмирания слов или изменения их семантики.

Новые лексические единицы образуются различными способами: фонетическим, морфологическим (аффиксальным), морфолого-синтаксическим и т. д. Из них основным является морфологический способ словопроизводства.

Аффиксация в монгольских языках представляет собой один из самых древних способов образования слов. Ср. древнемонгольские (табгачские) слова бити-чин — писец, кэлмэрчин — переводчик, где для присоединения к глагольным основам бити- — писать, кэлэ- — говорить были использованы аффиксы -г, -мэр, -чин.

Современный бурятский язык богат словообразовательными аффиксами, посредством которых созданы многочисленные слова, обогащающие его лексический запас.

К собственно бурятским можно отнести сложные аффиксы, образующие имена существительные (-уурга, -аарга, -уухаз, -ууназ и др.), а также некоторые постфиксы, образующие имена прилагательные (-згаз, -лтаз, -нтуу) и другие.

В системе аффиксального словообразования бурятского языка происходят различные процессы изменения и развития: переход непродуктивных аффиксов в продуктивные и наоборот, изменения в производящих основах, заимствование отдельных постфиксов из других языков и т. д.

Значительные сдвиги в системе аффиксального словопроизводства произошли в советскую эпоху: появилось большое количество новых слов, в которых аффиксы использовались в сочетании с новыми основами, расширились словообразовательные возможности многих аффиксов.

Часть лексики бурятских диалектов образовалась фонетическим, морфолого-синтаксическим и другими способами. Лексический состав бурятских диалектов пополняется за счет образования не только новых слов, но и новых значений.

Аффиксальный и другие способы словообразования показывают, что бурятский язык обладает огромными возможностями для обогащения своего словарного запаса.

Кроме исконных по происхождению слов в лексическом составе бурятских диалектов имеются слова немонгольского происхождения. Заимствование из других языков — один из важных внешних факторов развития лексики. Иноязычные слова вошли в бурятский язык в разное время. Некоторые из них, например ранние тюркизмы, проникли в лексику монгольских диалектов задолго до XIII в., тогда как из других языков, например из тибетского, — намного позже в связи с распространением буддизма в Монголии, затем в Забайкалье. Со времени добровольного вхождения Бурятии в состав России в лексике бурятских говоров появляются русские заимствования. Следует отметить, что для обозначения новых предметов и понятий бурятские диалекты в первое время нередко пользовались собственными языковыми ре-

сурсами. Так, в записях Татаринова и Ренье зарегистрированы слова тахата годохун — сапоги, досл. унты с каблуками (вместо современного бур. сабхи < русск. сапоги), дэрэ — подушка (вместо соврем. бур. пудуушха), старинные названия месяцев (вместо современных названий, заимствованных из русского) и т. д.

По сравнению со словами монгольского происхождения заимствования в бурятских диалектах занимают небольшое место. В настоящее время заимствование слов в бурятских диалектах из других языков, кроме русского, в основном прекратилось. Оно носит локальный и единичный характер.

Лексика бурятских говоров, обогащаясь и развиваясь за счет собственных возможностей, будет и в дальнейшем пополняться русизмами, советизмами и интернационализмами. При этом она не потеряет своей самобытности и специфики, а приобретет большие возможности для своевременного реагирования на все новое, что так стремительно появляется в наш век.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

аг. - агинский подговор
 азерб. - азербайджанский язык
 ал.-унг. - аларо-унгинский говор
 алт. - алтайский язык
 алт.-аш. - речь алтайских ашебагатов
 аринск. - аринский язык
 байк.-куд. - байкало-кударинский говор
 баоан. - баоанский язык
 барг. - баргузинский говор
 башк. - башкирский язык
 белор. - белорусский язык
 бич. - речь бичурских бурят
 бич.-аш. - речь бичурских ашебагатов
 бох. - боханский говор
 бур. - бурятский язык
 вост., вост.-бур. - восточнобурятские говоры
 даг. - дагурский язык
 джаг. - джагатайский язык
 диал. - диалектный
 древнемонг. - древнемонгольский
 др.-тюрк. - древнетюркский
 дунс. - дунсянский
 заигр. - речь заиграевских бурят
 закам. - закаменский говор
 зап., зап.-бур. - западнобурятские говоры
 Ибн - Список монгольских слов из глоссария Ибн-Муханны. - В кн.: Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I-II. М.-Л., 1938. (Приложение IY).

каз. - казахский язык
 калм. - калмыцкий язык
 караим. - караимский язык
 карач.-балк. - карачаево-балкарский язык
 кач. - качутский говор
 качин. - качинский диалект хакасского языка
 квадр. - Квадратная письменность. М., 1941.
 кирг. - киргизский язык
 киданьск. - киданьский язык
 кит. - китайский язык
 к.-калп. - каракалпакский язык
 Коз. - Козин С.А. Сокровенное сказание. М., 1940
 койб. - койбальский язык
 кумык. - кумыкский язык
 Лейд. - Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. - "Изв. АН СССР". Сер. У1. 1927; Сер. УП. 1928.
 Лессинг - Lessing Ferdinand D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley-Los Angeles, 1960.
 Лиг. - Ligeti L. Histoire secrete des Mongols. Budapest, 1971.
 лит. - литературный язык
 лит.-бур. - литературный бурятский язык
 маньчж. - маньчжурский язык
 МК - Махмуд Кашгарский. Дивону Луготит турк. Ташкент, 1967.
 мнгр. - монгорский язык
 мог. - могольский язык
 монг. - монгольский язык
 монг.-письм. - монгольский письменный язык
 Мук. - Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I-II. М.-Л., 1938.
 нан. - нанайский язык
 нег. - негидальский язык
 нижнеуд. - нижнеудинский говор
 ног. - ногайский язык
 ноех. - речь воехонских цонголов

окин. — речь окинских бурят
ольх. — ольхонский подговор
онон.-хамн. — говор ононских хамниган
ордос. — ордосский диалект монгольского языка
орок. — ороцкий язык
ороч. — ороцкий язык
орфогр. — орфографический

парн. — парные слова
перен. — переносный
перс. — персидский язык
польск. — польский язык

разг. — разговорный
русск. — русский язык

саг. — сагайский диалект хакасского языка
санскр. — санскрит
сарт. — сартульский говор
сев.-сел. — северноселенгинский говор
сел. — селенгинский (южноселенгинский)
сел.-цонг. — речь селенгинских цонголов
сиб. — сибирский
совр. — современный
совр. монг. — современный монгольский язык
совр. тюрк. — современные тюркские языки
сол. — солонский язык
среднемонг. — среднемонгольский язык
ст.-кыпч. — старокыпчакский язык
ст.-монг. — старописьменный монгольский язык

табгач. — табгачский язык
тат. — татарский язык
тел. — телеутский диалект алтайского языка
тиб. — тибетский язык
тув. — тувинский язык
тунк. — тункинский говор
тур. — турецкий язык
туркм. — туркменский язык
тюрк. — тюркские языки

уд. — удэ́йский язык
узб. — узбекский язык
уйг. — уйгурский язык
укр. — украинский язык

ульч. — ульчский язык
уст. — устаревший

хак. — хакасский язык
халх. — халхаский диалект
хамн. — хамниганский говор
хор. — хоринский говор
Хэйн. — Haenish E. Wörterbuch zu Mongol-un Niuča Tobča'an (Yüan-chao pi-shi). Ceheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962.

цонг. — цонгольский говор

чж. — чжурчженский язык

шерг. — шергальжинский подговор
шилк.-хамн. — речь шилкинских хамниган
шор. — шорский язык

эвен. — эвенский язык
эвенк. — эвенкийский язык
эк.-бул. — эхирит-булагатский говор

юж., юж.-бур. — южнобурятские говоры

як. — якутский язык

id. — idem (то же)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ' справа сверху согласного – палатализация
- между гласными – хиатус (зияние)
- справа гласного – полудолгота
- ~ между буквами или словами – вариант
- ~ над буквой – назализация
- ... под буквой – сверхслабость согласного
- над буквой – долгота гласного (наряду с удвоением)
- // – параллельно, соответствует
- < – заимствовано из ..., перешло из...
- > – перешло в ..., развился в ...
- * – предполагаемая форма
- + – плюс

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава <u>I</u> . Общая характеристика современных бурятских диалектов	15
Фонетические особенности	25
Морфологические особенности	38
Лексические особенности	46
Диалектная лексика – источник обогащения бурятского литературного языка	70
Глава <u>II</u> . Исконная лексика бурятских диалектов..	82
Общемонгольские слова	91
Регионально монгольские слова	116
Древние элементы в лексике бурятских говоров	117
Собственно бурятские слова	119
Глава <u>III</u> . Пополнение словарного состава бурятских диалектов собственными ресурсами	123
Аффиксальный способ словообразования	123
Образование имен существительных	140
Образование имен прилагательных	156
Неаффиксальные способы словообразования	168
Глава <u>IУ</u> . Заимствованная лексика в бурятских диалектах	172
Тюркизмы	173
Эвенкизмы	182

Монголизмы	185
Тибетизмы	191
Русизмы	193
Глава <u>У</u> . Лексика бурятского языка в период его самостоятельного развития	212
Изменения в словарном составе языка в досоветское время	212
Изменения в бытовой лексике	219
Изменения в лексике о человеке и семье	241
Изменения в производственной лексике	248
Изменения в лексике о природе	268
Развитие лексики бурятских говоров в советский период	278
Обогащение словарного состава новыми образованиями	279
Архаизация и исчезновение слов	282
Изменения в семантике слов	284
Заключение	288
Список сокращений	296
Условные обозначения	300

Цырендаша Бадмаевич Будаев

ЛЕКСИКА БУРЯТСКИХ ДИАЛЕКТОВ
В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Ответственный редактор
Валентин Иванович Рассадин

Редактор М. А. Лапшина
Художник С. М. Кудрявцев
Технический редактор Т. К. Овчинникова
Корректоры К. И. Сергеева, З. Д. Сабитова

ИБ № 10113

Сдано в набор 18 мая 1977 г. Подписано в печать
24 марта 1978 г. МН 02030. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. 9,5 печ.л., 15,9 усл.-печ.л., 18,2
уч.-изд.л. Тираж 900 экз. Заказ № 14.

Цена 1 р. 90 к.

Издательство "Наука", Сибирское отделение. 630099,
Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства "Наука". 630077,
Новосибирск, 77, Станиславского, 25.